

Pn P 38
113305

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“ СПБ.

~~8917-3~~
АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ПРУДЪ

РОМАНЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“ СПБ.

45

P 38 + русск.

Типографія товарищества
«Катерингофське Печатное Діло».
СІБ., Катерингофській, пр., 10.

ПОСВЯЩАЮ

С. П. РЕМИЗОВОЙ—ДОВГЕЛЛО

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

П Р У ДЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Домъ братьевъ Огорѣлышевыхъ.

Отъ Камушки до Чугунно-литейнаго завода и отъ Колобовскаго сада до Синички тянется огромный дворъ, огороженный высокимъ, краснымъ заборомъ, часто утыканнымъ изогнутыми, ржавыми костылями. Къ Синичкѣ примыкаетъ прудъ, густо заросшій со всѣхъ краевъ старыми веслами, на концѣ котораго шипитъ и трясется бумаго-прядильная фабрика съ черной, закопченной трубой. За фабрикой, поверхъ оранжерей и цвѣтника, выглядываетъ исподлобья неуклюжій бѣлый домина — домъ Братьевъ Огорѣлышевыхъ.

На противоположномъ концѣ пруда, на заднемъ дворѣ — красный флигель съ мезониномъ.

А тамъ, отъ краснаго флигеля до самого бѣлаго дома, вдоль двора фабричныя корпуса — спальни, дрова и амбары.

Еще не померкла тѣнь дѣда, Николая Огорѣлышева, и много темныхъ исторій ходить кругомъ, отъ Камушки до Чугунно-литейнаго завода и отъ Колобовскаго сада до Синички.

Скрученный, желтый кощей съ лукаво-острыми глазами, помахивая своей зеленою бородой Черномора, наводилъ старикъ на всякаго, съ кѣмъ сталкивался, неимовѣрный ужасъ. Старики же крѣпко держались своего старшины, гордясь умомъ и упорствомъ, съ которыми вель кощей свою линію: Николай не выдастъ!

Въ семейной жизни слылъ Огорѣлышевъ столпомъ. Женился рано. Правда, безъ любви, женился только потому, что Евфросинія затворницей была, въ монастырь ити собиралась: красавица, съ скитскою поволокой темныхъ, глубокихъ глазъ подвижницы, съ тонкимъ разрѣзомъ губъ сладостно-тихо улыбающейся мученицы. Скоро она надоѣла ему и принуждена была хорониться въ дѣтской, вынося смиренно жизнь свою.

— Евфросинія преподобная, угодница Божія,—приступалъ, бывало, старикъ,—на кухнѣ тамъ дѣвочки стоять, зябленькая сироточка... Пригрѣй ты ее!—а самъ трясется весь, губа ходуномъ ходить, отмачивается.

Крѣпкій былъ старикъ, девяносто лѣтъ на бѣломъ свѣтѣ жилъ, и пожилъ не мало,—не смотри, что скрученный! — и сдѣлалъ для города много, дай Богъ всякому столько сдѣлать.

Послѣ смерти старика дѣло и капиталы перешли къ сыновьямъ, изъ которыхъ быстрѣе всѣхъ выдвинулся старшій, Арсеній. Въ городѣ открылся банкъ, на Кавказѣ — керосинное дѣло, въ Средней Азіи — хлопокъ, и вездѣ во главѣ стоялъ Арсеній.

Умирая, старикъ сказалъ сыну:

— Смотри, Арсеній, не будетъ меня, запрячуть тебя за языкъ твой!

Да, языкъ у Арсенія свой былъ—такого не переспоришь, такой все на свое мѣсто поставитъ.

И ужъ скоро оцѣнили его,—Арсеній не только въ отца пошелъ, онъ отца обогналъ и умомъ и дѣловитостью, и

предпримчивостью—и купечество выбрало его своимъ предсѣдателемъ.

Съ этихъ поръ и началась его настоящая дѣятельность, а съ нею пошла слава, которая увѣковѣчила имя Огорѣлышевыхъ. Сталъ извѣстенъ въ самомъ высшемъ перербургскомъ кругѣ и пользовался полнымъ довѣріемъ. Вся финансовая машина понемногу очутилась въ его рукахъ и онъ крѣпко держалъ ее. Онъ проводилъ и останавливалъ законы. Сталъ извѣстенъ на всю Россію.

И этого маленькаго, юркаго человѣка, отказавшагося отъ всякихъ чиновъ, слушались, ненавидѣли, лъстили. Начинать борьбу съ Арсеніемъ стало вѣрнымъ проигрышемъ. Все сильное и смысленное держало руку Огорѣлышеву: Огорѣлышевъ бытъ одинъ, только одинъ онъ съ своимъ языкомъ умѣлъ вѣско и крѣпко постоять за сословіе. Русское купечество, выраставшее подъ его охраной, въ правѣ было гордиться своимъ предсѣдателемъ.

— Достойный человѣкъ Арсеній Николаевичъ!—говорили и враги и свои.

Въ дѣствѣ Арсенія баловали: Аренѣку къ ранней обѣдинѣ не будили, Аренѣкѣ покушать давалось самое лучшее.

— Икорку-то Аренѣкѣ оставьте!—ныла мать, Евфросинія преподобная, перенесшая свои васильковые скитскія слезы съ Лучезарнаго Жениха на любимаго первенца.

Сгорбленный, съ сведенными крючковатыми пальцами, заросшій весь, нечесаный весь, Арсеній не ходилъ по-людски, а какъ-то странно шмыгалъ, будто ноги были сами по себѣ, чѣмъ-то слабымъ, земнымъ и ничтожнымъ, за плечами же развѣвались тончайшія крылья, неутомимо разсѣкавшія воздухъ, несшія его по его волѣ.

— Антихристъ, честное слово,—говаривали фабричные про своего хозяина—иходить-то путно не можетъ, летаетъ дьяволъ, сатана рогатая!

Правда, что-то зудѣло въ воздухѣ, когда шелъ онъ, а сѣрые глаза его кололи пронырливыми остріями, огорѣлышевскіе глаза непроницаемые, и, кажется, расцарапать способные всю душу.

Возиться съ отцовской фабрикой Арсенію не было времени да и дѣло не такое было значительное, чтобы тратить ему свой большія силы, и все управлѣніе понемногу перешло въ руки второго Огорѣлышева, Игнатія Николаевича.

Игнатій молодость свою прожилъ въ Англіи, знакомясь и изучая тамошніе фабричные порядки. Красавецъ, теперь сѣдой, съ грустящую улыбкой, ничему не удивлявшійся,—такимъ долженъ быть подъ старость сѣдой Донъ-Жуанъ,—оставался онъ холостякомъ, развлекаясь садоводствомъ и благотворительностью. Управлѣніе фабрикой занимало такъ мало времени: все было налажено и съ англійской строгостью втиснуто въ крѣпкую огорѣлышевскую оправу.

Третій Огорѣлышевъ Никита,—Ника, восхищавшій весь городъ своею утонченностью и пріятностью, рано женился на сосѣдкѣ—милліонершѣ Колобовой, числился директоромъ Колобовскихъ фабрикъ и заводовъ и, въ противоположность Арсенію, дѣла никакого не дѣлалъ, но всегда былъ занятъ.

Когда его о чѣмъ-нибудь просили,—изъ всѣхъ Огорѣлышевыхъ только Нику можно было еще просить,—Ника капризно морщился и, изящно отмахиваясь выхоленными бѣлыми руками, постоянно ссылался то на колобовскихъ рабочихъ, которыхъ будто-бы то и дѣло усмирять приходилось, то на всесильного князя.

— Опять ъхать усмирять этихъ негодяевъ,—говорилъ Ника, по-дѣтски картавя,—потомъ на вечеръ къ князю, ахъ, право мнѣ нѣкогда.

Ника жилъ отдѣльно отъ братьевъ въ Колобовскомъ дворцѣ, доставшемся ему за женою въ приданое. И кругъ знакомыхъ у Ники не похожъ былъ на Огорѣлышевскій: дѣловые люди къ нему рѣдко заглядывали, а терлась около

иего всякая знатная шантрапа—промотавшиеся аристократики, военные ветераны, ловкие адвокаты, у которых часто в душою оставалось всего на всего одно святое и мягкое да легкий нравъ.

Если Арсеній устраивалъ русское купечество, вытряхивая его изъ купчишкъ, которыхъ смѣль безнаказанно лягнуть всякий барскій холопъ, то Ника, по его собственнымъ словамъ, игралъ видную роль въ сліянніи сословій. Но больше знали и больше цѣнили Нику за границей, гдѣ славился онъ покровителемъ парижскихъ и лондонскихъ тайныхъ притоновъ.

Такіе всѣ трое разные: Арсеній, Игнатій, Никита, и всѣ трое похожіе въ одномъ, —всѣхъ ихъ объединяла одна черта, выражавшаяся наиболѣе ярко въ старшемъ Арсеніи. Огорѣлышевы умѣли улыбаться по-своему, по огорѣлышевски: гдѣ-то въ окаменѣвшей улыбкѣ хоронилось затаенное желаніе взять что-нибудь, достать что-нибудь и не только потому, что нужно имъ для дѣла ихъ или для бездѣлья — для развлечения, а часто потому, что, казалось бы, по просту нельзя этого взять, не хорошо, грѣхомъ считается.

Единственная сестра Огорѣлышевыхъ — Варенька. Варенька — младшая, двойникъ матери Евфросиніи преподобной, такая же, какъ мать, съ скитскою поволокой темныхъ глубокихъ глазъ подвижницы, такъ же, какъ мать, съ тонкимъ разрѣзомъ губъ сладостно-улыбающейся мученицы.

Варенька воспитывалась дома. Ходили учителя и нѣмцы, французы и англичанка. Росла Варенька смысленная и пытливая съ огорѣлышевской закваской. Глядѣли за ней мало. Ходила Варенька по субботамъ ко всенощной въ приходскую церковь къ Покрову, вывозили ее на балы, въ симфоническихъ собрания, а великимъ постомъ въ итальянскую оперу. И все въ кругу родственниковъ, съ родственниками, что были у ней и еще знакомства, о которыхъ знала одна Варенька.

Попался въ домъ такой учитель, познакомилъ Вареньку съ студентами. Стали студенты ей книжки давать. Конечно, все тайно, какъ тайное, все, какъ самое запретное. Варенька понравилось. Варенька собиралась въ народъ итти...

Какъ-то въ свѣтлую звѣздную ночь у Огорѣлышевыхъ необычайно засутились, а потомъ жутко примолкли. Варенька сидѣла въ кабинетѣ Арсенія, Арсеній ее допрашивалъ: онъ метался, какъ ужаленный, топалъ ногами и, подбѣгая къ столу, тыкалъ въ свертокъ съ книгами, листками и письмами, — все это самъ онъ отобралъ у Вареньки. Варенька молчала.

— Не скажешь? — какъ-то по-кошачьи, словно мяукаль Арсеній, — кто тебѣ даль? Кто? Не скажешь? — и вдругъ, не раздвигая густыхъ щетинистыхъ бровей, улыбнулся своею огорѣлышевскою каменной улыбкой.

Нашла коса на камень. Кто разобьется: коса или камень?

Варенька молчала, бѣлая, мертвѣла вся, а темные глаза заволакивались: темные, ничего не скажутъ они, закроются, захлопнутся — не жди, не будетъ отвѣта.

— Такъ пошла вонъ! — и взбѣсившійся голосъ Арсенія разбился на тысячу рѣжущихъ криковъ, разсѣкъ трепетавшее затишье и ожиданіе комнаты бѣлага дома.

Черезъ недѣлю объявлена была Варенькина свадьба.

Почему Варенька на улицу не сбѣжалася? Такъ бы, кажется, и бѣжать ей изъ дому безъ оглядки, бѣжать куда угодно, ну, къ учителю тому, ну, къ студентамъ своимъ революціонерамъ, только въ домѣ не оставаться больше, ни одной минуты — еще одна минута и пропадетъ все ея дѣло, сгинеть вся ея свобода, вся душа прихлопнется. Или ужъ петлю бы на шею да въ петлю, чтобы сразу конецъ. Все бы тогда сразу кончилось безъ всякихъ терзаній и муки и жалобъ и слезъ. Или была какая надежда? Да на что она могла надѣяться? Будущаго мужа своего она совсѣмъ не любила.

Наканунѣ свадьбы позднимъ вечеромъ Варенька вышла изъ дома. Торопилась она, не сказавшись, вышла, но у воротъ повернула назадъ, пошла по двору, миновала фабрику, отворила калитку въ садъ, пошла по саду, прямо по снѣгу, вокругъ пруда, вышла на прудъ и долго бродила по сугробамъ, подходила къ проруби, заглядывала въ черную дымящуюся прорубь и вернулась домой опять въ бѣлый домъ.

Вернулась Варенька въ свой бѣлый домъ,—никто ее ни о чѣмъ не спросилъ, и сама она ни съ кѣмъ слова не сказала, молча прошла къ себѣ въ комнату. Сѣла у стола безъ огня и сидѣла въ темнотѣ, жмурилась: кололо глаза — это слезы кололи глаза, не проливаясь, словно сжигались слезы гдѣ-то въ самыхъ глазахъ.

— Все сорвалось, — шептала она, — нѣть надежды и думать не о чѣмъ и ждать нечего, все сорвалось.

И вдругъ улыбнулась она, какъ Арсеній, каменной огурѣльшевской улыбкой, встала и твердо, не хоронясь, твердыми шагами спустилась въ столовую. Въ столовой ни души не было. Она отворила буфетъ и выпила простой водки.

Какъ горячо ей по сердцу пошло, какъ горячо! И ужъ въ кровати она заплакала, — никто ее не слышалъ, никому не услыхать было послѣднихъ ея, отчаянныхъ слезъ, — и плакала до безумія.

Стало свѣтать, и чуть увидѣла она свѣтъ, живо, твердо поднялась на ноги.

Начался день ея свадьбы. Что будетъ дальше? Будетъ ли она счастлива?

— Боже мой, подкѣрпи меня! — шептала Варенька.

Свадьба прошла благополучно и не весело, но все, какъ заведено, по всѣмъ правиламъ. Только въ началѣ бѣда — лошадь карету съ Варенькой не повезла: домъ Огорѣльшевыхъ въ котловинѣ, къ воротамъ — горка, какъ подниматься къ воротамъ, лошади и стали, и пришлось Варенькѣ вылѣ-

зать и въ бѣломъ своемъ платьѣ, въ бѣлыхъ туфелькахъ пѣшкомъ итти.

— Не бывать барышнѣ нашей счастья въ замужествѣ,— охали по двору фабричныя бабы, — лошадь не повезла.

И началась для Вареньки новая жизнь—будни съ чужимъ у чужихъ въ дикомъ, облупляющемся Финогеновскомъ домѣ, далеко отъ Синички и Камушка, на другомъ концѣ города за Большой рѣкой.

Елисей Финогеновъ старше Вареньки лѣтъ на двадцать, вдовецъ съ кучей дѣтей, любилъ онъ Вареньку, но пустымъ затѣямъ ея не хотѣлъ потакать, не могъ примириться.

— Пожили бѣ вы, какъ я жилъ, погнули бѣ хребты не то бы заговорили, театры-то эти выбросили бы изъ головы, однѣ пустыя траты,—ворчалъ Елисей вечерами, вернувшись изъ города изъ своихъ магазиновъ, и позѣвывалъ.

Жизнь Елисею выпала нелегкая. Нелегко ему было въ люди пробиться. Изголодавшійся мужикъ — отецъ его, Степанъ Финогеновъ, привель въ городъ своего Елеську, почернѣвшаго ишелудиваго отъ сѣрой, деревенской нужды, и опредѣлилъ въ лавку Толокова мальчишкой.

Извѣстно, мальчишка въ лавкѣ: наука не мудренная, а мозги затрещать.

Елеська за кипяткомъ бѣгалъ, тычка получалъ, ситцы таскалъ, да такие куски, большому не унести, инда кровь носомъ хлестала. А выровнялся, подросъ мальчишка и сметливымъ оказался, — наука въ прокѣ пошла. Хозяинъ безъ него и шагу не ступить: шустрый и угодливый,—и все съ нимъ будто прибыльне идетъ; и цѣлый день копается, безъ дѣла не посидить,—и все съ нимъ будто и порядка больше, счета какие-то выдумалъ, прибыльные. На пятнадцатомъ году произвели Елеську въ приказчики. Прибаутчикомъ да насыщникомъ прослылъ Елисей и лихо на гармоньѣ игралъ и съ душою пѣсни пѣлъ: голосъ нѣжный, такъ въ душу и просится. Хозяйкѣ, старухѣ Толоковой, очень Елисей за набож-

ность свою по душѣ пришелся: какъ сынъ, души въ немъ старуха не чаяла. Скоро повѣсили Елисея въ главные Главныи толоковскими приказчикомъ сдѣлался Елисей, и вѣдь изъ ничего, изъ простыхъ мальчишекъ вышелъ, своимъ трудомъ. И теперь ужъ не Елеська, не Елесей, а Елисей Степановичъ Финогеновъ — такъ стали величать Елисея Разъѣзжалъ Елисей по городамъ за товарами, бывалъ по хохайскому дѣлу и за границей, вѣдь присматривался. Попшли деньги и уваженіе. Чего еще? Да мало ли чего,—семьею обзавестись пора. Женился Елисей. А тутъ умираетъ Толоковъ и вся торговля переходитъ въ руки Финогенова. Старуха Толокова сдѣлала Елисея довѣреннымъ, и до самой смерти старухи служилъ Елисей у Толоковыхъ довѣреннымъ. А умерла старуха, отошелъ онъ отъ Толоковыхъ и свое дѣло открылъ.

Толоковское дѣло кончилось, началось Финогеновское.

Хаживалъ Елисей на биржу, понравился Арсенію.

— Елисей—человѣкъ вѣрный,—говорилъ Арсеній про Финогенова,—безъ мыла куда хочешь влѣзеть.

А Елисей овдовѣлъ и подумывалъ о новой семье: еще и не старъ онъ, и дѣти на рукахъ—порядокъ надобенъ.

Когда отдали за него Вареньку, онъ по положенію своему поднимался все выше и выше, бровень съ богатыми зарѣчными купцами. И все было хорошо, одно мучило: дѣти не въ отца пошли. Хоть и пристроилъ онъ сыновей по магазинамъ въ своемъ же дѣлѣ, да толку мало: нерасторопность какая-то, небрежность, да и погуливали. Дочь Людмилу замужъ выдалъ, и тоже не удачно: зять ненадежный, того и гляди промотается.

Пять лѣтъ прожила Варенька съ мужемъ въ дикомъ Финогеновскомъ домѣ. Никто у нихъ не бывалъ, и они никаку не выѣзжали, кромѣ ярмарки въ Нижній да къ Огарѣльшевымъ въ праздникъ.

Что за эти годы—за пять-то страдныхъ лѣтъ вытерпѣла она, какія рождались и умирали желанія въ ея изболявшемъ, покорившемся, но еще живомъ бунтующемъ сердцѣ, какъ узнаешь? Никому ни пол слова, да и себѣ, должно быть, ясно не сказала она, а то бы все по-другому стало: ужъ давно бы нашла выходъ.

Цѣлыми днями молча ходила Варенька по высокимъ, нелюдимымъ чужимъ комнатамъ дикаго Финогеновскаго дома, а вечеръ придетъ, сядеть въ углу гдѣ-нибудь и сидѣть впотьмахъ.

Въ дѣтской колыбельки поскрипываютъ,—тамъ нянки, дѣтей баюкаютъ, въ приказчичьей—гармонья чуть слышная, кажется, черезъ полъ идутъ звуки, ползутъ по полу и срываются, снуютъ вокругъ въ темнотѣ такие надоѣдливые, не отмахнешься, ничѣмъ не заглушишь, на половинѣ другихъ дѣтей—пасынковъ, если дома они и гости у нихъ,—тамъ смѣхъ, вскрики, разговоры. Слушаетъ Варенька и не помнить, когда такъ сама она разговаривала? А вѣдь она тоже когда-то разговаривала и беззаботно и весело, тогда—въ праздникъ свой съ тѣми студентами да и съ подругами.

Зачѣмъ она покорилась? Во имя чего взяла на себя такой большой, такой тяжелый, такой непосильный крестъ? Мать ея—Евфросинія, проливавшая васильковыя слезы свои передъ Женихомъ Лучезарнымъ, тоже покорилась и, покорная, несла крестъ свой безропотно ради своего первенца. И ужъ все могла вынести и до конца все вынесла. Но Варенька несла свой крестъ совсѣмъ по-другому, несла она крестъ не ради самого спасительного крестнаго бремени: вынесешь до конца, и земля потрясется и солнце померкнетъ и звѣзды попадаютъ съ неба, и ужъ новая другая земля ляжетъ подъ тобой, и другое новое солнце и другія новыя звѣзды загорятся на новомъ небѣ. Крестъ ея подымался передъ ней висѣлицей и силкомъ, хотѣла она, не хотѣла, тащили ее къ этой смертной висѣлицѣ. Упира-

лась она, но ее пересиливали и кто-то подымалъ на воздухъ, закидывалъ петлю на шею, и петля душила ее, и молотокъ постукивалъ,—пригвождали ей руки, рвалась она, не вырвешься,—гвозди вонзались.

Сброситься бы ей внизъ на землю съ ея висѣлицы-креста, сбросить съ себя тяжелый, ненужный, какой-то безцѣльный, проклятый крестъ, уйти изъ этой финогеновской покорной жизни! Куда уйти?—Да куда глаза глядятъ, только вонъ изъ чужого дикаго дома, сейчасъ же, сю минуту—еще одна минута и оборвется сердце, оставяты ее послѣднія силы, затянется петля, гвоздями пробоятся руки, раздробятся кости и тогда ужъ поздно.—Уйти ей? Хорошо, уйдетъ она, а какъ же дѣти? У ней четыре сына, какъ же съ дѣтьми-то? Они еще маленькие?—И дѣтей пусть броситъ. Зачѣмъ они ей? Что ей съ дѣтьми? Любить она ихъ? Пусть любить, но есть у нея и еще любовь и большая, чѣмъ къ дѣтямъ, важнѣе всякой материнской любви, любовь ея къ своей покорившейся, но и еще живой, еще не прихлопнутой, еще бунтующей душѣ, которая покоя не находить себѣ, примириться не можетъ, все мучается... Или въ жертву принести себя想要? Но жертва только добровольная угодна, недобровольная же худшее изъ проклятій. Вотъ она сидитъ тутъ въ комнатѣ впотьмахъ, а тамъ дѣтей ея няньки няньчаютъ, она одна сидитъ, не идетъ вѣдь въ дѣтскую и не можетъ итти. И пусть совсѣмъ ихъ броситъ—и домъ и дѣтей, все позади оставить, Богъ съ ними. Проклянетъ вѣдь она ихъ, свою жизнь проклянетъ и дѣтей, проклянетъ вмѣстѣ съ домомъ, вмѣстѣ съ своею покорностью и крестомъ своимъ.

— Боже мой, подкрайни меня!—шептала Варенька.

Такъ проходили ея будни въ Финогеновскомъ домѣ за Большой рѣкой.

Измучается она, истерзается вся, да обезсиленная, тихая отъ грызущей тоски, пойдетъ къ мужу.

Чуялъ ли онъ бѣду въ ея порывистыхъ и какихъ-то отчаянныхъ ласкахъ?

Елисей любилъ жену.

— Я съ тобой Варенька,—говорилъ онъ ей,—я люблю тебя, дѣти есть у насъ, наши дѣти!—вотъ и все.

Да чего же еще? Елисей любилъ ее, по-своему, конечно, но любилъ по всей правдѣ, и все, что казалось ему нужнымъ, все дѣлалъ для нея: были у Вареньки и платья всякия и драгоцѣнностей, сколько угодно, и кромѣ добра онъ другого не хотѣлъ для нея.

Какъ-то и совсѣмъ по пустякамъ старшій пасынокъ, Василій, что-то рѣзкое, не такъ сказалъ мачихѣ, а, можетъ быть, вовсе и не рѣзкое, а ей такъ показалось тогда, только Варенька, не дожидаясь мужа, собрала дѣтей и прямо на Камушекъ къ братьямъ въ бѣлый Огорѣлышевскій домъ.

Веселая ночь была, звѣздная, шумно-весенняя.

Въ бѣломъ домѣ засутились, какъ пять лѣтъ назадъ, на первые заморозки, а молчаніе наступило еще страшнѣе того. Варенька сидѣла въ кабинетѣ Арсенія. Оба кричали... Нашла коса на камень. Кто разобьется, коса или камень? А вышли оба тихіе, будто примиренные. Темные глаза Вареньки словно посыпѣли. Арсеній мертвѣцомъ смотрѣлъ, горло у него болѣло и шея была завязана бѣльемъ платкомъ, изъ подъ платка вата торчала.

Арсеній не выгналъ Вареньку, Арсеній уступилъ. Варенька не вернется въ Финогеновскій домъ, Варенька останется жить у Огорѣлышевыхъ, ей дадутъ уголъ.

Рѣшеніе Огорѣлышева—законъ, больше чѣмъ законъ, и если онъ самъ уступилъ, такъ и быть тому.

Очень огорчился Елисей, умолялъ Вареньку вернуться—позоръ-то какой: жена сбѣжалася! — въ ноги ей кланялся, — и развѣ онъ какой-нибудь пьянчушка или онъ истязалъ ее, какъ ему теперь въ городѣ-то показаться и на ярмаркѣ въ Нижнемъ?—но такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ. И забывши, въ

огорченіи своеі попробовали было съ Арсеніемъ поговорить, да лучше бы и не начинать. Елисея вызвали къ князю, и князь съ мѣста пригрозилъ выслать его изъ города въ двадцать четыре часа, если онъ хоть что-нибудь предприметъ къ законному возвращенію жены. Елисей перекрестился и подписалъ разводъ.

Лѣто прожила Варенька съ дѣтьми на дачѣ, а къ зимѣ въ красный флигель переѣхала, на Огорѣльщевскій задній дворъ. Огорѣльщевы положили выдавать ей на жизнь небольшую часть процентовъ съ ея приданаго, а приданое въ дѣло отобрали.

Рѣшился такъ круто разорвать съ мужемъ, уйти изъ Финогеновскаго дома, рѣшился вернуться къ Огорѣльщевымъ, остаться у Огорѣльщевыхъ — это на такую высоту броситься, гдѣ духъ захватываетъ. И вотъ все кончено. И послѣ всѣхъ своихъ дѣлъ Варенька сразу затихла, словно тамъ, въ душѣ ея съ ея желаніями, въ этой пучинѣ извивающихся простертыхъ рукъ, оборвалось что-то, смѣшалось и кануло. Остались жалобы, жалобой переполнилось все ея сердце, а на мѣстѣ воли открылись больныя жалкія слезы — жалобный плачъ.

Фабричный огорѣльщевкій свистокъ да колокольный звоцъ въ Боголюбовомъ монастырѣ, возвышавшемся за пустыремъ — огородами надъ Синичкой, сторожили ея тягучую, какую-то проклятую жизнь.

Изрѣдка ходила Варенька въ гости, еще рѣжеѣздила въ театръ и больше всего оставалась одна въ своей комнатѣ, выходившей въ красный заборъ.

Арсеній и Игнатій заходили къ сестре только въ ея имѣніи, а Ніка за недосугомъ коробку конфетъ присыпалъ, самыхъ дорогихъ конфектъ и такихъ вкусныхъ — по особому заказу.

Гостей у Вареньки не бывало, кроме забѣгавшей Пан-

лагеи Семеновны Красавиной, дальней родственницы ея и старой приятельницы.

Елисей Степановичъ пріѣзжалъ къ Варенькѣ каждое воскресенье обѣдать. И всегда къ обѣду была лапша и черная каша—любимыя кушанья Финогенова. Послѣ обѣда финогеновскій кучеръ Гаврила каталъ дѣтей съ нянѣй по городу, пили чай, но ужъ въ самомъ началѣ вечера Елисей уѣзжалъ къ себѣ за рѣку.

Пять лѣтъ, не пропуская ни одного воскресенія, пріѣзжалъ Елисей въ красный огорѣлышевскій флигель. Дѣтямъ нравилось кататься по городу и они ждали воскресенія. Младшему Колѣ наступалъ шестой годъ, когда умеръ отецъ. Елисей умеръ, прохворавъ весь постъ и Пасху: на масленицѣ простудился, сдѣлалось воспаленіе легкихъ, не выдержало сердце,—конецъ. По духовному завѣщанію всѣмъ дѣтямъ отказанъ былъ большой капиталъ, но еще большій капиталъ завѣщалъ Елисей на колоколь въ село, откуда привелъ его когда-то отецъ его Степанъ Финогеновъ, такой колоколь отлить, чтобы, какъ ударятъ ко вечной, стѣ села до самой Москвы хватало. Онекунами назначены были Варенька и приятель Елисея Холостовъ. Холостовъ оказался человѣкъ ловкій и прожога. Говорили, что, если бы вступилъ самъ Огорѣлышевъ, можно было бы, устранивъ Холостова, еще спасти дѣло. Но Арсенія, какъ видно, не занимали финогеновскіе капиталы, и даже чудодѣйственный колоколь, мысль о которомъ очень понравилась Огорѣлышеву, все-таки не тронулъ его. Дѣло съ наследствомъ затягивалось, деньги куда-то тратились. И выходило такъ, что дѣло пропавшее: ни капитала не будетъ, ни колокола. Да такъ оно и вышло.

Когда дѣти чуть подросли, открылась передъ ними улица—фабричный дворъ съ его острой борьбой за нищенскую жизнь, съ безобразнымъ разгуломъ и смертью увѣчной и беспощадною.

Фабричные любили Вареньку, а по ней и дѣтямъ ея
честь шла. И дѣти не чуждались фабричныхъ. Ихъ тянула
и лисковость, съ которой обходились съ ними всѣ эти про-
стые люди. Они бѣгали въ сторожку, въ каморки, въ будку
и тамъ пили фабричный чай, жиденькій въ прикуску, и ъли
киртошку и тюю съ мелко-накрошеннымъ лукомъ и сол-
датскій черный хлѣбъ: кислый, верхняя корочка плесенью
покрыта—очень вкусный. Фабричныя ребятишки и подростки
водились съ ними: дрались и играли, рассказывали о пин-
кахъ и оплеухахъ, и какъ ихъ штрафуютъ и порютъ.

Финогеновы называли своихъ дядей по фабричному
имени, и повторяли фабричныя прозвища: Арсеній-а н-
тих ристъ, Игнатій-з мъя, Никита-с кусній, стариковъ
же фабричныхъ, всѣхъ этихъ Никифоровъ, Демьяновъ, Ива-
новъ, величали дяденьками и дѣдушками.

Ихъ было четверо сыновъ, четыре мальчика Финогено-
выхъ: Саша Петя, Женя, Коля,—всѣ погодки. Огорѣлы-
и-лицы—подъ такой кличкой скоро стали извѣстны они за
всое безпримѣрное озарство и озарная слава шла о нихъ по
городу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Подъ диваномъ.

Зимнія сумерки снѣжныя и тихія.

Маленький курносенький Коля лежитъ на полу подъ диваномъ и смотрить сквозь пустую звѣздочку, прожженную папиросой на оборкѣ дивана.

Коля лежитъ въ гостиной на полу подъ диваномъ, скорчившись и неловко, какъ связанные телята на возу-лоткѣ, когда везутъ ихъ на бойню за Боголюбовъ монастырь,— почти всякий день медленно и томительно тянутся такие возы мимо краснаго флигеля Огорѣлышевскаго дома, и всегда Коля бѣжитъ къ окну смотрѣть на болтающіеся телячіи языки и мягкое, полуживое ихъ вздрагивающее тѣло.

Надъ Колей, прямо надъ головой вплотную спускается сидѣніе дивана, тяжелое и темное, въ паутинѣ,— провалился оно, и тѣльце его распллющится, какъ лягушка, которую раздавилъ осенюю на дорожкѣ у пруда дворникъ Кузьма своимъ огромнымъ, явлочнымъ сапогомъ.

Пыль забирается Колѣ въ носъ, душить, а глазамъ такъ больно.

На диванѣ сидитъ Палагея Семеновна Красавина и Варенька. Палагея Семеновна болтаетъ ногой и, захлебываясь, рассказываетъ Варенькѣ всякия городскія новости и семейныя событія.

Коля привыкъ къ рассказамъ Палагеи Семеновны, много чего переслушалъ онъ съ осени, когда впервые залѣзъ подъ диванъ и навострилъ уши.

Колѣ восемь лѣтъ, на Ивана Купала девятый пошелъ. Онъ ужъ гимназистъ приготовиш카,— нынѣшнимъ лѣтомъ тѣ гимназію его отдали. Съ нынѣшняго лѣта началась для Коли новая жизнь: сталъ онъ вспоминать что-то хорошее, что будто бы когда-то третьяго года было, сталъ и скучать, а раньше ничего такого не чувствовалъ. Прошлой весной умеръ отецъ, Коля вспоминалъ отца: ему представлялся большой человѣкъ и почему-то непремѣнно въ бѣлой майской парѣ, съ драгоцѣннымъ перстнемъ на волосатомъ пальцѣ, черные, большие усы, колючіе, когда пощѣлуется.

Какъ хорошо было, когда въ воскресенье прїезжалъ отецъ и въ кухнѣ появлялся Гаврила кучеръ, а на дворѣ вздрагивали сытные черные кони, какъ хорошо было кататься въ коляскѣ!

Прїездъ отца только по воскресеньямъ нисколько не удивлялъ Колю. Можетъ быть, такъ все и нужно было, такъ и вездѣ дѣлается, почему онъ зналъ? Одинъ только разъ онъ замѣтилъ, что Варенька какъ-то особенно, съ какимъ-то захлебываніемъ плакала и сидѣла въ гостиной, а отецъ ходилъ по залѣ, и тогда же почувствовалъ, что между отцомъ и матерью есть что-то, чего, можетъ, и не нужно, и не такъ вездѣ бываетъ, а только ихъ, финогеновское. Коля помнить, какъ возили ихъ прощаться съ отцомъ. Варенька такъ и сказала тогда: „Поѣдемте прощаться“. И онъ въ первый разъ увидѣлъ дикій Финогеновскій домъ и комнату, гдѣ онъ родился, и отца увидѣлъ не въ бѣлой майской парѣ, а въ сѣромъ мышиномъ халатѣ, только чулки на немъ были

бѣлые, шерстяные вязаные — отецъ сидѣлъ въ креслѣ и задыхался, посѣдѣвши и не бритый. Принесли икону Спасителя съ золотымъ краснымъ голубкомъ на сіяніи и отецъ благословилъ ихъ и потомъ далъ Колѣ яичко, въ яичкѣ—змѣйка, и форфорового сѣраго медвѣдюшку. Медвѣдюшка цѣль—это его единственная игрушка, а змѣйка пропала. Коля помнить, какъ, вернувшись домой, онъ вдругъ расплакался, и самъ не знаетъ, почему такъ горько расплакался, онъ влезъ къ нянькѣ на колѣни, обнялъ старуху и чувствовалъ, какъ горячи его щеки, и бѣгутъ слезы. За годъ до этого, когда горѣлъ Чугунно-литейный заводъ и Колю разбудили и онъ увидѣлъ въ окно страшный огонь, онъ также горько заплакаль. А вскорѣ послѣ прощанья съ отцомъ, Варенька сказала, что отецъ умеръ, и портниха Даша въ столовой торопилась шить черныя курточки и черныя штанишки. А на слѣдующій день опятьѣздили въ Финогеновскій домъ: отца въ гробъ клали. Коля помнить, какъ, положивъ въ гробъ, послѣ панихиды опять вынули отца и стали надѣвать на него атласный лиловый халать и трудно было наряжать покойника,—подняли ему руку и рука поднялась wysoko до самаго потолка, да такъ и осталась, и ужъ сколько ни старались, рука и послѣ все торчала изъ гроба. Въ третій разъ поѣхали въ домъ, въ каретѣ поѣхали на похороны. На похоронахъ, когда стали прощаться, все плакали—и Саша, и Петя, и Женя, и Варенька, но Коля совсѣмъ не плакалъ. У покойника пошла изъ носу сукровица и это такъ поразило Колю, что онъ только это и видѣлъ: водянистая кровь струйкой бѣжало изъ носу, пропадала въ усахъ и текла по выбритой бородѣ. Въ день похоронъ отца у Финогеновыхъ бабки украли, а Женю на поминкахъ напоили водкой. А какъ было досадно, что бабки украли! Коля помнить, что старшій пасынокъ Василій послѣ поминокъ, прощаюсь, далъ Варенькѣ перстень отца и обѣщалъ прїѣзжать по воскресеньямъ. Варенька перстень взяла,

а отъ посѣщеній отказалась. Много Коля помнить и всякихъ мелочей: и какой день былъ пасмурный, и только, когда звонили, проглянуло солнце, и какъ на Финогеновскомъ дворѣ у конюшни трава была такая зеленая, больше ужъ никогда онъ не видѣлъ такой зеленої травы.

Шустрый и живой, Коля—памятливый, а близорукіе темные глаза его съ поволокой, какъ жучки, таращились и искали все, высматривали. Огорѣлышевскій прудъ — вода проточная и два ключа, купаться можно. Финогеновы рано начали купаться. Плавать ихъ учila горничная Маша, Коля быстро научился, но долгое время притворялся неумѣлымъ: ему было пріятно, когда Маша брала его къ себѣ на руки и сама улыбалась, такъ что зубы были видны бѣлые, такие острые. Среди игръ, въ которыхъ Коля занималъ особенное мѣсто, отличаясь своимъ озорствомъ и плутнями, была одна игра тайная, называлась она стручки продавать. Играли въ нее за дровами у забора Колобовскаго сада, да на покатой, зазеленѣвшей отъ ветхости, крышѣ курятника—мѣстахъ скрытыхъ отъ взрослыхъ: неловко же было, если увидятъ. Садились Финогеновы въ кружекъ и играли.

Коля зналъ много сказокъ, но больше неприличныхъ. Вечерами дѣти торчали за воротами. За ворота же вечеромъ выходили посидѣть фабричные. Тутъ ужъ чего не наслушаешься. Падокъ былъ Коля на всякой разсказъ и прилипчивъ ко всякому.

Вотъ почему онъ такъ зорко смотрить и чутко слушаетъ, и, хоть не очень-то легко ему, и мало онъ понимаетъ чего, но изъ своей засады—изъ подъ дивана онъ не выльзетъ, будеть слушать разсказы Палагеи Семеновны.

Палагея Семеновна послѣ долгаго перерыва беременна, она очень боится за себя: Сергѣй Аркадьевичъ—докторъ сказалъ ей, что роды будутъ тяжелые, пожалуй, понадобится операциѣ.

Колъ страшно захотѣлось чихнуть, даже глаза закололо и забѣгали по лицу мелкія, щекочущія мурашки. И хорошо бы покашлять ему громко и нѣсколько разъ! Но онъ дѣлаетъ невѣроятное усилие и сдерживается.

— Покойный Елисей Степановичъ,—звенитъ голосъ Палагеи Семеновны,—послѣ вашего развода, Варенька, сошелся съ горничной Сашей. Ну, помнишь тощая такая и ямка между бровей. Теперь съ ней живетъ Василій. Просто ужасъ! Отъ отца перешла къ сыну! Хорошее наслѣдство! Да, вчера мнѣ рассказывали, Варенька! Въ Пасажѣ я встрѣтила А., очень хорошой юристъ, онъ посвященъ во всѣ ваши дѣла. Отъ вашего наслѣдства ничего не останется: домъ продаются, Василій и Степанъ кутятъ, въ магазинѣ ихъ никогда не видно. Я не могу представить, Варенька, какъ ты могла прожить съ ними! А Людмилу, знаешь, на бульварѣ видѣли съ кавалерами! Прямо неприлично...—и Палагея Семеновна зашептала что-то о Людмилѣ.

Коля перестаетъ дышать.

— Выкидышъ... вытравляли... желтый билетъ...—доходятъ до него отдѣльные слова, больше онъ ничего не разбирается.

Ножки стола и креселъ почернѣли, словно копоть легла на нихъ, и стали онѣ толице. Коверъ разбухъ и вздыбился, будто шкура невиданного звѣря лубочной картинки,—такая картина виситъ въ столовой: левъ, она виситъ между краснносѣмъ бенедиктинцемъ монахомъ — рекламою и священнымъ коронованіемъ.

Палагея Семеновна кашлянула, достала платокъ и примолка.

Запахло духами.

А цвѣты на коврѣ вдругъ стали яркими и большими, мѣдныя ножки креселъ заблестѣли, какъ подсвѣчники.

Это—Маша, горничная принесла лампу и поставила еї на столъ.

У Маши ботинки на высокихъ каблукахъ, а не стучать,—Филиппокъ ей сдѣлалъ, Степаниды кухарки сынъ. Современемъ, конечно, и у Коли такие сапоги будутъ, а ему очень хочется, чтобы не стучали,—теперешніе его грубые и скрипучіе.

— Готовъ ли чай?—говорить Варенька,—поторопись, Маша, пожалуйста.

Коля осторожно перевертывается. Лѣвая нога у него затекла, въ ней будто песокъ, и кажется она такой огромной, чужой.

Шелковыя юбки снова зашуршали.

— Вчера у П. П. былъ вечеръ,—затараторила Палагея Семеновна, словно чему-то обрадовалась,—пѣли итальянцы. И вдругъ вижу, входитъ К. Ѹ. Мы были поражены: П. П. на прошлой пятницѣ прозрачно намекнуль ему при Лизочекѣ, что ихъ отношенія для него не тайна. А Лизочка, право, такая наивная! Это ужасный человѣкъ, Варенька, представь себѣ, отъ него всѣ безъ ума: Люся, Муся, Нина, и теперь Лизочка. Да! на рожденье Тани, Ника взялъ Катю на руки и при всѣхъ,—мы только-что вышли изъ залы, они фокусника приглашали, чудный фокусникъ!—понимаешь, Варенька, при всѣхъ, показываетъ на Д. Е.: „Посмотри, говоритъ, Катя, воинъ твой настоящій папа“. Бѣдненькая Ксечка не знала, что ей и дѣлать. Д. Е. поблѣднѣлъ, какъ полотно. Словомъ, сплошная нетактичность. Мы просто не знали, куда дѣваться...

— А ты видѣла Арестовыхъ?—спросила Варенька.

— Ахъ, совсѣмъ и забыла. Я ихъ встрѣтила у А. М. Знаешь, Варенька, мѣсяца нѣть какъ они обвѣнчались, а Тука мнѣ разсказываетъ...—и Палагея Семеновна шепчетъ, не передохнетъ.

Коля прислушивается, напрягаетъ всѣ силы, чтобы хоть что-нибудь понять, а понять ничего не можетъ. Среди мудреныхъ словъ прыгаютъ начальные буквы имёнъ и фами-

лій, вытянутыя, съ завитками, а въ спину колеть, словно булавкой.

Вдругъ маленькое сердце его сжалось камушкомъ и застыло: на поль что-то уронили.

— Не беспокойся, оставь, Варенька, я сама!—рука Палагеи Семеновны, пухлая, въ кольцахъ, шмыгнула, какъ мышь, около самаго носа Коли.

Въ другое время Коля непримѣнно бы тяпнулъ ее за налецъ, но теперь что-то горяче-колкое разливается по всему тѣлу и душить его, онъ болыше не можетъ удержаться, сопить.

— Чтой-то у васъ, Варенька, мыши?

— Нѣть. Наумка—котъ вѣчно подъ диваномъ трется. Палагея Семеновна опасливо подбираетъ юбки.

— Я кошечкъ не люблю.

— Барыня, чай готовъ!—говорить Маша.

Встаетъ Варенька, за нею Палагея Семеновна. Палагея Семеновна заглядываетъ въ трюмо, прихорашивается. И Варенька, и Палагея Семеновна выходятъ изъ гостиной въ залу.

Когда бываютъ гости, чай пьютъ въ залѣ. Безъ гостей—въ столовой. Въ залѣ двѣ лампы съ яркими горѣлками-молниями, очень много цвѣтовъ, и въ горшкахъ, и на окнахъ, и по угламъ въ корзинахъ; между цвѣтовъ банка съ аксалотомъ, „который можетъ ничего не ъсть“; въ углу у дверей рояль, и ломберный столикъ между оконъ. Печка въ залѣ всегда очень горячая; впрочемъ, всѣ печки горячія—дрова у Финогеновыхъ огорѣлыщевскія!

Въ залѣ на красномъ кругломъ раздвигающемся столѣ шипитъ красный бронзовый самоваръ.

Стучать блюдцами.

Коля приподнялъ оборку дивана, насторожился... И вдругъ шорохъ, будто съ дивана и еще кто-то всталъ.

Коля быстро опустилъ оборку и затихъ. Ему слышно, какъ мѣшаютъ ложечкой сахаръ. Упала ложка.

— Дама будетъ,—Варенька подняла ложку.

— Понимаешь, Варенька, просто невѣроятно...—и понеслась Палагея Семеновна, вспомнивъ что-то очень интересное и, можетъ быть, самое любопытное.

Коля проползъ до дверей Варенькиной комнаты — спальни, поднялся на цыпочки и пошель.

Высокій темный кіотъ, освѣщенный красной лампадкой, строго провожаетъ его всѣми ликами и гнѣвными и скорбящими, они осуждаютъ Колю: зачѣмъ онъ подъ диваномъ сидѣть и подслушивать, будуть ему немилосердныя муки, въ адъ преисподній посадить его, будетъ онъ горѣть въ негасимомъ прелютомъ огнѣ.

Не дыша, проходитъ Коля спальню и сосьдию узкую комнату — гардеробную, гдѣ стоять высокіе шкафы и устюжскій, покрытый бѣлою жестью, сундукъ съ замкомъ — музыкой. А изъ гардеробной онъ ужъ пускается бѣгомъ и, цѣпляясь за шаткія перила лѣстницы, подымается наверхъ въ дѣтскую.

На верху — въ дѣтской двѣ комнаты: комната прямо съ лѣстницы, она выходитъ къ пруду, и изъ нея видна фабрика и Чугунно-литейный заводъ; въ этой комнатѣ двѣ кровати, Сашина и Петина, и маленькая дверь на чердакъ; другая комната, соединенная съ первой дверями, выходитъ на улицу, изъ нея виденъ пустырь — огороды, Синичка и Боголюбовъ монастырь, въ этой комнатѣ спитъ Женя, Коля и нянѣка Прасковья, здѣсь же стоитъ комодъ и всякие клопинные сундучки и виситъ высокое зеркало, — большая и очень заставленная комната.

Дорогой до дѣтской Коля никого не встрѣтилъ — пронесло благополучно, но въ дѣтской онъ наткнулся прямо на нянѣку Прасковью-Пискую.

Прасковья сидѣла у стола, гдѣ обыкновенно Саша и Петя учать уроки, и штопала рваные чулки. Чулокъ лежала передъ ней цѣлая гора, и казалось,—такъ на лицѣ у ней было написано,—сколько ни штопай, всего не перештонаешь: заштопаешь десятокъ, завтра же дюжина рваныхъ прибудетъ.

— Гдѣ это ты, Колюшка, пропадалъ?—Прасковья подслѣповато, устало всматривается черезъ огромные мѣдные очки,—ишь завозилъ курточку-то, будто мѣшки таскалъ. Дай-ка я тебя, дѣвушка, почищу!

— Такъ, няня, животъ у меня болитъ!—Коля всегда все на животъ сваливается.

— Покушаль, знать, лишняго, онъ у тебя и разболѣлся. Горчичникъ поставимъ ужотко.

„Ну, горчичникъ-то не поставимъ, горчичникъ больно щиплется!“—думаетъ Коля, а все-таки ему надо больнымъ представиться, какъ-ни-какъ, а могутъ хватиться, гдѣ пропадалъ такъ долго, и онъ ложится на Сашину кровать.

— Или поставить бутылку, горячую бутылку хорошо,—нянька передернула спицу,—повѣтріе нынче ходить: напущено, знать, нечистымъ, согрѣшишь грѣшный.

„Ну, горячую бутылку можно!“—думаетъ Коля, ему на кровати лежать хорошо, спину не колетъ, и дышать онъ можетъ сколько угодно.

По лѣстницѣ наверхъ кто-то подымался.

Коля зажмурился.

— Колечка,—вдругъ услышалъ онъ такой знакомый голосъ съ ласкающей оттяжкой, это звала Маша,—Колечка, чай кушать ступайте!

Коля обрадовался, вскочилъ, и неловко ему, что такъ обрадовался, сунится.

А Маша ужъ на порогѣ и идетъ къ нянькѣ, будто на работу посмотрѣть, а сама: амъ!—поймала Колю, затереп-

била его, зацѣловала его и въ носикъ, и въ ушко, и въ глазки.

— Красавчикъ ты мой, рѣчистый ты мой черноглазень-
кій, ма-а-ленькій!

— Ну чего, лупоглазая, чего развозилась,—ворчить
Прасковья,—мальчикъ хворый: что ни часъ новая болѣзнь
открывается, а она лѣзеть. Да и подъ руку толкаешь...

Маша оставила Колю. Маша стоять, смотрить на Колю
и смеяться, будто и знаетъ что, да не скажетъ. А какая она
высокая, какая она—больше нѣть такой, такъ бы и бросился
къ ней: взобраться бы къ ней на колѣни, обнять ея шею,
чтобы взяла она къ себѣ на руки,—щеки у ней всегда горячія.

Но Коля говорить, не глядя:

— У меня, Маша, животъ болитъ.

— Ужинать-то скоро?—Прасковья кладеть спицы въ
труду рваныхъ чулокъ,—всю-то, дѣвушка, разломило, пояс-
ница гудѣтъ... И когда этотъ колокольчикъ, прости
Господи, сгинетъ!.. перекусить что-ли.

Нянька и Маша уходятъ изъ дѣтской внизъ. Маша
успѣла въ окно заглянуть и догнала Прасковью и перегнала
старуху. По лѣстницѣ медленно шлепаетъ нянька, но и ея
старушачьи шаги затихаютъ.

Коля опять ложится на Сашину кровать: ему надо еще
немного выдержать и тогда онъ можетъ итти пить чай,—
а то еще не повѣрять!

„Мальчикъ хворый: что ни часъ новая болѣзнь откры-
вается!“—вспоминаетъ Коля слова няньки и смеется: у него
губки пухлые и ровные бѣлые зубы, какъ молоко, бѣлые.

Конечно, никакой новой болѣзни у Коли не открывалось. Съ тѣхъ поръ, какъ на третьемъ году была у него
скарлатина, осложнившаяся водянкой, когда онъ и вправду
помиралъ и никакія ванны изъ трухи не помогали, да
вскорѣ затѣмъ корь, онъ не хворалъ ни разу.

Вообще, все дѣти отличались крѣпкимъ здоровьемъ, несмотря на все свои финогеновскія пріодѣлки: для озорства и удали ъли сиѣгъ и выбѣгали въ однѣхъ рубашкахъ въ холодныя сѣни, глотали большихъ мухъ, чтобы мутило и не итти въ гимназію, а чтобы грозы не бояться, ъли черствыя заплѣсневѣлые просвирки—бабушкино наущеніе!—и всегда на пруду—кувыркались въ прорубь. И все съ рукъ сходило, вреда особеннаго не замѣчалось. Исключениемъ былъ Женя. Женя, послѣ всѣхъ болѣзней Коли, прохворавъ скаплатиной и корью, получилъ еще дифтеритъ и одно время ослѣпъ. Зрѣніе вернулось, но постоянно на глаза онъ жаловался. Какая-то была у него сильная невральгія. Не глаза болѣли, а гдѣ-то надъ бровями въ вискахъ: схватить и мукаетъ,—и свѣту тогда ужъ не видѣть, и плачется убито, такъ плачутъ только безиомощныя дѣти, не плачеть, а гудить. И лунатикъ онъ былъ: по ночамъ сонный продѣлывалъ диковинныя вещи,—вылѣзать на крышу, ходилъ по карнизу. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, когда у него были припадки, клали его на моши, и у Вареньки у образовъ въ кюотѣ вмѣстѣ съ вѣнчальными свѣчами хранились бархатныя рукавички и шапочки съ моцей,—святыню къ глазамъ прикладывали. Водила его Прасковья въ Боголюбовъ монастырь къ схимнику о. Глѣбу на молитву о изгнаніи бѣса, будто и полегчало. Глаза у Жени такие были грустные, и забіякой не слышишь онъ, а все же разойдется—маху не дастъ.

„Кто жъ ихъ разберетъ, — говорила Прасковья, — все они, и большие и маленькие, на одну колодку, разбойники сущіе“.

Большими назывались Саша и Петя, маленькими, мелузой—Женя и Коля.

Коля подымается съ кровати и, прежде чѣмъ итти внизъ, растворяетъ дверь въ смежную комнату.

Въ комнатѣ темно. Чуть живеть изнывающій мутный лучъ лампадки передъ образомъ Трифона Мученика.

Коля вытягиваеть руки, чтобы не споткнуться. Ему не очень страшно, но все-таки впотьмахъ онъ боится.

Въ его всматривающихся близорукихъ глазахъ, не постухая, плыветъ лиловый кружокъ съ серебрянымъ ободкомъ. Лиловый кружокъ съ серебрянымъ ободкомъ постоянно плыветъ передъ глазами, если Коля долго жмурится и попадаетъ изъ свѣта въ темноту. Ему пріятно видѣть этотъ лиловый кружокъ.

И вдругъ, не разсчитавъ шага, Коля оступился, заколотилось сердечко.

— Господи Владыко, что ты, Коко, неосторожный какой!

— Бабушка!

Бабушка Анна Ивановна — старая старуха изъ богадѣльни, старуху всѣ у Финогеновыхъ бабушкой называютъ.

Откуда появилась бабушка къ Финогеновымъ, объ этомъ никто никогда не спрашивалъ. Просто сама пришла. У ней нѣтъ ни души въ городѣ, да и не только въ городѣ, а и нигдѣ нѣтъ ни родственниковъ, ни знакомыхъ, одни покойники. Варенька давала ей рубль въ мѣсяцъ, и бабушка подолгу живала у Финогеновыхъ.

— У, вертопрахъ,—охаетъ бабушка, подымаясь, она разстелилась было на полу вздремнуть до ужина,—всѣ то ноги отдавилъ, прости Господи! И куда это ты запропастился: днемъ съ огнемъ не сыщешь. Ходила я на прудъ, всѣ дѣти развлекаются, горку строятъ, а тебя нѣтъ-какъ-нѣтъ.

Сказать бабушкѣ о животѣ: животъ болитъ,—животомъ бабушку не возьмешь.

— Бабушка,—подлащивается Коля,—дай, бабушка, мнѣ, понюхать табачку немножечко?

— Изволь, душа моя, изволь, — бабушка съ удовольствіемъ вынимаетъ табакерку,—Бахрамеевскій табакъ свѣжій.

Всѣхъ нашихъ старухъ намедни подчиваля, Юдишна хвалила, самъ Александръ Петровичъ Отважный отвѣдалъ. Александръ Петровичъ—старичекъ отважный!

Бабушка и сама понюхала и Колѣ понюхать дала. Табакъ забористый.

— А я тебѣ, бабушка, духовъ подолью, хочешь?

Бабушка довольна.

А Коля выхватываетъ табакерку и опрометью бѣжитъ по лѣстницѣ внизъ и черезъ черныя сѣни, черезъ кухню, мимо Маши, Степаниды, Прасковыи прямо въ столовую и трясется весь: вотъ расхохочется,—глаза прелукавые. Тамъ вѣзаетъ онъ на шкатъ, достаетъ изъ стекляннаго буфета толченаго перцу, подсыпаетъ перцу въ бабушкину табакерку, потомъ плюетъ и все размѣшиваетъ.

Наперченная табакерка въ карманѣ, глаза потускнѣли, ловко состроена кислая рожица,—медленно идетъ Коля въ залъ: онъ, вѣдь, боленъ, у него животъ болитъ!

— Жарокъ небольшой есть,—Палагея Семеновна дотрагивается своими пухлыми пальцами до Колина го высокаго лба,—покажи, Коля, язычекъ... И, какой красный!

— Завтра дома посидишь, — замѣчаетъ Варенька,— и Женя отдохнетъ немного.

— А мой-то, мой-то! Представь, мой Ванечка третью недѣлю не выходитъ. Ванечка такой слабенький. Былъ Поморцевъ, говоритъ: коклюшъ. Удивительный докторъ! Да, напомни мнѣ, Варенька, сказать что-то... Замѣчательный докторъ.

Въ сѣняхъ, съ чернаго хода, послышались крики, потомъ все притихло и опять закричали.

Казалось, всѣ двѣнадцать разбойниковъ вломились въ домъ. Въ кухнѣ шлепнулся кто-то и закувыркался.

Это Саша, Петя и Женя вернулись съ пруда домой.

— Подрались, сладу съ ними нѣть! — поднялась Ва-

реенька, и въ голосѣ ея столько раздраженія, будто на-
несли ей смертельную обиду.

Палагея Семеновна опустила глаза и, самодовольно улыбаясь, принялась доѣдать варенье—ложка ея поддѣвала послѣднія ягодки, словно вылизывала блюдечко.

Коля исподлобья слѣдить за Палагеей Семеновной. Онъ сразу надулся, ему на все досадно: и на прудъ не ходиль, а на пруду безъ него горку строили, да и горчичникъ впереди, горчичникъ больно щиплется!

Ему досадно на Палагею Семеновну, изъ-за нея онъ подъ диваномъ сидѣлъ и гулять не пошелъ. И зачѣмъ она такъ улыбается и ложечкой выскабливаетъ блюдечко?

Лѣтомъ привела Палагея Семеновна своего Ванечку къ Финогеновымъ съ дѣтьми поиграть. А дѣти взяли да и вымазали Ванечку навозомъ, накормили его куринымъ пометомъ, а потомъ затащили въ лодку и стали лодку раскачивать — волненіе устроили. Съ Ванечкой сдѣлалось дурно. Гувернантка такъ и ахнула, едва освободила его да скорѣе къ мамочкѣ, а онъ мамочкѣ бухъ самое непристойное слово,—Финогеновы научили.

„Къ такимъ уличнымъ мальчишкамъ нельзѧ порядочныхъ дѣтей пускать, такіе и убить могутъ!—возмущалась тогда Палагея Семеновна,—я къ тебѣ, Варенька, чапце заходить буду, я займусь ихъ воспитаніемъ. Посмотри, мой какой: просто пая“.

„И не нуждаемся,—говорить себѣ Коля, и глядить ужъ со злостью на Палагею Семеновну, вспоминая слова ея, ихъ онъ какъ-то слышалъ подъ диваномъ, — а съ вашимъ Ванечкой мы и не то еще сдѣляемъ... фискала“!

Гуськомъ-пинкаясь, входятъ остальныя дѣти: впереди Саша, за Сашей Петя, за Петей Женя. Они раскраснѣлись съ мороза, и уши горятъ. Они такіе же, какъ и Коля, въ царапинахъ и съ линяющими вчерашними синяками на ску-

лахъ и подъ глазами. И одѣты рвано: курточки на нихъ и штаны подштопаны и въ заплатахъ.

Саша рослый, остролицый, съ длинными руками, лобастый, какъ Коля, глаза сѣрые огорѣлышевскіе.

Петя—губошлепъ, мордочка розовенькая съ синими глазами.

Женя смотритъ букой, будто никогда не улыбнется.

— Какъ твои успѣхи, Саша? — жеманно подобравъ губы, спрашиваетъ Палагея Семеновна.

— Ничего,—смѣло и громко отвѣчаетъ Саша,—четверку по-латински схватилъ, экстemporалѣ писали, цѣлыхъ пять страницъ.

— Такъ много?

— А въ восьмомъ классѣ пишутъ и десять, бываетъ и двадцать.

— Ай, ай, ай! У васъ новый директоръ?

— Стерляевъ Александръ Федоровичъ,—Саша рѣчисто и бойко разсказываетъ—сочиняетъ, безъ этого онъ не можетъ, онъ всегда сочиняетъ: ихъ новый директоръ Стерляевъ будто во время уроковъ садится у классной двери и слѣдить въ подзорную трубку черезъ матовое окошко; сегодня Саша попросился выйти и наткнулся на директора; директоръ, увидѣвъ Сашу, очень смутился, спросилъ фамилию и потрепалъ его по головкѣ,—съ учителями въ учительской директоръ разговариваетъ не иначе, какъ по-гречески, только на совѣтѣ изрѣдка по-латински, такъ, слова два...

— Ай, ай, ай!—перебиваетъ Палагея Семеновна: ей это все пригодится, будетъ что поразсказать и удивить.

— Въ восьмомъ классѣ показывали яйцо страуса въ шестьдесятъ пудовъ,—Саша начинаетъ захлебываться, беспокойно вертить руками, ударяетъ по столу, теребить ремень и загрызаетъ ногти,—Петръ Васильевичъ, физикъ, едва дотащилъ. Вотъ какое!

— Ай, ай, ай!

Петя ни слова, его будто и въ комнатѣ нѣть.

Входя въ залу, Петя состроилъ передъ самимъ Коли-шмъ посомъ фігурку: пригнулъ пальцы къ ладошкамъ, большие оттопырилъ рогами и скоро-скоро зашмыгалъ мусы-лишниками: „кузить-музить-букъ-сосалъ“. Коля огрызнулся, но Петя, усѣвшись за чай, больше ужъ не отвѣтилъ, не отплатилъ.

Петя мечтаетъ. Онъ влюбленъ въ гимназистку Варечку¹. Варечка—барышня съренъкая и пухленъкая, исподтишка имигрывающая съ Финогеновыми за всенощной. Каждый разъ, когда Варечка выходитъ изъ церкви, Финогеновы съ фарфорикъемъ кидаютъ въ нее воскомъ, норовя ей прямо въ глаза,—финогеновская ласка!

Сегодня Петя нашелъ у себя въ шинели обрывышеекъ бумажки, на бумажкѣ крупнымъ твердымъ почеркомъ, очень напоминающимъ руку Саши, было написано: „Милый Петя, я тебя очень люблю. Варечка.“

Петя мечтаетъ. Петя женится на Варечкѣ. Варечка старше его, но это не важно. Онъ твердо рѣшилъ жениться на Варечкѣ.

„Милый Петя, я тебя очень люблю!“—повторяетъ Петя любовныя слова любовной записочки.

Саша продолжаетъ свои гимназические разсказы — сочиненія. Родись Саша не въ городѣ, а гдѣ-нибудь въ деревнѣ, вышелъ бы изъ него хороший охотникъ.

Женя налилъ полное блюдце, уткнулся въ чай, дуетъ и тянетъ.

Палагея Семеновна доѣла всѣ свои ягодки и подымается къ роялю. На пюпитрѣ появляется истрапанная и намуслеванная красная тетрадка съ нотами—Гусельки. И начинается пѣніе.

Дѣти любятъ пѣніе. Готовы всегда пѣть и съ удовольствіемъ. Въ дѣтскіе голоса врывается истощный голосъ

Палагеи Семеновны. Палагея Семеновна закатывает глаза и томно ударяетъ о клавиши.

Лучше всѣхъ поетъ Петя: у него нѣжный, какой-то молитвенный діскантъ. И когда онъ поетъ, глаза его голубѣютъ. Петя въ гимназіи пѣвчимъ, этимъ только и беретъ, а то бѣда—лѣнтий отчаянныій.

Саша баситъ. Саша вытягиваетъ катушкою губы, какъ знаменитый соборный протодьяконъ, у которого не голосъ, а рыкъ.

Женя подтягиваетъ пресѣкающимся, безцвѣтнымъ голоскомъ, и не застѣнчиво, а какъ-то безразлично.

Одинъ Коля ни звука. Сидитъ Коля и упорно молчитъ: досада еще не прошла. А у него альть, онъ орало-мученикъ, какъ окрестилъ лѣчившій его докторъ Михаиль Васильевичъ, и постоянно Коля мурлычитъ.

А пѣть-то какъ ему хочется: всталъ бы вотъ такъ и громко-громко, на всю залу! И вотъ на гу-гу. И слезы подступаютъ къ глазамъ.

„И не буду, и не стану!“—мучается Коля, и вдругъ вспоминаетъ о табакеркѣ, вскакиваетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, скорѣе на верхъ черезъ прихожую, черезъ столовую, черезъ кухню мимо Маши, Степаниды, Ирасковыи, черезъ черныя сѣни по лѣстницѣ наверхъ къ бабушкѣ.

— Подлилъ, бабушка, много подлилъ: черезъ край полилось! Вотъ твоя табакерка!

— Ахъ, Коко, Коко, а мнѣ и невдомекъ: всѣ мышиныя норки перебрала, нигдѣ нѣтъ. Думаю себѣ, не обронила ли грѣшнымъ дѣломъ? Ну, мэрси тебѣ. И чудесный же ты у меня, Колюшка, курносятка ты проворная. Дай я тебя поцѣлую!—бабушка наклоняетъ свою сѣдую голову и тонкими лиловыми губами цѣлуетъ Колю, а бабушкина бородавка съ длиннымъ сѣдымъ волосомъ, завитымъ, какъ серпъ, щекочетъ Колину щеку.

Бабушка очень старая, память у ней зашибаетъ: дастъ такъ Колѣ табакерку и забудетъ.

Коля частенько пользуется забывчивостью бабушки или просто стащить у ней табакерку и спрятать. Придетъ время, захочется бабушкѣ табачку понюхать, схватится, нѣтъ нигдѣ табакерки. А онъ ходитъ, смотритъ, какъ старуха томится, да, насмотрѣвшись, вдругъ, будто случайно, и нашелъ: „Вотъ твоя табакерка!“

Проголодавшись, бабушка раскрываетъ табакерку, беретъ большую щепотку и со свистомъ нюхаетъ—и хороший же табакъ вышелъ, душистый! И Коля понюхалъ: перцу не слышно, хороший табакъ и душистый, пахнетъ, какъ отъ плаценты.

Коля чихаетъ и бѣжитъ обратно въ залу.

А въ залѣ ужъ пропѣты всѣ Гусельки, начали новую пѣсню изъ новой зеленої тетрадки:

— „Грустила зеленая ива, грустила, Богъ знаетъ о чёмъ“.

Всѣ поютъ и только одинъ Коля молчитъ. И ужъ прежней досады нѣть у него: онъ не долженъ представляться больнымъ, и совсѣмъ ему не важно, что безъ него на пруду горку сстроили, и не боится онъ горчичника, если поставятъ ему на ночь горчичникъ, и все-таки ни звука, какъ сѣялъ, такъ и сидитъ, губы сжаты.

Колѣ вдругъ стало жалко, всѣхъ стало жалко, И Палагю Семеновну жалко ему,—„операция, кишку будуть рѣзать, болѣно!“ И бабушку Анну Ивановну жалко ему, припоминаетъ онъ, какъ другой разъ Варенька разсердится на бабушку—бабушка все къ мѣсту прибираетъ, такъ что и найти послѣ ея уборки ничего невозможно, да и мало ли еще за что, просто такъ разсердится Варенька и выгонитъ ее изъ дома, соберетъ бабушка свой узелокъ табачный, попрощается съ дѣтьми, съ Машей, съ Прасковьей, съ Степанидою и пойдетъ съ своимъ узелкомъ табачнымъ, безъ

деньгъ, старая, пѣшкомъ на другой конецъ города. И мать ему жалко—Вареньку: какъ она плачетъ и не ѿстъ ничего, и лицо у ней такое красное становится... и ужъ самъ себѣ боится Коля договорить, почему ему жалко Вареньку и какъ-то страшно. И няньку ему жалко Прасковью—Пискунью, у ней сынъ—Митя, въ половыхъ служить въ трактире, Митя запиваеть, а Прасковью на конюшнѣ пороли, когда крѣпостною была. А изъ братьевъ жалко ему только Женю: какъ убивается Женя, когда ему глаза больно! А когда ослѣпѣлъ Женя, заставили его пилюли глотать—пилюли горькія, одну онъ раскусилъ и двѣ проглотилъ, а всѣ остальныя Коля тогда себѣ взялъ и въ прудъ бросилъ.

И вспоминается Колѣ, какъ однажды за его проказы обвинили во всемъ Женю. Учились они до гимназіи у Покровскаго дьякона Федора Ивановича. Федоръ Ивановичъ—справедливый и кроткій, дѣти его любили. Коля разъ влѣзъ на столъ птичку въ клѣткѣ посмотретьъ и задѣлъ ногой за чернильницу, чернильница опрокинулась и весь столъ залило черниками, попало и на полъ. Пришелъ дьяконъ, спрашивается: „Кто разлилъ?“ А Женя вдругъ заплакалъ. „Я, говорить Коля, я разлилъ!“ „Неправда,—не повѣрилъ дьяконъ,—разлилъ Женя!“ А Женя все плачетъ. Дьяконъ пробралъ Женю за то, что не сознался, а Колю укорять сталъ, что вину чужую на себя береть. „Братъ на себя вину—гордость, за это Богъ накажетъ!“ сказалъ дьяконъ. А Женя все плакалъ. Такъ и ушли: Коля виновный невиннымъ, а, стало быть, хорошимъ,—Федоръ Ивановичъ, прощаюсь, по головкѣ его погладилъ, Женя невиновный виноватымъ, а, стало быть, дурнымъ,—Федоръ Ивановичъ еще разъ ему замѣтилъ, что въ нехорошихъ поступкахъ своихъ сознаваться надо, а то Богъ накажетъ. Вспомнивъ пролитую чернильницу и дьякона, и плачущаго тогда Женю, и себя такимъ обѣленнымъ, хорошимъ, невиновнымъ, Коля чувствуетъ, какъ на мѣсто жалости подымается въ немъ жгучая досада на себя: зачѣмъ

онъ тогда голову себѣ о стѣнку не прошибъ, не отрѣзаль
напыца, чтобы увѣрить, доказать Федору Ивановичу, что
онъ одинъ, только онъ одинъ разлилъ чернила, а Женя
сопѣтъ не при чемъ, или кричать бы ему, кричать бы тогда
до потери голоса, и почему онъ никогда не можетъ дѣлать
то, что хочетъ, вотъ ему пѣть хочется, а онъ не поетъ?..

Все время молчавшая Варенька встала изъ-за стола и
быстро, пимыгая, какъ самъ Огорѣлышевъ Арсеній, пошла
къ себѣ въ спальню.

— „Грустила зеленая ива, грустила, Богъ знаетъ о
чемъ.“—еще разъ повторили пѣсню.

Налагея Семеновна сложила ноты и собирается домой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Оглашенные.

День на день не приходится, часъ на часъ не похожъ. Не всякий вечеръ лежать Колѣ подъ диваномъ, смотрѣть въ пустую, палирской прожженную звѣздочку на оборкѣ, да прислушиваться. Палагея Семеновна не бабушка—не Анна Ивановна,—бываетъ, что и по недѣлямъ не слышно ея колокольчика у Финогеновыхъ въ гостиной, бываютъ и другіе вечера—будни.

Долгій вечеръ, какихъ много. Чуть внятны напѣвы ворчливаго вѣтра. Вѣтеръ ворчитъ и въ трубѣ, и на чердакѣ.

Саша и Петя учатъ уроки, поскрипываетъ перо, не хуже вѣтра бормочать, уроковъ много.

Женя и Коля съ бабушкой въ потемкахъ. Лампадка теплится передъ Трифономъ Мученикомъ. Бабушка разстелилась на полу. Съ бабушкой, Женей и Колей лежитъ окотившаяся Маруська и шесть котятокъ, и тутъ же шелудивый котъ Наумка,—Колинъ любимецъ.

— Бабушка, завтра первый декабрь! — вспоминаетъ Коля,—завтра Наумка именинникъ!

Бабушка гладить по брюшку Маруську, творить молитву.

— Что ты, нагрѣшишка! — спохватывается старуха, — развѣ тварь именинница? Тварь — паръ. А его, паскудника, надо палитанью вымазать: истаскался весь, шатавшись.

Женя дремлетъ: утомила его гимназія. Котяtkи перебираютъ лапками, сосутъ Маруську, — ужинаютъ. Наумка пригрѣлся, разнѣжился, сладко зѣвнулъ и запѣль.

И начинаетъ бабушка сказку.

— Жилъ-былъ въ тридевятомъ царствѣ, въ подсолнунчномъ государствѣ...

— Про Ивана-царевича?

— Про него самаго, душа моя, про царевича и сѣраго волка.

Слушаетъ Коля сказку, видится ему сѣрый волкъ, такъ ясно видитъ онъ волчью, шершавую мордочку. Вотъ входитъ волкъ къ Ивану-царевичу, весь его хвостъ въ жемчугахъ, улыбается волкъ, а языкъ-то красный и острый страшно, и глаза горятъ. „Ну, говоритъ, спась я тебя, выручишь, живи и царствуй, а наградъ твоихъ не нужно мнѣ, пойду я въ дремучій лѣсъ“. „Спасибо, отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ, спасибо тебѣ, сѣрий волкъ, во вѣкъ не забуду: не случись тебя, лежать бы мнѣ на сырой землѣ“.

„Буду большимъ, — мечтаетъ Коля, — богатыремъ сдѣлаюсь, буду, какъ сѣрий волкъ!“

И кончилась сказка: бабушка тоже была на пиру у Ивана-царевича — медъ тамъ вкусный-превкусный, соты-меды, только ей въ ротъ не попало. Бабушка поднялась, зажгла свѣчку, а за бабушкой Женя и Коля, а за Колей Наумка.

Входятъ въ комнату Саша и Петя. Уроковъ они не выучили, но тетрадки и книги побросали въ лысые ранцы, будто все готово и въ исправности. ·

На столъ передъ зеркаломъ появляется старое евангелие въ черномъ кожаномъ переплѣтѣ съ оборванными застежками.

— О страстяхъ Господнихъ! — объявляетъ бабушка и начинаетъ нараспѣвъ истово любимое свое евангеліе о страстяхъ: — „И взялъ съ Собою Петра и обоихъ сыновей Заведеевыхъ, началъ скорбѣть и тосковать“...

Слушаетъ Коля евангеліе, видится ему Христосъ: „Отче Мой! если возможно, да минуетъ Меня чаша сія; впрочемъ не какъ Я хочу, но какъ Ты“. А ученики спятъ. А вѣдь Онъ просилъ ихъ бодрствовать съ нимъ, но они заснули. И опять молится и опять находитъ учениковъ спящими. И часть приблизился, вотъ входить Іуда и множество народа съ нимъ. Если бы захотѣлъ Христосъ, ангелы спасли бы его, но такъ надлежало быть. Видитъ Коля, какъ ведутъ Христа, и дворъ видитъ, гдѣ Петръ остался, и слышитъ, какъ клянется Петръ и божится, что не знаетъ Христа, и поетъ пѣтухъ.

— „И вспомнилъ Петръ слово, сказанное ему Іисусомъ: прежде нежели пропоетъ пѣтухъ, трижды отречешься отъ Меня. И выshedъ вонъ, плакалъ горько!“ — бабушка молитвенно замолкаетъ.

Присосѣдившія къ бабушкѣ дѣти замерли. Лишь слышно баюканье вѣтра, и не потухаетъ горькое слово: „И выshedъ вонъ, плакалъ горько“.

„Будь я Петромъ, — мечтаетъ Коля, — я никогда бы не отрекся! А что если опять придетъ Христосъ? Поскорѣе бы Пасха, а тамъ и на лѣто распустятъ. Господи, я никогда бы Тебя не предалъ и не отрекся!“

Саша и Петя тоже мечтаютъ, тоже загадываютъ, только по-своему.

Женя прижался къ бабушкѣ, тычется головой къ колѣнямъ, и надѣ нимъ шевелятся концы коричневаго горошкомъ платка.

Морозъ ли на пруду удариль, вѣтеръ ли полосой прошелъ отъ Боголюбова, кто-то постучалъ въ окно.

— Ангелъ! — встала бабушка.

И всъ дѣти встали и запѣли Богородицу. И проіѣли Богородицу, и долго не трогались съ мѣста, словно боялись спугнуть ангела: ангель тутъ близко леталъ около дома, около пруда, ангель постучалъ имъ въ окно,—не постучить ли еще?

— А отчего звѣзды падаютъ? — спрашиваетъ Коля.

— Ангелы незримые, ангелы падшіе! — строго отвѣтываетъ бабушка и вдругъ оживляется: — Саня, душа моя, принеси и почитай моего любимаго Пушкина. Что-нибудь чудесное...

Евангеліе складывается, тушился свѣчка, зажигается лампа.

Саша приносить изодранную Капитанскую дочку, откашливается и начинаетъ бойко любимую повѣсть.

Подъ конецъ повѣсти, на томъ мѣстѣ, гдѣ Гриневъ прощается: „Прощайте, Марья Ивановна! — Прощайте, Петръ Андреевичъ!“ — бабушка съ Петей тихонько плачутъ.

Да и какъ имъ не плакать!

Въ субботу за всенощной Петя подбросилъ Варечкѣ записку съ своимъ собственнымъ стихотвореніемъ:

Ваші очи страшны,
А коса — руно,
Развѣ вы не властны
Ялику сбить дно?

Вотъ какой акrostихъ сочинилъ онъ для своей Варечки.

А когда за обѣдней, проходя мимо нея съ кружкой, онъ взглянуль на нее, полный ожиданія, она только повела своимъ носикомъ.

„Въ Сашу влюбилась, конечно, въ Сашу! И письмо это Саша писаль: „Милый Петя, я тебя очень люблю!“ Вотъ она какая! Нѣть, помереть бы, одинъ конецъ!“

— Эхъ, душа моя, — вытираетъ бабушка табачнымъ платкомъ свои табачные слезы, — какая я была въ молодости!

Лицо у меня было лосное, польское, самъ графъ Паскевичъ Иванъ Федоровичъ засматривался.

Растроганная воспоминаніями, разсказываетъ бабушка о крѣпостномъ времени—о своихъ прошлыхъ годахъ, и неизбѣжно переходить къ богадѣльнѣ, къ табачной богадѣльной жизни, къ старухамъ, къ старостихъ Юдишии. И ужъ не графъ Паскевичъ Иванъ Федоровичъ, а старикъ Александръ Петровичъ Отважный ходить-крутить вокругъ бабушки, засматривается на ея позеленѣвшее, когда-то лосное польское лицо.

— Бабушка, а бабушка!—лукаво прерываетъ Коля бабушку.

— Что тебѣ, дружокъ?

— А все же мы тебя, бабушка, изъ членовъ Святѣйшаго Синода вычеркнемъ!

— Вычеркнемъ, вычеркнемъ! — подхватываютъ хоромъ за Колей и Саша, и Петя, и Женя.

— Не имѣешь права, будеть ужъ: времена не тѣ!— сѣдой бабушкинъ волосъ на бородавкѣ трясеется; въ чемъ тутъ дѣло съ Синодомъ, бабушка сообразить не можетъ, только чувствуетъ она насмѣшку какую-то и, пригорюнившись, замолкаетъ.

— Ну, ладно,—сдается, наконецъ, Коля,—подождемъ.. пока.

— Ахъ, Коко, Коко, и всегда-то озорной ты былъ, задира сущая. Кормилицу тебѣ наняли, мѣсяцъ не прожила, вытурили: съ желтымъ билетомъ объявились, гулящая. Поступила Евгения и жизни не взвидѣла. Бывало, ревмяреветь: какъ вѣшишься, ни за какія блага оторвать невозможно, всю-то норовишь поискусать. А какъ сталъ ножками ходить, рано сталъ ты ножками ходить, годочку тебѣ не было, жили мы тогда на дачѣ, на кругъ гулять ходили, и повадился ты на кругу цѣловаться. Какъ сейчасъ помню, Колюшка, впился ты губками въ Валю,—дѣвочка съ

тобой играла, Валя, насилиу оттащили, а носикъ-то ей все-таки перекусиль. Потомъ и себя изуродовалъ: Господь Богъ покаралъ. Варимъ мы крыжовникъ съ покойницей Настасьей, царство ей небесное, обходительная, чудесная была женщина, мамашу выходила, ну, и слышимъ крикъ. Побѣжали наверхъ, а ты, Колюшка, лежишь, закатился, синій весь, а кровь такъ и хлещеть, тутъ же и печка игрушечная валяется. Залѣзъ ты на этотъ самый комодъ, сковырнулся и прямо на печку окаянную. Съ того самаго времени ты и курносый, задира сущая.

Бабушка, а также нянька Прасковья любять вспоминать, какъ Колю покаралъ Богъ,—сдѣлалъ его курносымъ. Но Коля и самъ безъ всякихъ разсказовъ и напоминаній помнить, какъ упалъ онъ съ комода на игрушечную жестяную печку, только не помнить, зачѣмъ ему понадобилось на комодъ взбираться. И не тогда, какъ перекусилъ онъ, цѣлюя, носъ какой-то дѣвочкѣ Валѣ, а только съ того дня, какъ переломилъ себѣ носъ, начался его первый день, и словно впервые у него открылись глаза: онъ помнить и видить себя на полу, а вокругъ кровь—во рту кровь, на губахъ кровь, все руки измазаны кровью, все платьице.

Бѣть восемь.

Дѣти вскакиваютъ отъ бабушки и подъ часы, и тамъ, и подъ часами, подпрыгиваютъ, топочутъ, стучать, кричатъ—мышай топчутъ. Такой ужъ обычай у Финогеновыхъ: когда бѣть восемь—передъ ужиномъ топотать подъ часами.

— Ну, Коко, похвальный листъ тебѣ,—нюхаетъ бабушка, одобряетъ Колю, — другую недѣлю твои духи держатся, удружишь: табакъ чудесный, мягкий.

Дѣти тянутся съ щепотками къ табакеркѣ, нюхаютъ, потомъ чихаютъ и внизъ изъ дѣтской въ столовую ужинать.

На лѣстницѣ сѣѣлись. Коля даль тумака Петѣ, Петя оскользнулся, задѣль Женю, а Саша захотѣлъ пофорсить—

взять всѣхъ на лѣвую и ударила Колю подъ душку, Коля задохнулся, укусилъ Сашу за палецъ.

Съ покраснѣвшими глазами, дуясь, толкуются дѣти въ кухнѣ.

— Оглашенные вы и лицемѣрные,—ворчитъ Прасковья,— не будетъ вамъ ужотко гостинцевъ. Только мамашино здоровье разстраиваете.

Степанида, иконописная кухарка, повязанная по-старовѣрски, въ темномъ платкѣ изловила здоровенную рыжую крысу—матку.

Начинается крысиная расправа.

Мышеловку ставятъ на табуретку и потихоньку лютъ кипятокъ на крысу. Крыса визжитъ и мечется, а кипятокъ все лютъ и лютъ на нее. Съ хвоста у ошпаренной крысы слѣзаетъ шкурка, и хвостъ становится розовымъ и нѣжнымъ, хвостъ дрыгаетъ. Даётся отдыхъ. Передохнула крыса, берутъ лучинки и тыкаютъ крысу лучинками, то лучинками, то поганымъ ножомъ. Снова появляется кинятокъ, снова лютъ кипятокъ, норовя на глаза ей. Крыса судорожно умывается лапкой и кричитъ, кричитъ, какъ человѣкъ.

Шелудивый Наумка, курлыча, тутъ же трется съ возбужденными, злыми глазами...

Покончивъ съ крысой, дѣти переходятъ изъ кухни въ столовую, но ужинаютъ нехотя, ёдятъ—давятся. И, поужинавъ, на верхъ не идутъ, а лазаютъ за занавѣску на кровать Маши, разматриваютъ ярко-намалеванныя лубочные картинки: Льва, Бенедиктинскаго монаха и Священное коронованіе, поддѣлываютъ хвостики и рожки, и, только послѣ долгихъ уговариваній и многихъ угрозъ Прасковы, Степаниды, бабушки, отправляются спать.

Гурьбой подходятъ къ гардеробной къ Варенькиной комнатѣ—къ спальнѣ прощаются. Стучать къ Варенькѣ. И безъ толку.

Варенька часто запрется съ вечера въ своей комнатѣ и не выходитъ, и, хоть дверь ломай, не откликнется.

— Тише, вы,—останавливаетъ нянька,—мамаша заперлись: нездоровы... У, неугомонные! И когда-то Господь васъ на умъ-разумъ наставитъ!

Долго и шумно укладываются дѣти: ждутъ гости нѣ въ. Гостины—лакомства: либо по кусочку яблока, либо по часточкѣ апельсина или финикѣ или черносливъ полагается дѣтямъ послѣ ужина и дается въ кроватяхъ, чтобы скорѣе угомонились. Съѣдять эти гостины и затихнуть.

Затихло въ дѣтской наверху, только Коля не спить. Коля долго не засыпаетъ, все прислушивается.

Изъ кухни доносится чавканье: въ кухнѣ ужинаютъ.

— Наѣздился онъ на мнѣ, — разсказываетъ Степанида о своемъ постыломъ, — рожать Филиппка время пришло, бросиль постылый: со стервой-сукой своей связался.

— А Юдишна говорить,—слышится голосъ бабушки,— околдовали вы, говорить, Анна Ивановна, старичка отважнаго Александра Петровича: не спроста онъ хмелемъ около васъ увиивается. Какъ бы смотритель не замѣтилъ.

— И не шляйся ты, хухора, съ журавлевскимъ приказчикомъ, — поучаетъ Степанида Машу, — не висни ты у Федора на шеѣ: онъ тебя загадить всю, а опосля кинеть. Куда брюхатой?

— Трудно, дѣвушка, пока-то устроишься, духъ вонъ и лапы кверху.

Маша хихикаетъ.

Коля прислушивается. И, какъ подъ диваномъ, лежить онъ, не шелохнется, и, какъ подъ диваномъ, многое не разбираеть, и о чёмъ разговоръ идетъ и на что всѣ жалуются и отчего Маша такъ смѣется-хихикаетъ? Ждетъ Коля, когда поужинаютъ, ждетъ бабушку. Вызвался онъ бабушкѣ постель постелить и постелилъ: подъ засаленный, просѣтившійся ватошный подстильникъ полънѣевъ наклацъ и все

это сдѣлалъ чисто, совсѣмъ незамѣтно. Вотъ какъ-то она теперь на полѣнья уляжется, вотъ чего ждетъ Коля, и сна ему нѣтъ.

Въ кухнѣ сначала перемываютъ посуду, потомъ гасятъ лампы и шлепаютъ по лѣстницѣ—идетъ наверхъ бабушка, за бабушкой Прасковья.

Коля завернулся съ головкой, только носъ торчитъ.

Нянька тычетъ по угламъ, шарить:

— Куда это я, дѣвушка, ватошную вещь задѣвала, не сыщешь.

Коля смеется, не открывая рта: знаетъ онъ, гдѣ нянькина ватошная вещь—набрюшникъ, ну да пускай себѣ ищетъ!

— Колюшка молодецъ у меня, лучше всѣхъ дѣтей: и постель мнѣ, старухѣ, постелилъ и въ табакъ духовъ налилъ.

— Мочи моей нѣту, дѣвушка, измаялась я: день-то денской шатавшись, ноги отваливаются.

Почесываются, сначала легонько, потомъ со скребомъ.

— Господи, Владыко!—вздыхаетъ бабушка.

— Митя-то сынозва, дѣвушка, въ золоторотцахъ. Изъ трактира погнали: запой, знать.

— Напущено!—бабушка всунула голову въ воротъ рубашки, засвѣтила тамъ огарокъ и ищется, не бабушка—Коза—Береза.

— Спрашивала я батюшку, отца-то Глѣба, батюшку молитву далъ запойную. Знать, Богу такъ угодно... Эхъ, дѣвушка, по пятому годочку Митя въ трактире-то: несмышенного, махонькаго опредѣлила. Думаешь, дѣвушка, должность чистая, а вотъ поди жъ ты, можетъ, и напущено. Сердце материно изболѣлось, глядѣвши.. Закопытили его сердешнаго!..

Тихо въ комнатѣ, только часы ходятъ, маятникъ качается.

Почесались, поискались и за молитву: молится бабушка, молится Прасковья.

— Скорбящая Матерь Божия, помилуй!

— Троеручица, Владычица моя матушка, сохрани!

— Горы Афонские, согрѣшилъ вechеславинъ, во дни и вѣчные попди!

— Богородица, присно Дѣва, радуйся!

— Окаянная, словомъ еже дѣломъ, помысломъ не сквернымъ...

— И отъ блуда всякаго сохрани и помилуй!

— Митрія, раба Твоего, помилуй и сестру Арину!

Коля слушаетъ, какъ молятся, и вспоминается ему Митя, сынъ Прасковьи, длинный и сѣрый весь, съ крысими хвостиками-усами, въ коричневой визиткѣ, и въ штиблетахъ безъ стука.

— Но избави нась отъ лукаваго!—оканчиваетъ бабушка молитву, окрещиваетъ воздухъ вокругъ себя, еще разъ крестится и опускается на полъ, на постель свою, плюхъ прямо на полѣнья,—чтобъ тебѣ!—вырывается ея сдавленно-негодящій вопль.—курносая пятка, курнофейка окаянная, уродина паршивая, скажу мамашѣ. На старости лѣть, Господи! За что это, Господи!

Шлепаются полѣна, раскидываетъ ихъ бабушка по комнатѣ, куда ни попало.

И, раздирая свой красненький ротикъ, пищить придалиенный котенокъ.

— Оглашенные!—ворчитъ Прасковья, укладываясь безъ своей ватошной вещи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Духъ вонъ, лапы кверху.

Сонный свистъ и храпъ и бормотаніе наполнили комнатау, заснула дѣтская.

Не спится Колѣ, ерзаетъ онъ, разбѣгаются мысли.

Обидѣлъ Коля бабушку, ни за что обидѣлъ. Лежить она теперь съ скорбно-сложенными лиловыми губами, снятся ей проклятая полѣна, падающія, прихлопывающія ее, какъ крышка гроба съ черными гвоздями. И жалко ему бабушку, жалко ему Митю,— „Митю закопытили!“—вспоминаются ему нянкины слова, и няньку Прасковью жалко, ее самое копытили вѣкъ ея вѣчный,— „Пороли насть больно на конюшнѣ, дѣвушка, лупили за всяку малость“...

Мутно-кровавый глазъ лампадки отъ Трифона Мученика хмуро защурился. Завыло въ трубѣ. И съ воемъ приползло въ комнату тайное, что окутывало Финогеновскій домъ, а въ взбудораженныхъ мысляхъ у Коли замелькала тайная жизнь Вареньки, а въ растрявленной жалостью душѣ его поднялись отдѣльные жуткіе дни и часы и минуты жуткой, тайной жизни матери.

„Барышня несчастная!“—вспомнилось Колѣ, такъ по двору называли фабричные Вареньку, и тутъ же вспомнилось, какъ сказалъ какъ-то дворникъ Кузьма: „За сороковской барынѣ!“, а Прасковья на него:—„Цыцъ ты кудластый, чего галдишь, дѣти услышать, мало што!“—и еще вспомнились слова бабушки: „Пьяницы не гніютъ, только чернѣютъ!“ Да, чернѣютъ, слесарь Самсонъ какъ почернѣлъ, Коля Самсона видѣлъ, и потому почернѣлъ Самсонъ, что пилъ много, и Варенька почернѣеть—„барышня несчастная!“

Варенька пить, какъ пиль слесарь Самсонъ, Коля обѣ этомъ знаетъ. И всякий разъ, когда Варенька запирается въ своей комнатѣ, она пить, Коля и обѣ этомъ знаетъ. Но почему Варенька пить, и такъ мало ёсть, а только пить водку, Коля можетъ только гадать.

„Отъ скуки, вотъ отчего, скучно ей, все книги читаетъ и журналы: книги и журналы такие скучные! И почему вчера въ театръ не поѣхала?—спрашивается себя Коля,—разодѣлась въ свое дорогое зеленое бархатное платье, напудрилась, брошку приколола золотую съ брилліантами, и осталась дома сидѣть?“

Коля не знаетъ, что отвѣтить, ему всегда бываетъ досадно, когда Варенька почему-то остается дома сидѣть, онъ любить, когда она разряженная передъ отъѣздомъ прощается съ ними—даетъ руку поцѣловать и въ лобъ цѣлуетъ каждого. И вдругъ вспоминаются ему слова Палагеи Семеновны, онъ ихъ недавно подъ диваномъ слышалъ:

„Ты только подумай, Варенька, что про тебя скажутъ? Нельзя тебѣ ёхать съ З., и такъ ужъ говорятъ о васъ. Вѣдь я должна предупредить тебя: если хочешь сохранить свое доброе имя...“

Коля такъ ясно услышалъ голосъ Палагеи Семеновны, и представилось ему, будто лежитъ онъ въ гостиной на полу подъ диваномъ, весь онъ скорчился, и неловко ему, и душить пыль, а голосъ Палагеи Семеновны острыми игол-

ками колеть его въ грудь, и плачетъ Варенька. вся разряженная въ своеи зеленомъ бархатномъ платьѣ, плачетъ такъ жалостно. Вотъ выскакиваетъ онъ изъ подъ дивана, бросается на Палагею Семеновну, цапается за плащѣ, но Палагея Семеновна подымается на цыпочки, вырастаетъ, ужъ въ потолокъ головой упирается, скалить свои острые желтые зубы, а подбородокъ у ней трясеется—перекатывается мягкий и жирный, какъ индюшка. И хочется Коль орать во все горло. разбить новый стеклянный колпакъ, разодрать альбомъ съ карточками, Ниву, сорвать скатерть, исковеркать столъ, а къ губамъ его пристаетъ что-то липкое и соленое, какъ тогда, когда упалъ онъ съ комода на желѣзную печку и расшибъ себѣ носъ, и красныя, густыя, кровавыя пятна выплываются изъ угловъ. плынутъ на него. Онъ свернулся въ клубочекъ, кружится, мечется, какъ ошпаренная крыса въ мышеловкѣ. Хочеть проскользнуть въ спальню, а ноги не слушаются, ноги къ землѣ прирастаютъ...

— Няня! няня!!!—и сердце перестукивается, и губы вздрогиваютъ, и голосъ надрывается.

Но въ отвѣтъ ему только вѣтеръ воетъ. Что же, нянька не слышитъ? Спитъ Прасковья—закопытили ее, и бабушка спитъ—и ее закопытили. И словно вымеръ весь домъ, ни души живой, ни слова въ отвѣтъ, только вѣтеръ, вѣтеръ воетъ.

— „Когда буду большимъ,— успокаиваясь, перестукивается сердце,— буду все дѣлать, захочу—пѣть буду. Никола, угодникъ Божій!—молится Коля.—Ангель мой Божій! Завтра, завтра... сѣрымъ волкомъ буду“...

И ударили въ Боголюбовомъ монастырѣ, зазвонили къ заутренїѣ, и отъ звона стекла вздрогнули, а часы, подъ которыми въ восемь Финогеновы топчути мышей, съ оттяжкой проигрѣли свои три часа. И засвистѣлъ на дворѣ фабричный свистокъ, долгій, словно встреченувшійся со сна.

И почему-то вспомнился Колѣ фабричный мальчишка Егорка, попавшій въ маховое колесо. Сталъ Егорка передъ глазами и, подлетая и улетая куда-то за спицы, взвивался, мелькалъ на маховомъ колесѣ, и ужъ не Егорка, а кровавый кусокъ говядины, его синіе сплющенные лепешечками пальцы хватались за воздухъ; синія, красная, черная, желтая, сѣрыя дранки отцеплялись отъ его тѣла, и только мѣдный изогнутый крестикъ все трепыхался на проломленной исполосованной груди.

— А! ахъ!!! Душать!—не своимъ голосомъ заорала Прасковья: видно, ей опять черти приснились.

„Ходятъ они по ночамъ за мной,—часто слышалъ Коля, какъ жаловалась нянѣка,—будто этакъ комната—спальня, и они черненькие, въ курточкахъ крадутся...“

Кто-то неслышно подошелъ къ кровати, провелъ по одѣялу руками.

Коля обомлѣлъ отъ страха.

Да это Женя. Это Женя во снѣ всталъ и бродить!

Женя постояль-постояль и пошелъ къ своей кровати.

„Порченый! Женя—порченый!—мелькнуло у Коли,—порченая дѣвочка въ Боголюбовомъ подняла за обѣдней подоль, да прямо въ крестъ о. Глѣбу!..“—и начинаетъ самъ конунговать, и хотѣлъ бы остановиться, да не можетъ, все новыя коунства осаждаютъ его: онъ и самъ плюеть въ крестъ и, Богъ знаетъ, что дѣлаетъ съ крестомъ, какъ та порченая.

— Господи, Господи,—кается Коля, мечется на постели, шепчетъ,—прости меня: съ Ваней Финиковымъ въ алтарѣ подрался, я садился на престолъ, и на мѣхахъ, кадило раздувая, чортиковъ рисовалъ, Никола, угодникъ Божій, ангелъ мой Божій, прости меня!

А въ отвѣтъ Колѣ какъ запишать котята, всѣ семь котятокъ Маруськиныхъ, да такъ неистово, бабушку съ пола подняли.

— Окаянные! треклятые! — застонала бабушка, отдирая отъ себя вѣшившихся и въ волосы и въ рубашку ошалѣвшихъ котятъ, вся вытянулась, костлявая, взлохмаченная, съдой, трясущійся хвостикъ на бородавкѣ загнулся серпомъ, выпущенные, зеленые глаза, не бабушка — злая Баба-Яга.

Коля зажмурился, не дыхнеть, не пошевелится: духъ вонъ и лапы кверху. Подушка — огонь горячая. И что-то будто темное огромное плывя плавать на него, оно вотъ — вотъ раздавить, сплющить его маленькое тѣльце, и душа его вылетитъ. — конецъ его. Коля скрестилъ кулаки:

— Ангелъ мой, Хранитель мой!

Но сонъ беретъ свое — тихій сонъ закрылъ ему глаза и успокоилъ встревоженное сердце и унесъ испугъ, оставивъ сладкій покой и тишину.

И все затихло, все заснуло наверху въ дѣтской.

Варенька задула свѣчку и, шатаясь, повалилась на кровать, такъ полураздѣтая съ какими-то подплывающими назойливыми мыслями, будто заостренными зеленоватыми крестиками въ глубинѣ ея воспаленного мозга. Заломила она руки, разметалась. И ослабѣвшая свинцовая голова ея, и переизнѣвшее сердце погрузились въ чадный сонъ неми-нуемыхъ бѣдъ и дразнящаго хмельного несбыточья: ей такъ много хочется, такъ много всякихъ желаній у ней, и все будто само приходитъ, приходитъ готовое исполниться, и сразу сжигается, не утоляя. Если бы ей совсѣмъ- совсѣмъ никогда и ничего не хотѣть!

И въ бѣломъ Огорѣлышевскомъ домѣ пришелъ тихій часъ. Тамъ въ окнѣ у Арсенія вздохнула матово-зеленая лампа и померкла, и зазмѣился желтый огонекъ свѣчи, поигралъ и уползъ. Вздрагивая и отъ утомленія и отъ табаку, оторвавшись, наконецъ, отъ дѣль, которыхъ всегда такъ много, а часы такъ кратки, прошелъ Арсеній въ сналью, гдѣ лежитъ болѣзnenная жена, состарѣвшаяся, выцвѣвшая

и совсѣмъ чужая. И ему вспоминается новенькая банковская машинистка въ кудряшкахъ, и онъ дрожитъ, нечаянно встрѣтивъ себя въ высокомъ, закачавшемся трюмо. И какаято горечь пить сердце. Знаеть онъ, что, не дѣляя своихъ дѣлъ, онъ не можетъ жить, и вся жизнь его въ борьбѣ и побѣдахъ—онъ всегда побѣждаетъ, но зачѣмъ ему эти побѣды и зачѣмъ дѣла? Для того, чтобы сдѣлать все по-своему, разрушить и построить, расчистить мѣсто и построить, какъ хочется, создать свое по-своему, по-новому, по-другому. И дѣлъ такъ много, и часы такъ кратки, успѣть ли онъ? И жизнь проходить, и какъ быстро проходитъ! А онъ ее еще уторапливаетъ.

И на дворѣ начинается новая сѣница, послѣ краткой ночи наступаетъ рабочій день.

Въ заплѣсненно-гноящихъ, спертыхъ фабричныхъ корпусахъ и въ душныхъ каморкахъ, несладко потягиваясь и ослабленно раздирая рты судорожной зѣвотой, крестясь и ругаясь, подымаются фабричные. Осоловѣлые, недоспавшія фабричныя дѣти тычутся по угламъ, и отъ подзатыльниковъ и щипковъ хнычутъ.

Распластавшіяся по нарамъ и койкамъ, женщины и девушки съ полуразинутыми слипающимися ртами, борются съ одолѣвающимъ искушеніемъ ночи и съ замеревшимъ сердцемъ опускаютъ горячія ноги на холодный, линкій, зарканный полъ, наскоро запахивая и стягивая взбунтовавшуюся грудь.

Смѣняется ночной сторожъ Аверьянычъ и, обезсиленный болями, съ чѣнной на подгнивающихъ губахъ, сквернословя и непотребствуя, валится въ уголь сторожки, а на его мѣсто становится дворникъ Кузьма.

Тянутся въ Боголюбовъ монастырь вереницы порченыхъ, разслабленныхъ, помутившихъ въ умѣ и бѣсноватыхъ съ мертвенно-изможденными лицами, измученные и голодные,—у однихъ закущенные языки, у другихъ губы

растрескавшіяся, синія безъ кровинки, съ застышею странною улыбкой.

И о. Глѣба, укрощающаго бѣсовъ, сслѣпленнаго схимника, ведетъ подъ-руку изъ бѣлой башенки-келии въ церковь къ бѣсноватымъ дылда-послушникъ, отплевывающейся отъ сивущій перегари полуночной попойки.

И въ промозгломъ, заиндевѣвшемъ склепѣ Огорѣлышевыхъ послѣдній жадный червякъ точитъ послѣднюю еще живую кость дѣда Огорѣлышевыхъ, Николая.

А тамъ, за вьюжнымъ, а тамъ за беззвѣзднымъ небомъ, нехотя пробуждается зимнее сѣрое утро и сдавленнымъ, озабочимъ крикомъ тупо кричитъ въ Финогеновскомъ пѣтухѣ, очнувшемся на самой верхней жерди.

Кружится, крутится — падаетъ снѣгъ, кружится, падаетъ снѣгъ на замерзшую землю и хоронить ее такую непонятную, съ ея неразгаданной непостижимой жизнью.

А тамъ, на скользкой высокой горкѣ, запорошенной пушистымъ снѣгомъ, тамъ что-то огонькомъ мелкало — одинъ изъ бѣсовъ, бѣсенокъ съ лицомъ неподкупной и негодующей человѣческой честности и сираведливости, по-кошачи длино вытянувъ вверхъ ногу, горько и криво смѣялся закрытыми губами.

Онъ-то зналъ, и зачѣмъ надо было самому дѣду Николаю на свѣтъ родиться, а отъ Николая Арсенію и Вареньку, зачѣмъ Арсенію свои дѣла дѣлать, а Вареньку горькую пить, и зачѣмъ Колѣ подъ диваномъ сидѣть и все замѣчать и ко всему прислушиваться, и про бабушку зналъ и про няньку и про Митю, зачѣмъ вѣкъ ихъ вѣчный копытять и будутъ коньтить, онъ зналъ поименно всѣхъ порченыхъ и бѣсноватыхъ, дожидающихся схимника о. Глѣба, и зачѣмъ одни, не доспавъ, должны вставать на фабричный свистокъ, а другіе снятъ, и почему такъ складывается, однимъ одна жизнь, а другимъ другая, однимъ легкая и удачная, другимъ трудная и несчастная. Да зналъ ли онъ? И кто онъ —

демонъ, одинъ ли изъ бѣсовъ или просто бѣсенокъ? И демонъ, и бѣсъ, и бѣсенокъ, онъ зналъ и горько и криво смылся съ сжатыми губами.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Олаборники.

Какъ пришла весна, пришла громкая съ пѣнными ручьями, пѣвучими, съ голубымъ ласковымъ небомъ, съ теплымъ, лучистымъ солнцемъ, и почернѣль садъ, растроухлявились гнѣзда, зажелтѣлся ледъ на пруду, и сталъ прудъ сѣрымъ,—всѣми лежалъ онъ покинутый, съ одинокими брошенными лѣдинами, съ темной, какъ проломленный глазъ, прорубью, и запѣлъ Боголюбовскій колоколь по весеннему звонче и переливчатѣе часы свои, о своемъ полднѣ и о своей полночи, и ужъ цѣлыми днями, только придутъ изъ гимназіи Финогеновы, и прямо на дворъ за работу: колять, рубить, метуть, чтобы къ Пасхѣ ни одной зимней снѣжинки не удержанжалось.

Вечерами же на верху играютъ не по-зимнему, играютъ въ священники—въ большіе и въ маленькие. Строятъ изъ столовъ и стульевъ престоль и царскія двери, облачаются въ цветные платки и разныя тряпки, служать всеенощную, обѣднюю, а больше пасхальныя службы—такъ въ большихъ священникахъ, въ маленькихъ же все

дѣло просто въ деревянныхъ кубикахъ: изъ кубиковъ строятъ церковь со всѣми придѣлами, теплыми и холодными, какъ въ церкви у Покрова, кубики же ходятъ и за священника, и за дьякона, и за весь причтъ церковный. И опять правятъ всякия службы, но больше пасхальныя.

Финогеновы не пропускали ни одной службы и по охотѣ и по неволѣ. Иногда такъ не хотѣлось, особенно къ ранней обѣднѣ.

— Дрыхалы, оглашенные,—подымала дѣтей Проковья,— что васъ не добудишься, будто напущено.

А было еще такъ рано, только къ часамъ перезванивали, и хоть бы минутку еще поспать, одну минутку!

Когда они возвращались изъ церкви, они при всякихъ уверткахъ не могли миновать Арсенія: Арсеній, для кото-раго не было ни праздниковъ, ни воскресенья, вставалъ рано и ужъ сидѣлъ въ кабинетѣ за дѣлами, и въ окно ему видно было, кто по двору шелъ. Онъ окликалъ Финогеновыхъ и всегда, находя какую-нибудь неисправность, выговаривалъ Особенно попадало постомъ на Страстной недѣлѣ. И все-таки какъ хорошо и весело бывало на Страстной!

Покровскій пономарь Матвѣй Григорьевъ, черный, что нечистый, то и дѣло выходилъ, бывало, на церковный дворъ унимать Финогеновыхъ.

— Олаборники, — брюзжалъ пономарь, — батюшка увидѣть.

А Покровскій батюшка такой старый, едва ноги передвигаетъ, пойдетъ онъ смотрѣть!—объ этомъ Финогеновымъ хорошо извѣстно, и они не слушались и продолжали свое.

Пономарь только рукой махалъ:

— Остановливай-не-останавливай, ничѣмъ не проймешь.

На церковномъ дворѣ около колокольни стояла будка. Когда перестраивали церковь, иконописцы, озорничая, изо-

бразили въ будкѣ на потолкѣ соблазнительную картинку: мужчину и женщину. Тутъ-то подъ этой картинкой и вытвралось Финогеновыми нѣчто, уму непостижимое. А пріѣдалась будка, надоѣдала, вламывались въ церковь. И церковь словно оживала.

На Благовѣщеніе Ванѣ Финикову, сыну просвирни, Агафы Михайловны, читавшему въ первый разъ на амвонѣ шестопсалміе—Слава въ вышихъ Богу, и облаченному по такому торжественному случаю въ семинарскую казенную чуйку, кто-то изъ Финогеновыхъ пришипилъ сзади къ этой финиковой чуйкѣ красный фланелевый хвостикъ.

Въ Вербное воскресенье за всенощной, когда стали раздавать освященную вербу, Финогеновы хлестали вербой не только другъ друга, но и постороннихъ, и не ребятишекъ, а взрослыхъ.

— Верба хлесь—бей до слезъ!

Въ Великую Среду за цѣніемъ іеромосовъ Сѣченная съчется, Коля такое сотворилъ и при томъ въ самой же церкви, до самаго батюшки дошло, и сырая шляпа Вани Финикова по рукамъ ходила. Охали и ахали богомольцы, трогая несчастную финиковскую шляпу.

— Ахъ ты, дьявольскій сынокъ, не будеть тебѣ ужотко причастія,—пригрозилъ батюшка и велѣлъ Колѣ у Креста стать, поклоны класть.

И Коля стоялъ у Креста на колѣняхъ, выкладывалъ положенные сорокъ поклоновъ, еле удерживая слезы, но не столько отъ стыда, сколько отъ душившаго хохота: этакъ вѣдь, штуку какую выкинулъ! И тутъ опять сплутовалъ,—не сорокъ, дай Богъ двадцать поклоновъ отмѣривъ, улизнулъ отъ Креста.

— Ахъ ты, дьявольскій сынокъ! — пугалъ батюшка Колю, оставивъ его послѣ поклоновъ стоять въ алтарѣ.

Изъ алтаря ужъ трудно было уйти, и, дѣлая видъ, что молится, Коля страшно скучалъ. Да и какъ было не скучать!—Саша, Петя и Женя возились на колокольнѣ, пускаясь на всѣ выдумки. И вотъ совсѣмъ не по уставу вдругъ зазвонилъ большой колоколъ, и богомольцы напуганнымъ стадомъ шарахнулись къ паперти.

— Дойдетъ до благочинного, ни чертѣ путнаго, олаборники!—брюжалъ пономарь Матвѣй Григорьевъ, сгоняя Финогеновыхъ съ колокольни.

Въ Великій Четвергъ на двѣнадцать евангеліевъ, выходя съ горящими свѣчами, Финогеновы тушили огни у особенно ревностныхъ покровскихъ прихожанъ, къ великому негодованію ихъ и обидѣ.

— Душа моя, Коко, — наставляла послѣ бабушка,— Богъ тебя накажетъ за это, и нешто въ законѣ Божьемъ сказано, чтобы страстной огонь тушить? Гуда ты и Варѳоломей, Искаріотъ, помолись ангелу своему и покайся, ни росту, ничего не дастъ тебѣ Владыко Господь, и останешься ты курносымъ до скончанія вѣковъ, до самаго свѣтопреставленія!

А Колѣ непремѣнно хотѣлось быть высокимъ—большимъ, большимъ, и чтобы нось быль, какъ у любимаго учителя француза, и ну какъ не будетъ ему ни росту, и ничего до самаго свѣтопреставленія?

Прикладываясь къ Плащеницѣ, Коля каялся, но какъ-то не такъ все выходило, словно поклоны клали за шляпу передъ Крестомъ: очень ужъ было задорно тогда тушить свѣчки — страстной огонь, слышать злющее шипѣніе исповѣшившихся злюкъ и ужасъ видѣть на ихъ передернутыхъ негодованіемъ лицахъ.

Наступалъ Свѣтлый День—Пасха.

И все забывалось. И плохенькия одеженки выказывались новыми и нарядными. Кажется, вся жизнь Финогеновыхъ была въ пасхальной заутренїи, они ждали ее весь

годъ и, что бы ни дѣлали, что бы ни дѣлалось, всегда помнили, будетъ Пасха, вотъ Пасха придетъ!

И какая радость и какая мука! Послѣ обѣдни, выходя изъ церкви на паперть, Коля постоянно чувствуетъ, какъ жгучій стыдъ заливаетъ ему сердце: на паперти со всѣхъ сторонъ тянутся къ нему дрожащи руки:

— Колечка, дай копѣчку!

— Колечка, Христосъ воскресъ!

И навязчиво идетъ запахъ гнили и промозглаго немытаго тѣла, а всѣ эти лохмотья вздрагиваютъ отъ утренника.

— Колечка, дай копѣчку!

— Колечка, Христосъ воскресъ!

А онъ такой нарядный,—ему кажется такъ, что онъ нарядный, и идеть онъ домой разговляться! Какая мука и какъ ему жутко, что всѣ они такие: нѣть у нихъ дома, нѣть у нихъ и пасхи бѣлой съ яркими красными цветами. И какъ хотѣлъ бы онъ быть съ ними нищимъ! И до боли ярко онъ ужъ видѣтъ себя тутъ, на паперти, среди нищенской рвани въ лохмотьяхъ, безъ дома и безъ пасхи.

— Воистину, воистину воскресъ!—онъ вынимаетъ изъ курточки всѣ свои новенькия копѣйки, подаренные Варенькой на Пасху, и суетъ въ закорузлыя, ловящія руки. А колѣвъ такъ мало.

Мглистое утро съ собирающимся снѣгомъ перекликается одинокимъ колокольнымъ перекликомъ запоздалыхъ и растянутыхъ усердныхъ обѣденъ.

Прямо изъ церкви Финогеновы шли поздравлять Огорѣлышевыхъ: Арсенія и Игнатія. Не безъ страха, теряя голосъ, вступали они въ бѣлый огорѣлышевскій домъ.

Обыкновенно на Прощенное Воскресенье, когда, бухаясь каждому въ ноги, они положено приговаривали: „Простите, дядюшкa, ради Христа!“—бывала большая проборка, и за

дѣло и для острастки—на будущее. И на Пасху надо было ждать бѣды.

Между Огорѣлышевыми и Финогеновыми лада не было. Озорство Финогеновыхъ раздражало Арсенія, а кромѣ того Варенька подливала масла въ огонь. Нерѣдко въ свои отчаянныя минуты, желая, должно быть, сердце сорвать, Варенька посыпала письма Арсенію, и въ письмахъ описывала ему Богъ знаетъ что о дѣтяхъ, и всякий разъ просила брата сдѣлать имъ внушеніе, такъ какъ силъ ея нѣтъ, и одна она не можетъ съ ними справиться, проклятыми. И Арсеній принималъ мѣры.

Особенно доставалось Колѣ и Петѣ. Съ Колей началось очень давно, когда еще былъ онъ совсѣмъ-совсѣмъ маленькій. Вела его какъ-то Прасковья по двору гулять, встрѣтился Арсеній, Коля и протяни ему руку. „Ты, мальчишка, смѣешь мнѣ первый подавать руку! Забываешь, кто ты: на нашъ счетъ живешь!“—бѣленился Арсеній, и въ голосѣ его звучало что-то кошачье: было такъ, будто кошка, долго и пристально насмотрѣвшись въ глаза другой кошкѣ, отпрыгнула вдругъ, ощетинилась и взвизгнула. А у Коли тогда губы дрожали, но рука не опускалась.

Робко прокравшись по парадной лѣстницѣ, Финогеновы входили въ кабинетъ къ Арсенію, и каждый еле слышно произносилъ затверженное:

— Поздравляю васъ, дядюшка, Христосъ Воскресъ!

— Болваны!—не глядя, обрывалъ Арсеній,—чаще драть васъ, вотъ что! И ты! и ты! Лѣнтии, дармоѣды. Тебя, Петька, выдеру, призову рабочихъ и выдеру: ты у меня забудешь трубку курить. А ты, курносая гадина, чего ротъ разинулъ? И ты дуракъ, туда же,—Арсеній потеребилъ бумагами: праздники для него ножъ острый, Пасха въ особенности, какъ-ни-какъ, а отрываться отъ дѣла ему придется,—ну, маршъ, отправляйтесь!

Кубаремъ скатываются Финогеновы съ парадной огоръльышевской лѣстницы, да вирипрыжку по двору мимо фабрики, мимо фабричныхъ корпусовъ къ себѣ въ красный флигель, гдѣ ихъ ждеть-ожидается и бабушка и Маша и нянька. И дома въ одиночку и хоромъ славятъ Христа, кричать на весь домъ и христосуются съ бабушкой, съ нянькой, а съ Машей несчетно разъ.

Въ первый день послѣ вечерни приходитъ Покровскій батюшкa съ крестомъ.

Пономарь Матвѣй Григорьевъ, нахристосовавшись, едва держится на ногахъ.

— Пупокъ у меня не на животѣ, а на спинѣ этакъ!—толкуетъ онъ каждому и, весь изгибаясь, посмѣвается, не открывая рта.

За чаемъ батюшкa пробираеть Петю за трубку.

— Дьявольскій ты сынокъ!—говорить батюшкa,—накажеть тебя Богъ!

Всѣ Финогеновы курили, и курили до зеленыхъ кружковъ и тошноты. Но трубка Петина: Петя главный курильщикъ. Они еще не научились воровать, ихъ деньги—копѣйки, и на копѣйки, перепадавшія имъ отъ Вареньки, съѣдалось мороженое и покупались на великому посту гречники, и волей-неволей приходилось курить тотъ самый табакъ—листья, которыми перекладывалось зимнее платье.

— Ну, Христосъ съ вами. Пресвятая Владычица, малыши вы, неразумные!—батюшкa гладилъ дѣтей по головкѣ, вставая изъ-за стола.

А Варенька плакала, загрызала ногти,—ногти все были изгрызаны, загрызала мясо у ногтей, Варенька жаловалась.

— Потерпите, несите крестъ!—наставлялъ батюшкa.

— Да они, онъ... они... жизнь мою... я...,—глотая слезы, бормотала Варенька.

— Пупокъ у меня не на животъ, а на спинѣ этакъ!—
толковалъ Матвѣй Григорьевъ на прощанье и, весь изгинаясь,
ноsemѣвался, не открывая рта.

Подъ ночь въ Пасху бывало грустно: жалко было, что
прощель Свѣтлый день.

„Если бы всегда была Пасха!—мечталъ Коля.—только
и въ раю, должно быть, всегда Пасха, и умереть, говорятъ,
хорошо на Пасху, прямо въ праведники. Дѣдушка на тре-
тий день издохъ...“—И вдругъ вспоминались ему нищіе на па-
нери съ протянутой рукой.

А въ крышу постукивалъ теплый дождь, зеленью кра-
снѣй траву и черный берегъ оттаявшаго пруда.

И лягушки, выпучивъ сонные бѣльма и растаращивъ
ланки, въ первый разъ послѣ зимняго сна, безтолково ква-
кали. И подъ дождемъ земля расправлялась и тучнѣла, и всѣ
сѣмена жизни зреТЬ стали, наливаться, изнемогая въ своей
любовной жаждѣ.

Зарею первыя нѣжныя травинки, первые голубые под-
солнѣжники, будто хоръ дѣвочекъ—благовѣстница грядущихъ
невѣсть, выглянули на восходящее солнце Христова дня,
на Христа воскресшаго.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Семи-винтовое зеркальце.

Бесна началась не на шутку. Съ каждымъ днемъ становилось теплѣе. Благополучно прошли экзамены. И скоро о зимѣ забыли. Передъ Финогеновскимъ домомъ на огородѣ зацвѣли яблони и вишни. Бѣло-алыя дождинки яблонова и вишневаго цвѣта, осыпаясь съ деревьевъ, залетали въ комнату Вареньки.

Съ самаго утра Финогеновы на огородѣ, въ землѣ копаются. Рубашки и штаны испачканы, лица и руки въ грязи,—чертенята маленьkie.

— Эй, плотнички лихie, работай!—покрикиваетъ Петя.

— Стемнѣеть, за досками пойдемте: щалашъ надо строить, безъ щалаша намъ никакъ нельзя, — Саша, какъ заправскій землекопъ, поплевываетъ себѣ на руки, — или берлогу выкопаемъ въ двадцать сажень, тамъ чай пить будемъ и кровать поставимъ. У Сухоплатовыхъ вонь берлога на дворѣ сдѣлана въ пятьсотъ сажень, Васька Сухоплатовъ разсказывалъ, музыка у нихъ въ берлогѣ играеть.

— Свой прудъ выроемъ!—поддакиваетъ Коля.

— На той сторонѣ кизельникъ зацвѣлъ! — объявляетъ Женя.

Той стороной называлась часть огорѣлышевскаго сада къ Синичкѣ: тамъ росли старыя яблони, которыми особенно дорожилъ Игнатій, вкусный кизельникъ и дикая малина.

И хотя караулъ ставился крѣпкій и всякий день изъ другого огорѣлышевскаго маленькаго фруктоваго сада присыпали Финогеновы по корзинѣ всякой падали: щѣль до отвала,—все равно, наѣдаясь до отвала, до холеры огорѣлышевской падалью, Финогеновы не оставляли къ Ильину дню ни яблочки, ни ягодки. Обыкновенно позднимъ вечеромъ Финогеновы щелушили деревья, а чтобы запугать сторожей, хлопали въ ладоши, будто водяной тѣшится.

„И садъ и прудъ проклятые,— шла молва,— нечистый ходить! Пошелъ намедни въ караулъ Егоръ-Смѣхата,— рассказывали потерпѣвшіе отъ огорѣлышевскаго нечистаго,— и изъ пруда ему рожа, да какъ загогочеть, инда яблоки попадали. Подобралъ Егоръ полы, да лататы. Душка-Лиссия, богоявленской кропила, насилу отходился. А Егоръ-то, вѣдь, во,—смѣхата!“

— Палевый вчера улетѣлъ, остался одинъ черногѣгій. И подсѣву нѣтъ, — вспоминаетъ о голубяхъ Коля, онъ работаетъ лѣниво, и не такъ пачкается, какъ другія дѣти, онъ любить, чтобы чисто все было, какъ стеклышко.

Голуби—общіе Финогеновскіе, но Коля чувствуетъ къ голубямъ особенную нѣжность. Онъ и тайники и всякия приманки выдумываетъ.

Петя гоняетъ голубей: его дѣло—залѣзть съ шестомъ на крышу и посвистывать.

Въ воскресенье и въ праздники Финогеновы, забравъ голубей, ходили на дальний бульваръ, гдѣ открывался птичій базарь, на базарѣ они приторговывали новыхъ или обмѣнивали своихъ или просто слонялись, вступая съ тор-

говцами въ препирательства, задирая баxвальствомъ своимъ и плутнями. О горѣлышевце въ весь базарь зналъ.

Къ голубямъ пристрастилъ Финогеновыхъ огорѣлышевскій приказчикъ, Михаилъ Ивановичъ.

За старостью лѣтъ, жиль Михаилъ Ивановичъ на покоѣ на дворѣ у амбаровъ въ старой конторѣ, дѣла у него хо-зяйского никакого не было, развѣ вечерами, когда вызоветъ его къ себѣ Арсеній въ шашки поиграть, но это бывало такъ рѣдко. Все свое время проводилъ Михаилъ Ивановичъ съ птицами. Страстный любитель птицъ онъ только ими и жилъ. Занимали птицы всю его квартиру, не было уголка безъ клѣтки. Птицы чахли, гадили, а пѣть мало пѣли.

Финогеновы часто забѣгали къ старику, любопытство-вали, а Михаилъ Ивановичъ, не торопясь, отиципывая не хуже бабушки понюшку за понюшкой, рассказывалъ имъ о каждой птичей породѣ, и представлялъ голоса, и ставилъ примѣрные силки и западни, и нерѣдко случалъ пичущекъ въ надеждѣ имѣть яички: ужъ очень хотѣлось старику ма-ленькихъ птенчиковъ повидать, выходитъ птичекъ.—авось запоютъ!

Къ великому удивленію и огорченію Михаила Ивано-вича послѣ Финогеновскаго посѣщенія клѣтки какъ-то сами собою открывались и, несмотря на двойныя рамы круглый годъ не отворяемыхъ оконъ, птицы вылетали на волю. Ду-матъ на Финогеновыхъ онъ никакъ не могъ,—Михаилъ Ива-новичъ былъ мужъ дальнихъ замысловъ, и всегда охотно принималъ дѣтей и съ удовольствіемъ показывалъ имъ свое пѣвчее пернатое царство.

Любовь Михаила Ивановича къ птицамъ и охота за ними очень увлекла Финогеновыхъ. Когда гостившая у Степаниды дочь ея, Авдотья-Свистуха, собиралась уѣзжать въ деревню, Коля написалъ ей большой списокъ, чего Ав-дотья привезти должна, когда въ слѣдующій разъ къ Степанидовъ въ гости прїдетъ. И чего-чего въ запискѣ этой не

было: и соловей, и жаворонокъ, и кукушка, и филинъ, и аистъ, и журавль, и орель, и даже самъ павлинъ, а изъ звѣрей— медведь съ медвѣжатами, заяцъ, лисица, волкъ и слонъ. Авдотья рассказывала Колѣ, что въ ихъ деревнѣ водится геній звѣрь и птица, Коля и задумалъ Авдотиныхъ звѣрей на огорѣлышевскій дворъ пустить, и просилъ онъ не такъ ужъ много, всего по одной штукѣ. Авдотья записку въ пла-токъ себѣ завязала съ паспортомъ, а звѣрей такъ и не дождался Коля.

— Весь звѣрь нынче перевелся по грѣхамъ нашимъ,— оправдывала Степанида дочь свою Авдотью,— одинъ воробей остался, да и то птица непутевая!

Благодаря Михаилу Ивановичу, была у Финогеновыхъ такая голубятня, всѣмъ голубятникамъ на зависть. Теперь совсѣмъ ужъ не то, сломали у нихъ голубятню.

И все изъ-за Палагеи Семеновны. Узнала она о голубяхъ, вознегодовала: какъ можно, вѣдь гонять голубей значить быть голубятникомъ, а быть голубятникомъ—неприлично и бешправственно.

И желая разъяснить дѣтямъ ихъ дурной поступокъ, вызвалась голубятню посмотретьть, чтобы тамъ на мѣстѣ наставление свое сдѣлать.

Финогеновы согласились, подставили лѣстницу.

Высоко задирая юбки и вскрикивая, взобралась Палагея Семеновна по трясущейся крутой лѣстницѣ подъ самую крышу къ слуховому окошку мезонина и, наступая на теплый пометъ, приготовилась наставлять, но дѣтей на голубятнѣ не оказалось, хоть бы одинъ кто-нибудь, никого не было, да не только дѣтей, и лѣстницы — лѣстницу они отставили. И натерпѣлась же она страха, наморили они ее, паоралась вдосталь. Узналъ Арсеній, и была послѣ потасовка, а голубятню сломали. А какая была голубятня! Теперь совсѣмъ не то.

Солнце, осмотрѣвъ всѣ закоулки двора и тѣнистый берегъ пруда, вышло на самую сердку грѣть старыхъ огрѣльщескихъ сазановъ и налить ледяные ключи.

Финогеновы бросаютъ лопаты и съ огорода домой обѣдать.

По праздникамъ послѣ обѣда приходитъ Филиппокъ сынъ Степаниды, коренастый и черномазый, взъерошенный мальчишка-сапожникъ. Филиппокъ большой искусникъ: ловкачъ мастерилъ изъ разноцвѣтной кожи оружіе, ордена и всякия медали.

Съ приходомъ Филиппика начинались разбойничьи игры и война.

Что ни попадетъ подъ руку, все летить вверхъ тормашками: стекла и куры, скамейки и цвѣты, дрова и собаки,—не попадайся! Тамъ, глядишь, кто-нибудь и въ прудъ бултыхнется. И не ходить, а словно на коняхъ носятся въ бумажныхъ и кожаныхъ орденахъ, съ подбитыми глазами, исцарапанные.

— Вольница, удержу на васъ иѣть, оглашенные! — ходитъ Прасковья, собираетъ черепки.

А война въ самомъ разгарѣ, — такую войну и самый настоящій театръ не представить.

Вотъ будто пожаръ, весь городъ въ огнѣ. Осажденные, озвѣрѣлые отъ голода и тревогъ, мечутся люди, рвутся подъ бьющей бѣдой, стеная и проклиная. Вотъ буря, корабли тонутъ въ волнахъ, а надъ головой свищутъ пули.

Вотъ бѣгутъ, — по пятамъ черный дымъ и грохотъ, впереди топъ крови.

Вотъ лопнетъ сердце, вотъ духъ захватить.

И крикъ взрываетъ садъ, и, кажется, изъ фабричной огорѣльщеской трубы, выпыхивающей клубы сѣдого дыма, кричить этотъ крикъ неумолимо-рѣзкій и страшный:

— Бей! бей! бей!

И вдругъ острые, какъ клещи, пальцы огорѣлышевскаго управляющаго Андрея Филимоновича вонзаются въ ухо кому-нибудь изъ Финогеновыхъ и болно выворачиваются мягкий хрящъ:

— Дяденька ножалуемся!

— Андрей-воробей! — Андрей-воробей! — дѣти, поддразнивая, кричатъ всѣ за разъ, кружатся, а ихъ проворныя руки то и дѣло салятъ Филимоныча съ крючковатымъ носомъ, на которомъ торчитъ сухой конскій волосъ.

Согнувшись, проходитъ Филимонычъ къ фабричному корпусу, наводя страхъ и порядокъ.

„Со свѣту сжилъ, дьяволъ, — ропщутъ по двору на управляющаго, — лизунъ огорѣлышевскій, шпіонъ подхвостники! Найдетъ полоса, хлебнешь изъ пруда!“

Кончилась разбойничья игра, прошла потѣшная война, скрылся управляющій, и Финогеновы въ купальню — купаться. До дрожи до тошноты ныряютъ они и плаваютъ, ни сухого мѣстечка въ купальнѣ, а забрызганныя одежда ихъ свертывается, какъ выполощенное бѣлье.

Послѣ купанья — на навозъ, на ту сторону сада къ липамъ.

Навозъ складывается около забора, отдѣляющаго огорѣлышевскій садъ отъ берега Синички. Въ навозѣ водятся необыкновенно жирные бѣлые черви. Финогеновы разрываютъ навозъ, чтобы выкопать этихъ жирныхъ бѣлыхъ червей, и, набравъ полныя горсти, раздавливаютъ червей по дорожкамъ.

А надоѣдя черви, идутъ Финогеновы ловить лягушекъ. Ловятъ и пускаютъ въ кадушку.

Кадушка — подъ желобомъ у дома. Наберуть полную кадушки и за игру въ лягушки: отрываютъ лапки у лягушекъ, выкалываютъ глаза, распарываютъ брюшко, чтобы кишки поглядѣть. А лягушки квакаютъ, захлебываясь, квакаютъ во всю лягушиную глотку по-человѣчъи.

— Ай! нагрѣшики! — спохватывается Степанида, — всю то мнѣ воду опоганили! — и долго возится съ кадушкой, вылавливаетъ лѣвой рукой скользкія лягушиня внутренности и лапки.

Отъ этихъ лягушекъ, — такъ были всѣ увѣрены, — пальцы у Финогеновыхъ обростали за лѣто бородавками.

„Это отъ ихнихъ соковъ поганыхъ“, — объясняла Прасковья, и бабушка, и Степанида, и даже Маша.

За то какое удовольствіе послѣ каникулъ сводить бородавки! Пальцы мазали теплыми куриными кишками, кишки зарывались въ землю, а когда кишки сгнивали въ землѣ, бородавки пропадали.

Бросять Финогеновы лягушекъ, и на качели, качаться.

Выпачканные въ навозѣ, липкие отъ раздавленныхъ червей и распотрошеннѣхъ лягушекъ, они качаются-подмакиваются до замиранія сердца, они взлетаютъ за фонарь до маковки старой березы, — вотъ, вотъ перелетить доска за перекладину... А вѣдь этого имъ только и хочется, чтобы доска перелетѣла за перекладину. Накачавшись велась, Финогеновы лазаютъ по качельнымъ канатамъ. Лазить по качельнымъ канатамъ особенное удовольствіе. И долго они лазаютъ, жмурясь и вздрагивая отъ захватывающаго чувства сжимать ногами упругую, щекочущую веревку. И, добираясь до самаго края, вверху у колецъ задерживаются и висятъ, какъ маленькия обезьянки.

Вечерѣеть. Вечеръ раскаляется за Боголюбовы монастыремъ закатныя красныя тучи, и черныя длинныя тѣни соенно проплываютъ по пруду. Начинается вечерняя игра.

Подымаютъ Финогеновы свои знамена и хоругви—шесты, обитые вверху разноцвѣтными тряпками, и трогается крестный ходъ: избіеніе младенцевъ.

Сажей и кирличемъ вымазаны лица и руки у хоругвеносцевъ.

Впереди всѣхъ Коля въ бѣлой простынѣ на длиннѣйшихъ ходуляхъ. А жертва—Машка Пашкова, дѣвченка, дочь слесаря, мечется и визжитъ.

— Машка Пашкова! Машка Пашкова!—сначала тихо, потомъ все громче, гнусаво, говоркомъ, изводяще гнусаво поетъ хоръ, по пятамъ гоняясь за дѣвочкой, пока она не выбѣтъ изъ послѣднихъ силъ.

Затравленная Машка камушкомъ влетаетъ въ каморку къ отцу, бросается въ колѣни къ отцу, дрожитъ, какъ листикъ.

Отца Машки, Павла Пашкова, Финогеновы боялись. Трезвый онъ былъ не страшень, но когда наступалъ запой, въ запой Павелъ Пашковъ свирѣпѣлъ. Блѣдный, словно мукою обсыпанный, съ впалою грудью, задыхаясь, бѣгалъ слесарь съ ножомъ по двору, искалъ зарѣзать огорѣлышевцевъ. И въ такие дни Финогеновы обыкновенно прятались въ самыя засадныя мѣста, и только, когда Пашковъ, обезсильствъ, съ окровавленными руками, съслинишееся прядью бурыхъ волосъ на закопченной головѣ, валился гдѣ-нибудь у помойки, они выходили изъ своихъ потайныхъ норъ.

— Машка Пашкова, Машка Пашкова!—сначала тихо, потомъ все громче, гнусаво, говоркомъ, изводяще гнусаво, поетъ зловѣщій хоръ.

Сложатъ хоругви за террасу и въ бабки играть. Финогеновы играютъ въ бабки по разному: въ бабки-салки, въ конъ-законъ, въ Ѵздоки и въ плоцки.

Вмѣсто бабокъ иногда играли они въ Палочку - выручалочку, въ казаки-разбойники или въ мирную игру—въ разнозчиковъ, представляя старика разнозчика Анисима, доставлявшаго Финогеновымъ телятину бѣлую, какъ пищая бумага, и раковъ,—Варенька только и бѣла раковъ.

И за бабками непремѣнно подерутся. Да и какъ не

подраться: тутъ каждый другъ передъ другомъ соперничаетъ. Финогеновы лупили другъ друга чѣмъ ни попало.

Въ Боголюбовомъ бываютъ часы восемь.

Въ садъ выходитъ гулять Игнатій съ книжкой и биноклемъ.

Хоронясь отъ Игнатія, чтобы не попасться ему на глаза, забираются Финогеновы подъ террасу и на корточкахъ въ темнотѣ и сырости слушаютъ разсказы Филиппка.

Филиппокъ начинаетъ съ своего хозяина-сапожника, разсказываетъ о мастерахъ сапожныхъ и подмастерьяхъ, потомъ переходитъ къ сказкѣ. И всегда разсказываетъ онъ одну и ту же сказку о семи-винтовомъ зеркальцѣ,— непечатная сказка, затѣйливая, запутанная, такая забористая, и слушать ее, хоть сто разъ прослушаешь, никогда не надѣешься. Другой Филоппокъ не знаетъ.

Спадаетъ жара. Убирается Филиппокъ восьмой. И выходитъ теплая, темная ночь,— темный ли саванъ на ней, черные ли кудри вьются?—она идетъ, теплая, темная ночь, въ полыхающихъ слѣпыхъ зарницахъ, въ зоркихъ звѣздачкахъ, и замираетъ жизнь отъ Камушка до Чугунно-литейного завода и отъ Колобовскаго сада до Синички.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Мертвая грамота.

На Казанскую въ ночь къ Финогеновымъ воръ залѣзъ, украдь ничего не укралъ, а шуму надѣлалъ много. Какъ могъ проникнуть воръ къ Финогеновымъ, сказать мудрено. Внизу, во всѣхъ окнахъ и въ залѣ и въ гостиной на лѣто вставлялись деревянныя рѣшетки, только одно окно въ комнатѣ Вареньки—въ спальнѣ, у кюта, было безъ рѣшетки, но зато оно и не выставлялось. Влѣзъ ли воръ въ форточку—форточку Варенька держала на ночь открытой, или, забравшись еще наканунѣ подъ диванъ въ гостиной и пролежавъ тамъ весь вечеръ, ночью онъ вышелъ и прямо къ Варенькѣ? Одни говорили, въ форточку влѣзъ, другіе, изъ-подъ дивана вылезъ, а кто былъ правъ—и то и другое возможно. Одинъ только Сёма печникъ, работавшій когда-то у Огорѣльщихъ, юродивый, шатавшійся по околодку въ своей шапкѣ, сдѣланной изъ игрушечнаго барабана съ бубенцами, головой своей барабаномъ потряхиваль, не соглашаясь ни съ тѣми, ни съ другими: не принималъ юродивый ни форточку, ни диванъ.

Сема все бормоталъ о какой-то грамотѣ, о какой-то о мертвѣй грамотѣ, и больше отъ него нельзѧ было ничего добиться. И огорѣлышевскіе мудрецы въ родѣ Душкіи-Анисьи, огорѣлышевской прачки, толковали и перетолковывали непонятныя слова юродиваго мертвой грамотѣ. По ихъ толкованію выходило такъ, что, хоть воръ и былъ, но воръ не настоящій, и приходилъ этотъ не настоящій воръ съ грамотой приносить воръ мертвую грамоту — смертный приговоръ. Но кому приносить воръ смертный приговоръ: всему ли бѣлому огорѣлышевскому дому или только красному финогеновскому флигелю, самому ли Арсенію или только Варенькѣ, обѣ этомъ судить не брались, а юродивый все бормоталъ да головой своей барабаномъ потряхивалъ.

Ночью Варенька вдругъ проснулась. Около ея кровати лицомъ къ шифоньеркѣ, гдѣ прятала она деньги, водку и шеколадныя лепешки, стоялъ здоровый парень въ красной кумачной рубахѣ. Красная кумачная рубаха отъ лампадки казалась страшно кровавой, и перепуганная Варенька, вскрикнувъ, схватила его за рубашку, но онъ рванулся, бросивъ на полъ ключи и въ дверь — въ гостиную. Съ крикомъ выскочила Варенька изъ комнаты въ кухню, изъ кухни во дворъ, она кричала, что воръ въ красной рубахѣ, она кричала, чтобы держали вора въ красной рубахѣ. Лѣтомъ фабричные спали не въ корпусахъ, а на дворѣ и всюду по двору пестрѣли ихъ красныя рубахи. На крикъ они повскакали, бросились ловить вора и со сна ловили другъ друга.

Ночная тревога взбаламутила Финогеновыхъ. Остатокъ ночи въ домѣ никто не спалъ. А день начался жаркій и душный. Для Коли это былъ особенный день: Колю пороли. Еще наканунѣ, поспоривъ изъ-за бабокъ, Коля хватилъ Петю свинчаткой по головѣ да такъ, чуть голову не прошибъ, а въ Казансскую, копаясь съ Женей въ пескѣ, тоже изъ-за чего-то повздорилъ, набралъ песку пригоршню и бросилъ ему въ глаза. А кромѣ того, помогая катать бѣлье, такъ

быстро сталъ вертѣть колесо, что вмѣстѣ съ какой-то простыней между валиками попали и пальцы Пети. Пальцы защемило до черноты, а Петя повалился безъ памяти. Воть за все, за это и рѣшено было выпороть Колю. И взяли его обманомъ. Позвала Прасковья Колю въ комнату Вареньки, будто новые штаны помѣрять. Обрадовался Коля—Коля большої щеголь, побѣжалъ онъ вприпрыжку, быстро стащилъ съ себя старенькия заплатанныя штанишки.

— Нагнись, дѣвушка!—сказала Прасковья, ставъ подъ кіотомъ.

Коля, ничего не подозрѣвая, нагнулся. А какъ Коля нагнулся, тутъ-то и началось; держалъ Кузьма дворникъ, а нянька съ Варенькой ремешкомъ хлестали.

— Будешь, дѣвушка?—приговаривала нянька.

— Буду!—не сдавался Коля.

— Такъ вотъ тебѣ, дѣвушка!—хлестала нянька.

— Гадина, паршивая, гадина, выродокъ проклятый!—подхлестывала Варенька.

Такъ и выдрали. И Коля ни разу не вскрикнулъ, молча, не глядя, надѣлъ онъ свои старенькия заплатанныя штанишки и пошелъ на верхъ въ дѣтскую.

Къ вечеру собралась гроза. Огромная грозовая туча вышла изъ-за Боголюбова монастыря и шла прямо, огромная, на Финогеновскій флигель.

Грозовая жуткая темь пробиралась сквозь стекла закрытыхъ оконъ, ползла на верхъ въ дѣтскую. Нагорая, колыхалась—плыла передъ образомъ Трифона Мученика креценская свѣча. А гдѣ-то надъ потолкомъ, высоко надъ крышей, въ рѣдкихъ дрожащихъ капляхъ дождя ворчало что-то, перекатывалось, будто какое-то страхъ-страшное, безглазое чудовище,—погрохатывалъ громъ.

Стоналъ Петя, ерзая отъ боли: на головѣ тяжелая повязка, расплющенныя черные пальцы крѣпко бинтомъ замотаны.

Женя, уткнувшись лицомъ въ подушку, не переставая, плакалъ: схватила его всегдашняя боль, нестерпимо болѣло гдѣ-то надъ бровями въ вискахъ.

Заглядывала въ дѣтскую Прасковья и опять внизъ уходила. Поджатыя, поблекшія губы шептали молитву. Въ Варенькиной комнатѣ—въ спальнѣ хлопала форточка: хлопнетъ, вѣтромъ закроется и опять хлоннетъ.

Сжавшись, сидѣлъ на верху у окна Коля. Его до крови искусанные губы вздрагивали, сухимъ блескомъ горѣли темные съ поволокой глаза. Онъ какъ сѣль у окна послѣ порки, такъ и сидѣлъ, не оглядывался, все на одномъ мѣстѣ. Надъ Боголюбовымъ монастыремъ распахнется, и мгновенно закроется огненная полоса, будто яркая, ярко-блѣлая, до блѣла раскаленная пасть какого-то страхъ-страшнаго безглазаго чудовища.

Коля вспоминаетъ, какъ его пороли въ спальнѣ передъ кіотомъ, какъ обманули его новыми штанами, и гдѣ-то въ сердцѣ, на самомъ днѣ сердца что-то словно бурлитъ—закипаютъ слезы и не могутъ подняться, не слезы—расплавленное олово слезное.

Петя вскрикнулъ, заерзалъ на кровати и затихъ, будто обмеръ.

И растопырились передъ Колей распллющенные черные петини пальцы, и онъ увидѣлъ такъ ясно передъ собой Петю, какъ отъ боли тогда у Пети глаза закатились и какъ ткнулся Петя въ катокъ, весь блѣлый.

Вдругъ блѣлые стрѣлки забороздили темь. И удариль громъ, словно сорвалась чугунная гора, грохнулась, разскѣла полнеба и раскатилась надъ самой головой глухозвучащими, желѣзными шариками.

Зачѣмъ Коля такъ обидѣлъ Женю? Развѣ не зналъ онъ, что у Жени глаза больны? Полную горсть бросилъ, все глаза засыпалъ. А вѣдь только-что передъ этимъ Женя сказалъ Колѣ, что трогать его не будетъ, пусть и Коля

его не трогаетъ. А Коля взялъ песку да въ глаза ему, всѣ глаза засыпалъ.

— „Я тебя, Коля, трогать не буду, я тебѣ служить буду!“—повторяетъ Коля слова Жени, и надрывается сердце.

Коля потихоньку пріотворилъ окно: пускай его громъ разразить! И высунулся въ окно, тянется подъ тучу, подъ молнію.

— Пускай меня громъ разразить!—шепчетъ онъ грому, грозѣ, тучамъ.

Но не жжетъ молнія, не ударяетъ громъ, только деревья перешептываются, свистятъ, и листъ къ листу ластится, точно хоронится.

И вдругъ онѣмѣлъ Коля отъ отчаянія — его и громъ не беретъ!—и въ отчаяніи закусилъ себѣ палецъ, крѣпко до крови, и почувствовалъ, какъ что-то тяжелое—какая-то огромная синяя свинчатка ударила его въ грудь, а красный, заревной свѣтъ хлещетъ его по ногамъ, хлещетъ по лицу и уходитъ въ голову и тамъ крутится, и, закрутившись, расплывается легко и мягко.

Коля выпустилъ изо рта палецъ и упалъ на полъ. И лежалъ на полу въ глубокомъ обморокѣ, пока не пришла Прасковья.

Прасковья и Саша, кропя богоявленской водой, подняли Колю на руки и уложили въ кровать. И отъ окна до кровати закраснѣла дорожка густо-красныхъ капелекъ крови.

Коля очнулся ночью: тикаютъ—ходятъ часы, и кто-то маленьkimъ пальцемъ все стучитъ въ окно.

Ангель ли Божій стучалъ въ окно, злой ли демонъ, одинъ ли изъ бѣсовъ или просто бѣсенокъ, съ вѣстью ли благовѣстною или съ мертввой грамотой—и зачѣмъ она и кому она? Ангель ли Божій, злой ли демонъ, одинъ ли изъ бѣсовъ или просто бѣсенокъ, кто-то маленьkimъ пальцемъ все стучалъ въ окно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Огорѣлышевцы.

Въ дѣтской душѣ скоро все забывается, такъ ужъ Богомъ она устроена. Поджили расплющенные пальцы у Пети, и забылъ Петя о своихъ пальцахъ, вылизала языккомъ Душка - Анисья у Жени въ глазахъ всѣ песчинки, поболѣли глаза, поправились, и Женя забылъ о глазахъ, и Коля забылъ, какъ пороли его передъ кѣтомъ. А вотъ о ворѣ, забравшемся къ Финогеновымъ въ ночь на Казанскую, долго помнили: не годъ, а цѣлыхъ два года вспоминали о ворѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ приходилъ воръ, у Вареньки стали пропадать деньги. Куда могли пропадать деньги изъ запертої шифоньерки, никто не догадывался. И зналъ только Петя и Коля: Петя и Коля не хуже заправскаго вора влѣзали черезъ форточку въ спальню, отпирали шифоньерку и, не трогая водки, ъли шеколадныя лепешечки и брали мелочь. Крупное—бумажки они оставляли въ покой и только всего разъ или два былъ случай. Однажды, вернувшись изъ гимназіи, Петя показывалъ десять рублей—онъ ихъ нашелъ на дорогѣ, такъ объяснялъ Петя. На эти деньги

Петя купилъ себѣ на Камушкѣ у старьевщика серебряные часы, а вскорѣ и у Коли появились часы—луковица. Какъ же было Финогеновымъ не вспоминать вора!

Въ городѣ среди купечества произошло важное событие. По мысли Арсения открылось новое коммерческое училище. Основать образцовое коммерческое училище было давнишней мечтой Арсения, и подъ покровительствомъ всемогущаго князя онъ успѣшио осуществить ее, и въ награду за это, кромѣ всякихъ благодарностей, получилъ онъ изъ Петербурга звѣзду, какой и у самого князя не было. Старились высокіе друзья, надѣ которыхи Огорѣлышевъ, предизвѣя ихъ втайне, не мало смылся.

Въ новое коммерческое училище и перевели изъ гимназіи Женю и Колю. Женю перевели, потому что онъ хворый и въ коммерческомъ ему легче будетъ учиться, Колю просто такъ, за одно, чтобы Женѣ не было скучно. Женя числился на огорѣлышевской стипендіи, за Колю платить Никита Николаевичъ-Ника Огорѣлышевъ.

Первое время въ училищѣ все шло хорошо. Женя и Коля перешли изъ класса въ классъ съ наградами: Коля получилъ награду первой степени, Женя второй. Но ужъ во второмъ классѣ начались нелады, и въ третій классъ перевели Финогеновыхъ не только безъ всякихъ похвальныхъ листовъ, а съ предупрежденіемъ оставить на второй годъ и не столько за лѣнтичество, сколько за поведеніе.

На дому задавали диктанты. Петя, ужъ зачитывавшійся романами, диктовалъ Женѣ и Колѣ, диктовалъ, выбирая изъ своихъ книгъ самыя интересныя мѣста. Книги доставалъ Петя изъ библіотеки на билетъ Вареньки, а также читалъ и тѣ книги, которыя читала Варенька. Палагея Семеновна снабжала Вареньку новинками, о которыхъ много говорили. Такъ попала въ руки Пети Крейцерова соната. Петя продиктовалъ Женѣ и Колѣ и изъ Крейцеровой сонаты. Учитель русскаго языка, Викторъ Викторовичъ

Языковъ—Селедка, учитель очень добрый и мечтательный, заставлявший учениковъ заучивать всевозможные стихи и просматривавший, походя, домашнія диктовки, тутъ обратилъ свое вниманіе, отобралъ себѣ Финогеновскія тетрадки и представилъ ихъ на учительскомъ совѣтѣ. А совѣтъ донесъ самому Арсенію, и иначе поступить не могли: узнай Арсеній самъ безъ доноса,—тетрадь ему всегда могла попасть въ руки, и непремѣнно ужъ прогнали бы учителя и всему совѣту попало бы. Поведеніе Финогеновымъ сбавили, а отъ Арсенія большая была нахлобучка.

Колѣ исполнилось двѣнадцать лѣтъ, Женѣ тринадцать, Петѣ четырнадцать, Сашѣ пятнадцать.

Лѣто принесло Финогеновымъ новую жизнь.

Двоюродный братъ Финогеновыхъ Сеня, единственный сынъ Арсенія, закончилъ свое образованіе, прицѣпилъ къ жилеткѣ золотую медаль, поступилъ въ Огорѣлышевскій банкъ и задумался о развлеченіяхъ. А пока что остановился на кегляхъ: огорѣлышевские плотинки выстроили за сараемъ, недалеко отъ дровъ, подъ Колобовскимъ заборомъ, къ гельбаню.

Играть въ кегли въ одиночку—лучше сидѣть сложа руки и мухъ считать. Сеня пригласилъ Финогеновыхъ и на кегель-банѣ произошло сближеніе между двоюродными братьями. Это сближеніе для Сени не прошло даромъ. Съ одной стороны оно было принято съ большимъ неудовольствіемъ и Арсеніемъ, и Игнатіемъ, дрожавшимъ надъ своимъ любимымъ племянникомъ, какъ надъ роднымъ сыномъ, а съ другой стороны Сеня изъ Сеньки—Гордѣцова, какъ прозвали по двору фабричные Огорѣлышева, превратился наравнѣ съ Финогеновыми просто-на-просто въ огорѣлышевца, и стать уже не хозяйственнымъ сыномъ, а своимъ, Финогеновымъ. Раньше Сеня, пробѣгая по двору, ни передъ кѣмъ не ломалъ шапку, теперь его можно было встрѣтить

и за воротами въ кругу фабричныхъ и въ фабричныхъ корпусахъ.

Кегель-банъ открывался вечеромъ. Женя и Коля ставили кегли. Сеня, Саша и Петя играли.

Первые партии прошли подъ сухую: увлекала новость и неизвѣстность самой игры. А когда вся кегельная мудрость была усвоена, пришлое подмазать: сначала появилось пиво, а за пивомъ шампанское.

По окончаніи игры въ кегли огорѣлышевцы забирали кульки съ виномъ и конфетами и перелѣзали черезъ заборъ въ Колобовскій садъ. Въ Колобовскій садъ, принадлежавшій Никѣ, была калитка, но огорѣлышевцы калиткой пренебрегали. И въ саду начиналась другая игра.

Ника, жившій лѣто въ своемъ подгороднемъ имѣніи,сосѣдямъ разрѣшалъ гулять въ своемъ огромномъ саду. И по вечерамъ лѣтомъ въ садъ набирались гуляющіе. Ухаживать за сосѣдками и подиаивать ихъ, вотъ въ чемъ заключалась огорѣлышевская игра въ Колобовскомъ саду.

Варечка, гимназистка, въ которую когда-то былъ влюбленъ Петя, и ея подруги, особенно Сашенька-казакъ и Вѣрочка, пользовались наибольшими симпатіями огорѣлышевцевъ.

Сеня и Саша, урывками Петя коноводили. Женя и Коля, семеня вокругъ старшихъ, только надѣдали и мѣшиали.

Кромѣ всегдашняго любопытства, Колю мучила ревность.

Коля влюбленъ былъ въ Вѣрочку. Коля влюбленъ былъ и въ горничную Машу, но онъ не зналъ, что онъ любить Машу,—просто она радовала его, когда онъ видѣлъ ее, когда она брала его за руку, когда разговаривала съ нимъ и смѣялась, а о Вѣрочки Коля зналъ, что влюбился въ нее, и себѣ втайне, только себѣ одному назвалъ свое чувство. Машу онъ видѣлъ близко, Маша, играя, обнимала его и цѣ-

ловала его, съ Машей онъ прежде купался, онъ видѣлъ ее обнаженную, среди бѣлаго дня, при солнцѣ, и чувствовалъ, зналъ теплоту ея тѣла и чувствовалъ, зналъ здоровый парной запахъ ея молодого здороваго тѣла, Вѣрочку же онъ видѣлъ только вечеромъ, съ Вѣрочкой онъ ни разу не здоровался за руку, никогда не подходилъ къ ней близко, онъ слышалъ только ея голосъ, она какая-то воздушная проходила мимо него. И первая его любовная мука, первая его любовная тоска связалась въ душѣ его не съ Машей, а съ Вѣрочкой.

По примѣру Пети, который съ годъ ужъ вель дневникъ, записывая въ тетради всякія финогеновскія событія и свои стихи, Коля тоже завелъ себѣ тетрадку, но въ отличіе отъ Петиной маленькую.

Какъ чтеніе книгъ казалось Колѣ какой-то каторгой и онъ ничего не читалъ, такъ и писаніе было для него невыносимо скучнымъ, и онъ представить себѣ не могъ, какъ бы это онъ писать сталъ, а теперь за мѣсяцъ онъ исписалъ всю свою тетрадку. Цѣлая тетрадка дневника наполнена была горькою жалобой нераздѣленного чувства—Вѣрочка на Колю не обращала никакого вниманія, и каждая страница посвящена была Вѣрочкѣ, и не было строчки безъ ея имени, дорогого и страшнаго, первого имени.

Когда пріѣзжали въ городъ изъ имѣнія дѣти Никиты Николаевича, гулянья прекращались, и сосѣдки сидѣли дома, но огорѣлышевцы не пропускали часа и вторгались въ Колобовскій садъ.

Безъ барышень было свое развлеченье.

Начинали съ Пушкина, читали стихи громко, во все горло,—на весь садъ, а когда показывалась въ саду тетка—Ксенечка Огорѣлышева, жена Ники, съ Палагеей Семеновной, пріятельницей своей, и другие двоюродные братья съ боннами и гувернантками, Пушкинъ складывался, и трогался куринъ крестный ходъ.

Впереди шелъ Коля, несъ на головѣ глиняный красный изъ-подъ кваса кувшинъ съ отбитымъ носкомъ, за Колей Сеня, Саша и Петя, а заключалъ Женя съ шестомъ въ рукахъ, на маковкѣ котораго на sagena была червивая, дохлая курица, и при этомъ видъ у всѣхъ наглый и дерзкій—огорѣлышевскій, кланяться—здравствуйте съ теткой, съ двоюродными братьями и Палагеей Семеновной не полагалось.

И въ ужасъ бонны тащили дѣтей назадъ въ комнаты, и слышались охи и ахи: вѣдь первенецъ часъ,—отъ одного вида огорѣлышевцевъ дѣти могли испортиться.

О куриномъ крестномъ ходѣ скоро стало известно Арсенію. Финогеновымъ была проборка, а Сенъ предупрежденіе.

— Вотъ что, Семенъ,—дергаясь, грызъ ногти Арсеній, возвышая голосъ,—я предупреждаю, понимаешь, до добра то не доведеть: съ этими связаться, понимаешь, и не тому еще научать. Я говорю тебѣ!

Кто могъ насплетничать Арсенію?—Конечно, Палагея Семеновна! Это она, никто другой. И нѣсколько вечеровъ огорѣлышевцы придумывали миценіе. Остановились на некрологѣ.

Некрологъ открывался картинкой—изображеніе быть колокольчикъ, что означало сплетню. Колокольчикъ нарисовалъ Саша,—въ гимназіи Саша первый по рисованію. Содержаніе некролога было выдумано всѣми. Какія только не перечислялись въ немъ заслуги! И финогеновская разрушенная голубятня, на которой наставляла Палагея Семеновна, не была забыта. Переписаль некрологъ Коля,—Коля въ училище первый по чистописанію. Когда все было готово, уложили некрологъ въ огромный самодѣльный конвертъ изъ синей бумаги для дѣлъ, запечатали печатками—орлами съ екатерининскихъ пятаковъ и послали Кузьму передать прямо въ руки Палагеи Семеновны.

Должно быть, очень обидѣлась Палагея Семеновна, получивъ такой подарокъ, но ничѣмъ не показала обиду свою,

только у Финогеновыхъ съ тѣхъ поръ, къ большому огорченію Вареньки, ни разу ужъ ноги ея не бывало. Да и какъ могла она показать еще обиду свою, кому жаловаться, когда участіе въ этомъ некрологѣ Сени Огорѣлышева и дураку было ясно. А противъ Сени гдѣ же управа?

Послѣ кегель съ пивомъ или съ шампанскимъ, послѣ Колобовскаго сада, послѣ всякихъ ухаживаній, стиховъ и курина го крестнаго хода, вечеръ обычно заканчивался весело, по-огорѣлышевски. Выходили огорѣлышевцы изъ главныхъ огорѣлышевскихъ воротъ и шли по середкѣ улицы черезъ мостъ мимо Чугунно-литейнаго завода. Сеня и Саша басами читали париміи, подымая голость, какъ знаменитый соборный протодьяконъ. И когда париміи подходили къ концу, къ послѣднимъ заключительнымъ словамъ—И приложатся ему лѣта живота—хоромъ, общимъ выкрикомъ кричали на всю улицу:

— И приложатся ему лѣта живота-а-а!!!

И лошади шарахались въ сторону, и прохожіе крестились и ахали, а остановить никто не рѣшился: ни городовые, ни околодочные.

— Огорѣлышевцы, свяжешься: нагоритъ сице!—только рукой махали и городовые, и околодочные.

Обогнувъ Синичку и перейдя банный мостъ, возвращались огорѣлышевцы домой, но съ другого конца—къ заднему двору, къ краснымъ воротамъ краснаго Финогеновскаго флигеля.

Тутъ у воротъ разсаживаются огорѣлышевцы на лавочки отдохнуть. За ворота выходятъ посидѣть и фабричные. И начинаются всякия разсказни о житьѣ-бытьѣ, о житіи дѣдушки Огорѣлышевыхъ — Николаѣ, а отъ были и дѣяній переходять къ сказкамъ.

— Покойный дѣдушка вашъ,—начиналъ свой разсказъ старый огорѣлышевскій кузнецъ Иванъ Даниловъ,—передъ кончиной живота своего призвалъ меня и говорить: „Сынъ

ты, говорить, сучай, стлупи ты, говорить, мнѣ напослѣдяхъ какой ни на есть охальный разсказъ, али повѣсть материную!“ а самъ ужъ едва дыхаетъ, расцарапай ему кошка хрѣнъ. Такъ-то вотъ. Ну, о пчелѣ что ли?

— О пчелѣ! о пчелѣ! — отъ нетерпѣнія тряслась вся лавочка, такъ хороша была кузнецова сказка о чудесной пчелѣ.

И начиналась сказка о чудесной пчелѣ съ тремя ульями. Расходился кузнецъ, загибалъ словцо, инда небу жарко.

Кузнеца смѣнялъ городовой Максимчукъ хохлатскими, а на загладку ночной сторожъ Аверьянычъ, расползающійся старикашкъ съ трясущимися ногами, умиленно и благодушно, какъ молитву какую, изрыгалъ сквернословіе-прибаутки.

И чутко изъ ночи глядитъ Боголюбовъ монастырь своими бѣлыми бащенками. Выплываетъ изъ-за колокольни теплая ясная луна и въ тишинѣ ея хода поютъ монастырскіе старые часы, и гдѣ-то за прудомъ громыхаетъ сторожевая чугунная доска, и гдѣ-то за прудомъ Трезоръ и Полканъ мечутся на рыкалѣ.

Самъ дьяволъ заслушался! Оялъ ли это синій лѣниво раскинуль свои синія крылья среди млѣющихъ звѣздочекъ отъ края до края по тихому небу, или это теплая, тихая лунная ночь раскрыла свои звѣздами переливающіеся глаза и замерла, затаилась въ слухѣ огорѣлышевцевъ?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ангелы земные—небесные человѣки.

Осенью кегель-бань закрылся: и темно и неловко — и свѣтъ зажигать не позволяютъ, и дождемъ промочены доски. Ходить въ Колобовскій садъ — скучно: встрѣчаться съ теткой радость не большая, да и некогда — началось ученье.

Рѣже видѣлись Финогеновы съ Сеней, только по субботамъ у Покрова за всенощной да въ воскресенье на пруду горку и катокъ вмѣстѣ дѣлали. А послѣ Рождества Сеня уѣхалъ за-границу. Такъ все и кончилось.

Игнатій настаивалъ, чтобы Сеня ѿхалъ въ Англію, Арсеній посыпалъ его въ Бельгію, а вышло и то и другое и даже третье: Сеня поѣхалъ сначала въ Лондонъ, изъ Лондона долженъ былъ проѣхать въ Бельгію, а отъ себя сочинилъ поѣздку въ Италію, и это было тайной, которую онъ сообщилъ только Финогеновымъ, обѣщаюшая когда-нибудь взять ихъ съ собою.

Съ отѣѣзdomъ Сени нечего было и думать о кегляхъ и, конечно, о Колобовскомъ садѣ. Куда было дѣваться однѣмъ Финогеновымъ? И скоро, однако, нашлось дѣло, и

дѣло и развлеченіе—Боголюбовъ монастырь. Правда, и раньше ходили Финогеновы въ монастырь къ поздней обѣднѣ да въ поминальные дни на могилу дѣда—Николая Огорѣлышева, но теперь ихъ походы участились.

За пустыремъ—огородами надъ Синичкою, высоко на крутомъ обрывистомъ холмѣ стоялъ Боголюбовъ монастырь, окруженній крѣпкою бѣлою стѣной съ бѣлыми башенками. Кажется, не было въ монастырѣ камня, не затаившаго въ себѣ слѣдовъ далекаго прошлаго и грознаго времени.

Вонъ къ подножію остроконечной башенки съ каменнымъ мѣшкомъ—кельи схимника, укротителя бѣсовъ. Глѣба, упирается обрубокъ камня, каменная пузатая лягушка съ растопыренными лапами — дьяволъ, проклятый боголюбовскимъ угодникомъ.

Какая пестрая толпа всякой праздникъ окружаетъ лягушку, сколько ртовъ плюютъ, норовя ей въ самую морду!

А вонъ на золотомъ шиницѣ пѣтушокъ съ отсѣченнымъ клювомъ,—кто и за что, за какую хулу отсѣкъ клювъ пѣтушку, все позабыто. А вонъ пужной набатный колоколь съ вырваннымъ сердцемъ—безъ языка, а вонъ слѣды бурыхъ нестираемыхъ пятенъ пролитой крови.

Монастырь — первоклассный: моши подъ спудомъ, архіерей и огромные вклады.

Покойники въ монастырѣ все богатые, смиренные, лежать себѣ подъ крестами и памятниками, смиро гніютъ и истлѣваются. Правда, о. Никодимъ—Гніда рассказывалъ какъ-то за всенощной, будто дѣдъ, Огорѣлышевъ Николай, изъ склепа выходить весь бѣлый и съ ножемъ бѣгаешь, ну, то Огорѣлышевъ!

Братіи монастырской немного, — процентовъ на всѣхъ хватаетъ.

Экономъ воруетъ, казначей ужуливаеть. Поигрываютъ въ карты, выпиваютъ, заводятъ шашни, путаются и за стѣною и въ кельяхъ. Кружка, халтура, проценты,

лампадка,—всѣ помыслы, всѣ разговоры вокругъ этихъ доходовъ, и много изъ-за нихъ ссоры, драки и побоевъ.

Монастырскія ворота запираются въ девять. Привратникъ — кривой монашекъ о. Алфей — Сосокъ. За каждый неурочный часъ беретъ Сосокъ по таксѣ: вернешься до двѣнадцати — подавай серебра, послѣ двѣнадцати — и рублемъ не обойдешься, на то онъ и Сосокъ — привратникъ.

И все идетъ хорошо, благолѣпно, какъ по уставу писано.

Финогеновыхъ встрѣтили въ монастырѣ очень радушно. Еще бы: племянники Огорѣлышева! И у кого не мелькнула надежда черезъ Финогеновыхъ проникнуть къ самому Огорѣлышеву и получить себѣ Огорѣлышевскую лампадку. Ходить за лампадкой въ склепахъ — доходъ большой и вѣрный, какъ проценты съ вкладовъ, вѣрнѣе непостоянной церковной кружки и халтуры—сбора очереднымъ монахамъ въ ихъ служебную недѣлю.

А Финогеновымъ монастырская жизнь и братія пріились по душѣ. Особенно полюбились двое: іеромонахъ о. Іосифъ — Блоха и іеродіаконъ о. Гавріилъ — Дубовыя кирлы.

О. Іосифъ-Блоха — черный продувной цыганъ, приманиль къ себѣ Финогеновыхъ лакомствами и непристойными анекдотами.

Когда сапожникъ, мальчинка — Филиппокъ, сидя подъ террасой, рассказывалъ свою единственную сказку о семи винтовомъ зеркальце, онъ рассказывалъ ее необыкновенно просто и наивно, и вся непечатность сказки только и заключалась въ непечатности словъ и выражений. Какъ-то въ зоологический садъ привезли дикихъ. Финогеновы пошли смотрѣть дикихъ. Дикимъ Финогеновы очень понравились, и дикіе стали показывать имъ свои украшенія и какіе-то подозрительные кабаны хвосты, которыми увѣшаны были ихъ руки, а потомъ подняли свои кокосовые пояса и

название при этомъ сказали и такъ серьезно, такъ наивно, что никому стыдно не стало и никто не хихикнулъ, — такъ и Филиппокъ свою сказку рассказывалъ. И когда кузнецъ Иванъ Даниловъ ночью за воротами принимался за свою пчелу, онъ рассказывалъ ее, словно молотомъ выковывая слова, крѣпко, мертвѣцъ зашевелится. А когда рассказывалъ свои анекдоты о. Іосифъ, все выходило съ медкомъ, да съ патокой, да съ маслецомъ и въ концѣ концовъ тошно становилось.

О. Іосифъ любилъ въ карты поиграть — въ стуколку, а пить не пилъ, но вино держалъ для гостей. На медовый первый Спасъ къ меду съ огурцами поднесъ онъ Финогеновымъ, забѣжавшимъ къ нему послѣ обѣдни, такой наливки—смѣсь когора, пива, запеканки, Коля ползкомъ выползъ, да и остальные не тверды были. Это было первое Колино опьяненіе до потери сознанія: онъ не помнилъ, какъ приползъ, только помнилъ, что не шелъ, а ползъ.

Разсчитывалъ о. Іосифъ на огорѣлышевскую лампадку, навязался къ Финогеновымъ въ гости и повадился. Приходилъ о. Іосифъ не одинъ, приводилъ подручныхъ монаховъ, чаще волосатаго іеродіакона о. Михаила — Шагало. Эти подручные о. Іосифа, которыхъ онъ таскалъ за собой, обыкновенно глуповатые, надобились ему для зубоскальства.

Сядутъ у Финогеновыхъ за самоваръ, выпьютъ одинъ, выпьютъ другой — съ монахами или Финогеновы на споръ: кто больше стакановъ выпьетъ. Станетъ седьмой потъ прошибать, тутъ и начнетъ о. Іосифъ свои анекдоты медовые и всякия подтруниванія надъ подручнымъ — надъ тѣмъ же о. Михаиломъ.

О. Іосифъ, хоть и пить стаканъ за стаканомъ и такъ, чтобы много выпить, да мѣру все-таки знаетъ. О. Михаиль мѣры никакой не знаетъ, онъ пьетъ съ какой-то жадностью, безъ передышки, и доходитъ до того, что совсѣмъ оболдѣваетъ, а ему все подливаютъ.

— О. Михаилъ, ну еще стаканчикъ! — лукаво предлагаетъ Коля: Колю хлѣбомъ не корми, любить онъ такія штуки.

— Достаточно, — отмахивается о. Михаилъ и опрокидываетъ стаканъ, облапивъ его крѣпко волосатой рукой,— достаточно: неспособенъ...

— Несспособенъ, говоришь?—скокомъ подхватываетъ о. осифъ-Блоха,—а какъ же пололка?

— Чего пололка?

— Аниска пололка... айда неспособенъ!—фыркаетъ о. Иосифъ,—ты же, вѣдь, капусту на огородѣ вытопталъ?

— Какую капусту?

— А такую!—и пойдетъ, и до того доведетъ бѣднягу, что тотъ просто языка лишится и отъ смущенія что-нибудь такое выкинетъ, хоть караулъ кричи!

У о. Иосифа — языкъ острый, съ такимъ языккомъ не только огорѣлышевскую лампадку достанешь, а пожалуй, и звѣзды съ неба хватать начнешь. И дostaлъ таки о. Иосифъ лампадку, а ему только того и надо было.

Другой финогеновскій избранникъ, о. Гавріилъ—Дубовые кирлы, тучный и рослый, во всю щеку румянецъ, голосъ писклявый съ пригнуской, добродушіе необыкновенное и глупость непроходимая, взялъ Финогеновыхъ своею потѣшностью.

О. Гавріилъ занималъ въ монастырѣ особенное мѣсто и былъ въ нѣкоторомъ родѣ монастырской достопримѣчательностью, нисколько не уступавшей каменной лягушкѣ—проклятому дьяволу, ржавому пѣтушку съ отсѣченнымъ клювомъ и пужному колоколу. Единственный изъ всей боголюбовской братіи о. Гавріилъ оставался непорочнымъ, на что не безъ гордости указывали вся кому богоомольцу.

— Я, душечка, сохраняю за слѣпотою!—простодушно объяснялъ о. Гавріилъ любопытствующимъ и добивающимся

причины такого необычного явленія, о которомъ только въ писаніи упоминается.

— Слѣпой!—и тутъ скокомъ подхватывалъ о. Іосифъ—Блоха на свой языкъ острый,—а сдѣтай надъ тобой обрѣзаніе и былъ бы ты человѣкомъ!—ну и добавлялъ сейчасъ же всякую всячину съ медомъ, съ патокой и съ маслецомъ.

Келья о. Гавріила — не келья, а свалка. Чего только нѣтъ въ его кельѣ, чего не сложено въ этой свалкѣ: тутъ и сломанная клѣтка, облѣпленная пометомъ, и продырявленные ширмы, и какая-нибудь засиженная мухами, въ масляныхъ пятнахъ занавѣска, и истоптанная никуда негодная штиблеты, и рыжіе, промякшіе отъ безсмѣнной носки, сапоги, и заплѣсневѣвшія опорки, и заржавленные перья, и изгрызанные побурѣвшія зубочистки, и всякие лоскуты, и тряпки, и до дыръ изношенныя рясы, и худое бѣлье, и сломанные часы безъ стрѣлокъ, и зазубренные ножи безъ рукоятки, и рукоятки безъ клинка.

О. Гавріилъ, по собственному его выраженію, ничѣмъ не гнушался. Но зачѣмъ надо ему было безъ всякаго разбора всякую дрянь собирать и загромождать и безъ того свою крохотную келью, самъ онъ ничего не зналъ,—просто ничѣмъ не гнушался и только. И не дорожилъ онъ, не трясся надъ своею рухлядью — кто хотѣлъ, пользовался: бери, сдѣтай милость!

Всякое воскресенье, всякий праздникъ съ нѣкоторыхъ поръ обѣдалъ о. Гавріиль у Финогеновыхъ. Сколько бы ни ъѣлъ о. Гавріиль, все ему мало, а ъѣлъ онъ удивительно по многу. И отъ водки не отказывался, но ужъ послѣ третьей хмелѣлъ. Послѣ третьей лицо его пылало жаромъ и лоснилось такимъ рыбымъ жиромъ, инда сало проступало.

Финогеновы обыкновенно ъѣли быстро, о. Гавріиль копался. И не доѣвъ еще своей тарелки, когда другіе ужъ кончали, онъ сливалъ къ себѣ остатки изъ другихъ тарелокъ. Если же ему предлагали подлить свѣжаго супу или

щей, или хотѣли въ кухню унести начатыя тарелки, онъ обижался.

— Я тебя, — пищалъ о. Гаврілъ, какъ-то растягивая слова съ пригнуской,— я тебя, душечка, обѣѣлъ, я тебя, Сашечка, обѣѣлъ?

Финогеновы знали такую повадку о. Гавріла и всякий разъ хоромъ отвѣчали ему, повторяя по нѣскольку разъ:

— Ты меня не обѣѣлъ! Ты меня не обѣѣлъ!

А онъ, еще больше раззадоренный, тянуль свое, обращаясь то къ тому, то къ другому:

— Я тебя, Колечка, обѣѣлъ? Я тебя, Женечка, обѣѣлъ? Я тебя, Петечка, обѣѣлъ?

— Ты меня не обѣѣлъ! Ты меня не обѣѣлъ!—одинъ былъ отвѣтъ.

Не унимался о. Гаврілъ и, увѣшанный капустой, лапшой, хлѣбными крошками, соловья, растопыривъ онъ жирные лоснящіеся пальцы и надъ своей, и надъ чужими тарелками.

— У-у, пчелочка-заноза, Колечка! пожрутъ онъ тебя.. тысячи... Мартынъ Задека, Женечка... Я тебя обѣѣлъ, я тебя обѣѣлъ?

— Ты меня не обѣѣлъ! Ты меня не обѣѣлъ!—на своемъ стояли и Коля—пчелочка-заноза, и Женя—Мартынъ Задека, и Петя, и Саша, не обращая вниманія, что онъ, т. е. женщины пожрутъ ихъ.

Возрастъ Финогеновыхъ не ахти какой, только одному Сашѣ пятнадцать, но о. Гаврілъ, отъ непорочности ли своей, или еще отъ чего, за дѣтей беспокоился: ему постоянно за обѣдомъ и ужиномъ мерещились женщины,—тысячи миллионы женщинъ, которая вотъ пожрутъ и изосутъ Финогеновыхъ, а можетъ быть, ужъ пожираютъ и сосутъ.

Послѣ обѣда на ужинъ, послѣ ужина на завтракъ уносить о. Гаврілъ отъ Финогеновыхъ къ себѣ въ монастырь

полный судокъ, куда сливалась ботвина и супъ, и уха, и юци, и торчала обглоданная ножка курицы, и мокли разбухшіе куски хлѣба.

По понедѣльникамъ черезъ недѣлю Финогеновы ходили въ баню. Теперь они ходили въ баню съ о. Гавріломъ. Въ банѣ занимался номеръ. И творилось тамъ такое, самъ чортъ шею сломить.

О. Гавріль признавалъ только горячую воду и, сколько ты его не проси, все равно нальешь въ шайку горячей, и пока-то привыкнешь и притерпишься, наорешься, сколько угодно. Отъ горячей воды шуму и крику было не мало. Кромѣ того, самого о. Гавріла мыли Финогеновы вѣмъ соборомъ, какъ выражался о. Гавріль. А отъ этого мытья крику было еще больше.

Мытья полагалось въ номерѣ всего одинъ часъ. И часъ проходилъ, и другой ужъ кончался, а Финогеновы и не думали выходить. За дверью сначала очень вѣжливо напоминали и просили честью, потомъ начинали угрожать—требовали немедленно очистить номеръ.

Не тутъ-то было!

И лишь на отчаянный стукъ, который постоянно слѣдовалъ за просьбами и угрозами, о. Гавріль выскакивалъ нагишомъ въ коридоръ и, извиняясь передъ ожидающими, что является безъ галстука, просилъ повременить.

— Дѣточки не готовы еще, не вымыты!

И проходить еще часъ—третій часъ.

Опять начинали просить, требовать и угрожать.

— Дѣточки не готовы еще, мою! — отвѣчая писклявый голосъ на всякий стукъ.

Но видно, ужъ больше ждать не могли: въ коридорѣ на время все затихало, а потомъ банищикъ хозяинъ, всѣ незанятые банищики, дворникъ, извозчикъ со двора и какой-нибудь изъ публики любитель скандаловъ, или потерявший терпѣніе получить номеръ или просто ревнитель справед-

ливости, тоже всѣмъ соборомъ, вторгались въ финогеновскій номеръ, и съ хохотомъ, бранью и насмѣшкой номеръ, наконецъ, очищался.

По понедѣльникамъ черезъ недѣлю въ Синичкинскихъ баняхъ повторялось одно и то же. Такъ всѣ и знали: если моется батюшка съ дѣтьми, жди скандала.

Послѣ бани дома чай, послѣ чаю,—игра въ быки.

Играли въ быки на верху. Вся игра заключалась въ томъ, чтобы повалить о. Гавріила.

Съ визгомъ и крикомъ вразъ бросались Финогеновы на о. Гавріила, а онъ, нагнувъ голову и раскорячивъ ноги, размахивалъ руками, будто не руки у него, а рога. Финогеновы цѣпки и упорны и до тѣхъ поръ лѣзутъ и цѣпляются, и, хоть что тамъ, не отстанутъ, пока не грохнется, тяжело дыша, быково грунное тѣло, и не одна нога пнетъ и топнетъ въ его медленно подымающейся мягкой животъ.

Какъ-то разыгрались Финогеновы въ этого быка, а все хотѣлось побольше. Случилось, запла зачѣмъ-то на верхъ, въ дѣтскую, Прасковья. Не мигнувъ, бросились они на нянѣку, сорвали съ нея юбку и кофточку, раздѣли ее всю до нага, да къ о. Гавріилу,— и съ нимъ тоже, тоже и его до нага раздѣли. А сами погасили свѣчку, да за дверь, комнату заперли и у дверей караулить стали: что будетъ.

Долго сидѣли несчастные молча.

— Батюшка,—плачущимъ голосомъ, корчась въ одномъ углу, отозвалась, наконецъ, Прасковья,—о. Гавріилъ, пройдись ты маленько, ноги у тебя затекутъ, не гляжу я на тебя.

— Матушка, Прасковья Семеновна,—пичкалъ изъ другого угла, отдуваясь, о. Гавріиль,—пройдись ты, матушка, сама... У! Пчелочка- заноза, Задека, Сашечка, Петечка!

Боевой часъ высидѣли, несчастные, наплакались, а Финогеновы этотъ часъ тряслись отъ хохota подъ дверью.

Было и повтореніе. Только вмѣсто нянѣки сидѣла съ о. Гавріиломъ и тоже нагишомъ Варенька.

Дня не проходило въ монастырѣ безъ финогеновской пятни.

Былъ въ монастырѣ одинъ іеродіаконъ высоты, необыкновенной и такой худой, смотрѣть страшно, о. Геннадій—Курья шейка. Этому о. Геннадію подали Финогеновы на обѣдню поминальную записку съ разными вымышленными новопреставленными покойниками, имена которыхъ по необычайности своей не легко давались: о. Геннадій долженъ былъ громко на амвонѣ читать записку. И когда дошла очередь до финогеновской записи, много бѣднага путался, перевиралъ и запинался, даже поть прошибъ. А о здравіи стояло одно только имя: боляринъ Кайнъ,—и о. Геннадій выкрикнулъ Кaina на всю церковь.

Преосвященный о. Кассіанъ—Хрипунъ, которому тойчасъ же донесли на о. Геннадія, очень пенялъ потомъ іеродіакону своимъ вставнымъ серебрянымъ горломъ и строго наказывалъ не читать впредь такихъ несообразностей.

— Разстригу тебя за непотребное житіе! — хріпѣлъ преосвященный.

Въ наказаніе лишили о. Геннадія на воскресенье служебной кружки—халтуры.

Финогеновы ставили вверхъ дномъ все вѣшнее благолѣніе, какимъ держался монастырь. И братія словно шатались: по кельямъ откальвалось колѣнце за колѣнцемъ одно другого чище. Хохотъ звенѣлъ звончѣе печальныхъ колоколовъ, и заунывное пѣніе терялось въ смѣхѣ и звонкихъ пѣсняхъ. И всѣ эти ухарства финогеновскія сходили имъ за что.

Былъ въ монастырѣ одинъ малюсенкій, безобидный іеромонашекъ о. Алипій—Сопля. Съ лица о. Алипій выдѣлялся изъ своей братіи: весь заплывшій жиромъ, подслѣповатый, львовая грива волосъ на толкачикѣ-головѣ и бородица по поясъ.

Если у Христофора было свиное рыло отъ бѣсовскаго навожденія, то у о. Алипія, должно быть, отъ вождѣлленныхъ помысловъ. Ничего такъ не занимало о. Алипія, какъ женщины. При одномъ упоминаніи о женщинахъ, о. Алипій пьянѣлъ. А если самъ принимался разсказывать свои любовныя исторіи, терялъ отъ волненія всякую рѣчъ, захлебывался и только хихикаль, какъ-то аукая. Руки о. Алипія постоянно мокли, а лицо горѣло-лоснилось въ какихъ-то сальныхъ пятнахъ. Пить водку онъ совсѣмъ не могъ: валился съ первой.

Изъ году въ годъ на именинахъ о. Гавріила бывало большое угощеніе—пиръ всей братіи. Главная приманка—перцовка, настоящая, Богъ знаетъ, на какихъ перцахъ и предназначавшаяся, какъ говорилъ именинникъ, исключительно для низкихъ душъ.

Финогеновы, конечно, были на именинахъ въ числѣ самыхъ почетныхъ гостей.

Зашелъ поздравить именинника и о. Алипій, и получилъ, какъ душа низкая, стаканчикъ перцовки, но пить отказался. И какъ о. Гавріилъ ни просилъ его, онъ все отказывался. Тогда по настоянію Финогеновыхъ, о. Гавріилъ налилъ стаканчикъ той же самой перцовки, но предлагать ужъ сталъ подъ видомъ сладенькаго, котораго и дѣять можно. О. Алипій не выдержалъ,—очень ужъ ему захотѣлось сладенькаго,—и соблазнился. Соблазнился о. Алипій, выпилъ стаканчикъ до дна и не прошло минуты, захихикаль по-своему, зааукалъ да и свалился съ ногъ.

Безчувственнаго іеромонаха положили за занавѣску. За занавѣску пробрались и Финогеновы. И зѣработали ихъ ножницы надъ львовой гривой и бородою о. Алипія. И щелкали ножницы до тѣхъ поръ, пока на мѣстѣ гривы заблестѣла голая колѣнка, а отъ бороды остался одинъ жалкій козій хвостикъ.

На утро въ церкви, увидя о. Алипія, не смѣялись и не хохотали, а просто стономъ стонъ стоялъ, даже пить не могли.

— Убирайся вонъ,—хрипѣлъ преосвященный о. Касьянъ—Хрипунъ своимъ серебрянымъ горломъ на беспомощно потягивающаго свою козью бороденку несчастнаго о. Алипія,—убирайся, пока не отростеть новая, беспокоите вы меня!

Такъ о. Алипія изъ Боголюбова монастыря и прогнали. И пошелъ малюсенький безобидный іеромонашечъ, о. Алипій—Сопля, беспомощно потягивая свою козью бороденку, вонъ за ворота мимо привратника о. Алфей на улицу, безпріютный, искать себѣ пристанище.

Вскорѣ послѣ этого пожелалъ познакомиться съ Финогеновыми Боголюбовскій схимникъ, укротитель бѣсовъ, о. Глѣбъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Хранитель Божьей правды.

О. Глебъ еще совсѣмъ не старый, лѣтъ сорокъ ему, не больше. За свою стойкость и твердость и крѣпость вѣры, за свои подвиги любви и милости, и за то, что жилъ крѣпкимъ и жестокимъ житіемъ, и проницалъ въ будущее, и повелѣвалъ бѣсамъ, и дѣлалъ дѣло жизни, исполнялъ волю Бога, звали о. Глеба вездѣ, и по городу и по окрестностямъ, Боголюбовскимъ старцемъ.

Бѣлый крестъ и бѣлые письмена его черной схими, низко спущенной на глаза, и темные багровыя ямы на мѣстѣ провалившихся ослѣпленныхъ глазъ, и изможденно-бѣлое лицо мученика, и рѣзкія острыя морщины отъ заострившагося тонкаго носа къ угламъ рта, и то, что вздрагивали вдругъ скулы, сводило пальцы, и руки словно ловили что-то около носа, ловили невидимое что то, какихъ-то невидимыхъ мухъ, и тихій скорбящій шопотъ молитвы, и сокрушающая сила его заклятия бѣсамъ, приводили въ трепетъ богомольцевъ.

Первые годы жизни о. Глеба прошли въ городѣ по со-

съдству съ Огорѣлышевскими владѣніями, и старожилы, знаяше его раньше, испытывая духъ писанія, нерѣдко впадали въ соблазнъ.

— Онъ есть ковъ и лукавство!—говорили тогда про Богословского старца и ссылались на писаніе:—„Многіе скажутъ мнѣ, Господи, Господи, не Твоимъ ли именемъ бѣсовъ изгоняли и Твоимъ именемъ чудеса многія сотворили. И тогда скажу имъ, что никогда не зналъ васъ, идите прочь отъ меня, дѣлающіе беззаконіе“.

Но всякий разъ, на воскресныхъ собесѣдованіяхъ, устраиваемыхъ о. Глѣбомъ въ трапезной съ приходящими, или слушая въ пятницу послѣ обѣдни молитву—заклинанія бѣсовъ, съ грознымъ потрясающимъ повѣленіемъ бѣсу:—Да запретить тебѣ Господь!—смущенный духъ соблазненнаго смирялся.

О. Глѣбъ—въ міру Андрей Алабышевъ,—изъ семьи знатной и богатой. Жизнь ему выпала неровная и полная всякихъ случайностей.

Когда умеръ старикъ Алабышевъ, разорившійся, богатый помѣщикъ, а подъ старость смотритель Коловской богадѣльни, Андрею было пятнадцать лѣтъ.

Ни женѣ, ни сыну Алабышевъ ничего не оставилъ. Куда имъ было дѣваться, жить въ смотрительской квартирѣ болыше ужъ нельзя было, ну хоть по міру ступай! И послѣ всякихъ хлопотъ и просьбъ дали имъ, наконецъ, комнату въ бесплатныхъ квартирахъ при Коловской богадѣльнѣ.

Комната въ бесплатныхъ квартирахъ при богадѣльнѣ. Дни напролѣтъ согнувшаяся надъ столомъ мать. На столѣ передъ ней вороха пряжи и неподрубленныхъ платковъ,—работа, которой они кормились. А вечерами, послѣ гимназіи и уроковъ, Андрей до глубокой ночи съ вытянутыми руками: онъ растягивалъ пряжу, мать наматывала клубки.

За работу мать слезливо вспоминала о прониломъ, о прошлыхъ достаткахъ и прошломъ почетѣ, и тутъ же пере-

бирала всѣ дрязги нищенской жизни тѣсной комнаты въ безплатныхъ квартирахъ при богадѣльнѣ.

Эта безплатная жизнь съ изводящей работой и постоянной нуждой, съ постоянными попреками и жалобами, оскорбляла гордаго и самолюбиваго мальчика. Душевный слухъ его обострялся, и душа его поднялась навстрѣчу всякой обидѣ, принимая къ сердцу и самую ничтожнѣйшую мелочь съ равной болью. Онъ ловилъ каждую колкость и увеличивалъ ее до смертельнѣйшей раны, а всякий намекъ доводилъ до открытаго вызова. И бывало такъ, что и не думаютъ его оскорблять, и колкость-то не на него направлена, и намекъ-то не къ нему относится, но ужъ вся душа у него поражена, и онъ все на себя сводить, къ себѣ, къ своей душѣ, до своего сердца. А сколько въ обиходѣ мелочайшихъ, способныхъ растрявить больную душу, ну взять хоть ту же склонность у людей и совсѣмъ не злыхъ и не глупыхъ, остроумничая, хвататься за самое легкое, въ глаза бросающееся, для своихъ шутокъ: встрѣчая, напр., лысаго пріятеля, сказать ему, какой онъ лысый, встрѣчая толстяка, сказать, какой онъ толстый, или потрунить надъ необычностью имени, или вывернуть твою фамилию. Все это неважно, конечно, просто шутка, но для больной души, встревоженной—грубость.

И свѣтъ, который освѣщаетъ путь дѣтству съ его довѣрчивостью, съ каждымъ днемъ погасалъ въ душѣ Андрея.

Жить такъ, какъ жили Алабышевы, больше нельзѧ было.

Дѣтское сердце недѣтскимъ рвущимъ стукомъ выбивало всякую минуту:

„Нельзя такъ жить!“

И свѣтъ, который освѣщаетъ путь дѣтству съ его довѣрчивостью, съ каждымъ днемъ погасалъ въ душѣ Андрея.

Была одна надежда—кончить онъ гимназію, поступить въ университетъ, и тогда пойдетъ жизнь другая.

И вотъ на выпускномъ экзаменѣ, взволнованный и смущенный чѣмъ-то, сгоряча сказалъ онъ какую-то грубость директору, и изъ гимназіи его выгнали. Волчій билетъ, однако, не помѣшалъ ему для горшай, можетъ быть, обиды, участвовать въ празднованіи окончанія гимназіи вмѣстѣ съ счастливыми товарищами. Первая пьяная ночь,—пьяный подъ утро вернулся онъ домой, и его выгнали изъ бесплатныхъ квартиръ.

Пришлось Андрею жить отдельно. Долго онъ шатался безъ дѣла, потомъ кое-какъ устроился. И на волѣ было ему тяжко и дома не лучше. Грошовое дѣло—грошовая комната. За стѣною крики и кашель, кашель и стонъ, стонъ и слезы, слезы и ругань сосѣдей жильцовъ.

Тупо шла его жизнь. И было такъ, будто заставили его итти, и онъ шелъ по тѣсному сырому баниому коридору: рѣдкія, выгорающія лампочки, спертый паръ, поплескиванье глухо сбывающей воды,—и онъ все шелъ, и не зналъ, когда выйдетъ, и куда войдетъ, и вдругъ останавливался: да есть ли выходъ, есть ли дверь наружу? Былъ онъ тѣмъ, кого одни любятъ, другие ненавидятъ, середки — равнодушія нѣть. Рѣзкіе переходы путали его, и часто не зналъ онъ, какъ ступить, и вдругъ останавливался: да есть ли выходъ, есть ли дверь наружу?

Хвостъ, обида и непосильный изнурительный трудъ подтачивали мать и, наконецъ, доконали.

Когда жива была мать, у Андрея еще была зацѣпка къ жизни: онъ жалѣлъ мать и хотѣлъ облегчить ея послѣдніе тяжелые дни, а теперь онъ былъ одинъ, и оборвалась послѣдняя связь съ жизнью, и онъ всякую минуту готовъ былъ безъ труда и вѣрно расстѣтиться съ своей недолей. Но тутъ случилась совсѣмъ неожиданная для него перемѣна.

Вскорѣ послѣ смерти матери умираетъ какой-то дальний его родственникъ, и все огромное состояніе переходитъ по наслѣдству Андрею. Изъ нищеты онъ опять попадаетъ

въ богатую обстановку. Съ деньгами и досугомъ онъ словно перерождается. То, что было раньше недоступнымъ и дразнящимъ, теперь передъ нимъ открыто, и нѣсколько лѣтъ сряду онъ словно наверстывалъ потерянное – это была въ его жизни какая-то гонка за развлечениями и удовольствіями. И онъ успѣлъ за это время забыть прошлое, всѣ оскорблѣнія и униженія свои, и огрубѣлъ, какъ грубѣютъ только сытые, сытостью усыпляемые люди.

И все шло для него по-хорошему, удачно. Пришла любовь, повернуль вѣтеръ на свадьбу, на счастье. И, кажется, желать-то ему ужъ больше нечего было, всего было много и довольно. И опять произошелъ случай, перевернувшій всю его жизнь.

Наканунѣ свадьбы позднимъ вечеромъ онъ отправился въ домъ своей невѣсты. Въ домѣ справлялся дѣвичникъ. И ступивъ на порогъ, онъ въ ужасѣ замеръ: въ освѣщенномъ богатомъ залѣ на столѣ копошилось безглазое что-то, вязкое что-то, какая-то кровавая каша исполосованного, истерзанного мяса. И это была его невѣста, вынутая изъ-подъ поѣзда.

Въ минуты своихъ признаній самъ онъ ни словомъ не обмолвился невѣстѣ о своемъ недавнемъ прошломъ – о послѣднихъ беззаботныхъ годахъ своихъ. А ему было что разсказать о себѣ. И онъ не то, чтобы хотѣлъ скрыть, утаить о себѣ, онъ только откладывалъ, онъ хотѣлъ когда-нибудь потомъ это сдѣлать, въ минуты болѣе простыя и не такія торжественные. Ему не хотѣлось огорчать ее, вѣдь, для нея было бы непріятнымъ и тяжкимъ слушать его искновѣдь о всякихъ любовныхъ связяхъ и похожденіяхъ. И любя ее и охраняя ее, онъ только не подумалъ о самомъ главномъ – о ея душѣ. А когда однажды она первая заговорила съ нимъ, онъ отдался какою-то шуткой. А когда она во второй разъ попробовала объясниться по поводу ходившихъ о немъ слуховъ, онъ назвалъ слухи просто сплетнями. А въ третій

разъ, на ея вопросы, онъ ужъ вспышилъ, и слухи въ его отвѣтѣ оказались наглою ложью и клеветой. Но тайна при-
дущенная—правда отведенная то шуткою, то ссылкою на
сплетни, то на клевету, не могла, должно быть, больше
таиться и вышла на свѣтъ—камнемъ упала ей на сердце.
Наканунѣ дѣвичника она получила какое-то изобличающее
письмо, и то, что въ немъ передавалось—какая-то глупая
любовная исторія ее совсѣмъ не тронула, но одно ее захва-
тило—поняла она, что онъ лгалъ ей, трижды солгалъ ей.
И гордая, она рѣшила по-своему—она ушла изъ дома, чтобы
больше никогда его не видѣть. И вотъ лежала на столѣ
вынутая изъ-подъ поѣзда, истерзанная и безглазая.

Куда дѣвался его беззаботный хохотъ, съ которымъ
онъ переступалъ порогъ дома! Была для него жизнь—ко-
нѣйка, а теперь все живое его сердца словно рѣзалось мел-
кими искривленными ножичками.

Это она лежала на столѣ, вынутая изъ-подъ поѣзда,
истерзанная и безглазая. Это счастье его лежало убитое.

И стало ему жутко легко. И было такъ, будто какой-то же-
лѣзный багоръ, вонзившійся ему въ шею, вдругъ превра-
тился въ горящую ленту, и эта лента опутала его и, крѣпко
натянувшись, вдругъ дернула и понеслась съ нимъ. И было
такъ, будто, кружась, онъ несся куда-то, и съ каждымъ
кругомъ кругъ расширялся,—ни конца, ни начала.

Какая безсмыслица: вчера нищета, а завтра богатство,
вчера счастье, а сегодня—иронія! Кто дастъ силы вынести
такую невѣрность и зачѣмъ выносить такую невѣрную жизнь?
И она, безглазая, невѣста его, перерѣзанная колесами, и
ночь и день видѣлась ему, преслѣдовала его, не отпускала
отъ себя: зачѣмъ онъ тогда не сказалъ ей всего? И было
ему завидно всякой другой бѣдѣ, всякому другому не-
счастью—нищетѣ, голоду и униженію. Вотъ теперь вернуть
бы ему его прежнюю безплатную жизнь въ бесплатныхъ
квартирахъ! Но какъ вернуть? Кто тебѣ вернетъ, кто тебѣ

исполнить, когда тебе такъ надо, твою послѣднюю завѣтную мечту? Куда итти? Кого просить? Есть проще средство, есть вѣрное средство навѣрняка раздѣлаться съ невѣрной жизнью — самъ, ты самъ откажись отъ нея, иначе всего можно ждать.

На Покрова въ слякотный, будто слезящійся вечеръ, сбѣжавшійся на стоны во дворѣ Алабышевской квартиры, увидѣли его бьющагося и извивающагося на щебниѣ. Принявъ какого-то яду, онъ сползъ съ лѣстницы во дворъ и, отравленный, бился въ изодранномъ бѣльѣ и загрызаль землю отъ саднящей жгучей боли.

Но во-время схватились и отходили его.

Взглянувъ во всѣ глаза на смерть, онъ опять вышелъ въ жизнь. Ему вернули жизнь, а жизнь начала свои испытанія.

Хотѣлъ онъ когда-то жить только по-человѣчески и, проклиная судьбу, просилъ себѣ хоть только маленькаго, маленькаго счастья, а судьба его, ненарокомъ набѣжавшая доля — недоля его, отнимала отъ него всякую надежду на это маленькое счастье, а когда онъ рѣшилъ совсѣмъ отказаться отъ жизни, привалила удача — богатство. И ужъ хотѣлъ онъ жить, какъ ему любо, и все у него было, и онъ потянулся за огромнымъ счастьемъ, увѣренный, а судьба его, ненарокомъ набѣжавшая доля — недоля его, вырвала изъ рукъ у него это огромное счастье, и, проведя его черезъ страшную кровь, бросила, а когда онъ, отчаявшись, въ отчаяніи своемъ руки на себя наложилъ, она спасла его, и снова вывела на свѣтъ.

Раньше, и тогда, въ своей безплатной жизни и тогда, въ богатствѣ онъ обо одномъ только и думалъ, — о себѣ только и думалъ. Если же онъ оставилъ себя и весь уйдетъ въ другія жизни, тогда все перемѣнится. Такъ разсуждалъ онъ.

И повѣривъ себѣ, онъ съ головой ушелъ въ заботы другихъ людей и ждалъ, что наступитъ перемѣна. А пере-

мѣны никакой не происходило. Онъ вездѣ видѣлъ только проклятія судьбѣ, онъ встрѣтилъ то, отъ чего хотѣлъ уйти. самого себя онъ встрѣтилъ, только разбившагося на много, много жизней.

Что же дѣлать ему?

„Надо принять всю судьбу – всякую недолю, и принять ее вольно и кротко, и благословить ее всю до конца“.

Такъ разсудилъ онъ.

И перейдя черезъ достатокъ, нищету, богатство, счастье, и, наконецъ, черезъ кровь, и заглянувъ въ глаза смерти, заглянувъ людямъ въ бѣдующіе глаза, проклинающіе судьбу свою, онъ благословилъ этотъ міръ бѣдъ и невѣрности и случайности. И принялъ всю судьбу, благословивъ ее всю до конца съ ея скорбью, печалью, нуждою и поняль всю и гру судьбы, и стало ясно ему: зачѣмъ бѣды и за что бѣдуютъ.

Скоро онъ пропалъ изъ города, и иѣсколько лѣть о немъ не было никакихъ слуховъ. Отыскался онъ, наконецъ, въ одной изъ дальнихъ сѣверныхъ пустынь, ужъ монахомъ: не Андреемъ Алабышевымъ, а о. Глѣбомъ ослѣпленнымъ.

Одни говорили о дурной болѣзни, которой захворалъ онъ, когда велъ свою легкую богатую жизнь, и отъ этого лишился глазъ. Другіе передавали, что въ бродяжничествѣ своемъ, среди бродягъпало на него какое-то обвиненіе, и въ наказаніе его ослѣпили, засыпавъ глаза нюхательнымъ табакомъ, а третыиувѣряли, что онъ самъ себя ослѣпилъ.

Разные ходили слухи, и много чего говорилось: кому вѣрить, а кому не вѣрить, какъ рѣшить? Но скоро все слухи смолкли. Жизнь шла своимъ чередомъ, каждому было о чёмъ подумать, и забыли совсѣмъ объ Андреѣ.

И вотъ изъ пустыни онъ снова появляется въ городѣ въ Боголюбовскомъ монастырѣ, и не простымъ монахомъ, а въ схимѣ. Тутъ-то и прошла молва, будто бѣзы повинуются ему.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Ладанъ херувимскій.

Самъ Огорѣлышевъ Арсеній Николаевичъ въ тайнѣ смотрѣлъ на Боголюбовскаго старца о. Глѣба просто-на-просто, какъ на одного изъ тунеядцевъ, наполнившихъ монастыри, выдѣляя его изъ другихъ лишь по уму и ловкости. Ни въ какія заклинанія старца Арсеній не вѣрилъ, и всѣ грозныя молитвы его и исцѣленія, слѣдовавшія за отчитываніемъ, считалъ или надувательствомъ или самообманомъ. Что ужъ говорить: если бы всѣ монастыри и церкви вдругъ провалились сквозь землю, Арсеній пожалѣлъ бы только о крѣпкихъ стѣнахъ и о самомъ монастырскомъ церковномъ зданіи, которое всегда можно было бы перестроить для какихъ-нибудь торгово-промышленныхъ цѣлей, использовать для дѣла, да еще пожалѣлъ бы стиль—старину. Единственнымъ развлечениемъ Арсенія, кромѣ шашекъ, игру въ которыхъ онъ ставилъ куда выше и хитрѣе всякихъ другихъ игръ, была для него археология, и среди ученыхъ онъ слылъ большими знатокомъ, а Огорѣлышевская библіотека была рѣдкимъ древлехранилищемъ.

Но Арсеній слылъ столпомъ, и хоть, въ сущности, кромъ своего дѣла ему на все было наплевать—ни Бога, ни черта, ничего,—онъ все исполнялъ, чтобы съ виду казаться, для кого это надо было, простымъ русскимъ человѣкомъ—купцомъ: онъ и причащался для приличія и ко всенощной забѣгалъ. И когда въ его присутствіи позволяли себѣ неуважительно отзываться о церкви, бывала большая перепалка, онъ не допускалъ никакихъ сужденій, кромъ принятыхъ, и во всякомъ отклоненіи видѣлъ подрываніе основъ.

У Финогеновыхъ знали старца, какъ угодника и цѣлителя. Когда-то Прасковья водила къ нему Женю и брала запойную молитву для своего сына—полового Мити, и кормилица Жени, порченая Катерина—О к алѣла я лошадка, изрѣдка заходившая къ Финогеновымъ, не разъ бывала на заклинательной молитвѣ у старца и послѣ въ кухнѣ много разъ рассказывала о немъ чудеснаго. Но Финогеновы избѣгали о. Глѣба, онъ имъ представлялся одной изъ огорѣлышевскихъ основъ, которыми всѣ уши прожужжали имъ и въ гимназіи и всякий разъ при огорѣлышевскихъ проборкахъ и острасткахъ. И когда послѣ изгнанія изъ монастыря оstriженного о. Алипія, старецъ пожелалъ познакомиться съ Финогеновыми, они уперлись и слышать ничего не хотѣли, и только потомъ уже согласились, но чтобы непремѣнно съ о. Гавріиломъ,

Въ монастырь Финогеновы пришли послѣ обѣда и прямо къ о. Гавріилу въ келью, и не замѣтили, какъ пролетѣлъ день.

Утромъ къ о. Гавріилу прїѣхалъ кононархъ изъ Лавры Яшка—Слонъ и, нахлеставшись именинной перцовкой, валялся за занавѣской.

— Низкая душа,—таинственно разъказывалъ о. Гавріилъ о своемъ гостѣ,—отпущенено ему Богомъ сверхъ всякой мѣры, уму непостижимо... отъ обера, душечка, есть воспрещеніе...

Конечно, сейчасъ же все было сосредоточено на спя-

щемъ канонархѣ, которому отпущено Богомъ сверхъ всякой мѣры: Финогеновымъ надо было, во что бы то ни стало, добраться до кононарха...

И вотъ съ помощью о. Гавріила и началась разборка плановъ, какъ любилъ выражаться самъ о. Гавріиль.

Сонный Слонъ виждалъ, григоталъ, захлебывался, и, наконецъ, совсѣмъ прозрѣлся, открылъ глаза и сконфузился.

— Низкая душа,—бормоталъ запыхавшійся о. Гавріиль,—дѣточкамъ въ удовольствіе, а ты брыкаешься!

Такъ весь день и провозились съ кононархомъ. И ушелъ кононархъ отъ о. Гавріила, стало солнце садиться, вдругъ спохватились: пора ужъ было итти къ старцу знакомиться. А страсть не хотѣлось итти послѣ веселаго кононарха.

И вотъ вошли они въ бѣлую башенку. Гомонъ на углу монъ шелъ. На узенькой темной лѣстницѣ, казалось, ужъ поджидала ночь, чтобы выйти на волю.

Вошли Финогеновы въ келью, скорчившись, дикими, голоса потеряли. Молча подошли они подъ благословеніе. Молча благословилъ ихъ старецъ, благословилъ и засуетился, будто и оробѣлъ не меныше.

О. Гавріиль скрылся въ сосѣднюю комнату самоваръ ставить. И наступило тяжкое молчаніе. Никто не рѣшился сѣсть, и старецъ стоялъ. Никто не сказалъ ни единаго слова.

Тѣсная келья словно наполнилась какими-то отчуждающими призраками. Тѣсная келья—пустыня: не отзовется, не спросить.

— Батюшка!—просунулось въ дверь красное, сіяющее лицо о. Гавріила, —батюшка, о. Глѣбъ! да самоваръ-то у васъ, батюшка, съ течью!

— Тащи свой! — замахалъ старецъ на о. Гавріила, — тащи, скорѣй, свой пузатый!

И почему-то слова старца показались такими смѣшными, самъ старецъ такимъ обыкновеннымъ и вовсе не страшнымъ и стало легко, будто давно и близко знали они старца, пудь соли съ нимъ сѣяли, какъ съ о. Гавріиломъ, въ баню съ нимъ ходили. И что-то вѣрное прошло и согрѣло келью.

Не дичась, пошли Финогеновы ходить по кельѣ, пошли копаться въ книгахъ, трогать все, что ни попадеть подъ руку. Залѣзли на рѣщетчатое окно, заспорили:

— Нѣть, вонъ онъ Чугунный заводъ! — показывалъ Саша.

— А вонъ наша фабрика, а тамъ бани! — стоялъ на своемъ Коля.

Старецъ сидѣлъ въ креслѣ и о чёмъ-то думалъ. Финогеновы его не замѣчали; да онъ былъ для нихъ теперь обыкновеннымъ, не страшнымъ, своимъ, какъ о. Гавріиль.

И когда о. Гавріиль съ своимъ пузатымъ самоваромъ, пыхтя и отдуваясь, наполнилъ келью, и Финогеновы закрыли грудью весь столъ, прощальный густой лучъ солнца ударилъ прямо въ окно башенки.

— И ему на покой надо, и ему ночь ночевать положено, ему, безпріютному, отдающему кровь и сердце свое. Такъ-то, лучи вы мои красные! — промолвилъ старецъ, и на мѣстѣ багровыхъ темныхъ ямъ его засвѣтились тихіе глаза, перегорюнившіеся.

И опять безпечность исчезла куда-то. Финогеновы, сопя и кроша, отхлебывали свои стаканы и обжигались: почему-то вспомнился имъ оstriженный о. Алипій, изъ-за стрижки выгнанный изъ монастыря.

„Обидѣли мы его,—пронеслось у каждого,—и за что?“

И стало неловко каждому, словно впервые во всѣ глаза увидѣли они такъ ясно свою злую шутку. Когда сегодня

они потѣшались надъ Слономъ, это ничего, Слону было даже пріятно, а когда стригли они о. Алипія, и на другой день его изъ монастыря Хрипунъ погналъ, это совсѣмъ не то. И стало сердце полно горечью, и сожалѣніе и страхъ непоправимаго смѣшились съ горечью.

— Да,—задумался старецъ, — горько мнѣ порой, такъ горыко...

Женя тихо заплакалъ.

— Отецъ-то Алипій гдѣ теперь? — обратился старецъ къ о. Гаврілу.

Женя тихо плакалъ.

— Въ Андреевскій, батюшка, въ Андреевскій опредѣлился. Намедни, батюшка, Алипка у Мишки, у Шагалы въ гостяхъ былъ, говорить, богатѣйшій монастырь, процентовъ, говорить, куда больше! Спервоначала-то Алипка въ кутузку попалъ, недѣлю высидѣль. Не признаютъ за монаха: „Какой ты, говорять, монахъ, ты фокусникъ, гвозди черезъ носъ пропускаешь!“ Самъ Алипка Мишкѣ разсказывалъ. Ну, а какъ подростать борода стала, видять, что монахъ настоящій, обрадовались и выпустили на волю. Прѣцентовъ, говоритъ, куда больше, и халтура ежевременная!—распространялся о. Гавріль, но ужъ старецъ его не слушалъ.

Старецъ спросилъ Сашу о Варенькѣ.

— Ничего,— отвѣтилъ Саша, отвѣтилъ не сразу затихшимъ голосомъ, — иногда... — онъ хотѣлъ сказать: пить.., но спохватился,—ничего... хвораетъ.

Финогеновы уткнулись въ стаканы, имъ было неловко, что старецъ знаетъ о матери.

Старецъ вдругъ перекрестился, и ужъ совсѣмъ по-другому спросилъ о гимназіи: кто въ какомъ классѣ?

— Я въ пятомъ!

— А я въ четвертомъ!

— А мы въ третьемъ! и не въ гимназіи, а въ коммерческомъ!—за себя и за Женю отвѣтилъ Коля.

И опять стало попрежнему легко и, перебивая другъ друга, начали они рассказывать, какъ тамъ, у нихъ въ училищѣ.

— А у насъ въ гимназіи былъ учитель математики Сергій Александровичъ-Козель,—засмѣялся о. Глѣбъ.

— А у насъ Сычъ!—А у насъ Аптекарь!—А у насъ Стекольщикъ!—А у насъ Клюкава!—наперерывъ заговорили Финогеновы, и отъ учителей перешли къ отмѣткамъ, къ плутнямъ своимъ и, конечно, заспорили-подались.

И было такъ, будто не въ кельѣ схимника-старца, изгнанющаго бѣсовъ, а въ училищѣ, въ своеемъ излюбленномъ мѣстѣ—въ уборной шумѣли они за перемѣной, только куда здѣсь было вольнѣе: не остановить звонокъ, не поймаетъ надзиратель.

Дохнуль ужъ синій влажный вечеръ въ раскрытое окно бѣлой башенки, и упившійся чаемъ о. Гавріилъ не выдержалъ и храпѣть сталъ.

А Финогеновы все говорили, все рассказывали, какъ никогда еще и никому не рассказывали, довѣрчиво, отъ полнаго сердца.

И ночь, забившаяся на день въ углы темной узкой лѣстницы, спустилась съ лѣстницы, и пошла изъ башенки по кладбищу, по крестамъ, по могильнымъ плитамъ, и дальше за ограду, въ городъ, и за городъ въ поле...

— Ну, спите-ка хорошенъко,—прощался старецъ,—сердечки-то у васъ хорошія... не согрѣထыя...

— Ладонь херувимскій, ладонь херувимскій! — лепеталъ со сна о. Гавріилъ и торопился: ему еще требникъ надо читать, онъ очередной, завтра ему обѣдню служить,—у меня, у меня, батюшка, дѣточки у меня заночуютъ.

И когда, разстелившись въ кельѣ у о. Гавріила, Финогеновы проболтали и прохочотали долгій часъ о всякихъ слоновыхъ продѣлкахъ, подошелъ къ ихъ изголовью ти-

хій сонъ, сама Пасха пришла и дохнула тепломъ въ несогрѣтое сердце и стала тихо грѣть, отогрѣвать его, несогрѣтое.

А въ бѣлой башнѣ не потухалъ, горѣлъ огонекъ: тамъ старецъ всю ночь молился о мирѣ недольнаго міра, за всю землю.

— Господи, подуй, подуй Господи, святымъ духомъ на землю!

ГЛАВА ДВЪНАДЦАТАЯ.

Прудъ посмотретьть.

Финогеновы привязались къ старцу, часто забѣгали къ нему въ бѣлую башенку, и старецъ всегда принималъ ихъ ласково, давалъ имъ гостинцевъ. А если нездоровилось ему, онъ посыпалъ имъ съ о. Гавріиломъ то по яблоку, то по финику, то еще что-нибудь изъ лакомствъ.

Финогеновымъ очень хотѣлось, чтобы о. Глѣбъ пришелъ къ нимъ когда-нибудь прудъ посмотретьть. Старецъ, рѣдко и только въ исключительныхъ случаяхъ выходившій за монастырскую ограду, согласился и назначилъ день.

И Финогеновы ждали этотъ день, словно Пасху. И дождались, наконецъ, да съ утра въ этотъ день все какъ-то несุразно пошло.

Прошелъ ужъ годъ, какъ Сеня Огорѣлышевъ уѣхалъ за границу, и годъ исполнился, какъ Палагея Семеновна больше не заходила къ Финогеновымъ, обиженная за некрологъ, и у Вареньки никого ужъ не осталось, съ кѣмъ бы ей душу отвести.

За годъ монашескаго нашествія Варенька не только не поднялась, напротивъ, она упала еще ниже.

Водка теперь покупалась открыто и въ большихъ размѣрахъ: вѣдь, всѣ монахи пили, — водка покупалась для монаховъ. И, если о. Гавріль выпивалъ немнога, а о. Іосифъ—Блоха вовсе не пилъ, то подручные о. Іосифа, тотъ же о. Михаиль—Шагало или о. Никодимъ—Гнида, и пріятели ихъ, о. Платонъ—Навозникъ, о. Авель—Козье вымы и о. Никита—Глисть, всѣ они пили и здорово.

Комната Вареньки—спальня за этотъ годъ обратилась въ какой-то грязный номеръ грязной гостиницы съ больнымъ бездомнымъ гостемъ: все было не на своемъ мѣстѣ, все было заставлено и, какъ попало, раскидано, закупоренныя, никогда ужъ больше невыставляемыя окна, пыль, соръ, духота. За порогъ спальни ничья нога больше не переступала, Варенька ее охраняла отъ всякихъ вторженій и даже дѣтямъ не было пропуску.

Въ несчастныя тяжкія минуты находила на Вареньку страсть писать письма—по-финогеновски это называлось: періодъ писемъ. Начало этого періода было всегда невинно, и тутъ безъ Коли не обходилось дѣло: брались старые номера газеты, газета разрѣздалась на четверушки по образцу почтовой бумаги, сложенные четверушки вкладывались въ конверты, конверты запечатывались, а затѣмъ Коля, поддѣлывающійся подъ всякія руки, разными почерками надписывалъ конверты всѣмъ, кому только ни вздумается, и письма опускались въ ящикъ безъ марки. Тутъ и кончалось участіе Коли. Дальше дѣйствовала одна Варенька: и утромъ и вечеромъ она писала письма Огорѣлышевымъ, Арсенію и Игнатію, и въ письмахъ она писала одно и то же—все о своей невыносимой жизни, и винила во всемъ дѣтей, прося принять мѣры. Обыкновенно просимыя мѣры принимались, но нѣредко и Варенькѣ приходилось не лучше. И заканчивался періодъ писемъ тѣмъ, что Вареньку вызывали въ домъ къ

Огорѣлышевымъ въ контору, и вызывалась она для того же самого, для чего ловились Финогеновы по субботамъ послѣ всенощной и въ воскресенье послѣ ранней обѣди! Вареньку пробиралъ Арсений. И всякий разъ, вернувшись отъ Огорѣлышевыхъ, она надолго запиралась въ своей комнатѣ и пила еще больше.

Утромъ въ тотъ самый день, когда долженъ былъ притти къ Финогеновымъ о. Глѣбъ прудъ посмотреть, Финогеновы ушли въ монастырь къ обѣди, а Вареньку, какъ на грѣхъ, вызвали къ Огорѣлышевымъ.

Возвращаясь отъ братьевъ, Варенька по обыкновенію заперлась въ своей комнатѣ. А когда, спустя глухой угарный часъ, она вышла зачѣмъ-то въ залъ, полураздѣтая, покраснѣвшая вся и отъ слезъ и отъ водки, она наткнулась на Алексея Алексѣевича—такъ Финогеновы звали гимназиста Молчанова, одноклассника Саши.

— Вамъ что? — спросила Варенька, не узнавъ гимназиста.

— Я къ Сашѣ,—отвѣчала туть, страшно смущившись.

— Шляются тутъ... всякіе... украдутъ еще!..—Варенька круто повернулась, заложила руки назадъ, и пошла въ свою комнату.

Ошарашенный гимназистъ поспѣлся домой.

Съ Финогеновыми Молчановъ былъ знакомъ очень давно. Когда-то еще въ приготовительномъ классѣ Саша и Молчановъ, возвращаясь изъ гимназіи, дергали въ звонки или, намѣливъ ладошку и два пальца и сдѣлавъ плевками глаза и носъ, припечатывали че ртей на спинѣ прохожимъ, въ классѣ сидѣли они на одной скамейкѣ, списывали другъ у друга задачи, экстемпоралѣ и переводы. И по житию и обличью Молчановъ мало чѣмъ отличался отъ Финогеновыхъ; такъ же продранные локти, и заплаты—глазища вдоль си-дѣнья, и та же безизорность, и озорство.

Прежде Молчановъ приходилъ къ Финогеновымъ только

но дѣлу: за уроками. А съ весны сталъ заходить такъ и безъ дѣла. Жилъ онъ недалеко отъ Боголюбова монастыря совсѣмъ по сосѣдству съ Финогеновыми. Онъ игралъ не рояли. И Финогеновская рояль, не открывавшаяся съ послѣдняго прихода Палагеи Семеновны, опять ожила.

Если чѣмъ отличался Молчановъ отъ Финогеновыхъ, это своими знаніями: онъ много ужъ прочиталъ всякихъ книгъ, и не однихъ только романовъ, какъ Петя, и не безъ разбора, а толково.

И Финогеновы это чувствовали, и недаромъ. въ отличіе отъ другихъ, звали его по имени и отчеству — Алексѣемъ Алексѣевичемъ. Алексѣй Алексѣевичъ умѣлъ такъ же заманчиво говорить о книгахъ, какъ старикъ огорѣлышевскій приказчикъ Михаилъ Ивановичъ съ своихъ непоющіхъ птицахъ. Съ его появлениемъ у Финогеновыхъ появляются книги,— книга впервые получаетъ такое же важное значеніе, какъ когда-то военные и разбойничіи дѣйствія Филиппка, голуби и кегли.

Когда Финогеновы послѣ обѣдни пришли изъ монастыря домой и узнали отъ Прасковьи, какъ Варенька выгнала Алексѣя Алексѣевича, и какъ Алексѣй Алексѣевичъ ушелъ, огорченіямъ и досадѣ конца не было.

За обѣдомъ же они излили свою злобу, они известили обиду Варенькѣ: когда Варенька, шатаясь, проходила по столовой, они будто нечаянно, одинъ за другимъ стали подталкивать ее и толкали съ каждымъ толчкомъ сильнѣе и грубѣе, съ каждымъ прикосновеніемъ болѣнѣе и жестче.

И она, едва ужъ держась на ногахъ, шарахалась изъ стороны въ сторону, впередъ и назадъ, вправо и влево.

И полонъ ротъ ея дрожалъ въ слезахъ, и посинѣвшія губы дергались.

— Проклятые вы! Проклятые! — вырывалось у неї, скрежетало проклятие.

А они все толкали ее, подталкивали, сами издерганные, посиневшие отъ злости.

— Проклятые вы! Проклятые!

Въ прихожей Варенька оступилась и, не удержавъ равнотѣсія, ткнулась животомъ о земль, и минуту лежала такъ, словно мертвая. И вдругъ поднялась съ пола, низко нагнула голову, будто опомнилась, и пошла, съ закрытыми глазами, пошла, не сказала ни одного слова, не обернулась.

Въ спальнѣ щелкнуль замокъ, и весь домъ притаился.

Ужъ давно прошло шесть, и семь пробило, а о. Глѣба все не было.

„И придетъ ли онъ теперь?“ — мелькнуло у каждого и стало жутко на сердцѣ, страшно, страшнѣе самой горькой обиды.

— Молитвами святыхъ, отецъ, батюшка, благословите! — послышалось, наконецъ, обычное монастырское привѣтствіе о. Гавріила.

Финогеновы бросились къ дверямъ. И старецъ переступилъ порогъ.

И сразу весь домъ поднялся на ноги.

Вышла къ старцу и Варенька, вышла она нетвердо. Прерываясь, съ надтреснутымъ хохотомъ, высказывали у нея слова. Финогеновы отъ стыда чуть не плакали: очень ужъ было замѣтно, а такъ не хотѣлось этого, такъ имъ не хотѣлось бы этого.

Сѣли чай пить на террасѣ.

Былъ теплый, слегка затуманивающійся вечеръ. На пруду лягушки, будто рыдая, квакали.

Одинъ о. Гавріиль казался невозмутимъ и благодушнымъ, и по обыкновенію сіяющимъ. О. Гавріиль старался занимать о. Глѣба.

И за чаемъ разговоръ имъ начался. Сначала рассказалъ онъ, какъ о. Платонъ — Навозникъ и о. Авель — Козье мя

во время обедни вцепились другъ въ друга за кружку, потомъ перешелъ къ низкимъ душамъ.

— Въ кельѣ Пирскаго, батюшка, родила на утренѣ извините за выраженіе, его Манька, батюшка, двоешку.

Старецъ, не проронившій за все время ни одного слова, весь сосредоточенный, словно впивавшій въ себя всѣ невзгоды дома, вдругъ повеселѣлъ.

— Вотъ и хорошо,—сказалъ о. Глѣбъ,—вотъ и у насъ ребеночекъ родился. Христосъ посетилъ нашъ мрачный, нашъ мертвый храмъ.

— Батюшка,—заволновался о. Гавріилъ,—а ну какъ до Хрипуна...—и закашлялся,—до преосвященнаго дойдетъ?

— Да,—запечалился старецъ,—дойдетъ, непремѣнно дойдетъ, разскажутъ, и послушника выгонятъ...

И старецъ замолкъ. Молчалъ и о. Гавріилъ. И на пруду лягушки замолкли.

И въ ту же минуту каждый прочелъ въ свемъ сердцѣ горький упрекъ. И острѣмъ острѣйшимъ входилъ этотъ упрекъ глубоко въ сердце. И вспомнивъ прожитый день, каждый изъ Финогеновыхъ обвинилъ себя. Стало пусто, невыносимо пусто и жить не хотѣлось.

— Ну, а прудъ-то посмотрѣть?—очнулся старецъ.

И тотчасъ словно все ожило. Всѣ поднялись изъ-за стола и Варенька и о. Гавріилъ. Финогеновы схватили подъ руки о. Глѣба и, чуть не бѣгомъ, прямо въ садъ къ пруду. И тамъ наперерывъ затараторили — рассказывали о яблокахъ и о кизельникѣ и о дикой малинѣ, и какъ они воруютъ, какъ сшибаются, какъ рвутъ и стряхиваютъ. Затащили о. Глѣба въ купальню и, совсѣмъ забывъ, что старецъ ничего не видѣть, продѣливали разныя купальныя диковинки и, плавая и ныряя, брызгались и выкрикивали:

— О. Глѣбъ, а о. Глѣбъ, а я то какъ, посмотрите, о. Глѣбъ, я на одной ручкѣ!

— А я на спинкѣ!

- Сидя!
- Лягушкой!
- По-бабы!
- Рыбой!
- На саженку!
- Съ головкой внизъ!
- Бокомъ!

И долго бы еще ныряли и плескались, и долго бы еще топили о. Гавриила, котораго и вода не принимала, да Праксевья помѣшала: ужинать готово.

Варенька совсѣмъ оправилась, она принарядилась, что съ ней давно уже не бывало, и было какъ-то хорошо смотрѣть на нее.

И ужинъ прошелъ шумно и весело.

Послѣ третьей рюмки о. Гавріилъ старался щегольнуть передъ о. Глѣбомъ своимъ знаніемъ всякой свѣтскости и, будто бы изъ хорошаго обращенія, изъ тонкости своей, пустилъ себѣ въ жирный супъ огромный кусокъ паюсной икры и кильку, но, забывшись, сталъ Ѣсть руками.

— Ты, Гаврила, кильку съѣлъ? — спросилъ Коля, не дожидаясь обычнаго вопроса, который каждую минуту ужъ готовъ былъ у о. Гавриила, ревниво посматривавшаго на финогеновскія тарелки.

— Съѣлъ, душечка, съѣлъ,— пропищалъ о. Гавріилъ, забывъ свое: „Я тебя, душечка, обѣѣлъ?“

— А еще съѣлъ?

— Съѣлъ, душечка, съѣлъ.

— Ты, Гаврила, кильку съѣлъ?—ужъ хоромъ подняли Финогеновы и повторяли надъ сопящимъ, чавкающимъ о. Гавріиломъ.

А онъ, завладѣвъ всѣми тарелками, какъ-то смиренно отвѣчалъ свое:

— Съѣлъ, душечка, съѣлъ!

Далеко за полночь увеаъ старецъ нагруженаго о. Гаврила, на котораго кромъ прочихъ бѣдъ напала еще безудержная икота. И икалъ онъ будто квакалъ.

А Финогеновы долго не могли заснуть. И разсвѣтать стало, а все не спалось,—такъ взволновалъ ихъ прошедшій день.

Но на душѣ было легко и покойно. И лѣтній ясный разсвѣтъ, засинивъ бѣлныя занавѣски дѣтской, ясный, неукорный, не задалъ своего страшнаго вопроса изводящей событии:—„Что ты сдѣлалъ, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?—не заглянуль въ глаза искаженнымъ лицомъ своимъ, отъ котораго одно спасеніе, одинъ исходъ—бѣжать на край свѣта.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Театръ.

На Ивана Купала минуло Колъ четырнадцать.

До той поры не прочитавшій ни одной строчки, считая книгу скучнымъ, какъ уроки, Коля случайно наткнулся на сочиненія Достоевскаго.

Много было непонятнаго—читалось и забывалось, но сколько было такого близкаго и роднаго—огорѣлышевскаго. Строчки горѣли въ глазахъ и закипали слезы.

И книга съ этихъ поръ стала не скучною, не чужою, книга стала чѣмъ-то своимъ, ну, какъ о. Гавріилъ, нѣть, какъ о. Глѣбъ.

За Достоевскимъ Коля прочиталъ Толстого, а за Толстымъ ужъ пошла книга за книгой,—всякія книги, которыя охотно доставалъ ему Алексѣй Алексѣевичъ.

Какъ за голубями когда-то, всякое воскресенье ходили теперь Финогеновы на книжный базарь къ старой башнѣ и рылись тамъ у старьевщиковъ, перебирали книги, прицѣнивались. Но рѣдко возвращались домой съ покупкою, больше съ пустыми руками: покупать очень хотѣлось, такъ много

было заманчивыхъ книгъ, покупать же не на что было— Нетя и Коля ужъ давно позабыли, какъ лазать за деньгами въ форточку къ Варенькѣ, а Варенька давала копѣйки и то въ большиe праздники.

Лѣтомъ Финогеновы затѣяли театръ—представленіе.

Когда-то давно и всего одинъ разъ были Финогеновы въ театрѣ. Никитѣ Николаевичу Огорѣлышеву—Никѣ вздумалось какъ-то прислать Варенькѣ билетъ—ложу, и Варенька возила дѣтей смотрѣть Конька-Горбунка. И съ тѣхъ порь дома они разыгрывали资料其人其事 of their own Конька-Горбунка: изъ всякихъ разноцвѣтныхъ тряпокъ, служившихъ ризами для игры въ большіе священники, а главнымъ образомъ изъ одной полосатой, которая почему-то называлась желтой, дѣлали они настоящее поле, ни разу не видавъ настоящаго поля, и дворецъ и хоромы, и кто-нибудь прыгалъ конькомъ, и, корча всякия рожи, появлялся Иванушка, весь вымазанный сажей, будто изъ крестнаго хода изѣнія младенцевъ. Скакали, прыгали, вились, подымали ноги, ну прямо, какъ въ настоящемъ балетѣ.

Теперь же решено было устроить такой театръ, чтобы играть съ словами, играть не балетъ, а драму.

Алексѣй Алексѣевичъ не разъ бывалъ въ театрѣ и много рассказывалъ очень занятнаго.

Когда Финогеновы сказали Варенькѣ, Варенька сначала слышать не хотѣла: для устройства театра надо деньги, а денегъ никакихъ она не можетъ дать, да и заронить легко могутъ, пожаръ сдѣлаютъ. И если они ее не послушаютъ, она сейчасъ же напишетъ Огорѣлышевымъ. Что имъ было дѣлать? Пришлось о. Гавріила на помошь звать. Всѣмъ соборомъ съ о. Гавріиломъ колѣнопреклоненно, какъ выражался о. Гавріилъ, приступили они къ Варенькѣ и такъ приставали неотвязно и настойчиво, что Варенька согласилась. А чтобы согласіе было вѣрнѣе и крѣпче, съ Вареньки взяли роспись: Варенька мѣшать имъ не будетъ, а они не

будутъ просить у нея денегъ. Росписку подписала Варенька и вся Финогеновы, а скрѣпилъ ее самъ о. Гавріль.

„Преосвященнѣйшій митрополитъ и патріархъ всея Руси Гавріль—Дубовая кирла!“ — накорякалъ о. Гавріль, пишущій, какъ сорока лапой.

Получивъ согласіе отъ Вареньки, не откладывая въ долгій ящикъ, приступили къ дѣлу.

Главнымъ коноводомъ былъ Алексѣй Алексѣевичъ, приходилъ онъ къ Финогеновымъ поздно вечеромъ послѣ ужина. А чтобы не узнала Варенька и не подняла исторію, Финогеновы еще на лѣстницѣ разувались и на цыпочкахъ проходили на верхъ. На верху кипѣлъ самоваръ, и, откращивая окна и углы, укладывалась на ночлегъ Прасковья. Прасковья была на сторонѣ дѣтей, и все оставалось шито-крыто.

За чаемъ подъ тукъ и стрекотню разгарной лѣтней ночи Финогеновы уносились, Богъ вѣсть, куда, и чего-чего они только не выдумывали, какихъ такихъ театровъ не строили, просто захлебывались отъ клокочущаго нетерпѣнія.

Больше всѣхъ горячился Петя: у Пети былъ такой хороший голосъ, и онъ долженъ былъ пѣть.

Играть рѣшили непремѣнно до 16 августа, непремѣнно до этого ненавистнаго дня, за спиной котораго торчала для Финогеновыхъ гимназія со своимъ очертенївшимъ казенными лицомъ, вся въ двойкахъ, съ щмыгающими, скучными и обозленными классными надзирателями.

Въ постройкѣ театра болыше участіе принялъ о. Гавріль, натачившій всякаго хламу изъ своего свинушника-кельи. Доски украдены были ночью изъ огорѣлышевской плотницккой, красть помогали фабричные, ожидающие представлія не меныше самихъ Финогеновыхъ.

Работали Финогеновы съ опаской, стараясь липній разъ не стукнуть и не поднять голоса

И вотъ послѣ долгихъ трудовъ сцена была готова.

На площадкѣ передъ террасой, подъ качелями, примостилась какая-то первобытная свайная постройка—шалашъ, а на перекладинѣ качельныхъ столбовъ взвилась огромная афиша, надъ которой много трудился Саша, на афишѣ изображенъ былъ зеленый чортъ съ маленькими, смѣющимися глазками.

Всю ночь наканунѣ представлениія Финогеновы держали крѣпкій караулъ,—съ дубинками они ходили вокругъ дома, прислушиваясь къ каждому шороху: огорѣлышевскій управляющій, Андрей-Воробей, наканунѣ грозилъ убрать шалашную постройку, а Игнатій Огорѣлышевъ, проходя по саду вечеромъ въ свой положенный часъ, остановился противъ качелей и подозрительно наводилъ бинокль на неизвѣстное сооруженіе.

Хорошая была ночь, теплая, безъ облачка, и, какъ на грѣхъ, къ утру застлалось небо, и накрапывающій сонный дождикъ сѣрыми каплями-лапками поползъ по крышѣ и, проползая подъ доски, ползалъ по липкимъ, мажущимся стѣнкамъ трясущихся кулисъ.

Финогеновы чуть не плакали отъ огорченія, молились Богу, чтобы прояснилось, передрались отъ отчаянія.

А къ вечеру вдругъ разбѣжались тучи, изсякнуль дождикъ, приплыли другія, крохотныя тучки, ясныя, принесли съ собою вечернюю синь и тихія звѣзды.

Заиграла музыка,—Алексѣй Алексѣевичъ изъ кожи лѣзъ, старался на рояли, все сдѣлалъ, чтобы подъ настоящій оркестръ выходило.

И хлынула народу тьма тьмущая къ красному финогеновскому флигелю, къ качелямъ: огорѣлышевскіе фабричные, мастеровые, пололки съ огорода, знакомые пололокъ и знакомыхъ, ихъ знакомые и знакомыхъ пріятели.

Явился городовой Максимчукъ, будто въ нарядѣ.

Наряженный въ голубую ленту со звѣздою,—отъ Филиппика еще хранились ордена,—начальственно расхажи-

валь Максимчукъ по рядамъ публики, одной рукой придерживая свою селедку, въ другой подсолнухи, и пошелушивая подсолнухи, непечатно балакалъ съ краснощекими пололками.

О. Гавріилъ важно разсѣлся въ первомъ ряду, для торжества надѣвъ на носъ пенснэ безъ стеколъ. Вокругъ о. Гавріила съ одной стороны сѣль огорѣлышевскій приказчикъ старичокъ Михаилъ Ивановичъ, охотникъ, какъ оказалось, не только до своихъ птицъ, но и до театра, и финогеновскій портной Павелъ Петровичъ—Поль. У жѣ, прибавлявшій къ каждому слову и безъ всякой надобности уже и сужавшій финогеновскія шинели и курточки ни на какую стать, но за то и дешево и почти изъ ничего, съ другой стороны премудрая прачка Душка-Анисья, умѣвшая языкомъ соринки въ глазу искать, и печникъ Сёма юродивый въ своей шапкѣ-барабанѣ съ бубенцами, то весело, какъ малое дите, похлопывавшій въ ладоши, то беспокойно озиравшійся по сторонамъ,—все гости почетные. О. Гавріилъ безъ умолку болталъ съ сосѣдями и что-то совсѣмъ непонятное, будто по-французски, и наблюдалъ за Варенькой, которая съ обѣда, запершись, просидѣла у себя въ спальнѣ и теперь ходила, заложа руки за спину, готовая всякую минуту выкинуть что-нибудь совсѣмъ неожиданное.

Занавѣсь медленно отдернулся и началось представление.

Боже мой, какъ замирало сердце и отлегало, сколько волненія пережили Финогеновы, какъ на экзаменахъ! И какая радость была отъ встрепенувшагося хохота, отъ всѣхъ этихъ лицъ, превратившихся отъ удовольствія въ смѣшныя рожи, и отъ этихъ прыскающихъ присмѣшекъ и гудящихъ, визжащихъ выкриковъ, восклицаній и криковъ одобренія.

У Коли, изображавшаго старуху, выпотрошился животъ,—хохотъ. Петя, спившийся пѣвчій, такъ ловко ло-

мался, ну совсѣмъ какъ пьяный,—и опять хохотъ. Всѣмъ весело, всѣ довольны.

Снова заиграла музыка.

Вышелъ Петя уже въ своеемъ видѣ, стройный, синеглазый и запѣль своимъ тревожнымъ голосомъ, и звуки отъ качельныхъ столбовъ покатились въ садъ, окунулись въ созрѣвшей листвѣ, поплыли по пруду...

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужной
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную...

И опять медленно отдернулся занавѣсь, и началось новое представлѣніе.

Женя—купецъ жалуется Сашѣ—будочнику на Колю—сапожника: обидѣль онъ купца, подметки поставилъ, да не кожаныя, а изъ папки. Будочникъ кличетъ сапожника. И выскаиваетъ весь изодранный, въ опоркахъ на босу ногу, съ подбитымъ глазомъ сапожникъ—Коля, беспокойно озирается, не хуже Сѣмы юродиваго, потомъ преглупо улыбнулся, ну совсѣмъ какъ Кузьма дворникъ, переминается,想要 сказать что-то, разинулъ ротъ...

— Вонъ!—раздался вдругъ звенящій голосъ Арсенія,— вонъ!—и среди дрогнувшихъ головъ мелькнула его скрюченная волосатая рука.

И, какъ одинъ человѣкъ, пошла толпа, дымомъ повалила толпа, бездушно вонъ отъ качелей, а скрюченная волосатая рука, не дрогнувъ, давила, а звенящій крикъ хлесталъ по шеѣ, и словно жгутикомъ болно подгоняло вонъ, вонъ со двора.

О. Гавріилъ бросился на террасу, туркнулъся въ дверь—заперто, скорѣе къ окну—слава Богу!—есть ходъ, полѣзъ черезъ окно и застрялъ, и, застрявъ, съ перепугу засвистѣлъ тоненько землянымъ лягушенкомъ.

— Это еще что за новости... подожжете еще... никакихъ театровъ въ нашемъ домѣ! — выкрикнулъ Арсеній скороговоркой, подошелъ къ рампѣ.

— У Достоевскаго вонъ на каторгѣ, на каторгѣ театръ устраивали... — Коля наклонился къ самому лицу Арсенія, но не успѣлъ докончить: крѣпкая пощечина хлеснула его звонко по его вымазанному лицу, и рыжій картузъ его глухо шлепнулся о подмостки.

— Мерзавецъ! — кошкой прошипѣлъ Арсеній, все лицо его словно болѣло отъ злобы, онъ круто повернулся и, улыбаясь пересохшими отъ злости губами каменной огорѣлышевской улыбкой, зашмыгалъ-полетѣлъ, и словно крылья поднялись за его согнутой спиной.

И какъ тогда, давно, въ первую встрѣчу, когда Коля первый руку подалъ Арсенію, Коля закусилъ себѣ до крови губу и какъ-когда-то стоялъ съ протянутой рукой.

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнаники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Коля одинъ стоялъ на сценѣ, всѣ мысли его и всѣ решения сразу вспыхивали. И передъ нимъ на сценѣ же стоялъ Сѣма юродивый въ своей шапкѣ - барабанѣ съ бубенцами и, молча, показывалъ рукою то на сердце себѣ, то вверхъ на звѣзды.

Коля нагнулся, поднялъ картузъ и, не оглядываясь, пошелъ въ домъ.

А Сѣма юродивый все стоялъ на одномъ мѣстѣ и показывалъ то на сердце себѣ, то вверхъ на звѣзды.

О. Гаврійль, свистѣвшій землянымъ лягушенкомъ, визжалъ теперь настоящей свиньей, но никакъ не могли его высвободить. И долго тянули его: тянулъ его дворникъ Кузьма, и городовой Максимчукъ въ голубой лентѣ и со звѣздою, и

кухарка Степанида, и Прасковья, и горничная Маша. И наконецъ-то высвободили, высвободился о. Гаврілъ, да со страху бѣжать, только кудри развѣваются.

— О Гаврілъ, батюшка, о. Гаврілъ, ряску забыли!— кричали ему вдогонку.

Куда тамъ! Богъ съ ней, и съ рясой!

Такъ и сбѣжалъ о. Гаврілъ.

Такъ и кончилось представлениe.

Варенька заперлась въ своей спальнѣ. Финогеновы съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ тихонько на верхъ прошли.

И долго сидѣли они на верху вокругъ самовара, какъ всегда.

Приготовленные къ подношенню дубовые вѣнки, зеленые, глядѣли со стѣнъ дѣтской.

Алексѣй Алексѣевичъ взволнованно ходилъ взадъ и впередъ.

Храпѣла Прасковья: ей тоже не мало за день досталось съ театромъ!

— Ужъ зимой непремѣнно устроимъ, настоящій театръ, здѣсь устроимъ на верху или въ залѣ! — говорилъ Саша.

— А на будущій годъ можно и занавѣсъ такой повѣсить, настоящій. И все играть будемъ! — вторилъ ему Петя.

Сжавшись, сидѣлъ Коля, какъ тогда послѣ порки, сидѣлъ у окна. Его до крови искусанныя губы вздрагивали, и сухимъ блескомъ горѣли темные съ поволокой глаза. Онъ какъ сѣлъ къ столу, такъ и сидѣлъ, молча.

„Пожаръ какой, пожаръ пущу! — метались мысли его, и вдругъ нестерпимо больно жгло гдѣ-то въ сердцѣ: — или умереть?“.

Женя все морщился: начиналась у него всегдашняя его боль гдѣ-то надъ самыми бровями.

Алексѣй Алексѣевичъ взволнованно ходилъ взадъ и впередъ.

А тамъ, у пруда по саду, осень шла — красавица, по-

слѣдніе прощальные дни— упоеніе несказанное. Осень шла, разсыпала по небу серебряные камушки, ссывала хороводы бѣлыхъ звѣздъ. Осень шла, поднимала по саду золотыя хоругви, уставляла хоругвями черный прудъ.

А тамъ у качельныхъ столбовъ, гдѣ висѣла афиша— зеленый чортъ, зеленый чортъ, дымный, какъ дымъ густой, въ звѣздной ночи зажегъ зелеными огоньками свои хохочущіе глазки и, извивая длинный хвостъ, раскачивался на влажной перекладинѣ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Прекрасная мати-пустыня.

Коля не скоро успокоился, долго не могъ онъ забыть театръ подъ качелями, нѣтъ-нѣтъ да и схватить боль и замучаетъ, замучаетъ, хоть и не глядѣлъ бы на свѣтъ Божій. Но и эта боль — пощечина, какъ когда-то порка, переболѣла, и онъ забылъ о пощечинѣ, какъ когда-то о поркѣ передъ кіотомъ.

Началось ученье, пошли всякія заботы.

Раннимъ утромъ, чуть еще брежжутъ осеннія будни, и рѣдкимъ звономъ печально звонятъ въ Боголюбовомъ къ средней обѣдинѣ, Женя и Коля отправлялись въ училище.

Слякотное небо, слякотныя улицы, будто тифозныя, раздирали мутные, измученные бредомъ глаза. Къ церковнымъ напертямъ подносили покойниковъ, бѣдныхъ, съ колыхающимся желтымъ казеннымъ покровомъ вдоль досчатыхъ дешевыхъ гробовъ и пахло перегорѣлымъ дешевымъ ладаномъ и гнющѣй, заразной сыростью, и стаи воронъ, каркая, кружились надъ измокшими деревьями въ палисадникахъ.

И такимъ отдаленнымъ казалось тогда Колѣ то его будущее, которое непремѣнно придетъ, своевольное и огромное, то его будущее, котораго хотѣлось ему и о которомъ рѣдкій часъ, хоть и смутно, но съ такимъ жаромъ не мечталъ онъ.

Быть ему богатыремъ, сѣрымъ волкомъ, спасать ему Ивана-Царевича, быть ему апостоломъ Петромъ и никогда не отречься отъ Христа и не предать Его и не заснуть въ Геѳсиманскомъ саду, быть ему такимъ высокимъ, какъ любимый французъ учитель, и носить штиблеты, какъ у Мити, безъ стука, быть ему о. Глѣбомъ и повелѣвать бѣсами, только чтобы съ глазами оставаться, или нѣтъ, не сѣрымъ волкомъ, не апостоломъ Петромъ, не французомъ, не о. Глѣбомъ, а быть ему такимъ, какъ самъ Огорѣлышевъ Арсеній, да, какъ Огорѣлышевъ и еще повыше.

Коля давно ужъ понялъ, что Арсеній - особенный, какихъ мало, а, можетъ быть, и совсѣмъ нѣтъ такихъ, и также понялъ, что дѣлаетъ Арсеній какое-то свое большое дѣло отъ котораго зависитъ не только жизнь города, но и всей Россіи.

И вотъ когда-то-нибудь, въ своевольномъ будущемъ своемъ, станетъ Коля такимъ, что и самъ Арсеній, который теперь презираетъ его, первый ему поклонится, заговорить съ нимъ, ну заговорить съ нимъ, какъ съ равнымъ.

Но Арсеній не презиралъ Колю, тутъ Коля ошибался. Изъ всѣхъ Финогеновыхъ онъ выдѣлилъ Колю, видя въ немъ свою породу огорѣлышевскую. И вотъ почему не къ Женѣ, а къ Колѣ придирился Арсеній и не спускалъ Колѣ ни одной шалости.

Арсеній нерѣдко наѣзжалъ въ Огорѣлышевское училище, и пріѣздъ его былъ для Коли самой тягчайшей минутой и безъ того обузной классной жизни: приходилось забираться въ уборную и тамъ высиживаться, а то не ми новать—подзоветъ, придерется и выругаетъ.

Уроки тянулись надоедливо, кажется, все изводило батюшка-законоучитель, по прозвищу Китаецъ, обличаляр Финогеновыхъ, какъ позорящихъ Огорѣлышевскій домъ, благочестіе коего заставлятьствовано многими христіанскими добродѣтелями. учитель русскаго языка Иниховъ-Химера вылавливавъ въ классныхъ сочиненіяхъ вольнодумства, постоянно угрожая доносомъ.

И одно было развлеченье: книга. Въ партѣ на лысомъ ранцѣ постоянно лежала у Коли книга, и съ каждой перемѣнной убывали правыя страницы, какъ съ каждой четвертью убавлялись баллы по поведенію. За книгу особенно преслѣдовали Колю.

Но вотъ кончалась недѣля и наступало, наконецъ, воскресенье.

До ранней обѣдни у Финогеновыхъ обыкновенно шла спѣшка: подчищались, вымарывались да подправлялись колы и двойки, полученные за недѣлю.

Всякий разъ въ воскресенье послѣ ранней обѣдни Игнатій просматривалъ Финогеновскіе балльники и всегда оставался недовольнымъ. Глядя куда-то въ сторону, Игнатій ровно, безъ всякаго раздраженія, какъ настоящій англичанинъ, говорилъ одно и то же—о финогеновской лѣни и шалопайствѣ, и всякий разъ поминаль Сеню, который меньше пятерки никогда не имѣлъ, и всякий разъ поучалъ, что Финогеновымъ надо учиться, хорошо учиться, потому что средства у нихъ къ жизни никакихъ нѣтъ, и что живутъ они на чужой счетъ, на ихъ счетъ—на огорѣлышевскій, а если и будутъ такъ плохо вести себя, то ихъ исключать, или Огорѣлышевымъ самимъ придется взять ихъ изъ училища и отдать въ сапожники...

Вернувшись домой отъ Игнатія, Финогеновы кропотливо возстановляли отмѣтки въ своихъ балльникахъ: опять выводились колы и двойки съ росчерками и замысловатыми

зиявивушками грека, русского, историка, физика. И тутъ
Коля голова, потому что рука его—подъ всѣ руки.

Наступившая осень принесла съ собою много событій.

На Воздвиженіе умерла бабушка Анна Ивановна. Умерла бабушка одна въ палатѣ для слабыхъ, и похоронили ее въ общей могилѣ. Извѣщеніе о смерти ея пришло къ Финогеновымъ много спустя послѣ похоронъ.

Въ послѣдніе годы не такъ ужъ часто приходила бабушка къ Финогеновымъ—съ конца на другой конецъ города тяжело ей было, и не такъ долго заживалась она у Финогеновыхъ—ни помочь, ни сдѣлать ничего не могла, ослабла, а безъ дѣла жить обузой—совѣстно.

Еще лѣтомъ до театра, предчувствуя, должно быть, конецъ свой, бабушка, не разстававшаяся со своей любимицей, кошкой Маруськой, нѣтъ-нѣть да спрашивала Финогеновыхъ: придутъ ли они къ ней на отпѣваніе, принесутъ ли цвѣточковъ?

— И ты, Колюпка,—выдѣляла бабушка своего любимаго Коля, поглаживая Маруську,—придешь, вспомнишь, какъ духовъ въ табакѣ подливалъ, а мнѣ и хорошо будетъ, сѣвѣтло изъ гроба смотрѣть, и сердцу весело.

— Бабушка, я тебѣ никогда духовъ не подливалъ!—
каялся Коля.

— Подливалъ, душа моя, помню хорошо.

— Бабушка, это не духи я тебѣ подливалъ...

А у бабушки только тряслись ея лиловыя губы и прыгалъ длинный сѣдой, серпомъ завитой волосъ на бородавкѣ,—бабушка плакала.

Вмѣсто бабушки къ Финогеновымъ стала ходить тоже богодѣлка, сестра Прасковьи, Арина Семеновна—Эрихъ и роклятый или просто по-будничнему Эрихъ. Въ очкахъ, поводя табачнымъ носомъ, выискивала Эрихъ всюду и вездѣ одни непорядки, а нюхала не хуже бабушки.

За бабушкой ушелъ на тотъ свѣтъ огорѣлышевскій приказчикъ Михаилъ Ивановичъ—должно быть, задохся старикъ среди своихъ безчисленныхъ клѣтокъ: три дня не выходилъ онъ изъ своей конторы, три дня не показывался на огорѣлышевскомъ дворѣ, и нашли его ужъ мертвымъ—полна комната птицъ, летаютъ птицы—и узнать нельзя, весь исклеванъ. Такъ исклеваннаго и похоронили, а птицъ всѣхъ на волю выпустили—Душка-Анисья такъ посовѣтовала.

За приказчикомъ Михайлomъ Ивановичемъ приказалъ долго жить—обманулъ стариечекъ, Покровскій священникъ, какъ любилъ самъ покойникъ о покойникахъ отзываться. Коля почему-то былъ увѣренъ, что изъ батюшки непремѣнно мощи будутъ, но батюшка на другой же день испортился. Душка-Анисья, тоже ожидавшая нетлѣнія, весь грѣхъ приписывала лѣкарствамъ.

— Отъ лѣкарства и не такие угодники портились!—говорила Душка-Анисья.

На освободившееся мѣсто къ Покрову назначили молодого священника. Новый священникъ и отецъ духовный о. Сергій, впрочемъ отцомъ никто не захотѣлъ его звать, а просто Сергѣемъ Семеновичемъ, получилъ отъ Финогеновыхъ прозвище Полъскій священикъ, къ которому появилось и добавленіе: не ужели ты пріѣхалъ. Страстный охотникъ говорить проповѣди, въ одной изъ проповѣдей своихъ, путанныхъ и не особенно-то складныхъ, Сергѣй Семеновичъ, изображалъ какого-то пропавшаго друга и встрѣчу съ нимъ и хотѣлъ щегольнуть діалогомъ, но спутался и повторялъ одну и ту же фразу—„Неужели ты пріѣхалъ?“—пока въ церкви не поднялся хохотъ. Финогеновы обращались съ Сергѣемъ Семеновичемъ за панибрата.

Немного пережилъ своего старика священника Покровскій пономарь Матвѣй Григорьевъ. И не отъ того, что пурпуръ у него перешелъ на спину, померъ пономарь, а грѣхъ его попуталъ, какъ послѣ говорилось и на Огорѣлышевскомъ

дворѣ и у Покрова за всенощной. Полѣзъ Матвѣй Григорьевъ по лѣстницѣ ионикадило зажигать, ножки у лѣстницы и раздвинулись, лѣстница покачнулась, а онъ съ высоты то и чертыхнись, чертыхнулся и грохнулся объ полъ, да такъ головой прямо о плиты, инда черепъ треснулъ. На его мѣсто опредѣлился Петръ Егорычъ съ подрѣзаннымъ горломъ, очень смирный: когда-то, въ молодости, хотѣлъ онъ зарѣваться и неудачно.

Умеръ и огорѣлышевскій ночной сторожъ Аверьянычъ, изрыгавшій сквернословіе, какъ молитву какую. Нашли Аверьяныча въ сторожкѣ съ грязною тряпкою во рту беззубомъ и ужъ окоченѣвшаго. Самъ ли онъ отъ болей своихъ тряпку закусилъ, или Богъ накаралъ за сквернословіе, такъ и осталось невыясненнымъ.

— Войдешь, бывало, дѣвушка, въ сторожку,— долго послѣ вспоминала Прасковья,— а Аверьянычъ спить, „Что ты, скажешь, спиши, оглашенный?“ А онъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало: „Не спаль я, дѣвушка, я пѣсни пѣль!“ Что ужъ забыть себѣ въ голову, на томъ и станеть, не человѣкъ, а упоръ какой-то!

На мѣсто Аверьяныча поставили кузнеца, сказочника Ивана Данилова, окривѣвшаго отъ искры на правый глазъ и негоднаго ужъ для кузницы.

Издохъ котъ Наумка, Колинъ любимецъ.

Вырыль Коля ямку, положилъ кота въ ящикъ, убрали его усатую мордочку воздвиженскими любимицами астрами. И, какъ когда-то играя въ большіе священники, отслужили Фигеновы наверху обѣдню. отпѣли кота, и зарыли его подъ вербой. А на качельномъ столбѣ высокобилиль Коля коту эпитафию:

„Наумка — мой ровесникъ, жилъ на землѣ тринацать годовъ и одинъ годъ, пѣль мнѣ пѣсни, не любилъ политаніи. Милый мой коташка!“

Сапожника Филиппика, Степанидина сына, засадили за воровство въ острогъ.

Въ Сергіевъ день о. Гавріла рукоположили въ іеромонахи и вмѣстѣ съ преосвященнымъ Хрипуномъ перешелъ онъ въ Лавру и болыше не бывалъ у Финогеновыхъ,—далеко. Прощаюсь, о. Гаврілъ, имѣвшій привычку цѣловаться съ прикусомъ, искусалъ всѣхъ Финогеновыхъ и даже очень больно. Ну, когда-то еще разъ придется имъ свидѣться,—Лавра далеко.

Вернулся изъ-за границы Сеня Огорѣлышевъ, и какой важный! И къ Финогеновымъ ужъ не запелъ Сеня, а встрѣтили его Финогеновы въ огорѣлышевскомъ домѣ внизу въ конторѣ, гдѣ по воскресеньямъ послѣ ранней обѣдни Игнатій балльники финогеновскіе провѣрялъ. Холодно поздравовался Сеня, и Финогеновымъ ужъ неловко показалось Сеней его называть, но и Семеномъ Арсеньевичемъ не выходило, впрочемъ, весь разговоръ-то вышелъ очень кратокъ. Однаго Сашу онъ пригласилъ съ собой въ свою комнату и подарилъ наусники, на ночь на усы надѣвать, чтобы усы кверху торчали по-нѣмецки, какъ у Вильгельма. У Саши чуть только пробивался пушокъ на губѣ, и наусники Сенины ему были ни къ чему, но онъ все-таки ихъ взялъ. И одно время наусники эти занимали Финогеновыхъ: ихъ надѣвали на ночь совсѣмъ еще безусый Петя и, конечно, безъ толку, раза два спаль въ нихъ и Коля. Такъ наусниками и кончилась дружба съ Сеней,—видно не вернуть ужъ старого: поѣхалъ за границу Сеня, а вернулся Семенъ Арсеньевичъ Огорѣлышевъ.

Горничная Маша, какъ говорили, путаться стала, и Машу Варенька прогнала.

Уходя отъ Финогеновыхъ, Маша на весь домъ плакала: ей уходить не хотѣлось, привыкла она и къ дѣтямъ и къ дому. А Колѣ было такъ горько: такъ бы, кажется, и уцѣпился онъ за ея бѣлую юбку въ маленькихъ голубенькихъ цвѣточкахъ и никогда и никуда не отпустилъ бы отъ себя.

И Маша въ воображеніи его сливалась теперь съ Вѣрочкой, которую онъ изрѣдка встрѣчалъ на улицѣ, но ужъ не кланялся.

— Погибла, дѣвка, погибла,—прощалась Прасковья съ Машей, и трясущейся рукой сунула въ горячую руку прощающей свой отложенный на черный день дорогой рубль,—заходи когда, чего тамъ: всѣ мы... таковскія.

Машу замѣнилъ Митя, сынъ Прасковыи, половой изъ трактира, окрещенный Финогеновыми въ первый же день Прометеемъ. Прометея помѣстили въ дѣтской, а Прасковью перевели въ столовую за занавѣску.

Къ Прометею Финогеновы очень скоро привыкли. Вечерами нерѣдко, какъ когда-то Женѣ и Колѣ, Петя диктовалъ Прометею и за какой-нибудь мѣсяцъ наловчился Прометей до золотой медали, какъ самъ хвасталъ Алексѣю Алексѣевичу.

Какъ у Вареньки наступалъ періодъ писемъ, такъ въ известный срокъ на Прометея запой находилъ.

Въ запой Прометей забрасывалъ всякую работу, бралъ гармоню и цѣлый день игралъ одно и то же. А когда начинало смеркаться, въ сумерки вдругъ охватывало его беспокойство: онъ поминутно вскакивалъ и все порывался ити куда-то, домой куда-то...

— Домой пойду!—бормоталъ Прометей въ минуты своего крайняго беспокойства и весь тянулся, пока не падала изъ рукъ гармоня и не вскакивалъ самъ на улицу. И всю ночь пропадалъ онъ по всякимъ притонамъ и лишь къ утруозвращался къ Финогеновымъ нагишемъ.

Всякий разъ Варенька выгоняла его, и только послѣ просьбы Прасковыи и всѣхъ дѣтей и раскаянія самого Прометея и клятвъ его, что больше съ нимъ такого никогда не произойдетъ, онъ снова принимался голодный и потемневшій.

Въ будни носиль Прометей тужурку съ серебряными пуговицами,—сдѣлана была эта тужурка изъ старой изодран-

ной Сашиной шинели, на ногахъ его шмыгали резиновые калоши.

Въ праздники же надѣвалъ Прометей свою коричневую визитку, и штиблеты безъ стука.

— Какъ у настоящаго солитера!—вертѣлся Прометеи передъ зеркаломъ и охорашивался,—пройтись теперь, да дѣвченку подцѣпить, эхъ-ма!

Въ праздникъ, вдохновляясь, должно быть, своей визиткой, какъ у настоящаго солитера, часто Прометей рассказывалъ Финогеновымъ приключенія изъ своей трактирной жизни и восторгался, вспоминая трактирныхъ гостей и тѣми, у кого деньги какъ лебеди, такъ и летѣли, и тѣми, кто хорошо ему на чай давалъ.

— Не то, что шпульникъ какой: натрескается, набѣгаешь всѣ ноги изъ-за него, а онъ тебѣ еще въ морду! — и при этомъ сплевывалъ въ сторону тоненькимъ плевкомъ.

За трактирными приключеніями слѣдовали у Прометея воспоминанія изъ жизни Зоологического сада, гдѣ однажды занималъ Прометей трудную и небезопасную должность при слонѣ: за двадцать пять рублей приводилъ онъ слона въ чувство во время случки.

— Цѣлый день подъ слономъ! И хоть бы медаль полагалась, хуже каторги! — возмущался Прометей.

У Петра Егорыча съ подрѣзаннымъ горломъ филиновъ голосъ, у Прометея и такого не было,—родятся такие совсѣмъ безголосые люди, но согласиться съ этимъ, лучше помереть, одинъ конецъ, и длинно вытягивая свои безкровныя губы и присѣдая, Прометей пѣлъ.

— Ну-ка послушайте,—останавливавъ Прометей кого-нибудь изъ Финогеновыхъ, и пѣлъ,—какъ, ловко? Не хуже протодьякона вывелъ, ловко?

— Прометей, а Прометей! — приступалъ не безъ лукавства Коля, — хвати, Прометей, многолѣтіе съ перекатами!

Прометей ничего не замѣчалъ и оралъ, онъ оралъ во

исю мочь, и, должно быть, самому ему слышались большие звуки, онъ оралъ и хрюкалъ, пока не саднило въ горлѣ.

Когда приходилъ къ Финогеновымъ Алексѣй Алексѣевичъ и начинались всякие разговоры о книгахъ, Прометей внимательно прислушивался и, улучивъ минуту, весь изгibаясь, таинственно задавалъ вопросы и совсѣмъ не идущіе къ дѣлу. Любимый вопросъ Прометея—война.

— Не грянетъ ли сызнова война, и не объявился ли гдѣ Наполеонъ?

На верху надъ кроватью Прометея висѣла раскрашенная картина—портретъ Наполеона.

— Какая еще тутъ война! — огорачивалъ Прометея Алексѣй Алексѣевичъ,—и такъ у насъ народъ мреть отъ голода, Богъ съ ней съ войной, одно безобразіе!

Прометей не сдавался: голодъ голодомъ, а война—священное дѣло великаго человѣка. Самъ Прометей—великій человѣкъ, такимъ онъ самъ считалъ себя, онъ только не имѣлъ еще повода обнаружиться. Обнаружить Прометея война.

Но Алексѣй Алексѣевичъ стоялъ на своемъ: не надо никакой войны, и не будетъ войны.

— И жить не стоитъ, коли такъ,—примолкалъ Прометей, и весь истощенный, спитой, жаждущій отличиться, онъ горбился больно и, покручивая свои крыси хвостики, отходилъ къ столу, отыскивалъ клочокъ бумаги и съ какимъ-то отчаяніемъ своимъ затѣйливымъ красивымъ почеркомъ выводилъ подпись съ росчеркомъ и завитушками:—„Генераль-лейтенантъ, генералъ-отъ-инфanterіи, наказный атаманъ Войска Донскаго, генералиссимусъ Дмитрій—Прометей Мирскій“.

Частныя ли встрѣчи съ о. Глѣбомъ, или такъ ужъ душа повернулось, въ душѣ Саши произошелъ рѣзкій переломъ: изъ болтуна онъ превратился въ замкнутаго и скрытнаго, всѣхъ избѣгать сталъ, сталъ уединяться, или сидѣть и чи-

таетъ или молится, и рисовать сталъ только иконы. Лицо его еще больше зоострилось, а сѣрые глаза залучились.

Съ наступленіемъ зимы, вечеромъ на верху въ дѣтской, гдѣ когда-то бабушка рассказывала сказки и читала евангеліе, за которымъ слѣдовала Капитанская дочка, тамъ, въ дѣтской, гдѣ лѣтомъ еще, такъ недавно, велись нескончаемые разговоры о театрѣ, теперь рассказывалъ Саша житія угодниковъ.

Затихшимъ, изболѣвшимся голосомъ, проникая въ самую душу, рассказывалъ Саша о подвижнической жизни, о мученикахъ, и о старыхъ скитахъ и о чудесахъ великихъ. И такъ у него хорошо выходило,—видѣлась церковка гдѣ-то среди дремучаго лѣса на днѣ свѣтлаго озера, видѣлась прекрасная мать-пустыня.

Съ замиравшимъ сердцемъ, какъ когда-то сказку о Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ, какъ когда-то Страсти Господни, слушалъ Коля о матери-пустынѣ. И Петя о ней слушалъ, о своемъ мечтая: Петя не выходилъ изъ своего круга—онъ всегда былъ влюбленъ, и сердце его никогда не пустовало.

— А какъ же на счетъ военныхъ дѣйствій?—спохватывался вдругъ Прометей, самъ растроганный Сашиной повѣстью о подвижникахъ, самъ замечтавшій о матери-пустынѣ.

Но какой же разговоръ могъ быть о венныхъ дѣйствіяхъ съ матерью-пустыней въ ея пустынѣ?

— Тамъ овца ляжетъ около тигра,—говорилъ Прометею Саша.

— И жить не стоитъ, коли такъ,—примолкалъ Прометей, и весь истощенный, спитой, жаждущій отличиться, онъ гобрился болыно и, покручивая свои крысы хвостики, уходилъ изъ дѣтской внизъ къ чернымъ холоднымъ сѣнямъ и тамъ, въ темнотѣ, запервшись на задвижку, съ какимъ-то отчаяніемъ оралъ себѣ царское многолѣтіе—Дмитрю Прометею Мирскому.

Алексѣй Алексѣевичъ, не одобрявшій Сашинаго увлеченія, избѣгалъ душеспасительныхъ бесѣдъ,—такъ съ насмѣшкою называлъ онъ Финогеновскіе вечера,—и, попадая случайно на Сашину проповѣдь и прослушавъ какой-нибудь разсказъ, онъ съ улыбкой подносилъ Финогеновымъ самое отборное изъ очертѣвшихъ буденъ нашей русской несуразности, нашего несчастья и неудачи.

— А вы въ монастырь итти хотите? душу спасать хотите?—ершился и щетинился Алексѣй Алексѣевичъ.

Но всегда кротки были отвѣты Саши: да, онъ бросить эту міръ, ищущій веселья, жить будетъ гдѣ-нибудь въ старомъ скиту за Волгою.

Саша ближе всѣхъ сонялся съ Колей. У Коли появилась страсть: собирая книги, собиралъ онъ и всякія маленькия венцы, всякихъ игрушечныхъ звѣрковъ и звѣрушекъ, и все они стояли у него на столикѣ съ любимыми книгами. Саша доставалъ Колѣ этихъ звѣрушекъ: принесетъ и поставить къ нему на столикъ, будто сами пришли.

Медвѣдюшка, подаренный Колѣ Елисемъ Степановичемъ, отцомъ, наканунѣ смерти, фарфоровый глупый медвѣженокъ, занималъ у Коли самое почетное мѣсто. И какъ жаль Коля, что другой подарокъ отцовскій, змѣйка прошла и ужъ такой нигдѣ не найдешь больше.

— Ничего, Коля,—утѣшалъ Саша,—я тебѣ зайчика достану: зайчикъ капусту єсть, а въ капустѣ музыка.

Алексѣй Алексѣевичъ, приносившій Колѣ книги, головой покачивалъ и ворчалъ не хуже Прасковыи:

— Одинъ въ монахи собирается, другой въ игрушки играеть!

Съ Рождества дѣтская обратилась въ моленную.

И вышло это само собою: сначала Саша только житїя рассказывалъ, потомъ послѣ разсказовъ стали пѣть іеросы и стихиры, а потомъ перешли и къ акафистамъ.

У Саши появились всякія трюди,—доставалъ онъ церковныя книги или у о. Глѣба, или у Сергѣя Семеновича—Польскаго священика. Сшилъ себѣ Саша что-то въ родѣ подрясника. Этотъ подрясникъ выкроилъ Сашѣ финогеновскій портной Навель Петровичъ—Поль-У же, изъ старого дѣдушкина халата, перешедшаго къ Финогеновымъ вмѣстѣ съ понощеннымъ бѣльемъ отъ Огорѣлышевыхъ.

Игра въ большіе священники пришлась кстати. Конечно, обѣденъ теперь не служили, просвирокъ не внимали, квасомъ не причащались, и никакихъ архіерейскихъ служеній не представляли,—въ моленной совершилось только дозволенное.

За акаѳистами и канонами выставали Финогеновы до глубокой ночи, выбивали поклоны и мучили себя всевозможными лишеніями: постились въ среду и пятницу, понедѣльничали, какъ Прасковья, Степанида и покойница бабушки. Ревностнѣе всѣхъ, конечно, былъ Саша, но и остальные не уступали. всѣ старались: и Петя, и Женя, и Коля,—было какое-то соревнованіе другъ передъ другомъ въ самопистязанії.

Алексѣй Алексѣевичъ одно время почти пересталъходить къ Финогеновымъ, а на долгія ночные службы ихъ даже и заглянуть не захотѣлъ. Алексѣй Алексѣевичъ не зналъ, что и думать о финогеновскихъ затѣяхъ, просто хотѣ рукой махни и поставь крестъ!

Варенька, обыкновенно остававшаяся одна въ своей комнатѣ, изрѣдка, хоть и нетвердо, а подымалась на верхъ въ дѣтскую на моленье, и какой-нибудь часъ—ничего, она тихо молилась, но наступала минута, и вотъ, кажется, ни съ того, ни съ чего или начинала она насмѣшливо фыркать, или со слезами на глазахъ вдругъ повертывалась:

— Проклятые вы, проклятые!—и, заложивъ руки за спину, шмыгала по-огорѣлышевски внизъ изъ дѣтской, плача и проклиная.

— И отъ Бога грѣхъ, и отъ людей стыдъ! — говорила Праксоквя въ кухнѣ за ужиномъ послѣ непонятныхъ выходокъ Вареньки.

Степанида и Праксоквя постоянно молились съ Финогеновыми.

Но что было дѣлать Варенькѣ? У ней ни души не было — всегда одна, вѣдь и монахи съ переходомъ въ Лавру о Гавріила больше не появлялись у Финогеновыхъ, а монахи все-таки, какъ-ни-какъ, развлеченье, ну, хоть что-нибудь, чѣмъ бы душу отвести, — ничего. И она одна въ своей опустынѣвшей комнатѣ, около своей пропитавшейся водкой шифоньерки, съ тяжелой головой и съ падающимъ сердцемъ проклинала и дѣтей, и себя.

Зачѣмъ она тогда покорилась и, не желая, покорностью своей крестъ на себя взяла, понесла его мучительный, ненавистный — проклятый крестъ.

— Проклятые вы, проклятые! — плакала, проклинала Варенька и себя, и дѣтей.

И казалось, ужъ мѣра переполнилась, и время кончалось, приспѣвалъ ея часъ итти на отвѣты.

Финогеновы въ Великій постъ еще усерднѣе отправляли свои ночные службы, а Саша даже говѣль на Первой недѣлѣ. Правда, и тутъ на великопостныхъ стояніяхъ, не обходилось безъ вывертовъ къ большому огорченію Саши. На Пятой недѣлѣ Великаго поста, на стоянії Маріи Египетской, послѣ канона за сенаксаремъ Коля, строясь приходскимъ старостой отъ Покрова, прошелся съ тарелкой, а сзади Коли, будто просвирня семенилъ Женя съ блюдечкомъ. Распѣвшая на разные гласы іеромосы, представляли Финогеновы собрныхъ дьяконовъ Назамѣтно и, можетъ быть, невольно переходили они къ игрѣ, къ старому — къ игрѣ въ большіе священники.

Пришла весна, подкралась къ финогеновскимъ окнамъ, — рамы вонъ. И въ вѣтрѣ, заводящемъ воркотню въ трубѣ, и въ глухо сбѣгающихъ съ крыши капляхъ зашептала она,

заманила за собой итти. И какая синяя да большущая за монастыремъ полегла туча, раздавить она бѣлую колокольню, бѣлыя башенки!

— Не люблю я этого фарисейства, — ворчалъ Алексѣй Алексѣевичъ, съ весною снова зачастившій къ Финогеновымъ, а самъ подбиралъ на рояли Стихъ о Госафѣ царевичѣ и недѣйскомъ:

Прекрасная мати пустыня,
Пріими мя въ свою густыню!

По случаю поздней Пасхи экзамены у Финогеновыхъ начались рано.

Прометей не меньше Финогеновыхъ тревожился, и заучивалъ съ ними теоремы и вынимать билетики, какъ на экзаменѣ.

Ура, латинскій порѣшили!
Геометрія дрянная
Лѣаетъ мя голову весь день...

—распѣвалъ Прометей собственный стихъ на голосъ іѣсни въ честь славнаго казака, обѣхавшаго на конѣ Сибирь:
Ура! Пѣшковъ, тебѣ награда...

Приближалась Пасха. Дождались, наконецъ, Финогеновы Вербной субботы, и распустили ихъ на праздники.

Еще съ Чистаго понедѣльника Страстной недѣли взялись Финогеновы за лѣпленіе изъ маленькихъ свѣчекъ и огарковъ одной огромной свѣчи: свѣча предназначалась для крестныхъ ходовъ въ Великую Субботу и въ ночь подъ Пасху,— никакой вѣтеръ не загаситъ этой свѣчи и никакой дождь не замъститъ.

Въ Великую Пятницу Финогеновы до Плащеницы ничего не ёли, а послѣ Плащеницы всего только по одному финику. Былъ, конечно, грѣхъ: и Петя, и Женя, и Коля отицениули себѣ по кусочку пасхи для пробы,—хороша ли

иийдетъ пасха, надъ которой такъ много потрудились, сами растирая творогъ и размѣщивая его лопаточкой.

На утренѣ въ Великую Субботу Петя въ первый разъ жуткимъ распѣвомъ читалъ надъ Плащеницей паримію—Іезекіїлево чтеніе: „Бысть на миѣ рука Господня...“ А за обѣдней, когда священникъ и дьяконъ снимаютъ черныя ризы и облачаются въ бѣлыя, Петя одинъ пѣлъ „Воскреси Боже, суди земли!“—и на такой театральный ладъ, что Сергій Семеновичъ—Польскій священникъ изъ алтаря кашлять принялъся, а Петръ Егорычъ вдругъ выскочилъ на амвонъ и затянулся по своему своимъ подрѣзаннымъ горломъ,—и грѣхъ и смѣхъ.

Такъ проходили дни весело и хорошо, никогда еще не было такъ хорошо, какъ въ этотъ годъ въ страстные дни, а сколько веснухнуло живымъ огнемъ всякихъ финогеновскихъ затѣй—проказъ.

А тутъ еще Сёма юродивый всѣхъ со смѣху уморилъ! Въ Великую Субботу, когда вернулись Финогеновы изъ церкви, появился Сёма на дворѣ и не одинъ, а съ теленкомъ, и тащить теленка прямо къ Финогеновымъ на кухню.

— Вамъ,—говорить,—пригодится!—а самъ потряхиваетъ головой—барабаномъ, звенить бубенцами.

Степанида за теленка Сёму поблагодарила, повела теленка въ сарай, поставить, а Сёма взялъ ведро и иу крыльцо мыть, а какъ вымылъ крыльцо, снялъ съ себя всѣ свои лохмотья да при всѣхъ этой грязной водой и окатился.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Монахъ.

Съ обѣда Финогеновы легли отдыхать, только Коля все не ложился, все копался: то его развлекалъ Семинъ теленокъ, и онъ не выходилъ изъ сарая, то прибиралъ свой столикъ съ звѣрками и звѣрунками. И ужъ солнце, насмотрѣвшись на прудъ, на молодую травку, закатилось, и тучи, плывущіе надъ домомъ, повернули куда-то за Чугунный заводъ, и сумерки тихо завѣсили окна, только тогда угомонился Коля и, не раздѣваясь, прикурунулъ на кровати.

И показалось Колѣ, вошель будто въ дѣтскую ницій-старикъ, весь такой сгорбленный, измодѣлый, на покойника ночного сторожа Аверьяныча похожъ, штаны сѣрые, мышиные, и стала ницій передъ кроватью.

— Чего тебѣ нужно?—будто спрашиваетъ Коля у ницаго.

А ницій смотрѣть на него и молчать, и какъ-то не спроста молчитъ.

— Кто ты?—спрашиваетъ Коля.

А ницій все молчить, смотрить, такъ смотрить, словно сдѣлать надъ Колей что-то собирается и такое страшное и непонравимое, и не уйти ужъ никуда ему отъ ницаго.

Тутъ у Коли захолонуло на сердцѣ, руки одервенѣли, и мысли помутнѣлись. И ужъ видѣлось ему другое, шель онъ будто по деревнѣ—по разсказамъ Степанидиной Авдотьи онъ узналъ, ихъ деревня, Напоротня: бѣлая церковка и двѣ покатыя стѣны почернѣлыхъ избъ. Мужики и бабы, толкаясь, обгоняли его. Было тихо. Необыкновенно красное солнце медленно заходило за колокольню, и ярко-зеленые тучи крылатыми чудовищами мчались по небу. И вотъ какая-то краснощекая баба въ красномъ платкѣ выскочила изъ воротъ и, расталкивая мужиковъ, оступаясь и прихрамывая, побѣжала вдоль улицы, а надъ ея головой горѣлъ острый кухонный ножъ. И всѣ, словно обезумѣвъ, бросились за ней. Коля шарахнулся въ сторону да къ избѣ, стукнулся въ избу, отворилъ дверь и, очутившись въ избѣ, будто очнулся.

„Завтра Пасха,—метались его всполошившіяся мысли,—Пасха пришла, а я здѣсь одинъ въ черной избѣ!“

И вдругъ задрожалъ весь: въ избу вошелъ къ нему ницій — старикъ, весь такой сгорбленный, измодѣлый, на покойника ночного сторожа Аверьянача похожъ, штаны сѣрые мышиные. Но не Аверьянычъ, совсѣмъ это былъ не Аверьянычъ, на волосатомъ пальцѣ его игралъ драгоценный перстень, какъ у отца, и что-то было въ немъ такое страшное и непонравимое и неизбѣжное.

Коля вскочилъ къ окну, хотѣлъ выскочить, но въ эту минуту острый кухонный ножъ всыпнулъ надъ нимъ, захолодѣло сердце, и онъ открылъ глаза.

Въ Боголюбскомъ монастырѣ звонили къ Дѣяніямъ.

Этотъ звонъ погребальный, пѣлъ звонъ свою страшную прѣсню надъ всѣмъ домомъ, надъ Пасхой и надъ Христомъ. И было такъ горько, словно уходилъ кто-то, дорогой безконечно.

— Коля, вставай! — Саша подошел къ Колиной кровати,—
къ тебѣ Коля зайчикъ пришелъ тотъ самый: зайчикъ єсть
капусту, въ капустѣ музыка!

Коля не обрадовался игрушкѣ-зайчику, котораго такъ
хотѣлъ онъ, не подошелъ къ своему столику, самъ онъ
себѣ казался въ эти минуты такимъ хрупкимъ, словно все
тѣло его просѣтилось, и слышалъ онъ и чувствовалъ и са-
мый малый шорохъ, и вотъ онъ переломится или растаеть
въ воздухѣ, и тоска заливалася все его сердце. Коля заторо-
нился переодѣться: всѣ уже на ногахъ были—и Петя, и
Женя, и Прометей въ своей коричневой визиткѣ и въ шти-
блетахъ безъ стука.

Финогеновы собрались спозаранку.

Забрали они куличи, пасхи, и свѣчу, которую никакой
вѣтеръ не загасить и никакой дождь не зальетъ, и пошли въ
церковь. А ночь была беззвѣздная, пасхальная, и прудъ ка-
зался чернымъ, и темень былъ дворъ, только въ кабинетѣ
Арсенія мигалъ его будничный зеленый огонекъ.

И красный Финогеновскій флигель опустѣлъ.

Недомогавшая Прасковья осталась домъ караулить.

Прасковья прошла въ залу, зажгла лампадку передъ
Спасителемъ съ золотымъ краснымъ голубкомъ на сіянії,
постояла передъ образомъ, вспомнила покойницу бабушку
Лину Ивановну, и приказчика Михаила Ивановича, и ба-
тюшку старичка Покровского, и Матвѣя Григорьева, и сто-
рожа Аверьяныча, и Машу горничную,—гдѣ-то она теперь
треплется, какъ нитка?—и Филиппика Степаниддинова--острож-
ника, кормить, сердечный,вшей!—и о. Гавріила Лаврскаго, по-
молилась за Митрія раба и за сестру Арину и, крестя
окна, пошла по залѣ. Заглянула Прасковья въ зеленую
банку къ голодному аксолоту, поправила пальму у рояля
и, не топая, по ковру прошла въ гостиную и тамъ провела
рукой по дивану и, поднявъ оборку, пошарила подъ дива-

иомъ и, отвертываясь отъ зеркала, послушала подъ дверью къ Варенькѣ—нѣть, у Вареньки тихо было и только нагорѣвшій фитиль лампадки передъ кютомъ потрескивалъ. Перекрестила Прасковья дверь къ Варенькѣ и назадъ изъ гостиной, и въ залѣ еще разъ помолилась, и черезъ прихожую вышла въ столовую. И въ столовой, крестя двери и окна и углы холодные, окрестила она и лъва, и бенедиктина-монаха, и священное коронованіе, и черезъ кухню на цыпочкахъ прошла въ гардеробную и опять послушала у дверей Вареньки—нѣть, у Вареньки тихо было, и только нагорѣвшій фитиль лампадки передъ кютомъ потрескивалъ. Измаялась вся, присѣла старуха на кованый устюжскій сундукъ,—неспокойно ей было, ей все чудилось: ходить кто-то, не то по чердачу, не то въ черныхъ сѣняхъ, лѣзеть кто-то по террасѣ что ли и ногой топаетъ,—встала она съ суднука, и крестя двери и углы холодные, побрела по лѣстницѣ на верхъ въ дѣтскую и тамъ прилегла до звона на кровать своего Мити—Прометея. Но не успѣла она глазъ завести, какъ попала въ свою страшную комнату, и они—черненькие въ куроточкахъ прокрались въ ея страшную комнату.

А тамъ у Вареньки было тихо, и только нагорѣвшій фитиль лампадки передъ кютомъ потрескивалъ.

Монахъ съ красивымъ лицомъ и разсѣченной бровью, изъ которой тихо, капля за каплей, сочилась густая темная кровь, монахъ въ ярко-зеленой шуршащей, шелковой рясѣ, держалъ передъ ней деревянный темный крестъ, обшитый неровной зазубренной жестью.

Какъ сквозь аксолотово зеленое стекло, видѣла Варенька этого странного монаха и не двигалась съ мѣста, она закрывала глаза, стараясь отогнать видѣніе и долго сидѣла съ закрытыми глазами.

Монахъ съ красивымъ лицомъ и разсѣченной бровью, изъ которой тихо, капля за каплей, сочилась густая темная

Кровь, монахъ въ ярко-зеленой шуршащей шелковой рясѣ держалъ передъ ней деревянный темный крестъ, обшиты неровной зазубренной жестью, и вдругъ изогнулся весь и бросился на Вареньку.

И они бѣгали по комнатѣ, и монахъ пропадалъ и появлялся, и настигалъ и хваталъ ее. И глядѣли на нихъ вътишишіе присмирѣвшія стѣны, и высокій темный кіотъ со всѣми ликами, и гнѣвными, и скорбящими. Обезсиленная, измученная, перепуганная на смерть, бросилась Варенька въ гардеробъ и забилась въ платья. Но ужъ поздно, нѣтъ ей защиты: крѣпкая, костлявая рука монаха нащупала ее, схватила ее тамъ, вѣшилась и, вытащивъ воинъ, кинуланичкомъ на кровать.

И тогда хрустнула спина ея подъ навалившейся тяжестью чернаго креста.

Монахъ не уходилъ, монахъ, шурша своей ярко-зеленою шелковой рясой, расхаживалъ у шифоньерки, напевая старческимъ голосомъ барыни:

Ты, барыня—барыня
Сударыня—барыня...

Не шелохнувшись, въ смертельномъ ужасѣ лежала Варенька, не шелохнувшись, внизъ головою лежала она и много больше ея роста во всю кровать деревянный темный крестъ, обшитый неровной зазубренной жестью, насѣдая, приплюскивалъ ея тѣло, и острый гвоздь креста царапалъ ей темя.

Ты, барыня—барыня
Сударыня—барыня..

И въ знакомомъ напѣвѣ слышались ей другіе страшно знакомые, страшно близкіе, такие близкіе, такие вѣрные, такие родные напѣвы. Надо что-то вспомнить ей, надо что-то сдѣлать ей, непремѣнно сдѣлать, и уйдетъ монахъ, уне-

сеть свой крестъ. Ахъ да, въ ту звѣздную зимнюю ночь, когда она бродила по сугробамъ вокругъ пруда, заглядывала въ черную дымяющуюся прорубь, зачѣмъ она тогда домой вернулась, зачѣмъ она покорилася? И тамъ тогда, въ чужомъ дикомъ домѣ за Большой рѣкой, зачѣмъ она, покорная, прожила свои пять лѣтъ и дѣтей рожала, нежеланныхъ и роклятыхъ дѣтей? Нѣтъ, ей надо все поправить, сейчасъ же,此刻 minute, и уйдетъ монахъ, унесетъ свой крестъ.

Ты, барыня—барыня
Сударыня—барыня...

Гвоздь креста, царапая ей темя и скрипнувъ, рѣзанула что-то мягкое и живое, гвоздь пробилъ ей кости и пошелъ вглубь по мягкому и живому. И защемило все сердце, искры прыснули изъ глазъ.

Варенька стиснулась въ комокъ, уперлась локтями и высокользнула изъ-подъ креста, высокользнула да къ киоту.

Но ужъ поздно, нѣть ей защиты.

Монахъ съ красивымъ лицомъ и разсѣченной бровью, изъ которой тихо, капля за каплей, сочилась густая темная кровь, монахъ въ ярко-зеленой шуршащей шелковой рясѣ стоялъ передъ ней. Монахъ стоялъ передъ ней, какъ распятый, крестомъ руки раскинувъ, и руки его—перекладины креста такія длинныя, во всю комнату.

Нагорѣвшій фитиль лампадки—красный камень, потрескивая, вздыхалъ.

Варенька выдернула шпильку, стряхнула нагарь.

Куда ей дѣваться? Гдѣ найти ей защиту? Нѣть ей защиты.

По угламъ копошилось, липло, шуршало, всю ей душу тянуло, всю ей душу тащило съ корнемъ, тащило съ кровью, съ мясомъ, съ мозгомъ. Всю, всю ее щипало, и не осталось ни одного живого мѣста.

И вдругъ угарная волна хлестнула ее по глазамъ и закружила.

Минуту стояла Варенька въ этой угарной волнѣ—въ умѣ смѣшалась: монахъ все стоялъ передъ ней, какъ распятый, и тихо, капля за каплей, сочилась густая темная кровь изъ его разсѣченной брови. Она схватила какую-то тряпку, панталоны, мигомъ, какъ кошка, вскарабкалась на гардеробъ, нашупала крюкъ.

„Здѣсь, здѣсь... такъ! — спѣшила она, привязывала къ крюку тряпку,—уйдетъ монахъ, унесетъ свой крестъ!—спѣшила она, страшно спѣшила, завязывала петлю,—я уйду!“—и бросилась внизъ съ гардероба и въ петль повисла.

— А! а! ахъ!.. Душатъ!—заорала не своимъ голосомъ. Прасковья: доняли ее черти, и опять, но слабѣе, и опять, еще тише, и совсѣмъ затихла.

И вдругъ словно оборвалось что-то, глухо раскатилось и ударило прямо въ стѣны, въ красный финогеновскій флигель, и, вздрогнувъ, задребезжали окна,—всѣ сорокъ сороковъ звонили въ пасхальный колоколь пасхальный воскресный звонъ.

Христосъ воскресе изъ мертвыхъ,
Смертю смерти попранъ,
И сущимъ во гробѣхъ,
Животъ дарованъ.

Коля съ большою бѣлой съ густой позолотой свѣчею шелъ въ крестномъ ходу передъ батюшкой, облеченнымъ въ золотую кованую ризу, и сіяло лицо его—вся тоска мионавала, свѣтилось лицо и сливалось сердце съ сердцемъ пасхальныхъ напѣвовъ, всколыхнувшихъ темную тень церкви.

И тамъ посреди нищихъ, покаранныхъ царей, стоялъ Онъ, Царь надъ царями въ своихъ свѣтлыхъ одеждахъ и возлагалъ на понуряя головы руки свои:

— Миръ вамъ!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Бунтъ.

Въ домъ къ Огорѣлышевымъ Финогеновы не заняли:
будеть и завтра, уснѣется!

Ужь заря заиграла, и садъ и прудъ затучнѣлись голубымъ дыханіемъ, будто захотѣлось и еще имъ понѣжиться въ тепломъ снѣ, не знать пробужденія.

Распѣвая по двору, шумно подошли Финогеновы къ своему дому, но едва достучались Прасковью: Прасковью всю ночь душили черти, подняться ей не стало мочи.

Всѣмъ соборомъ съ Прометеемъ подступили Финогеновы къ двери спальни христосоваться съ Варенькой. Туркнулись они въ спальню—заперто, постучали погромче—ни звука, еще и еще разъ—тоже. И стали они стучать кулаками и долго стучали.

Было тихо за дверью.

И они закричали въ одинъ голосъ, закричали не своими голосами, чтобы Варенька непремѣнно отперла имъ двери.

— Отоприте, отоприте намъ! — кричали они, надсаживаясь, и колотили и руками и ногами въ дверь спальни.

Было тихо за дверью.

И они ужъ не знали, что еще дѣлать, чтобы откликнулась Варенька, подала имъ голосъ, и, упираясь другъ въ дружку, сжалась, стиснулись, надавили на дверь, и подъ напоромъ хряснула дверь спальни, петли со звономъ упали, и отворилась дверь въ спальню.

Варенька — въ одной сорочкѣ на крюку, Варенька — побагровѣвшая съ длиннымъ краснымъ языкомъ изъ чернаго залекшагося рта, огромные бѣлки въ упоръ, скрюченные пальцы, синіе ногти, — Варенька висѣла на крюку мертвая.

Первые проснувшись лучи лѣзли въ окно спальни, ползли по комнатѣ, алымъ красили бѣлую сорочку и больно горѣли на пустой четверти, валявшейся на коврикѣ у кровати.

Какъ подъ обухомъ, стояли Финогеновы, пригнувъ шеи, не переступали порога.

И вдругъ задрожавъ всѣмъ тѣломъ до постѣднихъ дрожей, ткнулся Женя и въ припадкѣ закусилъ курточку Коля, Коля вскрикнулъ и бросился къ Варенькѣ, а за нимъ Саша и Петя.

Они набросились на Вареньку — спасти ее хотѣли! — они схватились за ея ноги, — спасти ее хотѣли! — они повисли на ногахъ, — спасти ее хотѣли! — и, повисая, откачнулись, какъ на гигантскихъ качеляхъ, и полетѣли.

И вышибло крюкъ, грохнулась Варенька на полъ. А они — на нее, мертвую: они сдѣлать что-то хотѣли, поправить что-то хотѣли, пробудить ее хотѣли, и толкали, царапали ее, съ запыхавшимся сапомъ, — они спасти ее хотѣли!

Крошилась надъ ними штукатурка, падала съ потолка. Прибѣжавшая на суматоху Степанида и приползшая нянька кричали озѣрѣлыми голосами:

— Караулъ! караулъ! батюшки, помогите! — кричали сибирьскими голосами Прасковья и Степанида.

— Караулъ! караулъ! батюшки, помогите! — кричало далеко за прудомъ эхо.

Сёминъ теленокъ мычалъ въ сараѣ.

На крикъ повсюдно были фабричные, и комнаты биткомъ набились суевящимся людомъ и туиномъ крикомъ. Одни выволокли Вареньку во дворъ и съ гиканьемъ принялись качать ее—подкидывать, будто утопленницу. Другие домъ шарили, рыскали по чердаку, засматривали подъ террасу—искали вора: ночной сторожъ Иванъ Даниловъ, ночью обходя домъ, видѣлъ, какъ словно бы отскочилъ кто-то отъ Варенькиныхъ оконъ.

На огородѣ съ отдавленными хвостами вышли финогеновские собаки—Розикъ и Мальчикъ.

И долго еще, до поздняго утра шла суевия въ домѣ, но поправить ничего не поправили и спасти не могли.

— По грѣхамъ нашимъ! — сердцемъ плакала Прасковья.

И начался Свѣтлый день. Было душно по лѣтнему. Какой-то весь желтый и неулыбчивый, будто стиснувъ зубы, шелъ Свѣтлый день. На колокольняхъ колокола безтолково звонили.

Подпиль огорѣлышевской дворъ, загулялъ для праздника. Послѣ обѣда фабричные спать не легли, а гурьбой пошли шататься по двору. Шатались, шатались,—пристаньшица нѣть нигдѣ. Задѣвали другъ друга, разъ сто покрались.

Слесарь Павелъ Пашковъ, отецъ Машки, за которой Финогеновы когда-то жестоко гонались, играя въ избіеніе младенцевъ, растерзанный, съ слившимися волосами, злой и пьяный, съ ножомъ въ галъ, страшнѣй зарѣзать Финогеновыхъ.

Подтрунивали фабричные надъ слесаремъ, дразнили: то за дрова ему покажутъ, будто тамъ скоронились Финогеновы,— и онъ бѣжитъ туда, сломя голову, то въ Колобовскій садъ,— и онъ лѣзеть въ садъ. Нагоготались надъ слесаремъ, надоѣлъ онъ всемъ, въ орлянку затѣяли. Заиграли въ орлянку, разгорячились, за сердце схватило и стѣнка-на-стѣнку пошла.

И загалдѣлъ огородышевскій дворъ, хоть караулъ кричи.

Арсеній и безъ того злой, поминутно отрываемый отъ дѣла къ праздничнымъ посѣтителямъ, взбѣшенный, выбѣжалъ во дворъ и зашмыгалъ — полетѣлъ по двору прямо на стѣнку унимать драку.

И не крякнувъ, осѣла передъ нимъ буйная толпа. Да Павелъ Пашковъ, весь растерзанный, съ ножомъ, словно изъ подъ земли выросъ.

— Стой! — завылъ онъ волкомъ: дождался, ну, теперь ужъ зарѣжетъ.

И лежать бы Арсенію безъ своего дѣла, лежать бы ему на вѣки! И вдругъ что-то хлюпнуло, и тяжело ткнулся Павелъ Пашковъ въ вязкую землю, а изъ пробитаго черепа хлынула липкая кровь. Съ огромнымъ полѣномъ Андрей управляющій еле духъ переводилъ: спасъ хозяина.

Ужъ шмыгалъ-летѣлъ Арсеній къ своему бѣлому дому, и все лицо его словно болѣло отъ злобы. А Павелъ Пашковъ лежалъ на землѣ и не двигался, и кровь такъ и хлестала, брызгала, липкая.

И вотъ зловѣщимъ гуломъ загудѣла толпа, и пошли одинъ за другимъ, по крови вокругъ крови, какъ въ омутѣ струи, одинъ за другимъ, и мяли и давили другъ друга.

— Бей! бей! бей! бей его!

Помутнѣвшіе глаза, усталые, наполнились жизнью, и мозолистыя руки, копотью прокопченныя руки, поднялись надъ головами.

— Бей Огорѣлышевыхъ! бей отродье поганое! бей его!

И какъ надругались бы они, какъ напотѣшились бы, дай только волю. И вотъ она воля! Они вытянути жилу за жилой, растащутъ по косточкамъ за каждую слезу,—такъ много слезъ въ эти камни ушло, этимъ прудомъ выпито, этимъ дымомъ разѣдено. За каждый свой день, за каждую ночь, за каждый часъ, за каждую минуту—такъ много по миру иошло и въ больницахъ померло и доживаетъ послѣдніе дни.

— Бей! бей! бей! бей! его!

— Тащи Игнатія!

— Лупи его, лупи змѣю!

— Антихриста!

Одинъ за другимъ, по крови вокругъ крови, какъ въ омыты струи, одинъ за другимъ шли фабричные, и гулъ толпы переливался въ ревъ.

И вдругъ фабричный свистокъ, какъ полоумный, на крикъ засвистѣлъ и съ двухъ концовъ затопали кони. И зачернѣлъ желтый день хлесткой нагайкой, хлесткая согнула она и эти поднятыя руки, и эти жилистые кулаки и словно метлой вымела взбунтовавшійся огорѣлышевскій дворъ. И только въ корпусахъ долго еще бабы вопили да ребятишки плакали.

Христосъ воскресе изъ мертвыхъ,
Смертю смерть поправъ,
И сущимъ во гробѣхъ,
Животъ даровавъ.

О. Глѣбъ служилъ панихиду надъ Варенькой, такую непохожую, пасхальную. Но было тихо въ домѣ, не по-пасхальному. Свѣчи горѣли душнымъ огнемъ и дымились. И, алѣя, гасли вмѣстѣ съ вечеромъ спущенные на окнахъ бѣлые шторы.

— Вы, ты, ты!—взвизгнулъ Арсеній, вбѣжавшій въ залъ къ Финогеновымъ, растрепанный, испачканный кровью и

грязью—вы, на моемъ дворѣ! специалисты! на дворѣ, изъ-за васъ бунтъ, специалисты! мать изъ-за васъ... мать довели! И я, да, довели маты!

— Да запретить тебѣ Господь!—сказалъ старецъ и вдругъ выронилъ свѣчку и, простирая посинѣвшія руки, упалъ у гроба, а пальцы его мышами забѣгали, ловя что-то по полу.

Арсеній хлопнулъ дверью и выбѣжалъ вонъ; все лицо его словно болѣло отъ злобы.

И когда послушникъ Пирскій увель отышавшагося о. Глѣба назадъ въ монастырь въ бѣлую башенку, нагрянула къ Финогеновымъ нежданная ночь.

Надъ Варенькой всю ночь читалась псалтирь, читалъ Саша своимъ затихшимъ, въ душу проникающимъ голосомъ.

Петя, Женя и Коля, точно схваченные тугимъ обручемъ, стояли, не шелохнувшись и не оглядываясь: по стѣнѣ сновали тѣни—это или желанія несказанныя или жизнь не изжитая?—и кто-то, казалось, тихонько сзади подкрадывался и стоялъ за спиной близко. Свѣчи мелькали, и вата, закрывавшая лицо Варенькѣ, чуть подымалась, и давила сердце тоска смертельная.

Нѣть, не приходилъ Онъ, свѣтлый и радостный, не говорилъ скорбящему миру: Миръ вамъ!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

На цветы.

Унесли къ Покрову желтый гробъ, навсегда унесли Вареньку изъ краснаго финогеновскаго флигеля. Забили гробъ черными гвоздями, и опустили Вареньку въ вымерзшій огорѣлышевскій склепъ къ матери къ Ефросиніи преподобной и къ самому Николаю Огорѣлышеву. Больше ужъ не вернуться ей на огорѣлышевскій дворъ.

Въ кухнѣправляли Финогеновы поминки, Семинаріо теленка зарѣзали — пригодился. Степанида и Прасковья распоряжались, помогала Арина Семеновна — Эрихъ: и кутья была, и блины пеклись. Попозже зашла помянуть Душка—Анисья съ племянникомъ съ Егоромъ — Смѣ хотой, да Кузьма дворникъ. Вспомнили тутъ и мертвую грамоту, кому тогда подъ Покровъ Сёма юродивый смерть пророчествовалъ, и уразумѣли, зачѣмъ Сёма въ Великую Субботу поль мылъ.

Прометей напился до своей гармони, но поиграть ему Прасковья не дала, спрятала гармонью, и онъ ушелъ по обыкновенію куда-то домой. Петя, только одинъ плакавшій

на похоронахъ, въ лежку лежалъ, а Коля безъ умолку смѣялся и все въ окно хотѣль выброситься, не почему-либо, а такъ, просто такъ выброситься. Саша одинъ ничего не пилъ, Саша никогда не пилъ, и все Колю уговаривали лечь и успокоиться. Женя послѣ блиновъ заснулъ.

На утро вызвали Финогеновыхъ къ Огорѣлышевымъ. Внизъ въ кабинетъ вышелъ къ нимъ Игнатій. Глядя куда-то въ сторону, словно послѣ воскресной провѣрки финогеновскихъ поддѣланыхъ балльниковъ, Игнатій объявилъ имъ свое огорѣлышевское рѣшеніе объ ихъ участіи: все остается по-старому, Финогеновы будутъ жить въ своемъ красномъ флигѣлѣ, пока не устроятся, но если поведеніе ихъ вызоветъ нареканіе, придется принять строгія мѣры—удалить ихъ.

Съ тѣмъ и ушли Финогеновы начинать новую жизнь безъ Вареньки. И сорокъ дней еще было какъ-то не по себѣ имъ, помнилась пасхальная ночь, и словно гдѣ-то близко отъ дома все еще ходила Варенька, но съ сорохоуста улеглось, и все въ колею вошло. И пошла жизнь своимъ чередомъ отъ дня до ночи и отъ ночи до дня, подъ надзоромъ огорѣлышевского управляющаго: Андрей-Воробей приходилъ къ Финогеновымъ каждое утро и отдавалъ приказанія.

Никакихъ ночныхъ стояній, никакихъ акафистовъ большие не служилось на верху въ дѣтской. Къ удовольствію Алексея Алексеевича все само собою кончилось.

Должно быть, смерть Вареньки и всѣ послѣднія событія такъ рѣзко измѣнили Сашу: куда-то исчезла вся его кротость, и въ голосѣ не слышалось ни боли, ни задушевности, и къ Колѣ онъ перемѣнился, не было ужъ прежней нѣжности. Кончилъ Саша гимназію и ни въ какую пустынь не удалился, а поступилъ въ университетъ. Сашинъ подрясникъ халатъ Прометей донашивалъ, трюди назадъ пошли къ Покрову священнику Сергѣю Семеновичу. На лѣто Саша досталъ себѣ уроковъ и дома рѣдко бывалъ: днемъ на урокахъ, вечерами у Алексея Алексеевича. За какой-нибудь

и кеѧть Саша очень близко сошелся съ братомъ Алексѣемъ Алексѣевича, Сергѣемъ. О Сергѣѣ Молчановѣ Финогеновы и раньше слышали, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ, который и въ тюрьмѣ сидѣлъ и знаетъ куда больше самого Алексѣя Алексѣевича, и котораго Арсений называлъ по-своему насмѣшливо специалистомъ, что означало революционеръ.

Въ душѣ Коля тоже будто передвинулось что-то. Замѣтилъ Коля, что игрушечные звѣри и звѣрушки ужъ не владѣютъ имъ, какъ раньше, и онъ не трясется надъ ними и во всякую минуту готовъ разстаться даже съ пасхальнымъ зайцемъ, даже съ медвѣдюшкой. Да такъ оно и вышло, — раздалъ Коля фабричнымъ ребятишкамъ всѣ свои игрушки, и столикъ его опустѣлъ. А какъ-то послѣ послѣдняго экзамена, прибираясь, началъ Коля уничтожать ненужныя тетрадки и такъ увлекся, уничтожилъ свое тайное тайнѣ — свой дневникъ, посвященный Вѣрочки, и въ столикѣ пусто стало. И если бы случился теперь пожаръ, Коль не зачѣмъ ужъ было бы въ огонь бросаться,—ему нечего было спасать.

Мало, кажется, измѣнился Петя и Женя. Петя нoprежнему былъ мечтательный и влюбленный, Женя нoprежнему смотрѣлъ букой.

Нѣтомъ Петѣ исполнилось семнадцать лѣтъ, а въ гимназіи оставалось ему еще два года — съ грѣхомъ ионоламъ перевели его въ седьмой классъ, Женя и Коля будущей весной должны были кончить училище.

Безъ Саши, все больше и больше отходившаго отъ братьевъ, Петя, Женя и Коля тѣснѣе зажили и теперь на нихъ на троихъ перешла кличка огорѣлышевцевъ за ихъ финогеновское оглашенство и олаборничество.

Какъ когда-то на могилу къ дѣдушкѣ — къ самому Николаю Огорѣлышеву, изрѣдка заходили Финогеновы на могилу къ Варенькѣ и, по привычкѣ, подымались въ башенку

къ о. Глѣбу. Богоюбовъ монастырь больше не занималъ ихъ.

Въ кухнѣ Финогеновыхъ, со смерти Вареньки постоянно толклисъ гости: гостила Степанидина дочь Авдотья-Свѣстуха, а сестра Прасковья Арина Семеновна—Эрихъ только что на дежурство уходила въ свою богадѣльню, и часто ночевала кормилица Жени порченая Катерина—Околѣлая лошадка.

Наслышившись отъ Катерины о хожденіяхъ ея на богомолье по всякимъ дальнимъ монастырямъ, Финогеновы тоже задумали итти на богомолье и куда подальше. Сначала ходили они въ Лавру къ о. Гавріилу, а потомъ и за Лавру, въ старинный заброшенный Спасо-Карауловъ монастырь.

Заберутъ Финогеновы Прометея, мѣшокъ сухарей, бутылку водки и уходятъ изъ дома на свое богомолье, какъ пчелы на цветы.

Ясно глядѣло на нихъ открытое небо, слышно лѣсь шелестѣть листвою, и царапалъ ихъ вѣтками, и трудились ноги корнями, а поле колыхалось передъ ними—свои цветы колыхало и травы, вѣяло широкимъ полевымъ своимъ вѣянемъ, будто смеялось, будто и плакало, да такъ смеялось, да такъ плакало, легъ бы на землю, обнялъ бы землю и никогда и никуда не ушелъ бы. Лѣсные овраги ночлегъ имъ готовили. Проливной дождь спины имъ сѣкъ, солнце палило кожу,—загорѣлая лица ихъ. А кругомъ кругъ непроторный, незатоптанный—даль широкая, да такая широкая и хотѣльбы обнять, и ни глазомъ, ни ухомъ не обнимешь.

Все было вновѣ для Финогеновыхъ и поле, и лѣсъ, и такъ много неба.

Въ Спасо - Карауловомъ монастырѣ останавливались Финогеновы у о. Никиты.

О. Никита-Глиствъ, бывшій Богоюбовскій іеромонахъ, тощъ и костлявъ, трясущаяся сѣденъкая бороденка, вытащенные мутные глазки, и голый безъ всякой пушинки

перен съ синей жилой поперекъ лба. А извѣстенъ быль). Никита своей чудодѣйственной неколебимостью: послѣ авріоловской перцовки, какъ съ ногъ ужъ валиться, вырьеть, бывало, еще и въ свѣжія силы придетъ.

Келья о. Никиты крохотная, вся въ перегородочкахъ. Надъ трапезнымъ его столомъ лубочная картинка: краснолицая румяная баба въ кокошникѣ и кумачномъ сарафанѣ, и все черезчуръ ужъ дородно, и только вмѣсто ногъ — чешуйчатыя желтые гусиные лапы. Подпись: Блудодѣяніе.

И это любимое Блудодѣяніе всегда являлось поджигающей искоркой для келейныхъ воспоминаній и рассказовъ вообще.

Поглаживая одной рукой бороденку и размахивая другой, увлеченный собственными рассказами, о. Никита приходилъ въ неописуемый ражъ и всякий разъ непремѣнноронялъ на полъ рюмку.

— Монахъ-дуракъ! Монахъ-дуракъ! — безсмысленно выговаривалъ Никитинъ скворецъ, выпрыгивая на шумъ изъ-за перегородки.

И все покрывалось хохотомъ, далеко разлетавшимся за ограду.

Въ Спасо-Карауловскомъ монастырѣ вся братія принимала Финогеновыхъ привѣтливо: въ развлечениѣ имъ были Финогеновы. Кругомъ монастыря глушь, о жильѣ и помину неѣть. Уставъ — скитскій: женщины въ монастырь доступа не имѣли, и было всего два-три праздника въ году, когда разрѣшилось женщинамъ входить въ ограду. Подростковъ братія особенно любила. И въ монастырѣ много было мальчиковъ-монашковъ, составлявшихъ удивительно стройный хоръ. Въ шутку старшіе звали этихъ мальчишекъ именами женскими, и не на шутку бывала въ монастырѣ перепалка изъ-за мальчишечъ.

— Есть у насъ Сарра, — какъ-то ухмыляясь, подмигивалъ о. Никита на Блудодѣяніе и крякалъ, — Сарра,

бестія, голось херувиму подобенъ, а ликъ блудницы... Еронимка съ Нафанаилкомъ блудники, изъ-за мальчишки на медни поцапались, а онъ себѣ знаетъ, бестія... Сарра!

Въ Спасо Караполовскомъ монастырѣ Финогеновы заживались по недѣлямъ. Отъ постной пищи начинало сосать подъ ложечкой, тянуло въ городъ, и они возвращались домой.

Ясно глядѣло на нихъ открытое небо, слышно лѣсь щелестѣль листвою и царапалъ ихъ вѣтками и трудилъ ноги корнями, а поле колыхалось передъ ними—свои цвѣты колыхало и травы, вѣяло широкимъ полевымъ своимъ вѣяніемъ, будто смѣялось, будто и плакало, да такъ смѣялось, да такъ плакало, легъ бы на землю, обнялъ бы землю и никогда и никуда не ушель бы. Лѣсные овраги ночлегъ имъ готовили, проливной дождь спины имъ сѣкъ, солнце палило имъ кожу,—загорѣлые лица ихъ. А кругомъ кругъ непроторный, незатоптанный—далъ широкая да такая широкая, и хотѣлъ бы обнять, и ни глазомъ, ни ухомъ не обнимешь!

Возвращаясь домой, дома подъ дверью, настигни ночь, и всякий разъ долго приходилось Финогеновымъ стучаться.

Прасковья высовывала голову въ форточку и спросонья никого не узнавала.

— Кто васъ разбереть, дѣвушка? — говорила въ форточку Прасковья, ровно плакала,—можетъ, вы и воры, аль разбойники!

— Маменька, отопри Христа ради, голубушка, жрать болѣно хочется!—жалобно, егозя просилъ Прометей.

— Мало ли что!—ужъ сурово отвѣчала Прасковья, родного сына не узнавая,—и кто о такую пору шатается? Слава Богу, домъ—не постоянный дворъ!—голова ея скрывалась и послѣ томительного ожиданія появлялась въ форточкѣ одна рука,—прими, дѣвушка, конѣчку, Христа ради, и иди по добру, по здорову.

И снова подымался стукъ, и на упорный стукъ снова глядалась въ форточку Прасковья и попрежнему безнадѣжно. И только когда подходилъ Прометей къ самому ея носу и вертѣль лицомъ и ощеривался, Прасковья вдругъ узнавала своего Митю—Митрія раба и спѣшила отпереть дверь.

— Идите, дѣвушки! все ли по добру по здорову?

— Богъ милости прислалъ, Прасковья, — отвѣчали Финогеновы, ужъ отчаявшись въ домъ попасть.

На слѣдующій день послѣ богомолья, проспавшись, Коля брался за свои книги, а Петя и Женя садились играть въ карты, и весь день играли въ любимую свою игру—въ короли. Съ ними игралъ Прометей, Эрихъ и Прасковья и ченъ рѣдко Степанида, считавшая карты—грѣхомъ смертнымъ.

За картами шла плутня, и рѣдко обходилось безъ ссоры.

— Институтка,—подтрунивалъ Прометей надъ теткою воей Эрихомъ—подвали, братъ, туза!

— Самъ ты шестерка, отшельникъ!—шипѣла въ отвѣтъ Арина Семеновна, часто сидѣвшая въ солдатахъ и плачевшая дань принцу—Прометею.

— Эрихъ проклятый, институтка!—не унимался Прометей, и кончалось тѣмъ, что Арина Семеновна, готовая выбросить его вонъ за шиворотъ, бросала карты.

Арина Семеновна, безропотно принявшая финогеновское крещеніе Эрихомъ, обижалась на Институтку. Институткою же звали ее и за ужимкость ея и за то, что до багадѣльни долго служила она въ институтѣ уборной горничной.

Послѣднимъ чиномъ—отходникомъ почти всегда выходила Прасковья и платила дань Петѣ или Женѣ—королю, и за это много надѣйней потѣшились.

Покорно вздыхая, надѣвалась Прасковья свои огромные мѣдные очки и усаживалась за штопанье, а штопанья съ

каждой стиркой прибавлялось: бѣлье у Финогеновыхъ все было или такая рвань, совѣстно при другихъ раздѣться, или въ заплатахъ.

Вечерами Финогеновы отправлялись или на бульвары—на музыку, или ко всенощной—къ храмовому празднику. Церквей въ городѣ было столько, сколько гордовскихъ бу-докъ, если не больше, и ужъ рѣдкій день гдѣ-нибудь да не праздновали храмъ.

Въ церковь къ празднику и на бульвары уходили Фи-ногеновы уже не какъ пчелы на цветы, а какъ шмели какіе-то.

За всенощной время проходило весело: съ большимъ трудомъ протолкавшись къ амвону, повертывали Финоге-новы обратно къ паперти, а дойдя до самыхъ дверей па-перти, толклись опять къ амвону, и при этомъ дѣйствовали во всю—и давили на ноги и локтями работали.

— Бѣшеные!—огрызались на нихъ молящіеся,—бѣшеные огорѣлышевцы!

А это подбавляло Финогеновымъ еще болыше прыти, огрызались и переругивались, и незамѣтно, будто только по неосторожности—за давкою, пускали въ ходъ кулаки.

Весело бывало за всенощной у праздника, а на буль-варахъ на музыкѣ еще веселѣе.

Какъ когда-то къ Покрову къ службѣ, забирались Фи-ногеновы на бульвары спозаранку. На бульварѣ еще, кроме дѣтей, играющихъ на пескѣ, нишкѣ да одинокихъ про-хожихъ, никого не было, и Финогеновы слонялись по аллеямъ. Но скрывалось за дома солнце, запирались магазины, натя-гивалъ капельмейстеръ бѣлые перчатки, помахивалъ палочкой, и за палочкой играла музыка, приманивала гуляющихъ, и аллеи затоцлялись шляпами и шляпками. И ночь зажигала по небеснымъ полямъ свои свѣтляки-звезды, а по уличнымъ мостовымъ фонари и, все перемѣшивая, залегала надъ горо-домъ, отравленная дымомъ и непокойная. И все перемѣши-

шалось, растягивался бульваръ въ шумяще-крикливоемъ, расползающееся чудовище. Цвѣты, мыло, потъ, духи, незалѣченная болѣзнь пропитывали бульваръ своей горькой отравою.

Финогеновы, не отходивши отъ эстрады, словно привороженные палочкой капельмейстера, съ тьмою выбирались на главную аллею. Короткія и изодранныя ихъ шинели бархатила сгущающаяся тьма—баловница изъ баловницъ и потворница изъ потворницъ. На главной аллѣѣ, шныряя не хуже мальчишечъ-бутоньерокъ, они не пропускали ни одной женщины: они стаей ходили по пятамъ и приставали.

Сколько всякихъ знакомствъ завязывалось у Финогеновыхъ за вечеръ! Какъ имъ было пріятно заговаривать, брать подъ руку и совсѣмъ просто и легко, безъ особыхъ стѣсненій такихъ нарядныхъ и, должно быть, среди бѣла дня такихъ недоступныхъ!

Желѣзная дорога—попури изъ русскихъ и цыганскихъ пѣсенъ, и капельмейстеръ подъ трескъ и хлопанье, и гикъ, и свистъ мальчишечъ, унизывающихъ выступы эстрады, пряталъ свою палочку, и бульваръ рѣдѣлъ.

Озираясь, не попасться бы изъ учителей какому, послѣ музыки направлялись Финогеновы тутъ же въ бульварную пивную. Голодные, не спѣша, чтобы побольше сѣѣсть сухариковъ, воблы и всякой даровой дряни, пили они жиденькое дешевое пиво. Но до капельки выпивался весь стаканъ, запирали пивную, и Финогеновы опять на улицѣ.

Куда итти? Домой? А домой имъ такъ не хочется.

И медленно черезъ всѣ бульвары плелись они домой на Камушекъ и дорогой подымали содомъ: и пѣли и опять приставали къ прохожимъ женщинамъ, то съ легкимъ разговоромъ, то прося книжку показать—желтый билетъ.

Отъ дальняго бульвара, на концѣ котораго на площади открывался по вскресеньямъ птичій базарь, повертыvalа дорога къ старой башнѣ съ книжнымъ рынкомъ, и Фино-

геноны повертывали, но до башни они не доходили, сворачивали въ переулокъ къ веселымъ домамъ.

Въ дорогie дома, изукрашенные разноцвѣтной мозаикой, Финогеновы входить не рѣшались, а выбирали который похуже изъ рублевыхъ, входили они по-разному: то съ видомъ до-нельзя пьяныхъ, а то будто и по-настоящему,увѣренно, какъ настоящіе гости.

И какъ хотели, насыхались веселыя барышни надъ финогеновскимъ напускнымъ ухарствомъ, надъ ихъ смущениемъ, невольно пробивающимся на еще дѣтскихъ вспыхивающихъ щекахъ. Вѣдь изъ всѣхъ одинъ Прометей, раскуривая папироску и сплевывая въ сторону тоненькимъ плевкомъ съ сознаніемъ собственного достоинства, великий, только не обнаружившій свое величие, Прометей, какъ заправской гость, больше чѣмъ гость, какъ дома, какъ у себя дома, расхаживалъ по заламъ.

Скрипачъ настраивалъ скрипку, играть пробовалъ. Веселыя барышни танцевать становились.

И какая тоска, какая боль слышались вдругъ Колѣ въ этихъ звукахъ, будто увязающихъ въ спретомъ дыханіи неминуемой завтрашней смерти.

„Земля обѣтованная!—тайно вышептывало его сердце въ своей тихой тайнѣ,—крылья мои бѣлые, тяжелыя вы, въ слипшихся комкахъ кровавой грязи. Земля обѣтованная!“

Если Финогеновыхъ не выпроваживали силой, а бывали и такие случаи, все равно уходить приходилось: послѣднія копѣйки оставлены въ пивной, безъ ничего долго не насидаешься. И домовый служитель — вышибало съ обидной ужимкой, какой-нибудь Дѣмка-Моква, незамѣтно ставилъ мѣломъ на спинѣ каждого сѣрый крестикъ въ знакъ позора и презрѣнія: съ крестикомъ ни въ какой ужъ домъ больше не пустятъ.

И вотъ позднею ночью дома съ надорваннымъ и неутоленнымъ желаніемъ чего-то необыкновенно хорошаго и

страшно привлекательного, что ужъ совсѣмъ подходило, было рядомъ и миновало, съ надорваннымъ и не утоленнымъ желаніемъ любви и ласки, Коля долго не могъ замкнуть глазъ, а позорный крестикъ жегъ ему спину.

Утро пасмурное и утро ясное заглядывало въ окно, въ дѣтскую, сулило ту же старую жизнь отъ дня до ночи и отъ ночи до дня съ богомольемъ, всенощными и бульварами.

И такимъ отдаленнымъ, такимъ недосягаемымъ вставало передъ Колей его будущее, непремѣнно своевольное и огромное, которого такъ хотѣлъ онъ и такъ ждалъ.

Нѣтъ, не сѣрымъ волкомъ, не апостоломъ Петромъ, не французомъ, не о. Глѣбомъ, не самимъ Огорѣлышевымъ Арсенiemъ, чѣмъ бы не быть ему, только быть съ нею—съ Маргариткой, недоступной, какъ Вѣрочка, милой, какъ Маша, страшной, какъ никто.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Маргаритка.

Въ одномъ изъ дорогихъ, изукрашенныхъ мозаикой домовъ, куда никакъ не ухитрялись проникать Финогеновы, увидѣлъ Коля въ окнѣ Маргаритку.

Было ли это ея креиценымъ именемъ или только прозвищемъ, Коля не могъ узнать, но такъ Маргариткою величала ее и сама хозяйка Аграфена Ананьевна, деревянино-одутловатая и чрезмѣрио дородная, словно соскочившая съ Никитина Блудодѣянія, такъ кликали ее и всѣ товарки и подруги, обожавшія ее, маленькая, нарядженная гимназисткой Лизка-Ноплавокъ и великансша Паша-Кузечикъ, привлекавшая заморышей, падкихъ до мяса, такъ звали ее гости и коты-любовники и самъ вышивало Митрошка-Триндаса.

Исторія Маргаритки незатѣйлива и обыкновенна: было у ней и нищенство, и добрый старичекъ, и попечительство, и бѣгство отъ попечительницъ, тайное хожденіе по бульварамъ и открытое съ книжкой, наконецъ встрѣча съ Аграфеной Ананьевной и нарядный веселый домъ.

Съ той минуты, какъ начала помнить себя Маргаритка, она лишь одно знала: во что бы то ни стало бѣгать за прохожими, выпрашивая ради Христа копѣйку, пока въ кулакъ не наберется двугривенный, иначе нельзя въ уголъ къ матери показаться. И все ея маленькое, худенькое тѣльце ежедневно прихлопывалось этимъ однимъ единственнымъ желаніемъ и нераздѣльною мыслью: набрать къ вечеру двугривенный.

Какъ-то осенью, присмирѣвшимъ темнымъ вечеромъ, когда до двугривенного недоставало Маргариткѣ всего нѣсколькихъ копѣекъ, попался ей въ переулкѣ старичокъ одинъ съ большимъ зонтикомъ, разговорился ласковый старичокъ, затащилъ за кузницу, а потомъ и отпустилъ. „И вотъ что даль!“—показывала послѣ Маргаритка новенькой блестящей золотой ребятишкамъ-нищимъ, съ зависью топтавшимся вокругъ нея. За золотымъ—бумажка, за бумажкой—дѣугривенный, понравилось ей, а тамъ и въ часть ее взяли, а изъ части въ попечительство. Но ужъ не можетъ она больше, не надо ей никакого попечительства, тянетъ ее,—на всю жизнь, должно быть, потрясена она тѣмъ осеннимъ присмирѣвшимъ темнымъ вечеромъ,—терпѣла, терпѣла да и сбѣжалася. И опять за старое. Пятнадцати ей не было, встрѣтилась она послѣ бульваровъ, послѣ всякихъ облавъ съ Аграфеной Ананьевной, хозяйкой дорогого наряднаго дома.

Аграфена Ананьевна то и знай похваливала гостямъ Маргаритку.

— Изъ всѣхъ дѣвушекъ,—говорила хозяйка своимъ приторнымъ голосомъ, клокотавшимъ площадною бранью,—Маргаритка у меня чистая, ласковая, проворная, сахарная, и по-французскому можетъ.

— Комань-са-ва, мадамъ!—подтверждала Маргаритка.

— Мерси!—одобряла хозяйка, рвотно кривя свои тощенькия, какъ ниточки, губы.

И правда. Маргаритка за свое искусство всегда была нарасхватъ.

Когда Коля въ своей драной форменной шинели съ облѣзлыми золотыми пуговицами одинъ пробирался по переулку и затаенно, будто мимоходомъ, будто занятый какимъ-то очень важнымъ дѣломъ, прищуриваясь, посматривалъ на окна двухэтажнаго рублеваго дома, Митрошка. Триждаса растворялъ ставни, а въ одномъ изъ верхнихъ оконъ появлялась Маргаритка—такая невинная, съ напудреннымъ вздернутымъ носикомъ, низко спущенной на бѣлый лобъ холкой темныхъ душистыхъ волосъ, и съ такими невинными безгрѣшными дѣвичьими глазами.

Маргаритка скалила свои острые, кошачьи зубки, глядѣла куда-то поверхъ низкой крыши противоположнаго рублеваго дома.

Крохотная дѣтская грудь ея выходила изъ широковырѣзанного ворота, и какъ двѣ глыбки таяла подъ закатнымъ малиновымъ лучемъ,—казалось, это руки осовѣвшаго запыхавшагося солнца баюкали ее.

И какимъ ничтожнымъ представлялся тогда Коля самому себѣ, весь онъ горбился и, медля, но какъ то ужъ очень скоро, проходилъ длинный переулокъ до послѣдняго солдатскаго краснаго дома и назадъ возвращался ужъ поспѣшно, но какъ-то очень долго.

Колѣ всегда было страшно: Маргаритка замѣтить его и будетъ смѣяться. И ему вспоминалось, какъ однажды въ переулкѣ встрѣтилъ онъ дьякона—дьяконъ засмотрѣлся на Маргаритку, а она вдругъ визгливо затянула кабацкую гѣсню: Лучше въ морѣ утопиться. чѣмъ попа корява го любить, и дьяконъ, наклонившись по семинарски на бокъ, пустился улепетывать. Да, Маргаритка замѣтить его и будетъ смѣяться, а этого совсѣмъ не надо, не хорошо, когда Маргаритка смѣялась: было что-то оскорбляющее въ ея смѣхѣ—себя самое оскорбляла она.

Иногда же сидѣла Маргаритка у окна такая грустная, кижется, ничего не видѣла, и глаза ея были грустные—такъ живые глаза плачутъ надъ своимъ гробомъ. И какъ хотѣлось Колѣ подойти къ ней и утѣшить ее! Но какъ подойти, какъ пробраться ему въ ея дорогой, изукрашенный мозаикой домъ, куда входи только такіе, какъ Сеня Огорѣльевъ да Ника—Никита Николаевичъ.

Разъ какъ-то послѣ бульваровъ Коля подговорилъ по пробовать на ура, Колю послушали и всѣмъ кагаломъ сунулись Финогеновы въ нарядную дверь, но, и рта не рази-нувъ, полетѣли съ лѣстницы кубаремъ внизъ къ двери.

— Всякая сволочь туда же,—кричалъ вдогонку вышибало Митрошка—Тринадцати, стукнувъ Прометея въ загорбокъ,—я вамъ, паршивцы!

Нѣть, никакой не было возможности проникнуть въ этотъ недоступный домъ къ Маргариткѣ. И жгла недоступность.

Уходило солнце, отходила отъ окна Маргаритка. Въ золотыхъ зеркальныхъ залахъ зажигались огни. А Коля ходилъ по переулку взадъ и впередъ и вдругъ, какъ прикованный, стоялъ у окна.

Скрипачъ настраивалъ скрипку, играть пробовалъ. Веселыя барышни танцевать становились.

„Земля обѣтованная! — тайно вышептывало его сердце въ своей тихой тайнѣ,— крылья мои бѣлыя, тяжелыя вы въ слипшихся комкахъ кровавой грязи. Земля обѣтованная!“.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Огорѣлышевское отродье.

Вторая половина лѣта измѣнила жизнь Финогеновыхъ. Женя и Коля достали, наконецъ, себѣ уроки - трудно имъ было достать уроки, да и понятно: трудно вѣрилось, что Финогеновы могутъ нуждаться. А Петя сталъ учиться музыкѣ у Алексѣя Алексѣевича. На богоомолье нельзя ужъ было такъ часто ходить, всенощныя у праздника понадобѣли, оставались бульвары, но всякий день ходить на бульвары тоже невозможно.

По вечерамъ иногда выходили Финогеновы за ворота на лавочкѣ посидѣть.

Кругъ фабричныхъ не тотъ ужъ былъ, послѣ пасхальнаго усмиренія дворъ подчистился и, были все новые, не знаящіе ни Вареньки, ни Финогеновскаго театра. И не такъ ужъ весело на лавочкѣ, какъ прежде: кузнецъ сказочникъ Иванъ Даниловъ ослабъ — примется за сказку, сказку рассказывать, плететь, плететь, да такъ и не кончить и никакой пчелы ужъ не выходитъ. Развѣ только городовой Максимчукъ, получившій послѣ Насхи огромную, съ блюдечко,

серебряную медаль за усердіе, кажется, неистощимъ, какъ
но дни ночного сторожа Аверьяныча.

Разговоры на лавочкѣ вертѣлись около огорѣлышев-
ской фабрики и огорѣлышевского порядка.

И странно: теперь, когда и Финогеновы и сверстники
ихъ—фабричные подвыросли, незамѣтно поднялась между
ними глухая стѣна.

Досадно, горько и обидно бывало Финогеновымъ, когда,
разговарясь съ какимъ-нибудь новичкомъ и вызывавъ его на
откровенность, слышали они, какъ другіе фабричные вдругъ
грубо его осаживали, и тотъ виновато примолкалъ, а въ
вспыхнувшей злой усмѣшкѣ горѣло одно горькое слово:

— Огорѣлышевское отродье!

— Огорѣлышевское отродье! Яблоко отъ яблони не
далеко падаетъ! Одна цѣна!—и такое слышали Финоге-
новы.

На мѣсто Павла Паникова, отца Машки, такъ больше
и не поднявшагося съ земли тогда на Пасху, поступилъ къ
Огорѣлышевымъ молодой слесарь Прохоръ. Взлохмаченный,
прокопченный весь, съ горящими глазами, готовый и въ
огонь и въ воду за свое дѣло, Прохоръ любилъ поговорить
за воротами. Синія жили на черныхъ рукахъ его налива-
лись кровью, а въ вывертахъ-словахъ его вспыхивали
искорки, и, кажется, летѣли эти искорки прямо подъ грунтъ
Огорѣлышевского бѣлага крѣпкаго дома, подъ Огорѣлышев-
ской фабричный корпусъ и тамъ таились, тамъ ждали, тамъ
невидимкою жили, чтобы разрушить его, не оставивъ камня
на камнѣ. И забитыя, и робкія головы фабричныхъ на слова
Прохора выпрямлялись.

Одно время Прохоръ бралъ у Саши книжки. И этотъ
толковый, умный и понятливый Прохоръ при Финогеновыхъ
уходилъ въ себя и отмалчивался, а въ вспыхивающей злой
усмѣшкѣ горѣло одно горькое слово:

— Огорѣлышевское отродье!

— Огорѣлышевское отродье! Баринъ, а весь задъ на-
ружи! Безъ сапогъ, да въ шляпѣ! Тоже господа—голопитан-
ники!—и такое слышали Финогеновы.

Досадно, горько и обидно бывало Финогеновымъ и ужъ
совсѣмъ не весело, но по старой ли памяти или оттого,
что некуда было дѣваться, по вечерамъ нерѣдко выходили
они за ворота на лавочкѣ посидѣть.

Прометей зеленѣлъ и озлоблялся: ни войны, ни жизни
настоящей, да еще фабричные,—фабричные поколачивали
Прометея, былъ грѣхъ. Да и трудно было имъ ужиться съ
Прометеемъ: Прометей, великий Прометей, мечталъ сдѣлаться,
по крайней мѣрѣ, Наполеономъ и подчинить себѣ всѣ страны
и земли, а Прохоръ, что жъ, Прохоръ?—вѣдь, онъ мечталъ
не больше, не меныше, какъ разрушить весь укладъ странъ
и земель прометеевыхъ, и уничтожить самого Прометея.
Сила была вопреки всякому здравому смыслу и дѣйстви-
тельности на сторонѣ Прохора, и несчастного Прометея
били.

Послѣ ужина, когда за ворота итти не хотѣлось, а на
бульвары было ужъ поздно, Коля выходилъ въ садъ къ
пруду. Пробираться ему одному въ переулокъ подъ окно
Маргаритки нельзя часто.—онъ скрывалъ отъ братьевъ свои
тайныя свиданія въ переулкѣ и, возвращаясь поздно, всегда
ссыпался на уроки, будто на урокахъ его задержали. На
прудъ онъ бралъ съ собой книгу. Читать, конечно, на ночь
глядя, и строчки не прочитаешь, но это такъ, чтобы не съ
пустыми руками.

Колѣ приходилъ часъ о себѣ подумать: какъ ему свою
жизнь устроить. На будущій годъ исполнится ему шест-
надцать лѣтъ, кончитъ онъ училище, а дальше что? Если
бы онъ учился въ гимназіи, онъ поступилъ бы въ универ-
ситетъ, но его для чего-то взяли изъ гимназіи и перевели
въ Огорѣлышевское коммерческое училище за одно съ Женей

Или одно съ Женей онъ непремѣнно долженъ поступить
на мѣсто, ну куда-нибудь въ Огорѣлышевской банкъ.

И вотъ сядетъ онъ за конторку въ этомъ Огорѣлышевскомъ банкѣ вести какую-нибудь бухгалтерскую книгу и будетъ вѣкъ вѣчный корпѣть надъ этой книгой, надъ цифрами, совсѣмъ ему ненужными. И почему онъ долженъ считать на счетахъ и вѣкъ вѣчный сидѣть за конторкой? Только потому, что для чего-то взяли его изъ гимназіи и ли одно съ Женей отдали въ коммерческое. Кто-то взялъ и распорядился, кто-то, не спрашивая, рѣшилъ за него и назначилъ ему банковскую конторку. А онъ не хочетъ никакой конторки, а безъ конторки ему не обойтись.

Пробовалъ онъ латинскому и греческому у Саши учиться, но чай не спалъ, все сразу хотѣлъ, хотѣлъ, чтобы поскорѣе, хотѣлъ чуть ли не въ мѣсяцъ все пройти, чтобы, не теряя ни минуты, кончивъ коммерческое, держать экзамень на атестовать зрѣлости. И все хорошо шло, и вдругъ забросилъ онъ всѣ учебники: чортъ съ ними!

И вотъ сядетъ онъ за конторку въ Огорѣлышевскомъ банкѣ, другого исхода ему нѣть и быть не можетъ. И тамъ глаза его въ разлинованную бумагу уйдутъ, и свѣтъ ихъ обратится въ мелкія буковки и цифры, совсѣмъ ему ненужныя.

И онъ видѣлъ передъ собою эти неизбѣжныя мелкія буковки и цифры, совсѣмъ ему ненужныя, и ужъ, казалось ему, сливались онъ и бумага топорщилася, твердѣла—изъ бѣлой въ черную переходила, и будто черные огромные клещи стискивали ему голову.

А онъ не согласенъ, не хочетъ. Что жъ ему дѣлать?

Прудѣлъ молчалъ, невозмутимая гладь стыла прозрачнымъ льдомъ. И вдругъ будто съ илистаго дна, изъ ледяныхъ ключей вмѣсто всякихъ отвѣтовъ вставала передъ нимъ Маргаритка: сверкали ея острые, кошачьи зубки—зарябив-

шіяся струйки подъ поцѣлуемъ луннымъ, и словно зачи-
тали губы ласковымъ словомъ, кликали его.

Часто ужъ ночью, когда замирали послѣдніе вечерни-
гuly, прибѣгала къ Колѣ въ садъ Машка—Машка Пашкова,
тоненькая, бѣленькая, съ тugo стянутой игрушечной грудкой.

— Николай Елисеевичъ, можно походить съ вами?—
просилась Машка, и горѣли ея глазки, горѣли огоньками,
голосъ пугливо пресѣкался.

И Коля ходилъ съ Машкой вкругъ пруда и, когда она
ластилась къ нему, онъ закрывалъ глаза, и искалъ руки
другихъ, проворныхъ и маленькихъ, руки Маргаритки, ны-
нагибаясь, съ закрытыми глазами цѣловалъ руки Машки,
большія и жесткія.

— Звѣзды-то какія!—отдергивала Машка руки и тара-
щила кверху глаза, заволакивавшіеся влажной щелковинкой
полюбившаго сердца.

Коля ничего не отвѣчалъ ей и, не раскрывая глазъ,
снова бралъ ея руки и цѣловалъ ихъ.

— У Душки-Анисьи коровушка отелилась, теленочекъ
маленький...—щебетала она, какъ птичка, она жила, какъ во-
снѣ желанномъ,—а дяденька Афанасій, покойникъ, ска-
зывалъ, будто рыбы съ усами бываютъ: „Самъ, говоритъ,
видѣль!“

Коля ничего не отвѣчалъ ей и, не раскрывая глазъ,
прижалъ ее вздрагивающую, трепещущую.

— Тоже... и... китовъ усь...—совсѣмъ пресѣкался го-
лосъ у Машки, а сердце такъ и стучало,—ну, прощайте!

Какъ-то въ послѣдніе лѣтніе дни послѣ Ильина дня,
когда, по повѣрю, олень мочить рога въ водѣ, и оттого
вода холоднѣеть, а лягушки на дно спать ныряютъ, было
прошальнымъ горько въ тихомъ, разросшемся, густомъ, поник-
шемъ надъ прудомъ Огорѣльщевскомъ саду. За плотникомъ
на той сторонѣ ужъ поспѣла дикая малина, у купальни
барбарисъ завѣсился рубинами, и рябина у бесѣдки верхъ

Моисялась крупными коралами. Листья желтѣли и тихо
шумѣли по дорожкѣ въ прудъ.

Поздно ночью прибѣжавшая къ Колѣ въ садъ Машка,
такая радостная, вдругъ присмирилась, схватилась за него и
не отходила, словно боялась, что прогонитъ онъ ее и тогда
уже ей никогда не вернуться въ свой постылый, въ свой фа-
бричный корпусъ.

А Коля и не думалъ гнать ее, такъ было прощально
прико въ саду у пруда.

И они ходили долго, горячо прижимая другъ къ другу
такія родныя полюбившія сердца.

„Кто ты, Маша, Вѣрочка, Машка, Маргаритка? Ты —
Маргаритка!“—шептало его сердце щопотомъ осеннихъ то-
мичущихся звѣздъ и билось, какъ вновь открытый завален-
ный ключъ.

Съ этой ночи приходила Машка къ Колѣ не только
въ садъ къ пруду, а и наверхъ въ дѣтскую, она пробира-
лась тихонько мимо Пети и Жени. Саша лѣтомъ перешелъ
изъ въ Варенькину комнату, туда-же за нимъ въ гарде-
робную переселился и Прометей. У Пети и Жени тоже
появились знакомыя, какъ говорила Арина Семеновна —
Орихъ.

— Что я вамъ скажу, дѣвушки,—предостерегала Пра-
ковья Петю, Женю и Колю, она все знала,—не ровенъ часъ,
кто ихъ знаетъ, какія еще онѣ, таковскія, вы бы, дѣвушки,
появили Авдотью Степанидину Свистуху, баба она чистая
и опрятная!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Деньги впередъ.

Пришла осень, пошли дожди. Облетѣлъ весь садъ. Подмерзла калина. И къ чаю вмѣсто варенья подавала Прасковья только одно горьковатое калиновое тѣсто—такое Степанида умѣла дѣлать изъ калины. Прометей вставилъ въ окна зимнія рамы, и сталъ по утрамъ топить печки.

Сумрачно тянулся въ училищѣ часть и надоѣдливо. Ученикамъ специальнаго бухгалтерскаго класса, какъ старшимъ, разрѣшалось не выходить на перемѣнѣ изъ класса въ залъ, и въ это время въ классѣ постоянно шелъ разговоръ о всякихъ ночныхъ похожденіяхъ: въ Огорѣль-шевскомъ училищѣ училось много богатыхъ и состоятельныхъ, и ночные кутежи въ загородныхъ ресторанахъ и дорогихъ увеселительныхъ домахъ были дѣломъ обычнымъ.

— Маргаритка,—донесся какъ-то до Коли перегорѣлый съ попойки голосъ Семенова-Совы, завсегдатая всякихъ заведеній,—знаю, сволочь она, кожа желтая, теперь въ рублевомъ...

Вошелъ учитель бухгалтеріи по прозвищу Шибазикъ, и Сова-Семеновъ, продолжая разговоръ, ужь зашепталъ на ухо своему сосѣду Сухоплатову, и лошадиное чистое лицо Сухоплатова все затряслось и вспотѣло.

Сколько ни прислушивался Коля, разобрать ничего не могъ, да и все равно ничего бы не разбралъ онъ, какъ бы ни прислушивался, вѣдь, весь классъ, всѣ стѣны загорѣлись отъ нетерпѣнія: сейчасъ же бѣжать туда въ рублевый домъ, сейчасъ же видѣть ее, рублевую Маргаритку,—теперь и ему можно! А часъ тянулся. Насилу Коля высидѣлъ этотъ долгій нетерпѣливый часъ и, сказавшись больнымъ: животъ болитъ,—всегдашняя оговорка,—Коля ушелъ изъ училища.

Ити къ Маргариткѣ такъ рано нельзя было, а домой находить не стоило, и до вечера проходилъ Коля по бульварамъ.

Была суббота, рѣдкимъ звономъ, какъ звонять съ Воздвиженья до Пасхи, печально зазвонили ко всенощной.

Съ своимъ полысѣвшимъ ранцемъ подъ мышку вошелъ Коля въ переулокъ. Мутное ненастье, будто застрявшее въ переулкѣ, лежало безгрезнымъ сномъ. Ненастная суетливая сумерки сыростью липли къ щекамъ. Нехотя со скрипомъ растворялись ставни въ домахъ.

Въ рублевомъ Маргариткиномъ домѣ противъ дома, изукрашенного разноцвѣтною мозаикой, кровавымъ пятномъ расплылся красный свѣтъ фонаря. Коля и пошелъ на этотъ красный свѣтъ.

Знакомый, намѣлившій не мало крестиковъ на спинѣ Коли, вышибало Дѣмка-Моква, заспанный и обрюзглый отъ безсонной жизни, поплевывая, чистилъ ботинки. Коля спросилъ Маргаритку. Маргаритка еще не одѣвалась и пришлое подождать.

Коля терпѣливо остался въ прихожей дожидаться. Вышибало Дѣмка-Моква чистилъ ботинки, перечистилъ

однѣй, перечистилъ другія, сколько было, всѣ кончили, отнесъ по дверямъ и за юбки принялъся.

Колѣ показалось, прошелъ не часъ и не два, ~~всѣ~~ жизнь прошла, когда, наконецъ, горничная повела его ~~въ~~ спальню.

Маргаритка стояла передъ зеркаломъ, вся кружевная, какъ игрушечная, причесывалась.

— Вамъ что нужно? — не оборачиваясь, съ полнымъ ртомъ шпилекъ, спросила Маргаритка.

Коля почувствовалъ, что ни одного слова не можетъ сказать, и молчалъ. Проворные руки Маргаритки мелькали передъ нимъ.

Маргаритка воткнула всѣ шпильки, закрутила косу.

— „Обо мнѣ ты не мечтай...“ — гнусаво запѣла она изъ оперетки шарманочную пѣсню, подергала плечомъ, и опять распустила волосы.

На самой макушкѣ ея заблестѣло бѣлое пятно — лысина. Пластыремъ лежало это бѣлое пятно. И этотъ пластырь лѣзъ въ глаза.

— Ну? — вдругъ обернулась Маргаритка.

— Я къ вамъ! — Коля сказалъ неожиданно рѣзко и твердо, и твердо сдѣлалъ шагъ, и еще шагъ и еще.

Маргаритка вытаращила красные запудренные глаза.

— Деньги впередъ! — сказала она сухо.

— Я не затѣмъ, я къ вамъ!

— Деньги впередъ! — вдругъ закричала Маргаритка, и крикъ пересѣкся хрипомъ, — вы... хозяйку подводите, оборванцы! Встать по-людски не дадутъ, жить не даютъ, жить изъ-за васъ нельзя.

А у Коли горло, словно свинцомъ налилось, и лѣдомъ сдавило его раскрытое сердце, онъ сдѣлалъ еще шагъ и обнялъ ее.

Незабѣленныя язвы ея сочились, и какая-то плѣсень, какая-то соль, какая-то слизь мазали ему губы.

— Вонъ! вонъ!!!— взвизгнула Маргаритка, и отпихнувъ отъ себя Колю, сжалась вся и заплакала, какъ дитя беззашитное.

Не смѣя взглянуть, Коля медленно вышелъ.

Моросиль мелкій дождикъ. Всхлипывало подъ ногами мѣсиво грязи. Съ постоялыхъ дворовъ текли нечистоты. Въ церквяхъ второй звонъ звонили. Огни фонарей будто подъ щипками чыхъ-то злющихъ пальцевъ ширялись по нѣтру. И больно саднило сердце.

Вдругъ Колѣ вспомнилась Машка, ночи у пруда— „Звѣзды-то какія!“— и вдругъ пахнуло запахомъ мази и гнѣнія:— „Деньги впередъ!“— и до пустыхъ жить вздрогнуло его сердце.

Еще сумрачнѣе тянулся въ училищѣ часть, еще надѣдливѣе. На перемѣнѣ въ классѣ попрежнему шель разговоръ о всякихъочныхъ похожденіяхъ.

— Маргаритка,— какъ-то вскорѣ донесся до Коли перегорѣлый съ попойки голосъ Семенова-Совы,— сволочь: Сухоплатова болѣзнью наградила, сволочь...

Сосѣдъ Семенова, Бойцовъ, отдуваясь, фыркнулъ. А Коля, не сказавшись, вышелъ изъ класса, надѣль шинель и безъ ранца поплелся домой. По пятамъ гнасила Маргариткина запѣтая пѣсня. И у трясущихся ломовиковъ колеса, чавкая грязь, чавкали ту же пѣсню.

Казалось ему, заболѣвала вся улица. И на губахъ ныло, какъ язва.

И вдругъ до пустыхъ жиль взрагивало его сердце.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Серебряная свадьба.

Сколько было горя въ ту осень, когда уѣхалъ Сеня Огорѣлышевъ за границу и кегель-банъ закрыли и въ Колобовскомъ саду больше не показывалась Вѣрочка,—оказалось тогда Колѣ, что и жить не надо, на свѣтъ глядѣть невыносимо, а все-таки улеглось на сердцѣ, и только осталась память о какомъ-то огненномъ жгучемъ видѣніи, которое, вспыхнувъ, навсегда исчезло. Сколько было муки, когда уходила горничная Маша,—оказалось тогда Колѣ, нѣть ужъ силъ у него больше, и не можетъ онъ вынести свою муку, а все-таки улеглось на сердцѣ и только осталась память о какой-то розовой улыбкѣ, о какомъ-то парномъ запахѣ теплого тѣла. А послѣ встрѣчи съ Маргариткой казалось Колѣ, нѣть ему на землѣ мѣста, дрожь охватывала его до пустыхъ жилъ сердца, и изъ мглы мази и гніянія шелушились передъ нимъ и липли язвы и струпья. И долго не улегалось на сердцѣ,—такъ прошла и осень и вся зима.

Съ весною снова встали передъ Колей заботы: оставалось всего ничего, сдастъ онъ экзамены, и ученье его кончится, а какъ же дальше? какъ устроить онъ свою жизнь? Эти заботы о своемъ будущемъ, о завтрашнемъ днѣ своемъ успокоили его сердце.

Русскій выпускной экзаменъ пронесся градовой тучей но бѣда миновала.

Послѣдніе два года,—въ первомъ и во второмъ специальномъ классѣ былъ Коля подъ постоянной грозой: за его русскія сочиненія или ему совсѣмъ не ставили отмѣтокъ или, краснымъ карандашомъ перекрестивъ всѣ страницы его тетради, выставляли ему въ журналѣ единицу—коль по Финогеновски. И вся эта напасть будто бы за направление его сочиненій, хоть и не говорилось, что за направление, и что въ немъ опаснаго, и чему оно угрожало.

Коля читалъ несравненно больше своихъ сверстниковъ, и сама жизнь складывалась у него не похоже на другихъ, и не могъ онъ при всей напряженной горячности такъ вывести по ученически буква за буквою гладко и тихонько, какъ это дѣлали первые примѣрные ученики и послѣдніе нищедушные, вотъ и все, весь его грѣхъ и вся бѣда.

— Мы изъ васъ не писателей готовимъ, а конторщики!—не разъ и не хорошо говорилъ Коль учитель русскаго языка Федоръ Федоровичъ-Кукишъ, возвращая Коля тетрадку съ его сочиненіями.

И Арсеній послѣднюю зиму, набрасываясь на Колю въ Огорѣльшевской конторѣ, грозилъ ему исключить его изъ училища и все за эти несчастныя сочиненія.

— Спеціалисты!—говорилъ, насмѣхаясь Арсеній,—выдрать бы тебя, вотъ что!

И вотъ все обошлось благополучно.

Послѣ молебна по окончаніи экзаменовъ Женя и Коля, лишенные за неблагонадежное поведеніе званіе кандидатовъ коммерціи, пришли домой съ атестатами, вопли

наверхъ въ дѣтскую, что-то сдѣлать хотѣли, кому-то рапортали—сказать хотѣли,—вѣдь Колѣ казалось иногда, что и конца не будетъ этому очертѣвшему училищу,—и ничего не сдѣлали и никому не рассказали. Коля спряталъ свой аттестатъ къ себѣ въ столикъ, гдѣ когда-то хранился дневникъ его, посвященный Вѣрочкѣ, Женя свернулъ свой въ тру-бочку и положилъ на свой столъ: ему аттестовать понадобится, когда онъ пойдетъ черезъ недѣлю въ Огорѣльшевскій банкъ.

На педагогическомъ совѣтѣ, когда обсуждался вопросъ о Финогеновыхъ, и кое-кто изъ учителей предлагали дать Колѣ кромѣ званія кандидата коммерціи еще и медаль, Арсеній замахалъ руками:

— Дай ему медаль,—сказалъ Арсеній,—онъ ее возьметъ и кинетъ въ помойку!

Объ этомъ Колѣ узналъ отъ любимаго француза и ночью, вспомнивъ, рѣшилъ ужъ безповоротно, что ни въ какой банкѣ Огорѣльшевскій онъ не пойдетъ, а выгонять изъ дома, пойдетъ на улицу, а на своеемъ поставитъ.

Не прошла и недѣля, напялилъ Женя свою изодранную курточку, снялъ съ форменного картиза гербъ, и съ аттестатомъ пошелъ въ Огорѣльшевскій банкъ и тамъ, толкаясь въ пріемной, долго ждалъ Арсенія. Наконецъ пріѣхалъ Арсеній, взялъ аттестатъ, сдѣлалъ для остраски внушеніе и, упрекнувъ въ разгильдяйствѣ, велѣлъ всякий день приходить въ одну изъ комнатъ съ ярлычкомъ касса. И пошла съ этого дня служба: Женя долженъ быть вести кассовую книгу.

Черезъ управляющаго Андрея Коля вызвался въ банкъ только на слѣдующій день, а сначала велѣнно было итти ему въ Колобовскій домъ къ Никѣ—Никитѣ Николаевичу благодарить: Ника платилъ за Колю въ училище.

Колобовскимъ садомъ по знакомымъ дорожкамъ и аллеямъ, мимо бесѣдокъ и статуй съ отбитыми носами, Коля

Подошелъ къ подъезду огромнаго съ колоннами старого дома, когда-то принадлежавшаго какому-то знатному графу, потомъ мунику Колобову, а затѣмъ перешедшаго съ приданнымъ Никѣ Огорѣлышеву.

Щеголеватый лакей провелъ Колю въ классную Юрика, двоюроднаго брата, кончившаго съ Женей и Колей Огорѣлышевское училище. Коля сѣлъ къ окну и сталъ ждать Нику, какъ осенью въ прихожей рублеваго дома ждалъ Маргаритку, только тамъ въ рублевомъ домѣ, глядя на Дѣмку—Мокву, у него отъ нетерпѣнія духъ захватывало, а теперь онъ просто робѣлъ. И, горячясь, Коля доказывалъ себѣ, что глупо такъ вести себя, не маленький онъ, и робѣть нечего, и чувствовалъ, что съ каждой минутой робѣть все больше и больше, сжимается весь, становится маленькимъ и присибленнымъ.

Ждать становилось невыносимо, и, вскочивъ со стула, Коля попробовалъ ходить по комнатѣ. А прохаживаясь по комнатѣ, не разъ и не два ловилъ себя, что ходить на цыпочкахъ, и ужъ злился на себя, но подѣлать ничего не могъ.

— А, это ты! Что тебѣ надо?—неслышно вошелъ Ника.

Коля вздрогнулъ и сипло и невнятно проговорилъ приготовленную благодарность:

— Благодарю васъ, дядюшка, за ученье!—и, сгорбившись, остановился.

— Что думаешь дѣлать?

Коля теребилъ ремень и чувствовалъ, что сказать прямо онъ не можетъ, просто духа не хватаетъ.

— Я слышалъ, служить ты не хочешь. Если ты разсчитываешь поступить въ высшее учебное заведеніе, въ университетъ или куда ты тамъ хочешь, то не забывай, средствъ у васъ нѣть. Я понимаю, ну Юрикъ, да, но тебѣ съ Юрикомъ равняться смѣшино!

Коля покраснѣлъ, и, кажется, сейчасъ бы такъ и со-

гласился на все, и вдругъ, что-то властное колоколомъ загремѣло въ ушахъ.

— Я въ университетъ поступлю! — проговорилъ Коля рѣзко и твердо, какъ тогда Маргариткѣ.

— „La donna è mobile, qual riumo al vento!“ — напѣвая изъ Риголетто, Ника мягко прошелся по комнатѣ, поправилъ въ петлицѣ нѣжную туберозу, — повторяю, средствъ у васъ нѣтъ, дармоѣдничать нельзя, мы не можемъ васъ содержать до смерти, впрочемъ, какъ знаешь! — и махнулъ рукою, что означало: „мнѣ некогда!“.

Коля выскочилъ на улицу. Какая-то радость, какая-то гордость, казалось, до крови кусала ему сердце: доберется онъ, измучаетъ, исказнить на смерть за каждое выслушанное имъ слово — за каждый упрекъ.

Нѣтъ, не сѣрымъ волкомъ, спасающимъ Ивана-Царевича, не апостоломъ Петромъ, не французомъ, не о. Глѣбомъ, не самимъ Огорѣлышевымъ Арсенiemъ хотѣлъ бы онъ быть, нѣтъ, онъ хотѣлъ бы быть палачомъ. И громоздились плахи за плахами, щелкали пытки смертельными зубами.

Прошла недѣля, прошла и другая. Женя ходилъ въ банкъ въ свою кассу, а Колю больше никуда не вызывали, никто не назначалъ ему часа, — не приказывалъ являться ни въ контору, ни въ банкъ.

Коля досталь себѣ уроки, а съ осени снова принялъся за латинскій и греческій, но ужъ безъ того рвения, какъ раньше: то Сашѣ было некогда, то просто не хотѣлось.

Пришла зима — подарила: черезъ управляющаго Андрея позвали Финогеновыхъ на вечеръ въ домъ къ Огорѣлышевымъ: Арсеній справлять свою серебряную свадьбу.

Финогеновы сначала уперлись, ни за что не хотѣли, но потомъ раздумались — поддались и пошли. И въ первый разъ такъ близко передъ ихъ глазами зашумѣль весь въ цвѣтахъ Огорѣлышевскій залъ, заигралъ богатыми драгоценностями: серебромъ, золотомъ, брилліантами.

Финогеновы стояли въ дверяхъ залы, въ залъ войти не рѣшались.

Изъ цѣлаго сада цвѣтовъ выплывали подхватывающіе звуки танца и, словно напоминая о чёмъ-то, звали за собою и такъ обѣщали вѣрно, сердце колотилось.

— Вонъ, Малая Огорѣлышева, Юрикова сестра, посмотри, какая она красавая!—толкнулъ Петя Колю.

— А вонъ Сухоплатова Танечка,—показалъ Саша.

— Нашъ директоръ!—Женя даже понялся.

Много, очень много мелкинуло передъ Финогеновыми и первыхъ красавицъ, и директоровъ, и всякихъ родственниковъ, которыхъ они въ первый разъ увидѣли, все людей важныхъ, и такъ близко.

Вдругъ танцы остановились, и въ залѣ стало тихо: гости разступались и кланялись.

Мимо Финогеновыхъ прошелъ высокій, на голову выше Арсенія, совсѣмъ не старый военный генераль и, мутно обводя глазами, какъ-то вылощенно улыбался—это былъ самъ всесильный князь. А рядомъ съ княземъ шмыгалъ Арсеній, подобострастно заглядывая ему въ глаза, и ужъ слишкомъ увѣренно хихикая.

— Финогеновъ!—хлоинулъ по плечу Коля Сухоплатовъ, съ которымъ Коля учился, раскраснѣвшійся и заныхавшийся,—ты какъ сюда попалъ!

И Колѣ стало вдругъ обидно до слезъ, что этотъ богачъ Сухоплатовъ можетъ ему сказать такъ, и хотѣлось ему выкинуть что-нибудь, чтобы никто не смѣлъ его тронуть, и вдругъ сгорбился, какъ у Ники въ Колобовскомъ домѣ.

А изъ цѣлаго сада цвѣтовъ выплывали подхватывающіе звуки танца и, словно напоминая о чёмъ-то, звали за собою и такъ обѣщали вѣрно, сердце колотилось.

Финогеновы стояли въ дверяхъ залы, одѣты они были скверно: отъ Колинаго дешеваго пиджака неслось какимъ-то

подгорѣлымъ стеариномъ. Они одни стояли у дверей и никто съ ними не здоровался, даже Сеня не подошелъ къ нимъ, и казалось имъ, всѣ знали—и чувствовали ихъ, какъ что-то чужое и ненужное. Они слышали, какъ въ сосѣднихъ комнатахъ звенѣлъ дорогой хрусталь и вышибались пробки, но ихъ не угощалъ никто, дали имъ только чаю.

Юрикъ Огорѣлышевъ, сынъ Ники, въ новенькой путейской формѣ, самъ какой-то весь новенький, взмахнулъ руками, громко прокричалъ что-то,—название какого-то танца, и за нимъ понесся, полетѣлъ весь нарядный залъ.

Какие-то словно пьяные звуки кружились и стучали, и такъ бы летѣть подъ эти звуки, летѣть съ ними безъ конца!

И на минуту, забывая свой красный флигель—домъ, Финогеновы, стоя у дверей зала, жили этой кружащейся, богатой, жизнью, и на сердцѣ таяло.

— Отправляйтесь-ка вы по домамъ! — ударила надъ ними знакомый голосъ Арсенія.

И Финогеновы молча, гуськомъ, спотыкаясь о ковры и проталкиваясь среди шныряющихъ лакеевъ, которые, казалось, проинзали ихъ насмѣшилыми взглядами, вышли изъ бѣлаго Огорѣлышевскаго дома и мимо фабрики, мимо амбаровъ, мимо забитаго кегель-бана, мимо дровъшли по двору, молча, не глядя другъ на друга: не хорошо было какъ-то глядѣть. И каждый изъ нихъ дѣлалъ видъ, строился, что ничего-то не произошло такого, чего бы ну, стыдиться надо было, не хотѣлъ никто изъ нихъ показать на себѣ того униженія, какимъ только-что каждый унизился.

— Средствъ нѣтъ, ничего не подѣлаешь!—вдругъ сказалъ Женя, но ему никто ничего не отвѣтилъ.

Молча, безъ всякаго шума вошли Финогеновы въ свой красный флигель.

— Ну что, какъ, весело было, шампанское вкусное?—встрѣтилъ ихъ Прометей, почему-то нарядившійся въ свою

праздничную коричневую визитку и въ штиблеты безъ стука.

И Степанида, и Авдотья Степанидина, и Прасковья, и Арина Семеновна -- Эрихъ, всѣмъ хотѣлось знать, всѣ стали разспрашивать Финогеновыхъ о серебряной свадьбѣ.

Что имъ было рассказывать? Саша ушелъ къ себѣ— въ Варенькину комнату, а Петя, Женя и Коля—на верхъ въ дѣтскую. И тамъ молча раздѣлись, молча легли въ кровати.

Коля притворился спящимъ и не спалъ, не могъ спать, какъ не спалъ и Петя, и Женя, и внизу Саша. Казалось Колѣ, будто кто-то словно подымалъ его высоко, до самаго потолка и, грозя опустить на полъ, держалъ въ воздухѣ. И было ему страшно подумать, страшно взглянуть въ свою душу... не хорошо было глядѣть ему въ свою душу—на свое унижение. И чувство его было жгуче, больнѣе, чѣмъ когда онъ сидѣлъ у окна послѣ своей порки и послѣ своей пощечины за театръ: ужъ лучше бы никогда ему не стоять у дверей Огорѣльчевскаго зала, не заглядывать въ освѣщенный нарядный залъ.

А морозное утро, крѣпкое, нанизывало жемчугъ на окна.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Розикъ.

Зима съ серебряною свадьбой внесла въ Финогеновскую жизнь какой-то разладъ, словно съ этого дня что-то сорвалось въ ихъ красномъ флигелѣ и гнало ихъ изъ комнаты въ комнату, вонъ изъ дома. И Финогеновы бродили по комнатамъ, по двору и по саду, нигдѣ не находя себѣ мѣста. На дворѣ лежали, дрова, и ходила фабрика, и сновали фабричные, и такимъ жалкимъ и злымъ казалось все. Все раздражало—драки прежней не было, но часто изъ-за пустяковъ они скорились, и все изъ рукъ валялось—сколько за зиму перебили посуды!

— Кто-то выживаетъ!—говорила Прасковья.

На новый годъ пропала кошка Маруська, любимица бабушки Анны Ивановны.

— Не хорошо,— потягивала табачнымъ носомъ Арина Семеновна—Эрихъ,—тварь уходить, твари неспокойно.

Околѣль Мальчикъ, остался одинъ Розикъ.

— Вотъ и Мальчикъ отошелъ!—вздыхала Степанида.

Пропадавший по святымъ мѣстамъ, вернулся на маслянину печникъ Сема юродивый, зашелъ къ Финогеновымъ. Отепанида блины собирались печь, а онъ взялъ ковшъ воды да и залить у ней огонь въ печкѣ и вышелъ, что-то бормоча и покачивая головой—барабаномъ съ бубенцами.

— Жди бѣды, безпремѣнно!—помаргивала Душка-Лисья, забѣгая на финогеновскую кухню чаю попить,— Сема зря не чихнетъ и не плюнетъ.

Но если бы не одинъ, а тысячу юродивыхъ и самымъ обыкновеннымъ языкомъ сказали бы въ одно слово, что Финогеновыхъ бѣда ждетъ, все равно, развѣ повѣриши, развѣ можно повѣрить человѣку? А можетъ, бѣда и минуетъ, а можетъ, и ошибается Сема. И вотъ жизнь идетъ, какъ шла и безъ Семы, безъ его вѣщихъ юродствъ.

За зиму Арсеній нѣсколько разъ вызывалъ къ себѣ Сашу и предостерегалъ его: дружба съ Сергеемъ Молчановымъ такъ даромъ пройти не можетъ и кончится тѣмъ, что Сашу и изъ университета выгонятъ и туда пошлютъ,— самъ не обрадуешься.

Два года еще больше отточили черты Саши: глаза его словно заковались, темные усы и борода выдвинули скулы, а на лбу ярче обозначились впадины.

Для тѣхъ, кто зналъ Сашу еще гимназистомъ, переходъ его изъ смиренника-монаха въ монаха-революціонера казался просто невѣроятнымъ. Когда-то завѣть старца: надо принять всю судьбу, всякую недолю и принять ее вольно и кротко и благословить ее всю до конца—былъ этотъ завѣть для Саши заповѣдью. Теперь же, если спросить его, что грѣть въ немъ его душу и жесточить его мысли, онъ отвѣтилъ бы твердо: ему нѣть примиренія.

Во имя своей непримирамости, несогласія своего съ судьбою, онъ истязалъ себя, какъ тогда въ примиреніи, если не болѣше.

Съ глубокой горечью обманувшагося прекратилъ онъ всякія общенія съ о. Глѣбомъ, и всѣ грѣюще лучи-мысли стоятеля Божьяго представлялись ему теперь какими-то засоренными источниками, мутнымъ свѣтомъ сквозь мглистое снѣжное небо.

Сашу тянуло къ рѣзкимъ ударамъ, — черезъ кровь, черезъ огонь, черезъ жертву ступить гулко по землѣ, бросить вызовъ и самому сгорѣть — расточить жизнь свою, какъ говорилъ Саша. Расточеніе жизни въ непримѣрности сводилось у него къ убийству, къ уничтоженію тѣхъ людей, „которые своей дѣятельностью мѣшиали жить“ Это и соединило Сашу съ Сергеемъ Молчановымъ и съ товарищами его, которыхъ Саша встрѣтилъ у Сергея. Никого они еще не убили и ничего для убийства не приготовили, и все было пока только въ словахъ и въ душѣ. Вся кровавая лежала передъ Сашей его мать-пустыня, призывающая въ свою огненную пустыню.

И шли его дни кипуче до ожесточенія, вспыхивали радостью правоты, раскалялись отъ мучительного голоса исподнихъ заваленныхъ сомнѣній и просыпающихся бунтующихъ заглушенныхъ чувствъ.

Петя не румяный, поблѣднѣвшій, все еще таскалъ свой ранецъ въ гимназію и, хотя оставалось ему всего ничего, а будто и конца не было. Въ воскресенье часто по цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ у окна за стаканомъ пива и все думалъ о чёмъ-то, глядя за Боголюбовъ монастырь, за бѣлыя башенки, и казалось, сидѣть бы ему такъ, сидѣть всю жизнь, гадать и загадывать ..

Коля, измытарившійся за зиму—всякій день могли его вызвать и снова начать разговоръ о его поступленіи въ банкъ,—жилъ безтолочно: словно все расползалось передъ нимъ и ускальзывало, дразнило его и не давалось. Какъ на грѣхъ съ Машкой—съ Машкой Пашковой бѣда стряслась: забеременѣла Машка, и пришло черезъ Прасковью

Душку-Анисью просить поправить дѣло. Душка-Анисья не только языкомъ соринки въ глазу искала, но какъ-то глазомъ,—такъ сама она говорила,—умѣла прибрать въ человѣкѣ все лишнее, и такъ, что никакого и слѣда не останется. Чуть не померла Машка. А умри она, пожалуй, и гора бы съ плечъ! Свезли Машку въ больницу, полежала она тамъ, въ больнице, и выходила, но уже на фабрику ее больше не пропали, и перебралась она въ комнату въ Бакаловскій домъ,—на Сухоплатовской фабрикой Бакалова домъ съ дешевыми квартирами, комнатами и углами, биткомъ набитый всякой бѣднотой: тутъ и зонтичники, и шляпочники, и щеточники, и сбитеньщики, кого-кого только нѣть. Коля заходилъ въ этотъ домъ къ Машкѣ,—промышляла Машка поденной работой. И каждый прожитый день былъ для Коли, что камушекъ: камушекъ за камушкомъ падалъ и куда-то прямо на сердце.

Вербная Суббота—день роспуска на Святую былъ въ этотъ годъ рѣдкимъ днемъ въ жизни Пети: до экзамена его допустили, и пришелъ конецъ его долголѣтняго гимназического мытарства. Цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ таскаль онъ ранецъ, двѣнадцать лѣтъ долбила его ненавистная ему проклятая гимназія.

По давно данному обѣщанію Петя, Женя, Коля и Прометей вмѣсто всенощной отправились въ подвальную пивную на Камушекъ къ пивнику Гарibalди и всю всенощную шла попойка, а когда Гарibalди заперъ пивную, Петя торжественно, тоже по обѣщанію, легъ посреди улицы въ лужу и, бултыкаясь, грязниль и мазаль свою драную гимназическую шинель. А потомъ ужъ на верху въ дѣтской разодрали Петинъ ранецъ и пили водку.

Прометей накачался до такой одури,—и Вербное и Чистый понедѣльникъ безъ просыпу спалъ и, очухавшись только во вторникъ, совсѣмъ обалдѣлъ и никакъ не могъ со-

образить, гдѣ онъ, кто вокругъ и какъ зовутъ его, и только ненавистную тетку свою Арину Семеновну—Эрихъ онъ чувствовалъ и, морщась, моргалъ, какъ отъ какого-то яркаго свѣта.

— Очхнись, отшельникъ!—усовѣщевала Арина Семеновна, — мать родную не узнать! Видно, нечистому и душу-то свою собачью пропилъ.

— Господи, никакихъ концовъ не найти! — моргалъ Прометей, шаря вокругъ себя.

— Насосался! стыдъ-то какой!—совѣстила Степанида.

— Напущено, дѣвушка,—горевала Прасковья,—злыми людьми напущено, и молитва не помогаетъ.

Долго Финогеновы возились съ своимъ помутнѣвшимъ Прометеемъ: и щипали, и щекотали его, и легонько перышкомъ въ носу шевелили, и горчицей губы мазали, мало помогало.

— Господи, никакихъ концовъ не найти! — моргалъ Прометей, шаря вокругъ себя.

И когда ужъ хотѣли Финогеновы отступиться, а Степанида за Душкой - Анисѣй побѣжала, Прометей самъ собою сорвался изъ дѣтской и прямо вонъ за дверь во дворъ.

Какъ ошалѣлый, метался Прометей по двору и все не могъ притти въ себя, визжалъ, плакалъ, трясы головою и вдругъ схватилъ полѣно и съ какой-то радостью ударилъ въ подвернувшуюся собаченку Розика, будто въ Розикѣ хранилась вся тревога его, все безуміе, все отчаяніе великаго человѣка, обреченаго на ничтожество.

Съ перешибленной лапкой, взвизгнувъ, бросился Розикъ подъ террасу, и тамъ затихъ, и Прометей затихъ, ожилъ Прометей, отышался.

Полѣзла Прасковья подъ террасу, старуха старая согнулась она вся, и тамъ поймала собаченку, перекрестилась, вытащила ее на волю и понесла въ домъ.

Розикъ лежалъ у Саши въ Варенькиной комнатѣ, на
Варенькиной кровати, подвернувъ перешибленную свою
лапку и, подрыгивая лапкой, плакалъ молча: ну въ чёмъ
же онъ-то былъ виновенъ?

И Прасковья плакала.

— Молитва, дѣвушка, не помогаетъ!

И во всемъ домѣ въ красномъ Финогеновскомъ фли-
гелѣ не хорошо было, помалкивали въ комнатахъ.

А Прометей все заглядывалъ въ комнату къ Сашѣ,
справлялся у Саши, не прикажеть ли Саша пройти куда—
къ Алексѣю Алексѣевичу или къ Сергею Алексѣевичу,
или сдѣлать не надо ли чего, переписать что-нибудь? Онъ,
нѣдѣль, не нарочно ударила Розика?

А Розикъ лежалъ у Саши въ Варенькиной комнатѣ
на Варенькиной кровати, и, подрыгивая перешибленной лап-
кой, плакалъ молча.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Стопудовое яйцо

Страстная прошла тихо. Финогеновы говѣли и въ церковь къ Покрову ходили къ службамъ, а то въ послѣдній годъ рѣдко ихъ видѣли у Покрова. У Розика лапка поджила, и на первый день Пасхи онъ ужъ по двору за собаками бѣгалъ и лаялъ, какъ обыкновенно. И первые два дня Пасхи прошли тихо, а на третій день Петя, Женя и Коля съ Прометеемъ опять сидѣли на Камушкѣ въ подвальной пивной у Гарibalльди — разговлялись. И вернулись они домой поздно и совсѣмъ нетвердо.

Приснилось Колѣ, сидѣть онъ будто наверху, въ дѣтской, въ окно смотрить, а пустырь — огороды подъ монастыремъ распаханы. Въ дѣтскую входить дѣвочка, держитъ яйцо въ рукахъ, безглазая, стала дѣвочка въ дверяхъ, стоитъ, протянула руку съ яйцомъ, безглазая. Безглазая она, а такъ всю душу насквозь проходитъ. И чувствуетъ Коля, какъ сердце его будто расщепляется.

— Коля, вставай, въ Боголюбовъ пойдемъ къ обѣднѣ! — услышалъ Коля голосъ Саши, и это вывело его на свѣтъ.

Коля поднялся, закурилъ папироску. Послѣдніе ключья сна съ болью таяли, и подплывала къ сердцу какая-то радость, будто угрожавшая ему опасность миновала.

Сонная комната въ ярко-желтыхъ лучахъ показалась Колѣ особенной, золотой, и голубой дымъ папиросы, увязая, цапался и, обезсиленный, сдаваясь, таялъ.

Посреди комнаты, уткнувшись въ сапогъ и подобравъ согнутыя ноги къ подбородку, валялся Прометей, поскрипывая зубами, и было въ лицѣ его столько гордости и величія, будто закусиль онъ не Петинъ сапогъ, а сапогъ всего міра.

Колѣ вдругъ вспомнилась ночь, вспомнилась подваль-ная пивная, драка въ пивной, и онъ бросилъ папиросу и снова повалился, но Саша заторопилъ его.

Въ голосѣ Саши была и настойчивость и еще что-то особенное, и это подняло Колю на ноги, онъ быстро одѣлся, и они вышли.

Несмотря на ранній часъ и середину апрѣля, лѣтне парило. Даже въ низкихъ мѣстахъ какъ-то сразу истлѣлъ снѣгъ, ледъ за ночь лопнулъ и пошла рѣка.

Весь на солнцѣ стоялъ монастырь, и жарко горѣли золотые шпицы бѣлыхъ круглыхъ башенокъ. Въ монастырѣ звонили къ обѣднѣ, какъ только звонятъ на пасхальной недѣлѣ, звонили съ малиновымъ переливомъ. И со звономъ колокола доносилъ вѣтеръ тревожный шумъ и гулъ половодья.

Итти было легко: еще влажная теплая земля уходила подъ ногами, и послѣ зимы чувствовалась земля такая влажная и теплая.

На откосѣ зеленѣла тоненькая травка. Коля спустился къ Синичкѣ, сорвалъ одуванчикъ и шель съ нимъ, какъ съ золотой свѣчкой.

Самъ себѣ казался Коля такимъ воздушнымъ и хрупкимъ, словно все тѣло его просѣтилось, и онъ слы-

шалъ и чувствовалъ и самый малый шорохъ, и вотъ онъ переломится или растаетъ въ воздухѣ, и тоска заливала все его сердце.

Ночь и подвальная пивная не выходили у него изъ головы, возстановлялась подробность за подробностью, лѣзла къ самымъ глазамъ, дышала своей мерзостью, и отдѣлаться не было силъ, а заглянуть поглубже, чтобы ужъ навсегда отойти прочь, страшно было, и путался неоплаченный счетъ, драка, и какие-то плевки, покрывавшіе всю пивную ночь.

Саша твердо рѣшилъ порвать съ кругомъ Сергея Молчанова. И не потому, что непримиримость его остыла въ немъ, а просто потому, что никакой партии, никакому лицу не могъ онъ подчиниться, не могъ выслушивать ничьихъ замѣчаній, не могъ выносить, когда говорили ему, что онъ не смѣеть чего-нибудь дѣлать такъ, какъ онъ хочетъ, а долженъ дѣлать только такъ, какъ рѣшила партия. Среди людей, объединявшихся вокругъ Сергея Молчанова, были два-три человѣка, настроенные до какой-то изступленности въ своей непримиримости и готовы были умереть, осуществляя свое дѣло—„убийство лицъ, вредныхъ и мѣшающихъ жизни“. Саша уважалъ ихъ, но съ ними было тѣсно ему, это онъ давно уже чувствовалъ и только недавно сказалъ себѣ ясно и безъ колебаній, онъ не могъ такъ замкнуться, такъ ограничить свой міръ, такъ обезглазить его. И вотъ онъ рѣшилъ совсѣмъ уйти: онъ пойдетъ къ Сергею Молчанову и тамъ скажетъ имъ все по правдѣ, прямо въ глаза,—пускай дѣлаютъ, какъ знаютъ и что хотятъ.

И принявъ рѣшеніе свое, онъ чувствовалъ какую-то злобу, злость и озлобленность: вѣдь такъ долго и такъ много ждалъ онъ осуществить дѣло свое, которое теперь одному ему не исполнить, а съ другими ужъ не можетъ, и ему хотѣлось расплатиться съ кѣмъ-то за всѣ ночи свои, когда сердце его лопалось, за всю жгучесть мечты своей, за свое дѣло, которое совершить хотѣлъ.

Воскресенія день!
И просвѣтимся людіе
И другъ друга обымемъ...

— донеслось пасхальное пѣніе изъ раскрытыхъ оконъ Бого-любовскаго собора, когда, поднявшись по лѣстницѣ на монастырскую гору, Саша и Коля вошли въ ограду.

Въ соборѣ было много народа, еле пробрались они на паперть. Но и на паперти душно было и отъ свѣчей и отъ ладана, и скоро они вышли изъ церкви, потолкались за воротами съ богомольцами около камениной лягушки, упирающейся въ башенку старца, и повернули опять въ ограду на кладбище.

— А помнишь, Саша, наши службы, наши стоянія на верху? Мы бы тогда всѣ молебны съ акафистами выстоали! — сказалъ Коля: пасхальное пѣніе всколыхнуло всю его память, и онъ почувствовалъ, какъ ему больно, что прошло прежнее.

Саша горько и злобно засмѣялся.

— Ты теперь и въ Бога не вѣришь? — спросилъ вдругъ Коля.

— Раѣвъ это такъ важно, вѣрю я или не вѣрю? — рѣзко отвѣтилъ Саша.

— А я, Саша, совсѣмъ обѣ этомъ не думаю, просто не думается мнѣ... или потому, что мнѣ выпасть надо...

Они подошли къ Огорѣлышевскому склепу - часовнѣ, сѣли на каменные ступеньки.

Красный огонекъ лампадки поглядывалъ на нихъ сквозь матовое окно.

— Помнишь, что сказалъ старецъ? — Саша показалъ на башенку, — Вѣруешь ты въ Бога или не вѣруешь, не это важно, а важно то, съ Христомъ ли ты или безъ Христа! Только не къ тому я говорю это, чтобы оправдать себя и безъ вѣры съ Христомъ быть. Пу-

скай себѣ старецъ остается со своимъ Христомъ и благословеніемъ. Я не могу,—Саша поднялся,—не могу я благословить судьбу—не-долю, бѣду человѣческую съ ея скорбью, печалью, нуждой, а разъ я не могу благословить ее, и съ Нимъ не могу быть. И если я въ себѣ благословилъ бы ее, я не могу въ тебѣ благословить ее, вонъ въ томъ калѣкѣ не благословлю, и въ Розикѣ не благословлю, какъ лежалъ онъ тогда съ перешитленной лапкой.

— Ты, Саша, теперь совсѣмъ не улыбаешься, а бывало, какъ начнешь разныя небылицы сочинять о гимназіи: о яйцѣ страусовомъ въ шестьдесятъ пудовъ, помнишь, рассказывалъ, какъ физикъ въ классъ едва дотащилъ его, ты все улыбался, и когда игрушки мнѣ приносилъ, тоже улыбался.

— Старецъ сказалъ бы, что тогда на мнѣ былъ духъ Божій,—горько и злобно засмѣялся Саша.

— Конечно, конечно,—Коля вскочилъ и даже покраснѣлъ весь, словно нашелъ разгадку какого-то мучительного вопроса,—духъ Божій! Духъ Божій и на мнѣ былъ, духъ Божій! Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, ну что божескаго въ угрюности, въ муки, въ страданіяхъ человѣческихъ, а когда болтаешь, когда врешь о небылицахъ, духъ занимается отъ какой-то радости—это, вотъ именно это и есть божеское, духъ Божій!

А Саша желая, должно быть, улыбнуться попрежнему, кривя губы, протянулъ руку.

— Христа ради подайте милостынку на яйцо стопудовое!—и вдругъ нахмурился, взялъ у Коли одуванчикъ и, отворивъ дверь часовни, положилъ на каменную плиту,—вотъ цвѣтокъ и пригодился.

-- Варенька, барышня несчастная!—тихо проговорилъ Коля, вспомнивъ, какъ называли фабричные Вареньку,—вотъ мы и пришли къ вамъ, Христосъ воскресе!—и подумалъ: „проклятые пришли“ и ужаснулся, что подумалъ такъ, и

шь ужасъ прошепталъ, какъ когда-то въ отчаяніи шептала Варенька:—Господи, подкрѣпи меня!..

А въ это время краснымъ звономъ зазвонили во всѣ колокола: обѣдня кончилась и тронулся крестный ходъ съ иртосомъ. Всю пасхальную недѣлю въ Боголюбовомъ послѣ обѣдни бывалъ крестный ходъ, носили вокругъ собора иртосъ.

Саша и Коля пошли за народомъ и, дойдя съ крестнымъ ходомъ до бѣлой башенки, словно по договору поднялись по знакомой каменной, холодной, полутемной лѣстницѣ. Но у самой двери Коля, словно спохватившись, повернуль назадъ.

— Я не могу,—сказалъ онъ тихо и медленно, съ большими усилиемъ выговаривая слова, и почувствовалъ, какъ что-то мучительно-страшное, что подходило къ его душѣ, о чёмъ и самому себѣ онъ не могъ сказать, теперь сказалось: ему тоже, какъ Сашѣ, надо кончить свое дѣло, только Саша во всемъ чистъ, онъ же кругомъ виноватъ.

И дверь башенки закрылась за Сашей.

О. Глѣбъ обрадовался гостю,—такъ давно никто изъ Финогеновыхъ не заходилъ къ нему,—о. Глѣбъ похристосовался съ Сашей. Пирскій, послушникъ старца, принесъ чаю и пасхи.

Саша замѣтилъ, что старецъ не то чѣмъ-то разстроенъ, не то боленъ: губы, совсѣмъ сохлые, вздрагивали, и щеки потемнѣли, какъ у мертваго, улыбался онъ, но лежала на улыбкѣ юдкая горечь.

„Можетъ, и заходить не надо было!“—подумалъ Саша, а на сердцѣ кипѣло, и не притронувшись къ пасхѣ, сразу заговорилъ:

— Вотъ сейчасъ только-что Коля сказалъ мнѣ, что я и улыбаться пересталъ, а я, какъ вошелъ въ вашъ, посмотрѣлъ на васъ, и подумалъ: вотъ и вы послѣ всѣхъ вашихъ благословеній страданіямъ и бѣдамъ человѣческимъ

на вашей ступени недосягаемой тоже что-то плохо улыбаетесь.

Старецъ молча перекрестился: въ келью донеслось пѣніе Христосъ воскресъ—это крестный ходъ возвращался обратно.

— Нѣть, видно съ вашимъ благословеніемъ...—задумался Саша,—не создашь ничего крѣпкаго и нерушимаго. Ну какъ это можно? Чтобы улыбаться, надо пройти черезъ весь адъ да еще и благословить его!—и вдругъ подумалъ:— „Да зачѣмъ же это онъ пришелъ-то къ старцу? Сказать, что принялъ рѣшеніе кончить свое дѣло съ Сергѣемъ Молчановыемъ и непримиримость свою всю при себѣ оставить, похвалиться передъ старцемъ?“—и глухо сказалъ то, что еще ни разу и себѣ не говорилъ:—не вѣрю я въ нихъ, о. Глѣбъ,—и, удивленный словамъ своимъ, поправился—не могу я подчиняться и не хочу!—и загорячился,—никуда оно не годно, ваше благословеніе, разслабить оно, погубить всякую жизнь, расплодить всякихъ паразитовъ, нѣть, только рѣзкій ударъ, грозная встряска, кровавый бичъ укрѣпить жизнь и зажгутъ мечту. А что дѣлать съ вашей любовью и всепрощеніемъ, когда задохнуться въ пору, посмотрите, люди костенѣютъ въ безкровной изморози, глаза у нихъ слипаются, сонные какіе-то, они кутаются, зябнутъ, идутъ шажкомъ и топчутъ полегоньку другъ друга, топнетъ, а самъ посмотрить,—не болѣно ли?.. А надо подойти и... вотъ такъ!—Саша рѣзко поддался впередъ, будто ножомъ ударили.

О. Глѣбъ привсталъ съ кресла. Мускулы задергались на его лицѣ, какъ тогда, на Пасху, у гроба Вареньки.

— Что?—спросилъ Саша съ какимъ-то задоромъ,—я еще никого не зарѣзалъ!

Старецъ опустился въ кресло и не сказалъ ни слова.

— Не хотите мнѣ отвѣтить,—сказалъ Саша ужъ затихшимъ голосомъ обиженнаго,—говорить со мной не хо-

тите, а вѣдь знаете, вижу, что знаете, зачѣмъ кровь проливается. Или рано мнѣ знать тайну-то вашу, такъ что ли, не благословилъ я еще не-доли вашей, не переступилъ я за послѣднія страданія, гдѣ и кровь разрѣшается, гдѣ кровь, тайну крови постигаютъ? а знаете вы, какъ поймутъ васъ, съ вашимъ примиренiemъ-то?—будто подразнивая, спросилъ Саша,—не знаете? Всякій негодяй, всякий трусъ за васъ ухватится, всякий паразитъ, всякий насильникъ ручку у васъ поцѣлууетъ. Вы задачу даете непосильную, ну сами посудите, кто ее рѣшить: черезъ всѣ муки пройти надо и дойти до послѣдняго страданія и ему, безглазому страданію-то, поклониться. У кого хватить силъ, у кого достанетъ духа! Нѣть, не такъ васъ поймутъ, и рѣшать никто не будетъ повшему, а перевернетъ все примиреніе ваше въ самое наи-подлѣйшее помыканіе и пойдетъ душить и Ѳеть поѣдомъ и давить и, что хотите, такъ одни, съ одной стороны, а другіе сами отъ отчаянія вѣщаться начнутъ, травиться начнутъ.

— Душа-то твоя, Саша!..—едва проговорилъ старецъ и, не досказавъ, замолкъ.

— Душа!—захохоталъ Саша,—а что въ ней!—и опять перевернуль на свое, съ чѣмъ и пришелъ къ старцу,—не хочу я, чтобы мою душу убивали, и не отдамъ я ее, никому не хочу уступать!—и, страшно поблѣднѣвъ, застылъ весь, глядя въ упоръ на старца:—а кровь-то и Христу понадобилась... Чтобы притти на землю, вѣдь зачѣмъ-то понадобилось столько невинной дѣтской крови, зачѣмъ-то надо было убить столько младенцевъ! Вы же сами разсказывали, помните? А если Христа никакого и не было,—усмѣхнулся Саша,—и если избіеніе младенцевъ только легенда, ученыe это доказываютъ, то все равно легенда пошла, не спроста же такая легенда пошла. Кровь-то она нужна, для любви нужна, такъ выходитъ. Ты возненавидъ всѣмъ сердцемъ твоимъ, возненавидъ всею душою твою, убей, и придетъ любовь.

— Если не полюбишь врага своего, нелюбовью измученъся, а твой ножъ и кровь, пролитая тобою, на тебя же обратятся,—о. Глѣбъ запечалился, губы его вздрагивали.

— Не могу я простить,—заерзалъ Саша,—и скажите, пожалуйста, какъ же поступить мнѣ съ человѣкомъ, который людей єсть, да єсть, жизнь у нихъ отнимаетъ, какъ поступить со всѣми этими, кто приказываетъ и кто исполняетъ повелѣнія, отъ которыхъ гибнутъ люди? Уничтожать ихъ только, большие ничего не остается.

— Подойди къ нему, врагу своему,—заговорилъ старецъ,—загляни въ глаза: глаза его горюютъ, на немъ своя бѣда, охъ, страшная бѣда! А ненависть твоя не зальется и не раскроетъ тебѣ этой горечи и бѣды его. Нѣть, ты подойди къ нему, загляни въ глаза...

— А онъ захочетъ?.. Да онъ тебя ножемъ пырнетъ. Ха, ха! Онъ съ тебя шкуру будетъ драть, а ты съ губами потянемъся, ха, ха! Я, можетъ, подходилъ и не одинъ разъ,—ужъ съ горечью сказалъ Саша,—руку мою протягивалъ и до корней волосъ краснѣлъ отъ обиды: руку мою не принимали...

И, когда проговорилъ Саша свои послѣднія слова, вдругъ стало ему ясно, что говорить большие не стоитъ: старецъ не знаетъ ничего, а только изъ прописей повторять ужъ много разъ слышанное, разыгрываетъ изъ себя какого-то блаженнаго, увертывается и виляетъ, лжетъ передъ нимъ.

— Заповѣдь: убій! убій того, кто убиваетъ — вотъ она заповѣдь!—Саша всталъ съ мѣста и твердо заходилъ по кельѣ,—за зло тысячекратнымъ зломъ... Да, кровь... и если я не пролью крови, такъ не мою, Богъ съ ней съ моей, вашу прольютъ, Розикову прольютъ.

Старецъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, казалось, и не слушалъ Сашу, дремалъ въ своеемъ мягкому удобномъ креслѣ.

И гадокъ и омерзителенъ сталъ въ эти минуты для Саша старецъ.

„Вотъ онъ схимой прикрылъ свои прогнившіе глаза!“— думалъ Саша, злорадствовалъ, ему чудился запахъ, шель запахъ по кельѣ, проникалъ сквозь платье, черезъ кожу, сосаль сердце. И такъ захотѣлось Сашѣ обидѣть, унизить старца,— „старый лгунъ,— думалъ онъ,— изжилъ всѣ свои силы,“— такъ хотѣлось ему крикнуть въ лицо старца самое тяжкое оскорблѣніе, такую обиду горькую, чтобы прожгла она всю его святость,— „показную святость заклинателя бѣсовъ!“— сказалъ себѣ Саша. Мысли его разрывали другъ друга и разорванныя, бросались другъ на друга, кипѣло сердце.

— Саша,— сказалъ старецъ и дрожащей рукой протянуль ему красное пасхальное личко,— Саша, сохрани его на всю жизнь.

„Стопудовое,— вспомнилось Сашѣ,— Христа ради подайте милостынку на стопудовое!“— и, не принявъ подарка, стиснуль онъ зубы отъ горечи, закрылъ лицо и сидѣлъ такъ, не раскрывая лица.

Въ монастырѣ ударили къ вечернѣ.

Очнулся Саша, вспомнилъ: къ четыремъ онъ долженъ поспѣть къ Сергѣю Молчанову, чтобы всѣхъ застать у него и навсегда ужъ покончить со всякими дѣлами, и со всякой своей непримиримостью, и, не принявъ благословенія, вышелъ вонъ изъ кельи.

Старецъ до двери проводилъ Сашу, сползъ съ лѣстницы и долгимъ взоромъ сердца глядѣлъ вослѣдъ ему: губы горько перебирали,— старецъ молился,— и рука крестила,— старецъ молился,— и рука крестила еще неясное, еще далекое, что вышло и наступало на человѣка:

— Господи, подуй, подуй, Господи, святымъ духомъ на землю!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Плямка.

Коля любилъ Машу-горничную, во снѣ она снилась ему, и всякий разъ, просыпаясь, онъ чувствовалъ какую-то слитность со всѣмъ міромъ, будто за ночь произошло что-то, что соединило его съ каждымъ предметомъ и не оставилъ никакихъ промежутковъ. Коля любилъ Вѣрочку, которую, казалось ему, не разъ онъ видѣлъ мелькающей въ толпѣ, и сердце тогда замирало, и духъ захватывало. Съ болью любилъ онъ Маргаритку, съ болью вспоминалъ ее, всю, съ ея язвами, съ ея грубымъ крикомъ, какъ дорогое, безцѣнное отиедшее. Но Машку—Машку Папкову онъ совсѣмъ не любилъ или любилъ ее только съ закрытыми глазами, видя передъ собою то Машу, то Вѣрочку, то Маргаритку, а за любовь ея, изводящую и покорную, ненавидѣлъ порою и еще ненавидѣлъ за то, что ужъ очень ясно представляль себѣ, какъ самъ-то онъ смѣшонъ и надоѣдливъ съ своею Машкиною любовью къ Машѣ, къ Вѣрочки, къ Маргариткѣ. И жестоко издѣвался надъ Машкой: приходилъ онъ въ Бакаловскій домъ, въ ея комнатенку, и не одинъ приходилъ, а съ

Петей или съ Женей или съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ и ихъ имѣсто себя предлагалъ ей. Послѣднее время Машка выходила по ночамъ на бульвары. Что у ней было на сердцѣ, какое отчаяніе, какія слезы, но она все исполняла, на что, надѣваясь, толкалъ ее Коля.

Сколько разъ хотѣлъ Коля все сказать Машкѣ, сказать ей, что не любить онъ ее и не любилъ никогда, и кончить, наконецъ, всю мучительную ложь, которая извела его, и все ничего не выходило,—то не рѣшался онъ изъ какой-то трусивой жалости, то рѣшился не могъ просто изъ какого-то упрямства. Но теперь онъ твердо рѣшилъ все кончить и уйти куда-нибудь, начать новую жизнь.

Выйдя за монастырскую ограду, Коля пошелъ по дорогѣ къ Бакаловскому дому и такъ размечтался, такъ увѣрился въ себѣ, въ рѣшеніи своемъ, что забылъ, куда идетъ и зачѣмъ.

Ему казалось, что уже объяснился онъ съ Машкой, и она все поняла и со всѣмъ согласилась, и онъ ужъ уѣхалъ куда-то въ другой какой-то городъ далеко отъ Бакаловского дома и теперь только вспоминаетъ о прошломъ мучительномъ, но такомъ далекомъ.

И вдругъ Коля очнулся, и рѣшеніе его вдругъ куда-то исчезло, и онъ свернулъ на другую улицу въ сторону отъ Бакаловского дома.

Какъ бы онъ счастливъ, если бы ничего не надо ему было дѣлать или все само собою сдѣлялось бы! И какъ завидовалъ онъ, кругомъ виноватый, Сашѣ, который былъ во всемъ чистъ. И чувство оторванности охватило Колю. Самъ себѣ представлялся онъ какою-то смертью, мыкающейся посреди всеобщаго воскресенія, и думалъ онъ, не разбираясь, о чѣмъ-то жуткомъ, что вотъ наступить, и тогда всему конецъ.

Долго бродилъ Коля по переулкамъ; пока ноги сами собою не вывели его къ знакомому Бакаловскому дому съ чер-

ной доской на воротахъ, сплошь измѣлованной фамиліями жильцовъ. Какъ клопы жили люди въ Бакаловскомъ домѣ.

На звонокъ вышелъ дворникъ Степанъ.

Коля стоялъ и смотрѣлъ на его рыжѣ, засаленные усы, на мелкія, потныя рябины и ничего не говорилъ.

— Вамъ Машку? — спросилъ дворникъ и подмигнулъ: знаю, молъ, зачѣмъ вамъ она понадобилась.

— Машку, вызови Машку! — словно обрадовался Коля.

И пока дворникъ ходилъ за Машкой, сталъ онъ разбирать фамиліи жильцовъ на черной доскѣ, и одна чудная фамилія Плямка привязалась къ нему.

„Плямка!“ — повторялъ Коля, безсмысленно глядя передъ собой, пока не выбѣжала къ нему Машка: она запыхалась въ своей драповой кофточкѣ, а на исхудаломъ болѣзnenномъ лицѣ ея свѣтилась улыбка.

Коля молча пошелъ отъ воротъ, и Машка за нимъ. Шли молча. Какъ пчела, налетала на Колю Плямка и жужжала гдѣ-то въ мозгу.

„Плямка!“ — повторялъ онъ безсмысленно.

— Куда вы? — испуганно окрикнула Машка, схватила Колю за руку.

Но онъ вырвался, ничего не отвѣтилъ. И долго плутали они изъ переулка въ переулокъ, съ улицы на улицу.

Поровнявшись съ подвальной пивной, Коля вошелъ въ пивную, и Машка за нимъ.

Пивникъ Гарibalди — лысый, въ очкахъ, съ крошечной бородкой — колышкомъ, безъ усовъ, лукаво улыбался гостямъ.

Въ пивной было жарко.

Отдышавшіяся тяжелыя мухи полусонно перелетали по стаканамъ. И пиво казалось тягуче-приторнымъ.

— Самую новѣйшую откупорилъ-сь, — утѣшалъ Гарibalди какого-то оболваненного гостя, и улыбался.

А Колъ казалось, пивникъ надъ нимъ смеется, да и какъ ему не смеяться: вчерашняя-то ночь на его глазахъ прошла!

Машка жалко сидѣла въ своей драповой кофточкѣ, изъ подъ платка выбилась у ней свѣтлая прядь волосъ, а лицо закраснѣлось. Нѣсколько разъ порывалась она рукавомъ вытереть себѣ потъ со лба, а тяжелый драповый рукавъ только шерстилъ.

Въ пивную набирались гости, занимали лишие столики. Пробки на перебой хлопали.

— Не знаю, что мнѣ дѣлать,—нагнулся Коля къ самому лицу Машки,—слышишь, уѣду я, тяжко мнѣ такъ...

Машка испуганно захлопала покраснѣвшими глазами, а вѣки ея стали пухнуть, и губы вздрогнули.

— Съ другими ходишь... да?—ужъ рѣзко спросилъ Коля.

— Хожу,—едва слышно отвѣтила Машка, закрылась руками.

— И не захворала?

— Н-нѣть... еще...

— Съ кѣмъ?

— Да съ вашими... Сами вы, сами вы кругомъ виноваты! Отъ Бакалова-то, помните, написала я письмо вамъ, помните, а сама ночей не спала, все ждала васъ. Измучилась вся, ждавши, думала: не увижу ужъ. А вечеромъ пришли вы тогда поздно, и съ вами этотъ длинный... Поняла я тогда, сразу поняла все, чего хотите. И горько мнѣ и обидно мнѣ, такъ бы всю грудь разорвала себѣ.

Коля сморщился, ясно вспомнивъ вечеръ, когда привезъ онъ къ Машкѣ Алексѣя Алексѣевича.

— Уйду я,—сказалъ онъ сухимъ голосомъ.

— Богъ съ вами!—Машка сжалась, ушла вся въ свою кофточку, только худенькое лицо ея еще больше зардѣлось.

Гарibalльди поставилъ на столъ еще бутылку.

Коля налилъ себѣ и Машкѣ и, не дожидаясь, **сталъ**
пить.

— Плямка,— сказалъ кто-то,—ты и есть эта **самая**
Плямка, безглазая, паршивая... Плямка.

Машка утерлась рукавомъ и залпомъ хватила стаканъ.

— Навсегда?— спросила она рѣзко не своимъ голосомъ.

— Навсегда,— сказалъ Коля твердо, не взглянувъ на
нее, и еще что - то хотѣлъ онъ сказать ей, чтобы смягчить
рѣзкость свою, но мысли безалаберно мчались, и одна мысль
била другую, и расплывающіеся звуки хмельныхъ голосовъ
изводяще сновали.

А у Машки страшное слово одно выстукивало въ сердцѣ,
выстукивало твердо, безъ пощады. Она не плакала, только
лицо ея какъ будто состарилось, да яркія красныя пятна
вспыхнули на щекахъ, а губы дрожали, словно надъ про-
пастью стояла она, словно сердце ей рѣзали. И вдругъ острая
мысль о завтра будто разсѣкла ее съ головы до ногъ, и
стало ей ясно, что въ ея завтрашнемъ днѣ нѣть ничего, ни
единаго самаго малаго свѣтика. Кофточка на ней затопор-
щилась, будто лопнула. Она схватила Колинъ порожній
стаканъ и хрюснула стаканомъ прямо Колѣ въ лицо.

И стаканъ, скользнувъ по его губамъ, разлетѣлся вдре-
безги.

Коля на минуту видѣлъ лицо Машки, такое вдругъ
большое и страшное. оно мелькнуло на минуту передъ нимъ,
какъ шаръ-молнія, и вѣки его отъ боли захлопнулись.

Машка всѣмъ тѣломъ навалилась на Колю и била его
кулакомъ по глазамъ, по его темнымъ глазамъ, скрываю-
щимъ всю жизнь ея, всю тоску ея, все, все ея сердце. И
кровь жгла ему щеки и губы и ползла по щекамъ и губамъ.

— Ой да бабенка! — гоготали въ пивной за столиками,
и огромные красные рты раздирались отъ хохота.

Гарibalльди подошелъ къ гуслямъ, поправилъ очки,
улыбнулся, взмахнулъ рукой.

И запѣли гусли заунывную широкую пѣсню,—пѣлась пѣсня, выплакивала, выговаривала:

„Мать-сыра земля, я — сынъ твой, не покинь меня!...“

Коля вырвался изъ рукъ Машки, размахнулся и шваркнулъ ее о земль.

И медленно поднялась Машка, сѣла къ столику, покорная, и затихла, и Коля сѣлъ къ столику, закрылся руками.

Капали на столъ капельки крови горячія, расплывались въ пролитомъ пивѣ.

„Мать-сыра земля, я—сынъ твой, не покинь меня!..“—дрожала струна, выплакивала, выговаривала.

И вдругъ задралъ чей-то визгливый, рѣзкій, какъ красный кумачъ, бабій голосъ кабацкую пѣсню:

У нашего кабака
Была яма глубока...

Показалось Колѣ, что закрыты всѣ двери, совсѣмъ на глухо забиты двери, и выйти нельзя. А на сердцѣ будто чьи-то тугіе желѣзные пальцы защемили сердце. Коля открылъ лицо, хотѣлъ сказать Машкѣ, не прощенье просить, а сказать ей, какъ тяжко, и за что такъ невыносимо тяжко, и, проскрипѣвъ неясно голосомъ страннѣмъ, какъ зелень, съ болью, уткнулся въ колѣни Машки и такъ застылъ, весь дрожа.

Какъ во этой-то во ямѣ
Завелись крысы - мыши,
А крысий господинъ
По канату выходилъ...

визжалъ рѣзкій, какъ красный кумачъ, бабій голосъ кабацкую пѣсню.

— Сукина манишка! — дубастиль чей-то барабанный голосъ, разбивая пѣсню,—сукина манишка!—и стучалъ кулакомъ.

— Кой чортъ посмѣль во гусли пѣть, а? Государственными законными правами, слышь, лысый! — кипятился какой-то законникъ.

— Плямка, сволочь... — дружески, необыкновенно ласково упрашивалъ о чёмъ-то пріятель пріятеля.

— Лексѣевъ, отступись... Лексѣевъ... — уговаривалъ задирщикъ тихаго.

— Ужъ сколько разъ я зарекался, давъ эту улицу неходить... — тянулся свое одинокій мутный голосъ, и чьи-то руки бултыхались въ табачномъ дыму.

Гарibalльди улыбался.

И казалось Колѣ, Ѣдкая горечь, желтыми, какъ пиво, мокрицами выползала изъ угловъ, ползла по полу и прямо на него, и какие-то голые уроды, киша подъ лавками, вдругъ выскочили къ столамъ, взялись за руки, и завертѣлись хороводомъ, и хороводъ росъ, сползался, — прыгалъ, сползался, взлеталъ подъ потолокъ грузнымъ пивнымъ тѣломъ и расползся по полу тягучимъ тѣстомъ, — прыгалъ, и, вдругъ закрутившись зубастымъ винтомъ, завертѣлся не хороводъ ужъ, а самъ крысиный господинъ — тошнотворная, гадкая, безглазая плямка. И слезы душили его отъ отчаянія и не проливались, слезы напрягали все сердце и не выходили.

— Колюшка, голубчикъ, Колюшка, дай помогу! — Машка помогла ему встать и, расплатившись, повела его къ двери вонъ изъ пивной.

— Въ монастырѣ звонили къ вечернѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Раненое сердце.

Въ то время, какъ Саша оканчивалъ свои объясненія у Сергія Молчанова и, высказавъ всю правду свою и всю свою тяготу снявъ съ себя, чистый кругомъ и увѣренный, успокоенный собирался домой уходить, въ то время, какъ Коля, чувствовавшій себя кругомъ виноватымъ, и не сдѣлавъ ничего, чтобы распутать узелъ, затянувшійся петлей, засыпалъ тяжелымъ сномъ на кровати у Машки въ ея убогой Бакаловской комнатенкѣ,—въ Огорѣлышевскомъ саду погибалъ Прометей, рабъ Митрій, великий Прометей, солитеръ, служитель при слонѣ, половой съ Зарѣчья, Наполеонъ, не обнаружившій своего величія, не завладѣвшій землями и странами, не покорившій Азію, Африку и Европу. Прометей погибалъ среди бѣла дня одинъ въ неизѣяснимыхъ мукахъ и страданіяхъ великимъ избраникомъ, явившимся въ міръ несовершенный и убогій.

Поднявшись на ноги съ Петей и Женей, когда ужъ прошелъ въ монастырь крестный ходъ и здорово опохмелившись, Прометей поигралъ на своей гармоньѣ, прокри-

чаль себѣ многолѣтіе съ перекатами и, вмѣсто обѣда снова выпивъ, пошелъ въ садъ поразмѣться. И тамъ, въ саду, затѣявъ съ Петей на березѣ чай пить, влѣзъ на крышу сарая, а съ крыши на старую березу, всю одѣтую зелеными сережками, такими душистыми и нѣжными.

Петя вызвался подать Прометею стаканъ чаю на березу и, схватившись за вѣтку, подавая стаканъ, крикнулъ:

— А что, Прометей, вотъ выпьемъ мы чаю на этой березѣ, у насъ, какъ у птицъ, вырастутъ крылья, что тогда?

— Полетимъ! — будто гаркнуль, просипѣль съ березы Прометей и, принявъ стаканъ, залпомъ выпилъ горячаго чаю и вдругъ застылъ весь: сзади спину что-то кололо.

„Не крылья ли ужъ?“ — подумалъ Прометей и, страшась оглянуться, потеръ спину рукою...

Стаканъ выпалъ изъ рукъ Прометея, и въ ужасѣ хотѣлъ Прометей крикнуть Нетю и только скрипѣлъ зубами: одинъ онъ сидѣлъ высоко на старой березѣ, и крылья клейкия, какъ молодые листочки березы, всѣ изъ клейкихъ, зеленыхъ листочковъ и нѣжныхъ сережекъ, огромныя лебяжьи крылья давили ему спину.

„Куда теперь? — метались его обожженныя мысли, — куда ему дѣваться съ этими тяжелыми лебяжьими крыльями? Спуститься съ березы, но тамъ на дворѣ не ступить ему и шагу, затравятъ фабричные, и никуда не выйти ни за ворота, ни въ баню: съ крыльями не пустятъ въ баню, заберутъ въ участокъ, и коричневую праздничную визитку нельзя надѣть и спать невозможно, не уснуть, когда спину давить. Куда жъ ему дѣваться? Летѣть, — куда полетишь? На Ивана Великаго? Или перелетать ему съ колокольни на колокольню? Хорошо еще лѣтомъ, а зимою замерзнешь, на Иванѣ Великомъ замерзнешь, какъ сорока. Куда же ему? Выше летѣть, но тамъ, высоко, тамъ задохнешься, тамъ голова закружится. Ни до какой звѣзды не долетѣть ему, ни до какой планеты, тамъ задохнешься. Да куда же дѣваться

ему, Прометею, единственному крылатому на землѣ, ему, генераль-лейтенанту, генераль-отъ-инфanterіи, наказному атаману Войска Донского, генералиссимусу Дмитрію-Прометею Мирскому? Нѣть ему нигдѣ мѣста!"

А крылья клейкія, какъ молодые листочки березы, всѣ изъ клейкихъ зеленыхъ листковъ и иѣжинныхъ сережекъ, огромныя лебяжки крылья давили ему спину, и спина ныла отъ боли, и мутлилось въ глазахъ: нѣть ему нигдѣ мѣста!

— Маменька, спасите меня!—Прометей перекрестился и полетѣлъ, полетѣлъ съ березы прямо въ прудъ.

Прошло съ часть, пока не хватились Прометея.

Въ монастырѣ кончали звонить къ вечернѣй, когда вышла Прасковья въ садъ Митю покликать чай пить, да такъ у калитки и подкосило ее: въ пруду у плотника, стоя, съ разинутымъ рыбьимъ ртомъ, плылъ мертвымъ поплавкомъ захлебнувшійся Прометей съ вѣткою березы за плечами и не откликался, не могъ откликнуться—мертвый.

Ничего не зналъ Коля, онъ не зналъ, что дѣжалось въ ихъ красномъ флигелѣ, и что ужъ нѣтъ на свѣтѣ Прометея, что увезли Прометея въ больницу для вскрытия, и также не зналъ онъ, что его самого ждеть завтра, когда вечеромъ, проспавшись, шелъ онъ отъ Маники, глубоко вдыхая теплоту вечернюю.

Вѣялъ вечеръ весенний, голубыми воздухами любовно пеленалъ весеннюю красную землю. Тысячи толкачиковъ толклись, теребя долгій ласковый лучъ, уходящій, засыпающій на ночь.

Дойдя до монастыря, Коля повернулъ на бульваръ и медленно пошелъ по боковой аллеѣ, хоронясь и надвигая на глаза шляпу: саднило щеки, а прикушенный языкъ то и дѣло лизалъ кусочекъ отсѣченной, мѣщающей губы.

Коля то обвинялъ кого-то, то передъ кѣмъ-то оправдывался и, оправдываясь, залѣзалъ въ такія дебри, откуда выхода никакого не было: всѣ были правы и нечего

оправдываться! — и начиналъ травить и унижать себя, а унижая, жалѣлъ себя и опять оправдывался. Наконецъ всѣ мысли его оборвались, и онъ пересталъ думать, только чувствовалъ, какъ спина и ноги его ноютъ, а голова тяжелѣетъ, словно несетъ онъ на плечахъ тяжелый пудъ.

И бездумно Коля вышелъ на главную аллею, но, и шагу не сдѣлавъ, хотѣль было повернуть въ сторону: навстрѣчу ему шелъ Алексѣй Алексѣевичъ. Коля схватился застегиваться, а пришитая не на мѣстѣ пуговица только отдула полу, и бросилъ онъ пуговицу, все равно, да и поздно: Алексѣй Алексѣевичъ столкнулся съ нимъ носъ къ носу.

Молча взглянули другъ на друга, не поздоровались, молча пошли они рядомъ.

— Что случилось? — испугался Коля: у Алексѣя Алексѣевича руки болтались, какъ плети.

Но отвѣта не было.

И такъ шли они молча по главной аллѣѣ, не глядѣли другъ на друга и не расходились, словно кто-то третій шелъ съ ними, сковывалъ своими руками ихъ руки.

— Сергѣй-брать зарѣзался, — проговорилъ вдругъ Алексѣй Алексѣевичъ и улыбнулся, — въ отхожемъ мѣстѣ перочиннымъ ножичкомъ.

— А гдѣ Саша? — оступился Коля, холодныя, какъ ледяшки, всѣ слова застрыяли.

— Крови такъ пустяки, на ладошкѣ унесешь... — Алексѣй Алексѣевичъ согнулъ руку совочкомъ, и понесъ ее передъ собой, не разжимая пальцевъ.

И опять шли они молча, шли неровно, то торопясь, то замедляя.

Нарастающая вода разливалась половодьемъ, — подплывала Синичка къ Огорѣлышевскому пруду.

Мелькнулъ красный флигель, красный заборъ, вотъ и ворота.

„Ворота отворены!“—кошкой цара пнуло въ сердцѣ, и Коля пустился бѣжать, словно отворенные ворота дали знакъ его сердцу. И добѣжалъ онъ до воротъ и по сырому двору, по перекрестнымъ слѣдамъ отъ колесъ бросился на черный ходъ.

На кухонномъ столѣ горой подымались подушки и одѣяло Сапи.

— Извѣстное дѣло, изъ тюрьмы въ Петербургъ перевезутъ въ Петропавловку...—сказалъ городовой Максимчукъ и виновато обернулся къ Колю.

— Братца вашего, Сашу, такъ ей-Богу, одинъ грѣхъ на Пасху...

— Ваша милость, никто другой!—ворчала Арина Семеновна-Эрихъ, поводя носомъ,—всѣхъ вѣсъ повѣсить мало.

— Я тебѣ говорю, ты подушку сейчасъ же отправь, я тебѣ говорю, Максимчукъ!—голосъ Пети калпей долбилъ, уши у него горѣли.

Розикъ, заглядывая въ глаза, стоялъ на заднихъ лапкахъ—служилъ, Розикъ служилъ, и глаза его плакали, словно просили, какъ о крохотномъ какомъ-то завалящемъ кусочкѣ сахара, ну хоть о калпѣ милосердія.

Прасковья сидѣла на Степанидиной кровати: обезножила отъ горя:

— Митя, Митенька,—повторяла Прасковья, — погубилъ ты свою голову, Свѣтло-Христово Воскресеніе!

— Прометей утонулъ!—сказалъ Женя: надѣ бровью у него дергалось.

— А Филиппка сызнова по статьѣ законовъ! Филиппокъ-то говорить мнѣ: мамынька...—и вдругъ, засучивъ рукава, закричала богоbezненная Степанида, и темный платокъ спустился съ ея головы,—шпульники вы, проклятые, доберутся до вѣсъ окаянныхъ, доберутся до вѣсъ, изверговъ, просить будете, нѣтъ, не будетъ пощады, шиломъ брюхо проколютъ, выворотятъ!—и зарыдала на голосъ.

— Сашу въ тюрьму увезли, и не обѣдалъ, увезли въ каретѣ,—сказалъ Женя: надѣ бровью у него дергалось.

— Перочиннымъ ножичкомъ... крови такъ пустяки, на ладошкѣ унесешь!—услышалъ Коля голосъ Алексѣя Алексѣевича и бросился изъ дома.

Коля бросился изъ дома за ворота, на улицу, словно кто-то гналъ его бѣжать безъ оглядки, куда глаза глядятъ.

Онъ чувствовалъ, какъ ноги несутъ его, онъ слышалъ, какъ никогда еще такъ ясно не слышалъ каждый звукъ, кажется, ни одного звука не проронилъ онъ.

Свистки на желѣзной дорогѣ и звонъ часовъ, и дребезжаніе пролетокъ, и гулъ отдаленныхъ колоколовъ, все навязчиво лѣзло, будто пряча что-то, будто скрывая отъ него самое главное.

На запотѣвшихъ окнахъ Сухоплатовскаго освѣщеніаго дома, подъ чуть слышную музыку, прыгали тѣни.

„Танцуютъ“—подумалъ Коля,—они не знаютъ! Кто же знаетъ! Кто видитъ?

Кровь вскипала у него на сердцѣ, каждая кровинка, испаряясь, ложилась иглой на сердце, каждая кровинка колола сердце—черное, посинѣвшее отъ боли сердце, и тоска, какъ кровь изъ смертельной раны, хлынула на него.

Коля добѣжалъ до монастырской горы и, цапаясь и падая, вскарабкался на монастырскую гору, пошелъ къ оградѣ къ башенкѣ, къ каменной лягушкѣ.

Меркло зеленоватое затихшее небо. Зеленый мѣсяцъ тихо взбирался на ограду вверхъ къ колокольнѣ. А внизу гудѣла, плескалась поднявшаяся Синичка, гудѣла, ворчала, выводила одно и то же свое рѣчное, полноводное.

Каменная лягушка шевелила безобразными перепончатыми лапами. Вздувалось ея бѣлое каменное брюхо.

Сгорбившись, прошелъ Алексѣй Алексѣевичъ съ согнутою совочкомъ рукой, весь зеленый, улыбался.

Вдругъ со страшной высоты, словно грохнулись на Колю все колокола—ударили часы, и каждый, выбиваемый часъ билъ его, и онъ повалился на землю, обнялъ лягушку и ударился головой о холодный камень, и бѣлыя колкія искры, взорвавъ тьму, разлились въ глазахъ.

Съ неизъяснимой радостью Коля бился лбомъ о камень, бился крѣпко и больно.

Казалось ему, прощается онъ со свѣтомъ, безрадостнымъ, надругавшимся надъ нимъ, ранившимъ его дѣтское сердце, прощается со свѣтомъ, безрадостнымъ, искровянившимъ его тѣло, исполосовавшимъ всю его душу, прощается съ тѣми, кого такъ крѣпко любилъ и кого не любилъ вовсе, и просить простить за всѣ слезы, за всю муку ради его мукъ...

Каменная лягушка шевелила безобразными перепончатыми лапами, вздувалось ея бѣлое каменное тѣло, а съ красной, ржавой коростою покрытой, пасти слетала шелуха, и выступало измученное лицо человѣка.

И плакало сердце, тихо, какъ плачутъ одинокіе, у которыхъ отнимаютъ послѣднюю надежду, какъ плачутъ оклеветанные, у которыхъ нѣть защиты, какъ плачутъ бессильные передъ судьбою, которыми крутить и вертить судьба, не слышить ихъ жалобъ и слышать не想要, какъ плачетъ нѣжное сердце въ мірѣ грубомъ огрубѣлыхъ сердецъ.

Коля медленно поднялся съ земли.

Рѣка не бурлила, трава не росла и часы не ходили, только встревоженные стрижи чуть зазвенѣли, перенося молитвы, да красный благословляющій огонекъ теплился въ окнѣ башенки у старца, а надъ башенкой стоялъ зеленый мѣсяцъ.

Коля отступилъ на шагъ, и вдругъ блеснувшая мысль перехватила дыханіе,—онъ быстро нагнулся, пошарилъ по землѣ, нашупалъ голышъ, зажалъ его въ кулакѣ и, отсту-

пивъ еще на шагъ, прицѣлился, развернулся и бацинулъ камнемъ въ красный благословляющій огонекъ.

Свистнулъ камень, звякнуль въ окошкѣ,—огонекъ метнулся, затрепеталъ и канулъ, красный огонекъ погасъ.

Коля постоялъ минуту, посмотрѣлъ на темное окошко, и, не оглядываясь, твердо пошелъ отъ ограды начинать свою новую жизнь.

А тамъ на Огорѣлышевскомъ дворѣ въ бѣломъ Огорѣлышевскомъ домѣ уже рѣшена была судьба его. Послѣднее терпѣніе лопнуло у Арсенія: что ему еще дѣлать, какъ поступить, да такъ, видно, и поступить—завтра же выгнать Финогеновыхъ изъ ихъ краснаго флигеля, чтобы и духа ихъ не было на дворѣ, пускай, какъ знаютъ, такъ и живутъ. И ужъ отдано было приказаніе, завтра же очистить красный флигель.

А тамъ Синичка, сливаясь съ Огорѣлышевскимъ прудомъ, подплывала къ красному флигелю и гремѣла полноводная, выводила одно и то же свое рѣчное, полноводное, покрывала оттаявшую землю, такую непонятную, съ ея неразгаданной непостижимой жизнью.

А тамъ, на ржавомъ гвоздѣ затопленнаго Огорѣлышевскаго забора, отдѣлявшаго Синичку отъ пруда, что-то сѣрѣло въ зеленоватой лунной ночи — одинъ изъ бѣсовъ, бѣсенокъ съ лицомъ неподкупной и негодующей человѣческой честности и справедливости, по-кошачи длинно вытянувъ вверхъ ногу, горько и криво смеялся закрытыми губами.

Онъ-то зналъ, и на какую новую жизнь вышелъ Коля и зачѣмъ Арсеній велѣлъ выгнать Финогеновыхъ, выгнать, какъ въ погоду собаку на улицу, и зачѣмъ все горе человѣческое, отъ которого камень-кремень трескается, зачѣмъ злая судьбина, бѣда, не-доля, и зачѣмъ одни обречены ей, а другие свободны? Да зналъ ли онъ? И кто онъ—демонъ, одинъ ли изъ бѣсовъ или просто бѣсенокъ? И демонъ, и бѣсь, и бѣсенокъ, онъ зналъ и горько и криво смеялся съ сжатыми губами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Бѣсы служатъ ему.

Отъ Камушки до Чугунно-литейного завода и отъ Колбовского сада до Синички на Огорѣлышевской землѣ и безъ Финогеновыхъ—безъ Александра, безъ Петра, безъ Евгения и Николая шла жизнь по-своему, словно Финогеновыхъ никогда и никто не видалъ на дворѣ, шла жизнь по строго установленному английскому порядку, втиснутая разъя-на-всегда въ крѣпкую огорѣлышевскую оправу.

На Огорѣлышевскомъ дворѣ со смерти Вареньки ужъ больше никакого бунта не повторялось, и Прохоръ, слесарь, замѣнившій Павла Пашкова, баламутчикъ и смутьянъ, съ годъ, какъ сидѣлъ въ новой тюрьмѣ за Боголюбовы монастыремъ у заставы.

Кузьму, дворника финогеновскаго, бѣлы мѣдварникомъ въ бѣлый Огорѣлышевскій домъ перевели, а на его мѣсто къ красному Финогеновскому опустѣвшему флигелю Егора-Смѣхоту поставили, племянника Душки-Анисы, Андрею-Воробью, управляющему, дали золотую медаль и почетное гражданство за преданную вѣрную службу.

Игнатій Огорѣлышевъ—Игнатій Николаевичъ попрежнему смотрѣлъ за фабрикой, отдавая свой большой досугъ благотворительности и садоводству, Ника—Никита Николаевичъ былъ все также миль и все также занятъ и приемами и гостями, способствуя сліянію сословій, какъ самъ любилъ поразсказать о себѣ въ свой довольный стихъ. Сеня Огорѣлышевъ, уже директоръ Огорѣлышевскаго банка, былъ, какъ нельзя лучше, на своемъ мѣстѣ, подписывалъ бумаги съ росчеркомъ, подражая отцу, и задумывалъ жениться.

Старѣлъ Арсеній, но, кажется, съ годами, еще больше кипѣло въ немъ. Весь въ дѣлахъ, онъ все торопился, все беспокоился, хотѣлъ все самъ осуществить и по-своему. И чувствуя постоянно, что времени нѣть, а надо много времени, чтобы все самому успѣть сдѣлать, потому что кто же сумѣеть сдѣлать лучше его, онъ отрывалъ отъ себя свои послѣднія минуты отдыха.

Прежде, два раза въ годъ—передъ Рождествомъ и Пасхой ходилъ Арсеній въ Синичкинскія бани, теперь же только передъ Пасхой. И въ этотъ банный день съ утра ужъ вставалъ онъ такимъ злымъ и такимъ неприступнымъ, не дай Богъ попасться! Какъ русскій человѣкъ, онъ любилъ баню, но вотъ и на любимую баню жалко ему стало времени.

Обтрепанный, въ старомъ засаленномъ сюртукѣ, нечесаный, съ кое-какъ подстриженной бородой, щетинистый весь и колючій—не Огорѣлышевъ, а жуликъ какой-то, Арсеній давалъ поводъ къ всевозможнымъ полицейскимъ недоразумѣніямъ: то околодочный изъ новичковъ въ церковь его не пропустить, то городовой окрикнетъ. Околодочный и городовой на другой же день полетятъ съ мѣста, а приставу—выговоръ.

Во всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ учрежденіяхъ, въ конторахъ и банкахъ, во главѣ которыхъ стоялъ Арсе-

ний, служащие ходили обтрепанные и замызганные. Судя по себѣ, Арсеній не могъ допустить, чтобы человѣку, занятому дѣлами, а вѣдь только дѣломъ должны были заниматься, было бы еще время думать о какомъ-нибудь галстукѣ, и чуть кто показывался ему наряднымъ, тому онъ ставилъ это на видъ.

Въ гости, не по дѣлу, впрочемъ, по дѣлу не онъ, а къ нему приходили, Арсеній появлялся рѣдко. И всякий разъ когда входилъ онъ куда-нибудь на вечеръ къ родственникамъ, ужъ непремѣнно напускалъ такого страха, что разстраивался весь вечеръ. Ему, конечно, страннымъ казалось, что можетъ кто-то танцевать, смѣяться или просто разговаривать о пустякахъ. И кончалось тѣмъ, что, выругавъ кого-нибудь и притомъ такъ, зря, недовольный уходилъ онъ домой и всегда такъ торопился, словно въ домѣ его начинался пожаръ.

Въ голосѣ его, и безъ того какомъ-то кошачьемъ, появился новый звенище звукъ, ужъ самымъ простымъ словомъ оскорбляющій болынѣе всякаго грубаго, всякаго позорящаго имени, а въ сердцѣ его открылась ужасающая беспощадность: ты проси его сколько хочешь, ты плачь, ты умрай, ничего не подѣйствуетъ—что поставилъ, то и сдѣлаетъ, какъ сказалъ, такъ и будетъ. И весь онъ вздрогивалъ, словно судорога, не отпуская, бѣгала по немъ, да и какъ ей не бѣгать! И все оттого, что сидѣлъ, онъ, Богъ знаетъ, до котораго часа, и вставалъ рано, раньше всѣхъ, и оттого, что дѣла заняли все въ немъ, и время и всю его душу. Конечно, недаромъ не спалъ онъ ночей, недаромъ такъ вздрагивалъ,—городъ приходилъ въ славу, городъ богатѣль, городъ строился на славу городамъ.

„При Петрѣ Великомъ быть бы Арсенію первымъ министромъ!“—говаривали купцы, посмѣшиваясь надъ нищедушемъ, убожествомъ и продажностью современниковъ.

Недовольныхъ Арсеніемъ не было, были оскорблени-
и такихъ много было, дошедшихъ до послѣдняго уни-
женія и въ обидѣ своей до послѣдней терпѣлиности—выгнан-
ные съ мѣста служащіе, всякие артельщики, конторщики. И
удивительное дѣло, какъ только онъ живъ ходилъ, какъ его
не уконошили? На князя было покушеніе, стрѣлялъ какой-
то изъ Молчановской компаніи, но на Огорѣлышева, ну хоть
бы какое искусственное, для выслуги? А пожалуй все дѣло
очень просто: надо было обладать не меньшей силой, чтобы,
встрѣтясь лицомъ къ лицу, вынести прежде всего этотъ
звенящій уничтожающій звукъ его голоса и не потеряться,
не задрожать, не выронить ножа.

Темные люди и простые, вѣровавши всѣмъ сердцемъ
своимъ, что старцу Боголюбовскому о. Глѣбу бѣсы пови-
нуются, не разъ поговаривали, косясь на бѣлый Огорѣлы-
шевскій домъ, что Арсенію бѣсы служатъ.

И пожалуй были правы: такъ успѣвать во всемъ, какъ
успѣвалъ Арсеній, дѣлать столько, сколько дѣлалъ Арсе-
ній, что хотите, тутъ и въ бѣсовъ повѣруешь, одному че-
ловѣку гдѣжъ справиться? Все одинъ, все самъ, все по
своему, и только совсѣмъ недавно въ дѣлѣ его нашелся
ему помощникъ, и кто же?—вѣрить не хотѣли,—Александръ
Финогеновъ.

На четвертый день Пасхи, когда вечеромъ стало из-
вестно Огорѣлышеву, что утонулъ Прометей и Александра
въ тюрьму забрали, судьба Финогеновыхъ была рѣшена и
на пятый день въ четвергъ Финогеновыхъ выгнали изъ
краснаго ихъ флигеля. Черезъ Андрея управляющаго было
передано Финогеновымъ, чтобы немедленно очистили они помѣ-
щеніе.

„Съ вами еще и тебя заберутъ!“—оправдывалъ Андрей
свое тяжелое порученіе.

Куда было дѣваться Финогеновымъ? Степанида къ до-
чери своей Авдотьѣ-Свистухѣ въ деревню уѣхала, Арина

Семеновна-Эрихъ въ свою богадѣльню ушла, Прасковья пока что, тоже до какой-нибудь богадѣльни, у Душки-Анисьи пріотилась, а имъ куда, куда пріотиться? Да куда же — Бакаловъ домъ подъ рукой: взяли они съ собой только самое необходимое, взяли Розика и переехали въ Бакаловъ домъ и по одной лѣстницѣ съ Машкой Пашковой комнату себѣ наняли.

Одинъ Евгений получалъ жалованье, на это и должны были жить. Петръ благополучно выдержалъ всѣ экзамены и въ университете поступилъ. На университете надобились деньги и, какъ нарочно, ни у Петра, ни у Николая, какъ ни искали, первое время не находилось никакого даже самаго дешеваго урока. Только съ осени Николай нашелъ себѣ занятія.

Въ пивной у Гарибальди, куда по субботамъ вмѣсто всенощной заходили Финогеновы, столкнула судьба Николая съ Мишкой Сухоплатовымъ, одноклассникомъ, съ которымъ Николай кончилъ Огорѣлышевское училище. Мишка Сухоплатовъ принадлежалъ къ кутящей молодежи и, озорства ради, послѣ всякихъ цыганокъ и шампанского, доканчивалъ свой хмельной вечеръ въ пивной. Пьяный человѣкъ — чувствительный, расчувствовался Сухоплатовъ подъ гарибальдійскія гусли, самъ подошелъ къ Николаю старое вспомнить объ училищѣ и, узнавъ отъ Николая о его жизни, вызвался ему помочь.

Николай въ своей новой-то жизни дошелъ ужъ до той потеряности, когда самого себя жалко становится: и бездѣлье мучило, и нищета доканала, хоть пропадай или иди къ Огорѣлышеву, проси мѣсто въ банкѣ, и предложеніе Сухоплатова было ему очень на руку и нисколько не унизительно — Сухоплатовъ самъ вызвался!

Мишка оказался вовсе не такой разгильдяй, какимъ въ пивной представился, дѣловитости въ немъ было, не занимать статъ, и работы навалилъ онъ на Николая, знай только

работай, и очень задешево. Николай приходилъ къ Сухоплатовы́мъ по вечерамъ и часто до поздней ночи сидѣлъ, не разгибаясь, за счетами.

Сначала-то, весь отдаваясь потерянности своей, Николай нашелъ себѣ до боли разражающее удовольствіе корпѣть надъ сухоплатовскимъ дѣломъ: до боли пріятное что-то чувствовалъ онъ въ сознаніи своемъ, что вотъ онъ, Николай Финогеновъ, сидитъ за какія-то копѣйки у Мишки, у котораго и лицо-то лошадиное, на плевокъ просится, а онъ, Николай Финогеновъ, знающій столько, что Мишка никогда не допрыгнуть до него, не только не плюетъ, а покорно высиживаетъ часъ за часомъ, слушаетъ Мишкины замѣчанія, слушается Мишку, какъ старшаго. Но потомъ и совсѣмъ незамѣтно все перевернулось: Николай готовъ былъ еще больше дѣлать для Сухоплатова и гораздо меныше получать за работу. Таня Сухоплатова, сестра Мишки, которую когда-то на Огорѣльшевской серебряной свадьбѣ Николаю Александрѣ показалъ, вотъ въ комъ все дѣло, вся причина.

И все вышло у него изъ головы, всѣ Бакаловскія будни, все ушло изъ его сердца. Какая Маша?—И какъ это давно было, смѣшно и вспомнить! Какая Вѣрочка?—Да была ли она, не приснилась ли? И никакой Маргаритки никогда не было, а была всегда одна единственная, одна Таня.

Когда Коля влюбленъ былъ въ Вѣрочку, онъ не забывалъ и Машу, когда онъ влюбился въ Маргаритку, онъ вспоминаль и Машу и Вѣрочку, онъ какъ-то дѣлилъ ихъ трехъ, но теперь одной и нераздѣльной была для него Таня, теперь ему казалось, что только теперь начинается его настоящая новая жизнь.

Такъ прошла зима. Съ Таней Николай встрѣчался за работой: Таня входила въ комнату брата подъ какимъ-нибудь пустяковскимъ предлогомъ и оставалась подолгу. Объясненій между ними не было: такъ само собою вышло и

безъ всякихъ словъ. Въ гости къ Сухоплатовымъ Николая не приглашали и только всего одинъ разъ въ свои именины позывалъ его Мишка. Кромѣ пиджака, отъ которого несло стеариномъ, у Николая ничего парадного не было, и онъ нарядился въ студенческій мундиръ, у Петра взялъ на вечеръ, и чувствовалъ себя очень неловко. Къ его несчастью на именинахъ оказался двоюродный братъ Сухоплатова, студентъ настоящій, и было ужъ совсѣмъ неловко. А какая ревность мучила Николая, когда Таня нарядная входила къ брату, чтобы ѿхать на балъ или въ театръ! Ни въ театръ, ни на балъ, куда ужъ ему! И ревность и какая зависть, и отчаяніе, и упрямство: онъ добьется своего—будетъ и его время.

На Пасху выпустили изъ тюрмы Александра. Въ Бакаловскомъ домѣ Александръ и недѣли не прожилъ. Скоро послѣ свиданія съ Арсеніемъ, который его вызвалъ къ себѣ для объясненій, получилъ Александръ мѣсто въ банкѣ, сдѣлался секретаремъ Арсенія и ушелъ отъ братьевъ. Дѣло Александра осталось безъ всякихъ послѣдствій, много этому содѣйствовалъ, какъ говорили по городу, самъ Арсеній.

Весной Сухоплатовы уѣхали въ свое подгороднее имѣніе, и Николай ужъ больше не видалъ Таню. А занятія у Мишки продолжались. Нѣсколько разъ Николай встрѣтился у Сухоплатова съ Александромъ. Передъ Александромъ Мишка заискивалъ, а изъ ихъ разговора оказалось, что Александръ бываетъ у Сухоплатовыхъ, знаетъ всю семью и Таню. Николай, дѣлая видъ, что занятъ счетами, особенно прислушивался, когда разговоръ касался Тани, и ему всякий разъ казалось, что Александръ какъ-то непріязненно смотрѣть въ его сторону, и еще замѣтилъ онъ, что Александру просто стыдно за него.

Осенью, когда Сухоплатовы опять вернулись въ городъ, Николай не нашелъ въ Танѣ никакой перемѣны, только она много разспрашивала его объ Александрѣ, и изъ ея разспро-

совать Николай понялъ, что Александръ имѣеть на нее какіе-то виды и, кажется, къ удовольствію и съ одобреніемъ всей семьи. Но сама Таня не придавала этому никакого значенія и, когда Николай высказалъ свои предположенія, просто слышать ничего не захотѣла и даже просила больше никогда, никогда не касаться этого вопроса: замужъ за Александра она никогда не выйдетъ. Это Николая страшно подняло и ходилъ онъ, какъ въ чаду. Какъ онъ тогда счета всѣ не перепуталъ, надо диву даваться. А кромѣ того, съ первымъ ненастiemъ Машка померла и, словно крестъ у него съ шеи свалился,—теперь ужъ никто не будетъ стоять надъ его душой. И въ заключеніи всего вдругъ вызвалъ его самъ Огорѣлышевъ. Было большое искушеніе не итти, отказаться, но все-таки Николай пошелъ. О службѣ въ банкѣ, чего такъ боялся Николай, ни слова не было сказано.

— Будешь ты заниматься дѣломъ?—спросилъ Арсеній.

— Я сдамъ экзаменъ и въ университетъ поступлю, — отвѣтилъ Николай.

— Можно и безъ экзамена, поступай слушателемъ, занимайся финансовымъ правомъ, а со временемъ мы тебя отправимъ за границу на нашъ счетъ...

— Я не хочу!—рѣзко сказалъ Николай и повернулся.

— Что?—ужъ кошкой ощетинился Арсеній и, не дожидаясь отвѣта, взвизгнулъ по-своему,—свинья!

И этотъ послѣдній визгъ, одинъ этотъ звенящій звукъ огорѣлышевскаго голоса, словно пронзилъ Николая насквозь, и провожалъ далеко за ворота до самого Бакаловскаго дома.

На другой день Сухоплатовъ отказалъ Николаю отъ работы. И сразу все рухнуло. Гдѣ ему видѣть теперь Таню? И сколько бы онъ далъ за то только, чтобы вернуть, ну хоть лѣто, когда онъ, и не видя ее, высчитывалъ день ея возвращенія, надѣясь, мечталъ о свиданіи. Все кончилось. Ему оставалось выслѣживать ее, хоронится подъ воротами,

или подъ дождемъ зябнуть у фонаря въ переулкѣ, и то чтобы только мелькомъ взглянуть и уйти. Но судьба рѣшила все по-своему. Случай вывелъ Николая изъ его отчаяннаго униженія.

Въ полугодовщину какого-то произвола, какъ гласило воззваніе, на сорочины какой-то ходынки—такова ужъ жизнь наша, наша Россія, буйная вѣтры гуляютъ по ней и безъ ходынки не обходится дѣло, назначена была студенческая демонстрація. Петръ, хоть и вышелъ изъ университета и служилъ въ театрѣ на маленькихъ роляхъ, а непремѣнно рѣшилъ ити на эту демонстрацію, Николай сначала не хотѣлъ, но потомъ, какъ когда-то въ крестный ходъ, и его потянуло. Пошелъ Николай съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ только посмотретьъ, попалъ въ самую толчею и загнали его вмѣстѣ съ другими въ манежъ, а изъ манежа въ участокъ, а изъ участка въ тюрьму—въ новую тюрьму за заставу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сто усовъ—сто носовъ.

Николая сунули въ камеру.

— Вотъ вамъ парашка, а вотъ кровать!—сказалъ тюремный надзиратель и, громыхнувъ ключами, вышелъ.

И растерянно звякнувъ, защелкнулся замокъ двери, замеръ стукъ ключей и топотъ уползающихъ шаговъ надзирателя.

Николай остался одинъ.

И стало ему одиноко,—такъ не чувствовалъ онъ себя одиноко ни даже тамъ, въ участкѣ, гдѣ въ тѣснотѣ и толкотнѣ, скorchившись, сидѣлъ онъ одинъ въ своемъ порыжѣломъ узкомъ драповомъ пальто, одинъ не студентъ среди студентовъ и слышалъ, какъ шептались вокругъ, называли его шпіономъ, и видѣлъ, какъ показывали на него, смотрѣли злыми глазами, ни дорогой на извозчикѣ обѣ-бокъ съ городовымъ, такимъ жалкимъ и зябкимъ, опасливо посматривающимъ на своего сосѣда, который вотъ-вотъ убѣжитъ.

Стѣны бѣлны - бѣлны, отъ лампы блестятъ, будто тертымъ стекломъ усыпаны.

Смятый тюфякъ и подушка съ узкой кровати ползали въ глаза, и казалось ему, шевелилось это съroe мѣсиво, тряслись лохмотья, какъ студень, по кусочкамъ расползались, и лечь было страшно, но онъ подавилъ въ себѣ омерзеніе, повалился, не раздѣваясь, и въ пальто, и въ калошахъ, и въ шапкѣ, и сразу заснулъ.

Было невыносимо жарко, когда Николай очнулся.

«Да это банный номеръ!» — рѣшилъ онъ вдругъ спросоня и обрадовался.

— О. Гавріиль, а Гаврила, гдѣ ты? — покликалъ Николай запекшимися губами.

А въ камерѣ было тихо и одиноко. Подъ потолкомъ сторожила брюзжащая лампочка.

Стѣны бѣлыя бѣлыя, отъ лампы блестятъ, будто тертымъ стекломъ усыпаны.

Николай снялъ пальто, калоши и шапку и опять завалился, и только-что закрылъ глаза, какъ явь и сонъ перемѣшились въ его тяжеломъ снѣ.

Ему представилась биткомъ набитая площадь, та самая, гдѣ остановили казаки демонстрацію. Крикъ рѣзко раздиралъ гулъ и гомонъ толпы. Какія-то ракитичные большеголовыя дѣти цѣплялись скрюченными блѣдными пальцами за подолъ женщинъ и выли, какъ воютъ дѣти, выплакавъ всѣ свои слезы. А онъ будто стоитъ въ толпѣ среди воющихъ дѣтей и ужаснувшихся женщинъ, и ждетъ чего-то, необыкновеннаго, что должно непремѣнно притти изъ-за домовъ и соборовъ, и кажется ему, всѣ этого ждутъ, и дѣти ждутъ, и потому воютъ.

Была облачная лунная ночь. Лунныя тучи кутали небо сочащейся зеленью.

Какъ захотѣлось ему умереть, сгинуть совсѣмъ, не быть на землѣ, какой желанной представилась ему смерть, уводящая съ этой биткомъ набитой площади, тихая среди воя и крика, спокойная, среди тревоги и давки!

И вдругъ вся живая движущаяся площадь на минуту словно окоченѣла, замерли крики, затихъ вой, и самъ онъ почувствовалъ, какъ ноги его будто приросли къ землѣ: то необыкновенное, чего такъ ждали, что должно было непремѣнно притти изъ-за домовъ и соборовъ, наконецъ, наступило. И вотъ нечеловѣческій вопль, какъ смертельная вѣсть, пронесся изъ устъ и, словно вѣрнымъ серпомъ обогнувъ площадь, острымъ жаломъ рѣзнулъ ея всколыхнувшуюся грудь: черные руки, такія длинныя, беспомощныя, взмахнулись надъ головами, черный дождь жужжащихъ казацкихъ нагаекъ взвизгнулъ и шумно и дико запѣлъ, такъ поетъ въ раскаленной степи пожаръ ковыля.

А онъ будто стоитъ среди побоища покорно и ждетъ своей очереди: какъ хотѣлось ему умереть, какой желанной представилась ему смерть!

Какой-то здоровый парень казакъ, перегнувшись съ сѣдла, хлесталъ по спинѣ полуобнаженную женщину. И онъ видить, какъ отъ стыда и боли изгибается ея спина, и проступаютъ по тѣлу отъ хлесткихъ ударовъ полоски красныя, синія, черныя, а руки ея отчаянно ломаются въ воздухѣ, словно хватаются за что-то въ воздухѣ.

Это Таня кричитъ:

«Спаси меня!»

А рядомъ съ ней выбиваетъ горохъ на игрушечномъ барабанѣ о. Глѣбъ, Боголюбовскій старецъ: схима его сблизилась набекрень, какъ казацкая шапка, пьяный онъ совсѣмъ, и губы кровью вымазаны, и на губахъ улыбка Ники Огорѣлышева:

„La donna è mobile, qual рiusto al vento!“

Николай вскочилъ, какъ ужаленный.

Форточка двери была открыта, въ нее глядѣлъ надзиратель, помахивалъ синей тетрадкой.

— Выписочку, — слашаво повторялъ надзиратель, — на завтра напишите, выписочку, что надобится въ лавку.

Николай подошел къ двери, взялъ тетрадку: что жь ему выписать?

— Чаю и сахару,—подсказалъ надзиратель.

И когда все было написано, и синяя тетрадка мелькнула въ форточкѣ, и форточка двери захлопнулась, Николай опять остался одинъ въ своей камерѣ.

Стѣны бѣлыя-бѣлыя, отъ лампы блестятъ, будто тертымъ стекломъ усыпаны.

Было невыносимо холодно: зубъ на зубъ не попадалъ, и онъ снова надѣлъ пальто, калоши и шапку и сталъходить по камерѣ.

Въ жужжащей тишинѣ слышались ему отдѣльныя слова, обрывки цѣлыхъ фразъ, и совсѣмъ недавнія и какія-то давнишнія, забытныя. До мельчайшихъ подробностей возстановилъ онъ прожитый день, перебралъ каждый шагъ съ самаго утра: какъ всталъ, и какъ умылся, и какъ чай пиль, и какъ вышелъ изъ дому, и какъ встрѣтилъ на бульварѣ Алексея Алексѣевича и всю демонстрацію до манежа и послѣ манежа въ участкѣ, и досадовалъ, что произошло все такъ несуразно, и горячился, хотѣлъ бы теперь повернуть весь день и по другому все сдѣлать.

Щелкнулъ волчекъ надъ форточкой двери,—мелькнуль глазъ надзирателя и скрылся.

И съ залежаннаго тюфяка и съ взбитой комомъ подушки глянула на Николая какая-то постылость и покорность. И вся жизнь показалась ему такой ненужной,—ни одного бѣлага лучика,—вся жизнь показалась ему невѣрной, и червями выползали изъ всѣхъ лицъ, и такихъ безупречныхъ, грязь и гадость, и выступали откровенно и нагло позорящіе человѣческую душу поступки и мысли.

За окномъ выль вѣтеръ и тупо и скучно дышалъ свомъ холодомъ въ самое ухо.

„Какіе они глупые, сочли меня за шпиона, потому что я не въ студенческой шинели, только потому. А Петра, долж-

но быть, не взяли и Алексея Алексеевича тоже. Ну слава Богу, пускай себѣ на волѣ ходятъ!“—Николай снова прілегъ на кровать и согрѣлся.

По трубѣ паръ пустили, и стало теплѣе. Сталъ Николай дремать и въ дрѣмѣ казалось ему, будто не паръ въ трубѣ, а великанъ бѣжалъ на огромныхъ ногахъ по потолку, добѣгалъ до его изголовья, заглядывалъ ему въ лицо и, ухая, бросался опять въ потолокъ, а за нимъ другой, а за другимъ третій. Такъ и заснулъ.

И представилось ему, Ѣдетъ онъ будто въ вагонѣ, и буфера у вагона трутся и все будто приговариваются припѣвъ непристойной пѣсни: Сто усовъ—сто носовъ! Лавки и полки вагона сплошь кулями заставлены, а въ куляхъ что-то живое ворочается, не то мыши, не то какіе-то лягушата поганые, а припѣвъ до тошноты изводиль. сто усовъ—сто носовъ! И онъ мечется по вагону, какъ шпареная крыса въ мышеловкѣ, а выскочить не можетъ,—не умѣеть дверь отворить, а кульки ужъ едва держатся на полкахъ, такъ и движутся, вотъ упадутъ и прямо на него. И только-что онъ подумалъ о страшныхъ кулькахъ, какъ холодная стальная лапки впились ему въ шею, и что-то желѣзнымъ кулакомъ ударило его по головѣ. Попадали кульки—кулекъ за кулькомъ прямо на него.

Съ болѣю раскрылъ Николай глаза.

Въ коридорѣ тюремный колоколь звонилъ къ повѣркѣ:

„Сто усовъ—сто носовъ!“—повторялъ Николай, словно пришибленный, повторялъ подъ звонъ колокола.

Надорванно-растянутой, узловатой полосой прошмыгалъ сонный строй ногъ мимо камеры.

Загремѣли ключи, и раскрылась дверь.

Два отекшихъ арестанта, переминаясь и сопя, вошли къ нему въ камеру, вытащили помойное ведро и, отмахнувшись руки, потащили вонъ въ коридоръ.

— Въ шесть вставать полагается, — сказалъ надзиратель, подняль кровать къ стѣнѣ, заперъ ее и вышелъ.

Николай остался стоять, ужъ больше нелья ему лечь, онъ слышалъ убѣгающіе шаги, такие большиe и твердые, и казалось ему, они могли растоптать его, онъ слышалъ звонъ и стукъ ключей, и казалось ему, они заставили стоять его, они владѣли имъ, какъ вещью, нѣтъ, полнѣе, чѣмъ вещью, и новое чувство—неволя наполнило его сердце.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Приидите ко мнѣ!

Пришибленно долго стоялъ Николай у запертой привинченной кровати, пришибленный новымъ неиспытаннымъ чувствомъ неволи. Долго не могъ онъ приладиться.

Меркнулъ мѣдный свѣтъ тюремной ночи.

Подслѣдоватое иззябшее зимнее утро, проползая по снѣжнымъ тучамъ, кутало бѣлой паутиной ржавое окно, а форточка отъ вѣтра все вздрагивала.

Николай прочиталъ тюремныя правила, дотронулся до мажущихся стѣнъ, потрогалъ столъ и табуретку, заглянулъ на полку, уставленную казенной посудой, осмотрѣлъ икону Спасителя: Приидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененніи азъ упокою вы!—погладилъ прошлогоднюю пыльную вербу,—верба словно грозилась изъ-за иконы, повернулся и сталъ ходить по камерѣ.

И желая сообразить, какъ ему быть теперь въ этой еще новой жизни своей, онъ совсѣмъ невольно принялся каплю за каплей собирать все пережитое за полтора года своей новой жизни, съ того самого дня, какъ выгнали ихъ изъ кра-

снаго флигеля, вспомнилъ минуту, когда съ ожесточенiemъ мечталъ онъ о какомъ-то своеволіи, которое непремѣнно рано или поздно придетъ къ нему, и всѣ свои дни, которые такъ прожилъ, будто летѣль надъ пропастю: терялъ голову и падалъ, и валялся въ грязи, и захлебывался, но что-то ожи-вляло его и уносило опять дальше надъ пропастю, а, можетъ быть, никуда и не уносило, а только крутило на одномъ мѣстѣ.

Послѣдній день, прожитый въ красномъ флигелѣ, вы-ступилъ передъ нимъ.

Николай помнить этотъ послѣдній день, когда, укладываясь, ссорились, грызлись другъ съ другомъ, ломали, коверкали вещи, лишь бы на чемъ-нибудь сорвать сердце, помнить невыносимое молчаніе, когда очутились въ грязной комнатѣ, пропитанной жильцами, голодомъ, бѣднотой, когда очутились въ новой своей квартирѣ, въ давящей уничижающей тѣснотѣ Бакаловскаго дома. Сидѣли они на узлахъ, не раскладывались и голоса не подали, боялись, голосъ выдалъ бы плачь, отъ которого душа захлебывалась:

„Почему, почему мы такие...?“

Николай помнить и слѣдующіе дни, когда тихонько въ дверь нужда постучалась, вѣрная спутница неудачи,—она тебя никогда не забудетъ. И впустили ее, приняли дырявую, гнилую, рваную съ плоскимъ безволосымъ черепомъ, съ загноившимися мутными отъ слезъ глазами. Какъ не принять! И вотъ будто въ уголку гдѣ-то примостилась она зимовать. Разбухшія прѣлые челюсти ей ротъ перекосили, и хрипло и гнусаво затянула она свою иѣсню:

„Родненькие, сердечные, єсть мнѣ хочется, дайте, голубчики, кусочекъ, хоть завалящій какой, родненькие!“

А вокругъ ея тараканы шуршать, мыши грызутся, клопы кишатъ. Кусокъ за кускомъ летить въ ея зловонную

насть,—подлизывает крошки проклятая, а все ей мало, все тянеть свою гнусавую пѣсню:

„Родненькие, сердечные, ъсть мнѣ хочется, дайте, голубчики, кусочекъ, хоть завалящій какой, родненькие!“

Пришла-таки, приняли они ее, свою страшную гостью, какъ не принять! Унижала она ихъ, горбила, обливала помяями, насыпала болѣзни, посыпала бѣду, приказывала терпѣть, приказывала сжиматься, приказывала лгать. Узнали они ночи безъ сна за какія-то несчастныя копѣйки, потому что, какъ узнатъ, будеть ли она, эта жаба, сыта,—и за копѣйку на все согласишься. Дыханіе ея выжгло Каиново клеймо на челѣ: кто нужду терпѣлъ, все это знаетъ! Но духъ не угасалъ въ нихъ, онъ жилъ своей пещерной, скрытной жизнью, гордый, онъ сулилъ униженному сердцу власть и царство, богатый, онъ грезами опьянялъ голодное сердце, вольный, онъ тянулъ изъ путъ на широкій просторъ, онъ горѣлъ, онъ разливался огнями, онъ манилъ и подъ землю и за облака. А душа захлебывалась въ плачѣ:

„Почему, почему мы такие...?“

Николай помнить и ту ночь, когда Александръ изъ тюрьмы воротился, Пасхальную ночь. Ни пасхи, ни кулича у нихъ не было. Сидѣли они всеѣ вмѣстѣ въ полутьмѣ у окна, глядѣли въ ночь и чувствовали, будто сзади висѣлъ кто-то, и пошевельнувшись боялись. И вдругъ ударилъ колоколъ, и душа задрожала отъ боли:

„Зачѣмъ, зачѣмъ Ты издѣваешься такъ...!“

И бунтовалось сердце, хулило небо, проклинало землю: казалось тогда, не было никому до нихъ дѣла на цѣломъ свѣтѣ...

Николай помнить день, когда Александръ ушелъ изъ Бакаловскаго дома: Александръ не могъ примириться съ ихъ Бакаловской жизнью. Николай помнить его: словно выкованный взглядъ, осторожныя, вѣрныя движенія, которыхъ не вскроютъ ни колебаній, ни раздумья, все вѣрно, къ цѣли, наперекоръ

и прямо, какими угодно путями, и каменная огорѣлышевская улыбка:—Все въ землю, и то, чего взять нельзя!

И вспомнивъ Александра и самые послѣдніе дни на волѣ, Николай почувствовалъ, какъ закружились мысли, а сердце переполнилось тихимъ свѣтомъ, и тишина сердца вдругъ будто громомъ разсѣклась, пламя выбилось изъ каждой кровинки, загудѣло, завыло, и сталъ среди свирѣпаго дыма такой дорогой, такой знакомый образъ—Таня.

Посмотрѣли глаза ея, посмотрѣли на него, какъ тогда, темные, въ темь его безпріютности и ожесточенія, пролили жизнь на его раненое сердце—никого еще такъ не любилъ онъ, какъ полюбилъ ее, только отчаянныій любить такъ свою петлю.

И вспомнилъ онъ ея первые нечаянные взгляды, такие правдивые, какъ весеннія звѣзды, обѣщающія красные дни, а ему такую жизнь огромную, да, жизнь, глуби ея.

„Тебя! Ты мой Богъ!“—рванулось сердце и повторялъ онъ имя ея, повторялъ голосомъ полнаго сердца ея голосъ, ся пѣсню, пѣсню пѣсней—„Приди ко мнѣ!“—и чувствовалъ, какъ билось ея сердце близко, стукъ-въ-стукъ съ его сердцемъ.

— А чай въ двѣнадцать,—сказалъ надзираватель, просовывая въ форточку двери кувшинъ съ кипяткомъ и ломоть хлѣба.

Николай взялъ кипятокъ и хлѣбъ, поставилъ на столъ, и охватила его ненависть: онъ готовъ былъ проломить эти стѣны, взорвать на воздухъ эти камни, это желѣзо, эту вооруженную покорную стражу жалкихъ тюремщиковъ.

Всѣ мысли его будто прыгали на остриѣ ножа, а сердце тихо шептало, все рассказывало свою грустную повѣсть: отчаянныій, онъ тогда смерти искалъ, и вдругъ протянулись руки къ нему нѣжныя, такъ нѣжны алые тѣни вечерняго облачка,—это она утолила его первую жажду, это она увела его съ

бѣдной дороги, это она бросила ему въ его омутъ купальскій вѣнокъ, чтобы плыть, не тонула.

„А вѣдь отъ Сухоплатовыхъ-то тебя выгнали!—самъ себя оборвалъ Николай,—правда, вѣжливо и съ поклонами: нѣть больше работы и проваливай, а найдется еще, милости просимъ!“—и вдругъ мелькнуло передъ нимъ лицо Александра съ его каменной огорѣлышевской улыбкой: все возьму, и то, чего взять нельзя!

Беззащитно опустился Николай на табуретку. Беззащитными глазами глядѣлъ онъ передъ собой: гдѣ-то далеко на волѣ жили какіе-то люди,—что ему до людей?—люди о чёмъ-то думали, чего-то желали, за что-то боролись,—что ему до какой-то борьбы?—онъ все потерялъ, ему не спрavitъся съ Александромъ, это Александръ его съ дороги убралъ!

И долго, сгорбившись, сидѣлъ Николай на табуреткѣ, жалкій,—дай щелчекъ и скувырнется!—потомъ поднялся, подошелъ къ двери, надавилъ кнопку, и слышалъ, какъ прозвонилъ его звонокъ такой жалкій.

— Что вамъ?—спросилъ надзиратель.

— Скоро мнѣ чай принесутъ?

— Часика черезъ два!—и только: захлопнулась форточка двери.

Николай снова прочиталъ тюремныя правила, дотронулся до мажущихся стѣнъ, потрогалъ столъ и табуретку, заглянулъ на полку, уставленную казенной посудой, осмотрѣлъ икону Спасителя: Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіяся и обрѣмененніи и азъ упокою вы!—погладилъ прошлогоднюю пыльную вербу,—верба словно грозилась изъ-за иконы,—повернулся и сталъ ходить по камерѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Морильня.

Николай ходилъ по камерѣ отъ окна къ двери и отъ двери къ окну. Было пусто на душѣ, будто стадо прошло черезъ всѣ луга, черезъ всѣ пастища его расцвѣтней мечты, утоптало, смущило все, что росло и хотѣло расти. И въ коридорѣ было пусто и тихо, только зякали шпоры.

Неожиданно, какъ-то безъ звона, раскрылась дверь, и въ камеру вошелъ грузный начальникъ.

На рубцеватомъ суромъ лицѣ старика свѣтились добрые глаза. И когда говорилъ онъ и когда обѣщалъ бумагу и чернила, чувствовалъ Николай, что грань, раздѣляющая людей на тюремщиковъ и узниковъ стерлась совсѣмъ.

Ушелъ начальникъ, принесли чай изъ лавки. Попробовалъ Николай заварить чай въ кружкѣ: размѣшивалъ, разминалъ его, но путнаго ничего не вышло, только ложка, пропитанная щами, распарилась,—кипятокъ остылъ. И все-таки сталъ онъ пить противную тепловатую бурду, и опять ненависть охватила его, но не къ тюремщику-надзирателю, который такъ поздно чай принесъ и который нѣтъ-нѣть да и

посматривалъ въ волчекъ, а къ той рѣшительницѣ-судьбѣ, по которой на долю одного присуждены голодъ, тюрьма, унижение и желанія, сжигающія душу, а на долю другого—покой.

И когда отлегло отъ сердца, стало ему скучно: время пошло черезъ силу, еле еле—калька вѣстовой на изломанныхъ костыляхъ. И казалось ему, что живеть онъ, какъ трава живеть на людной улицѣ подъ водосточной трубой, заметенный, заплеванный, и не зналь онъ, зачѣмъ живеть, и зачѣмъ другіе живутъ, для чего міръ, и гдѣ Богъ, и какой Богъ, сотворившій такой міръ?

Принесли обѣдъ, простылый и невзрачный. Николай отставилъ тарелку, не притронулся.

Позвякивая кандалами, прошли мимо камеры арестантъ.

Шумъ и пыль пронеслись по ихъ слѣду, и день уходилъ за ними.

Будто растопыривая дымныя, кишащія лапки и пома-тывая безглазыми головами, наползали въ камеру тюремныя сумерки. И въ стучающемся мракѣ поднялось съ души его старое наболѣвшее, онъ присмирѣлъ весь, ушелъ въ себя, словно чья-то предательская рука съ гибельной страстью запойнаго потащила его вглубь видѣній и невольныхъ кощунствъ.

И растравляя наболѣвшее и мучаясь сознаніемъ какои-то вины своей, увидѣлъ онъ собаченку Розика: Розикъ съ расшибленной лапкой служилъ передъ нимъ, а глаза его плакали. И Машку увидѣлъ онъ, Машку Пашкову: надсаживаясь и сопя, два утрешихъ отекшихъ арестанта волокли ее за грязный обтрепанный подолъ, и казалось, была она, такая хрупкая, непосильной тяжестью. Расцарапанными руками судорожно и пугливо прятала Машка истощенную худую грудь, глядѣла на него помертвѣвшими отъ боли глазами, и онъ будто илюнуль въ ея помертвѣвшіе зрачки, илюнуль отъ своей невыносимой боли, и ногу занесь, чтобы,

хоть какъ-нибудь, каблукомъ стереть этотъ укоръ: „Зачѣмъ такъ надругался надо мной?“ И мать свою увидѣль, Вареньку: шатаясь и подпрыгивая, шла Варенька, губы тряслись отъ слезъ, а онъ не протянулъ ей руку, не приласкалъ ее, рука его упала тяжелымъ ударомъ прямо ей въ спину, какъ тогда, въ тотъ день, какъ приходилъ о. Глѣбъ прудъ посмотретьть. И, какъ тогда, поднялась Варенька и молча пошла, шла она, молила хоть каплю милосердія. И увидѣль онъ Евгенія—Женю, на пескѣ будто играютъ вмѣстѣ, и почувствовалъ, какъ въ сжатой горсти захрустѣль сухой песокъ. И какъ когда-то, онъ прицѣлился и мѣтко пустилъ песку въ раскрытые больные глаза Жени, и видѣль глаза, такие грустные, беззащитные, и сыпалъ и сыпалъ сухимъ пескомъ въ эту беззащитность и грусть. И тутъ же, опять будто Розикъ съ перешалиенной лапкой служить, служить и смотрить и илачеть молча: „Чѣмъ же я-то виноватъ?“

„Чѣмъ Розикъ виновенъ? Чѣмъ Женя виновенъ? Чѣмъ Машка виновна? За что имъ такое? Въ наказаніе? За какую вину? Варенька виновна передъ собой, Варенька покорилась, когда душа ея не хотѣла покорности, Варенька безъ любви замужъ вышла, но кто отмѣрилъ ей силъ столько, что не хватило ей уйти изъ дома, кто виновенъ въ ея винѣ? Прометей виновенъ передъ Розикомъ. Но Прометею кто-то вложилъ желанія наполеоновскія, а силы далъ куриныя и Прометей задохнулся отъ этой несовмѣстимости и ударилъ подвернувшагося Розика, кто же виновенъ въ его винѣ? Ни Варенька, ни Прометей, ни Женя, ни Машка, ни Розикъ, никто не виновенъ, я виновенъ, трижды виновенъ передъ Женей, передъ Машкой, передъ Варенькой!“

И представилась Николаю душа его, Маргариткой представилась она ему, будто вся въ запудренныхъ струпьяхъ и язвахъ стоить передъ нимъ, стираетъ пудру, расковыриваетъ струпья, разбереживаетъ язвы, и онъ клянется все

жизнь ползать червемъ, все снести безъ ропота, пройти всѣ муки, лишь бы искупить вину свою.

И вдругъ бѣлымъ свѣтомъ будто упала пелена на его измученные глаза. Среди бѣлоснѣжныхъ облаковъ, воркующихъ съ теплой лазурью, стала Таня, и ужъ голосомъ полнаго сердца повторялъ онъ ея имя, ея голосъ, ея пѣсню, пѣсню пѣсней— „Приди ко мнѣ!“— и чувствовалъ, какъ былое ея сердце близко, стукъ-въ-стукъ съ его сердцемъ.

Но тѣ, кто такъ глубоко врѣзались въ душу и жалили его виновное сердце, они пронирались сквозь серебро бѣлаго свѣта съ искаженными отъ боли ртами, въ гноищѣ, въ слезахъ, въ нестерпимыхъ мукахъ, и, какъ Варенька, шептали ему: „Проклятый ты, проклятый!“

— Боже мой, подкрѣпи меня!—шепталъ Николай, всматриваясь въ глубокій сумракъ, изъ котораго выступала одна грозящая верба.

Въ камерѣ зажгли лампочку.

Долго не успокаивалась лампочка подъ потолкомъ въ своей желѣзнѣй клѣткѣ: то будто кивала, то подмигивала, то удивлялась чему-то, и насмѣхалась, и рыдала тоненькими загнутыми кровавыми язычками.

Въ коридорѣ зазвякали шпоры: шла повѣрка.

— Сто двадцатый—сказалъ дежурный и отхлопнулась форточка двери.

Николай бросился къ двери, хотѣль спросить о бумагѣ и чернилахъ, которая ему обѣщалъ начальникъ, и еще о многомъ, будто тамъ, за дверью все знали, но форточка захлопнулась.

— Сто двадцать первый,—донесся голосъ дежурного.

Вошелъ надзиратель: отперъ кровать, постоялъ, помялся, будто собираясь сказать о чёмъ-то большомъ и важномъ.

— Спокойной ночи! — сказалъ надзиратель и вышелъ.

И стало все крѣпко безотвѣтнымъ и скрытымъ. Стѣны, казалось, молча, таили въ своемъ каменномъ сердцѣ какое-то безповоротное рѣшеніе неуклонной невѣдомой судьбы, распредѣляющей долю и не-долю. И на мигъ запылавшая мечта: какъ было бы хорошо, если бы сдѣлалъ онъ не такъ, какъ сдѣлалъ, а по-другому, если бы во время онъ догадался, во время онъ спохватился, былъ бы не такой грубый... эта успокаивающая надежда погасла.

А гдѣ-то внизу, на тюремномъ дворѣ, громыхали. Казалось ему, тамъ строили плаху и громоздили пытки, тамъ пилили и глухо ударяли молотками.

А когда легъ онъ и закрылъ глаза, въ дрѣмѣ представилось ему по-вчерашнему, будто не паръ въ трубѣ, а великанъ бѣжалъ на огромныхъ ногахъ по потолку, добѣгалъ до его изголовья, заглядывалъ ему въ лицо и, ухая, бросался опять въ потолокъ, а за нимъ другой, а за другимъ третій.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Каменная лягушка.

— Въ семь у насть кубъ, кипятокъ несутъ, а въ двѣ-надцать обѣдать, потомъ опять кубъ, такъ оно и пойдетъ и пойдетъ,—сказалъ какъ-то Николаю въ первы дни тюремный надзиратель, и сказалъ вѣрно: такъ оно и пошло.

— Грачевъ, а Грачевъ!—кричитъ чуть свѣтъ надтреснутый, усталый голосъ дежурнаго,—Лугачевъ! на работу! Лугачевъ... черти!

И арестанты несутъ кипятокъ.

Сѣрый день струить по камлѣ свой холодный сѣрый свѣтъ, и отъ окна расползается по камерѣ, кажется, входитъ въ жилы, проникаеть въ кровь и холodomъ точить кровь, и душа безкрылой птицей зябнетъ.

Николай позвонить и ждетъ, пока не подойдетъ надзиратель.

— Ну что, ничего не слышно?

— Ничего.

— А какъ на счетъ бумаги?

— Ничего не знаемъ.

— Мнѣ бумагу еще въ первый ден^г обѣщалъ начальникъ!

— Ничего не знаемъ.

И Николай ходилъ изъ угла въ уголъ, отъ окна къ двери, отъ двери къ окну, прислушивался: надъ головой кто-то мутительно ходить, и по бокамъ въсосѣднихъ камерахъ ходятъ, и кто-то кашляеть, надсаживая хрипящую грудь, а надзиратель беспомощно все ругается на арестантовъ:

— Лугачевъ... Грачевъ... Пугачевъ... черти!

И все повторяется изо дня въ день, съ часа на часъ и только вѣтеръ вдругъ налетитъ на окно, затеребитъ форточку, словно вѣсть подаетъ, но и вѣтеръ улетаетъ и лишь скрипятъ ржавыя петли.

И приходить ночь, бессонная ночь и кошмарная и пытливая.

Да, такъ оно и пошло, надзиратель былъ правъ.

Николаю хотѣлось книгу почитать, онъ уставалъ отъ самого себя, но книгу пообѣщать пообѣщали, да такъ и не дали. И былъ онъ только съ самимъ собою, только съ своими мыслями. И какимъ жалкимъ и ничтожнымъ казался онъ самому себѣ съ своими мыслями, какъ завидовалъ онъ тѣмъ, кто могъ добровольно уединиться и въ уединеніи раскрывать свою душу, не зная ни скуки, ни тяготы, ни утомленія.

„Грубая у меня душа и бѣдная, и нечего мнѣ раскрывать!“—думалъ Николай о себѣ съ горькимъ чувствомъ обездоленного, и какое-то безразличіе окутывало, точно паутиною, весь міръ для него, и все было ему не интересно, все равно, а тюремщики въ эти минуты подавленности казались ему какими-то изнеможенными, больными, черезъ силу, какъ наказаніе, исполняющими свои тяжкія обязанности, и была невозмутимая покорность и готовность всему подчиниться и все исполнить.

По цѣлымъ часамъ просиживалъ Николай на табуреткѣ, по цѣлымъ часамъ ходилъ по камерѣ. Въ сумеречный часъ и глубокою ночью легче думалось ему и не было той дневной гнетущей скуки, отъ которой хоть обѣ стѣну головой бейся.

Прислушиваясь къ себѣ, онъ различилъ въ душѣ своей смутное, скрытое. И сказалось ему то, чего въ другое время онъ такъ боялся самъ себѣ открыть, чего въ вѣкъ бы не прошепталъ и самымъ тайнымъ голосомъ.

Яснымъ становилось ему то, что разбредалось и путалось среди суетолки жизни, яснымъ становилась сама суетолка. Тотъ огонекъ, который толкаетъ людей къ жизни, ярче передъ нимъ вспыхивалъ.

Будто съ разныхъ концовъ толпами приходили къ нему люди, окружали его горящимъ кольцомъ, распахивали свою грудь, вынимали сердце.

Одни все болтали всякия глупости, другие беззаботно, не жалѣя ногъ, отплясывали, третьяи все хмурились, четвертые смѣялись, пятые равнодушно посматривали, ровно ничего-то въ мірѣ не касалось ихъ, шестые со злобой шипѣли, седьмые тряслись отъ страха. И все это были однѣ лишь маски, за которыми скрывались лица такія несчастныя, такія сиротливыя, и окаменѣлые, источенные горемъ, и изрытыя сомнѣніемъ, и оглушенные невѣдѣніемъ, и раскосыя отъ потерянности, и помраченные отъ беззащитности и растерянныя.

„Пойми насть!“—будто говорили они.

Но приходили новые толпы, окружали его смолянымъ кольцомъ, распахивали свою грудь, вынимали сердце.

И то, что казалось грѣхомъ и преступленіемъ, теряло свой смыслъ грѣха и преступленія, и то, что слыло красотой и святостью, страшило своей чудовищностью и безобразіемъ и трусостью и наглымъ лицемѣріемъ, хаось распускался въ созвѣздія, добро мѣнялось мѣстомъ со зломъ, и тамъ, гдѣ

низвергались боги, взирало око Бога, и тамъ, гдѣ возносились славославія, была глухая пустота.

„Пойми насть!“—будто говорили они, не подходившіе ни подъ какія мѣрки.

И новыя толпы, несмѣтныя толпы приходили,—горячія сердца ихъ пылали огненными языками.

Онъ видѣлъ издѣвательства, косность, самообольщенія и обольщенія, звѣрство, а надъ всѣмъ одно страданіе. Онъ видѣлъ на лицахъ бѣлизну мучениковъ, слышалъ, какъ трубили трубы справедливости и негодованія, а въ сердцѣ кишали насѣкомыя среди мелочности и маленькаго честолюбія. Одни хотѣли быть искренними, а лгали, и себѣ и другимъ, лгали хуже всякаго, кого добродѣтельные клеймя отъявлennыемъ негодяемъ, другіе хотѣли быть чистыми, а чернили тѣхъ, кто не подходилъ къ ихъ мѣркѣ, къ колпаку дурацкому и коптилось ихъ сердце.

И бездольные — несчастные и одаренные говорили въ одинъ голосъ:

„Пойми насть!“

И какъ въ ту ночь, когда онъ съ неизъяснимой радостью былся о камень, прощался со свѣтомъ, въ его послѣднюю ночь передъ Бакаловской новой жизнью, каменная лягушка, закатившимися каменными бѣлками непроницаемыхъ глазъ, ужасомъ и насмѣшкою смотрѣла на него. Каменная лягушка шевелила безобразными перепончатыми лапами, вздувалось ея бѣлое каменное тѣло, размягчался, разбухалъ камень, слетала короста, разливалась сѣть тончайшихъ жилъ, алѣла, и выступали острыя сине-грозовые измученные вѣки измученного человѣка.

И въ затаенной тишинѣ вдругъ били тюремные часы — сторожа неволи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Рождественская звѣзда.

Первый мѣсяцъ тяжело въ тюрьмѣ, второй легче,—привыкается. Ждалъ Николай Рождества, думалъ—къ Рождеству выпустятъ, а вотъ насталъ и сочельникъ, другихъ выпустили, а его оставили.

Крѣпкія ясныя звѣзды пробились сквозь морозный сумракъ Рождественской ночи. Отдохнувшіе за постъ большіе колокола поднялись со всѣхъ колоколенъ, загудѣли ко всеночной.

Николай услышалъ Боголюбовскій звонъ, взобрался на окно, открылъ форточку: искалъ бѣлую Боголюбовскую колокольню, бѣлые башенки, пустырь—огороды и Огорѣлышевской прудъ.

Крѣпкія ясныя звѣзды вспыхивали, стлали по небу искристые бѣлые пути, и звѣзда къ звѣздѣ лѣнула: слава въ вышихъ Богу! А рогатый мѣсяцъ, выглянувъ острымъ краснымъ рогомъ, за бойни канулъ.

И вспомнилось Николаю, какъ когда-то дома, въ сочельникъ, наголодавшись до звѣзды, пили они на верху въ дѣтской

чай съ барбариснымъ вареньемъ, да, опрокинувъ липкія чашки—ко всенощной безъ башлыковъ бѣгомъ по бѣлому пруду до самой купальни, и нарочно подставляли морозу щеки: чтобы, какъ у большихъ, брови заиндевѣли, а брови такія тонень-кія, индевѣть нечemu. Вспомнилось Николаю, какъ отъ купальни по двору волчатами пробирались они къ воротамъ мимо фабрики, мимо бѣлага Огорѣлышевскаго дома: въ кабинетѣ у Арсенія его будничный зеленый огонекъ какъ-то злобно и зорко помигивалъ. И приходили они въ церковь къ Покрову, а въ церкви еще темно было, только лампада чуть теплилась предъ чудотворной иконой Божьей Матери, да одна тоненькая свѣтка на канунѣ, и никого еще не было, не звонили. И батюшки еще не было, черный, какъ нечистый, бродилъ въ пустой церкви пономарь, Матвѣй Григорьевъ. Потомъ биткомъ набивалась церковь. Съ иами Богъ, разумѣйте языцы!—грянуть, бывало, гѣвиче. А Прометею всегда казалось, это одинъ онъ, Прометей, рабъ Митрій рявкнулъ на всю церковь.

И, вспомнивъ всю рождественскую службу, Николай отчетливо услышалъ въ гулѣ звоновъ Покровской звонъ. Да, у Покрова звонили въ самый большой колоколь.

„Ты, Гаврила, кильку съѣлъ?—Съѣлъ, душечка.—А еще съѣшь?—Съѣлъ, душечка!“ — вспомнился Николаю и рождественскій обѣдъ съ о. Гавріломъ и все, что связано было съ о. Гавріломъ: баня, и зкія души, игра въ быки. Вспомнилъ онъ и елку у Покровскаго дьякона Федора Ивановича, единственную елку, на которой онъ былъ въ дѣтствѣ. Дьяконъ позвалъ его и Женю на второй день Рождества, а они явились не вдвоемъ, а вчетверомъ и не на второй день, а на шестой. Помнить онъ, какъ пришли они вечеромъ къ дьякону, дьяконъ ихъ не ждалъ, да и сынъ у него былъ боленъ, дьяконъ говорилъ шепотомъ и на цыпочкахъ провелъ ихъ въ залу, гдѣ стояла елка, зажегъ нѣсколько свѣчей — вотъ она какая елка! Еабушка сказала, что на елкѣ

подарки даютъ, и онъ все ждалъ, что ему дьяконъ подарить, и даже рѣшилъ: бусы—ихъ много и красныхъ и синихъ ви-
сѣло на елкѣ. Помнить онъ, какъ они молча толкались около
елки, все ждали подарковъ, но дьяконъ затушилъ свѣчи и
пришлось домой итти—вотъ она какая елка!

„Какъ тогда хорошо было!— подумалъ Николай и ему
было странно и непонятно, какъ могъ онъ въ свою послѣд-
нюю ночь передъ Бакаловской новой жизнью прощаться со
свѣтомъ безрадостнымъ,—иѣть, тогда все хорошо было!“—и
все ему показалось теперь въ радостномъ свѣтѣ. Онъ ви-
дѣль всѣхъ добрыми, ласковыми, участливыми и словъ такихъ
никто никогда не говорилъ ему, а теперь онъ слышалъ ихъ,
и ни на комъ не помнилъ зла.

Щелкнулъ волчекъ, окрикнулъ надзиратель:

— Такъ не полагается, не вѣрно!

И Николай слѣзъ съ окна, холодомъ нахнуло на него
и стало не привѣтливо.

„Не вѣрно!“

И вдругъ почувствовалъ онъ, будто пробуждается отъ
тяжкаго сна: пробивая морозные цвѣты, глядѣла къ нему
въ окно тихая рождественская звѣзда.

Сердце его засвѣтилось свѣтомъ ея, и душой пошёлся
онъ за тюрьму, за дома къ звѣздамъ—къ рождественской
тихой звѣздѣ, и тамъ, среди звѣздъ сорваль корону тихаго
мерцанія и бурнаго пламени, и увѣнчался свѣтомъ и пламе-
немъ, наполнилъ грудь до краевъ весеннимъ запахомъ. засвѣ-
тиль сердце восторгомъ нечаянныхъ радостей. Накалялись
передъ нимъ жаркія зарницы, семицвѣтныя зори, скалами за-
стывало время. Но алчущій взоръ его расплавилъ камни. И рас-
кинулась вѣчность. И всякая самость и тварь слились въ еди-
ную душу. И она была всѣмъ, и все однимъ было, его любо-
вью, его Таней.

И онъ повторялъ имя ея, повторялъ голосомъ полнаго
сердца, ея голосъ, пѣсню, пѣсню пѣсней— „Приди ко мнѣ!“—

и чувствовалъ, какъ билось ея сердце близко, стукъ-въ-стукъ съ его сердцемъ.

А полночь чернымъ алмазомъ ложилась на окно, на узорные морозныя цвѣты, смѣнялись звѣзды — прилетали полуночныя. Двурогій мѣсяцъ плылъ по небу, и кто-то черный плясалъ и скакалъ на мѣсяцѣ, плясалъ, скакалъ, какъ побѣдитель.

И въ душѣ его росла его черная тоска.

— Таня! — шепталъ онъ, — но въ отвѣтъ ему никто не откликнулся, — Таня! — шепталъ онъ и странной улыбкой горѣли его губы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Латникъ.

На праздникахъ въ тюрьмѣ бываетъ особенно тоскливо.

Тоскливо проходили Святки. Николай мѣста не находилъ себѣ, вся душа изнывала.

Пользуясь праздничной сонливостью надзирателей, онъ взбирался на столъ, отворялъ форточку на морозъ и такъ простоявалъ у окна, глядя на волю. И должно быть, простился: нѣтъ-нѣтъ да и принималось трясти его, а ночью нападало мучительное полузабытье.

Въ полузыбы мерешились ему всякия страхи: наполнялась камера маленькими насѣкомыми, юркими, какъ муравьи, заползали эти муравьи за шею, вползали въ рукава впивались, точили тѣло, растаскивали тѣло по мельчайшимъ кусочкамъ. Ужъ, казалось, все было изгрызано и съѣдено, оставался отъ него всего одинъ голый скелетъ, и чувствовалъ онъ, какъ ссыхались и сжимались кости и давили на сердце. Дѣлалъ онъ страшныя усилия, трясь головой и на минуту пробуждался, но только на минуту,—снова изъ ка-

кихъ-то совсѣмъ незамѣтныхъ щелей и трещинъ, сначала въ одиночку, потомъ цѣлыми стаями, выползали эти проклятые муравьи.

Тоскливо проходили Святки и мучительно.

Въ Крещенскій сочельникъ въ положенный часъ повели Николая на прогулку, какъ водили однажды всякий день.

Камеры расположены были полукругомъ ярусами. Николай сидѣлъ на самомъ верхнемъ ярусе и до послѣднихъ ступеней лѣстницы провожали его одноглазыя камеры. Въ нѣкоторыхъ камерахъ засвѣтили лампочки, и мутный свѣтъ отбрасывалъ черезъ матовые волчки черныя живыя тѣни на рѣшетку коридора: перегибаясь透过 рѣшетку, живыя, тѣни, эти словно хотѣли спрыгнуть въ нижній ярусъ.

Какъ на арканѣ, ходилъ Николай по кругу на тюремномъ дворѣ.

Заходило солнце, золотисто-инеевой крещенскій вечеръ разсыпалъ по небу холодные красные искры и валили со всѣхъ концовъ алые клубы зимняго дыма.

Зудящее жужжанье телеграфныхъ проволокъ, уханье ухабовъ, скрипъ и скатъ полозьевъ,—все это мчалось кудато, оглашая своимъ грохотомъ.

Какъ пьяный, ходилъ Николай по кругу на тюремномъ дворѣ.

И когда снова сунули его въ камеру, захлопнулась дверь, щелкнулъ замокъ, стѣны глянули на него чугунными плитами склепа, и нечѣмъ дышать ему стало. А блеснувшая мысль, что это болѣзнь какая-то, и вотъ береть его и ему не совладать съ ней, отточила всѣ его чувства.

Въ одинъ мигъ ожили всѣ его воспоминанія, прошла вся его жизнь, а сердце будто подо льдомъ горѣло: и стыло и раскалялось.

Хлоннула форточка двери.

— Сто двадцатый, — сказалъ дежурный и голосъ его прозвучалъ, будто изъ страшной дали.

— Сто двадцать первый! — отвѣтилъ другой голосъ рѣзко.

Вошелъ въ камеру надзиратель, отперъ кровать и Николай, не раздѣваясь, повалился, и, кутаясь въ одѣяло, все не могъ согрѣться. Мысли спутанно шли и хотѣль онъ что-то припомнить, зацѣпиться за что-то, чтобы остановить мысли и успокоиться. Трясло его немилосердно. И было такое ощущеніе, будто на горячихъ помочахъ, тянуть его куда-то глубоко на дно погреба. И слышалъ онъ, какъ что-то стучало и ходило вездѣ: въ вискахъ стучало, въ груди стучало, за окномъ стучало и за стѣною, а въ глазахъ мелькали огненные топорики и молоточки, — это они, должно быть, и постукивали. Трясло его немилосердно.

И вдругъ рѣзко, словно надъ ухомъ, прозвенѣль въ коридорѣ звонокъ. Кто-то шарахнулся отъ двери, шмыгнулъ по коридору. Гдѣ-то щелкнулъ замокъ, а за нимъ другой. И опять стало тихо.

Николай сдернулъ одѣяло, и къ двери, насторожился.

— Повѣсили! — шепнула ему кто-то изъ коридора.

Кого? — шепотомъ спросилъ Николай.

Но отвѣта ему не было, и хлынула на сердце смертельная тоска.

— Повѣсили! — крикнулъ Николай и, схвативъ табуретку, грохнула табуреткой въ лампу.

И звякнула, задребезжала подъ потолкомъ лампа. Хлынула тьма кромѣшная.

Скорчившись, съ затаеннымъ дыханіемъ слышалъ Николай, какъ гдѣ-то далеко въ коридорѣ, словно въ отвѣтъ ему, прозвонилъ одинъ звонокъ и другой и третій. И опять стало тихо, и тихо и черно.

И вотъ изъ черноты изъ угла выдѣлился блестящій латникъ. Медленно и упорно подвигался латникъ къ Нико-

тию, и, не дойдя шагу отъ него, остановился. Латникъ стоялъ передъ нимъ съ суровымъ, ужасно знакомымъ лицомъ.

Измученными глазами, вытягивая всю душу, латникъ въ упоръ смотрѣлъ на Николая.

И Николай смотрѣлъ на латника, не могъ оторваться отъ его ужасно знакомаго лица.

Минуту казалось ему, онъ ужъ понялъ что-то, разгадалъ что-то, узналъ его, латника въ блестящихъ мѣдныхъ латахъ и мѣдномъ шлемѣ.

Зашевелился латникъ, сдѣлалъ еще одинъ шагъ, еще одинъ шагъ и мѣдныя латы сдавили сердце и съ сдавленнымъ сердцемъ Николай упалъ у кровати на асфальтовый полъ.

Лежа на полу, забылъ онъ, и о томъ, что повѣсили кого-то, и о латникѣ, ему чудилось, вскарабкался онъ будто на столъ, отворилъ форточку.

Въ лунной ночи ясно бѣлья бѣлая колокольня Богољубова монастыря, бѣлѣли башенки, а за монастыремъ лежали пустырь-огороды, а за пустыремъ бѣлый прудъ. Надъ прудомъ, будто поднятая вверхъ черная руки, торчали обрубленные ветелы и никли кустарники въ бѣломъ серебрѣ. У плотника чернѣла прорубь, а красный Финогеновскій флигель былъ весь въ снѣгу, и сквозь запорошенное окно дѣтской мерцала лампадка.

Выломалъ онъ будто рѣшетку, вылезъ изъ камеры и сталъ спускаться по карнизу.

Мѣсяцъ такъ близко—мѣсяцъ такой болыши.

Смотрѣть онъ на мѣсяцъ, скользить по карнизу: обрываются руки, высекиваются камни, шелушится штука-турка—вотъ сорвется!

Ужъ за сто двадцатый карнизъ зацѣнился, а конца краю не видно, и мѣсяцъ все ближе.

„Да ты вверхъ лѣзешь!“ — шепнулъ ему кто-то, какъ тогда подъ дверью.

И въ самомъ дѣлѣ: оть Боголюбовской колокольни мель
кала лишь бѣлая точка, а пруда и вовсе не было.

И вдругъ оборвались руки и, скользнувъ по воздуху,
Николай пальцами впился въ кирпичи и на страшной вы-
сотѣ съ захолонувшимъ сердцемъ повисъ...

И не бредъ, это вѣрно: въ Крещенскую ночь въ новой
тюрьмѣ у заставы на тюремномъ дворѣ повѣсили преступника.

Былъ часъ разсвѣта. И разсвѣть былъ луненъ, какъ
лунной стыла ночь.

Обдѣлавъ свое дѣло, пьяный хранѣль палачъ къ кры-
сѣмъ, безъ оконъ, темнотѣ карцерѣ.

Изъ подъ подушки красный новенький кафтанъ его тор-
чалъ ухомъ: проигралъ палачъ кафтанъ, а чуть срѣтъ, въ
дорогу онѣть, и не дадутъ отыграться.

Вышла изъ-подъ пола голодная крыса, оскалила чутко
желтые зубы.

Разметался палачъ, растопырилъ немытые сальные
пальцы.

Снилась ему старуха—мать, съ котомкой по полю шла-
а онъ, будто палачъ Васька Коньковъ, совсѣмъ крохотный,
Васька бѣжитъ за старухой, хочетъ за подолъ схватиться,
да ножонками не поспѣсть, и покликать не можетъ, голосъ
пропалъ. Потомъ скрылась мать, остался онъ одинъ среди
поля и стоитъ онъ среди поля, какъ слѣдуетъ, Васька Конь-
ковъ, на немъ красный новенький кафтанъ. И вѣять его
страхъ: парядили его въ красный кафтанъ палача, чтобы
живьемъ въ могилу зарыть...

А на тюремномъ дворѣ, гдѣ совершилась казнь, нера-
зобранный помостъ съ висѣлицей къ землѣ пристывалъ,
Большой фонарь на помостѣ коптѣлъ.

Отъ фонаря росла черная тѣнь. И другая черная тѣнь
находила на тѣнь фонаря, пронадала къ воротамъ.

Мѣсяцъ, какъ голый черенъ, надъ головой стоялъ.

Часовой Яшковъ на помостъ поднять глазъ не смѣлъ: лѣзли мысли жуткія, жалостныя, казалось, и смѣны не будетъ.

Вспоминалось Яшкову, какъ надѣли на преступника саванъ и трудно ему было въ саванѣ ити до петли: ноги путаются.

„Я, говорить, ничего не вижу!“ А Васька Коиньковъ кричитъ: „Пожалуйте!“ „Да, я говорить, итти не могу!“

— Царица небесная! — шепчетъ Яшковъ, все слышитъ голосъ изъ подъ савана, — Царица небесная, дьяволы мы проклятые, всѣ мы его повѣсили!

А въ сводчатой тюремной мертвецкой коченѣлъ теплый трупъ повѣщенаго преступника. Промерзшія сѣдныя доски подъ нимъ таяли. Кто-то въ подпольѣ острымъ зубомъ мертвецкую стѣну точилъ. И отъ того звука въ тишинѣ волосъ дыбомъ вставалъ. Отъ того звука непокорное сердце, какъ пожъ, заострялось въ груди. Отъ того звука съ тоски мѣста не стало.

Мѣсяцъ, какъ голый черенъ, надъ головой стояль.
И конца ночи не было.

И люди понуро снали и съ просонья слившимися губами бормотали молитвы, просили у Бога, чтобы посытнѣе жить и одинокимъ не оставаться, чтобы всего было вволю.

А тамъ, на небесахъ, устремляя къ Престолу взоръ полный слезъ, Матерь Божія сокрушалась и просила Сына:

— Прости имъ!

А тамъ, на небесахъ, была великая тьма.

— Прости имъ!

А тамъ, на небесахъ, какъ нѣкогда въ девятый покинутый часъ, висѣлъ Онъ, распятый, съ поникшей главою въ терновомъ вѣнцѣ.

— Прости имъ!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Пожаръ.

Въ городѣ шла жизнь своимъ чередомъ.

Людямъ не доставало времени всѣхъ своихъ дѣлъ передѣлать, а дѣла были все ненужныя и неважныя, весь смыслъ которыхъ держался одной минутой.

Всѣ хотѣли сдѣлать что-то такое, чтобы разъ навсегда успокоиться, но пути къ своему покою не знали и метались изъ стороны въ сторону, хватаясь то за одно, то за другое. И, кончая одно, видѣли ничтожность сдѣланнаго и начинали другое, а чаще толклись на мѣстѣ, переворачивая и подправляя одно и то же всю жизнь.

Все, чего хотѣлось, не исполнялось, а если и приходило, то совсѣмъ невзначай, и чаще приходило то, отъ чего обѣими руками откращивались.

Завтрашняго дня не знали.

Казалось, кто-то скрытно изготавлялъ его, этотъ завтрашній день, да въ потемкахъ и подкидывалъ его на улицу, а люди по утру отъ неожиданности, встрѣчая то, что со-

всѣмъ не предполагали встрѣтить, только рты разѣвали и начинали жизнь по скрытой указкѣ, нелѣпо, на горе себѣ.

Силь тратилось пропасть. И всякий по разному: одни работали, потому что голодъ этого требовалъ, работали до одури, а толку не было—голодали попрежнему и тупѣли; другіе сытые просто излишествовали—обжирались и опивались, празднословили и празднопатились, выдумывали себѣ заботы и хлопоты, а толку не было,—удовлетворенія не испытывали и, обезсилѣвшись, тупѣли.

Съ утра до ночи улицы кипѣли людомъ. Сноваль всякий туда и сюда за своимъ дѣломъ.

Лица были озабоченные, искаженные, напускные, рѣдко кто улыбался и смеялся, какъ слѣдуетъ, а больше и улыбались и смеялись дѣланно, скверно и отвратительно.

Заповѣди топтались и средь бѣла дня и ночью, подъ призоромъ стѣнъ и подъ открытымъ небомъ: насиловали, убивали, грабили, обманывали, растлѣвали, клеветали.

По мелочамъ все ужъ преступили, и преступать нечего было, тайкомъ все нарушили, и пробовать нечего было.

Заповѣди и законы стояли чѣмъ-то навязчиво-приличными, жизнь же катила своимъ путемъ какъ-то беспастушно и беззаконно.

И, когда разгорались страсти и когда скрыто кипѣли вождѣленія, какими смыкѣтворными представлялись всѣ одинокія пожеланія и благія розсказни обновителей и устроителей скученной своры, имя которой—человѣки.

Издалека, изъ-за стѣнъ, окружавшихъ городъ, доносился голосъ мудреца и учителя.

Взыть мудрецъ и учитель.

— Остановитесь! Не дѣлайте!

Но вся городская толкучка по-старому толклась и бѣжала, подергивая своими маленькими хитрыми ушами, съ заплаканнымъ сердцемъ.

Какъ остановиться, какъ не дѣлать? Не остановиться, а мчаться, сломя голову, чтобы жить, иначе разойдутся всѣ дороги, и пути не станетъ, время станетъ, смерть пожреть, а смерти не надо!

Куда гнала людей страшная, беспощадная рука, зачѣмъ такъ больно била и мучила и такъ обидно мало давала ласки, кто зналъ, кто узнаетъ! А тутъ дѣти рученками вѣшились въ тебя, кричать отъ голода: „Папа! папа!“ И у сбѣда тоже дѣти такія же, и у того, кто помыкаетъ и кровь твою пьетъ, и у того, кто его кровь пьетъ. „Господи, только бы день хорошо прошелъ, да завтра утромъ проснуться!“ А для чего проснуться? Всюду вонь, нечистота, помои, нагая гниль, гниль разукрашенная, и такъ обидно мало тихихъ свѣтлыхъ минутъ, тихихъ свѣтлыхъ уголковъ. Остановиться, не дѣлать?—Да вѣдь это возможно только тамъ и тогда, когда духъ твой говорить тебѣ, что пришло время остановиться и не дѣлать, и страхъ смерти ушелъ отъ тебя, и вся жалость къ дѣтямъ твоимъ, къ дому твоему—ихъ голосъ, ихъ жалоба стали не внятны.

И вотъ люди насыщались, чтобы зажаждать еще большей сытости, рожали, чтобы убивать, и убивали, чтобы плодиться.

Казалось, наконецъ распояшутся, сбросяты съ плечъ лохмотья и побрякушки, бросятся другъ на друга, и закинуть свалка, и съ перегрызеннымъ горломъ и съ распоротымъ животомъ повалится тѣло на тѣло.

Лицемѣріе подтачивало всякую вѣру, и напускная святость глаза отводила, чтобы убить вѣру. И по другому жизнь ити не могла.

Или и вправду нечистый былъ всюду первымъ киноводомъ, какъ шептали люди простые, не мудреные, вѣровавшіе въ бѣсовское повиновеніе.

По прежнему Огорѣлышевскій домъ стоялъ такой бѣлый, какъ сахаръ, а согрѣтый снѣжной зимой палисадникъ

передъ домомъ зацвѣль весной душистыми и красными цвѣтами.

Игнатій Николаевичъ съ головой ушелъ въ благотворительность. Нищихъ по воскреснымъ днямъ толпилось около Огорѣлышевскихъ воротъ видимо-невидимо. Ницкимъ подавалась мѣдь, и душа пребывала покойной.

Управление фабрикой перешло Семену Арсеньевичу, который еще утонченѣе перетасовалъ дѣдовскій укладъ съ заморскимъ: фабричныхъ не пороли, какъ при дѣдѣ Николаѣ Огорѣлышевѣ, но шкуру драли не хуже прежняго, только все чисто и гладко—комаръ носу не подточить.

Самъ же, Арсеній Огорѣлышевъ, какъ ни старѣль, а ухо востро держалъ, во всякую бездѣлицу встревался и, кажется, ни одинъ волосъ не надалъ безъ его воли и вѣдома.

Александръ Финогеновъ при Арсеніи быстро шелъ въ гору. За годъ вошелъ къ нему въ полное довѣріе, безъ Александра, кажется, ничего не дѣлалось, ничего не принималось, какъ скажешь, такъ тому и быть, а говорилъ Александръ дѣльно.

Конечно, по городу не замѣчали, какъ Финогеновъ скрутилъ Огорѣлышева, а если и замѣчали, то заикнуться не смѣли. И Арсеній не говорилъ себѣ объ этомъ, боялся: вѣдь это конецъ его, смерть. А умирать ему не хотѣлось. Какъ ему умирать, когда столько еще надо дѣлъ начатыхъ окончить и столько всего задуманно, въ вѣкъ не передѣлаешь.

Придидался Арсеній къ Александру, изводилъ, мучилъ въ свои злыя нетерпѣливыя минуты. Съ каждымъ днемъ чувствовалъ онъ, какъ крѣпкая ладонь Александра давить ему черепъ, погружаетъ его куда-то, ужъ загнала по самую шею,—заливаетъ уши...

А тому словно только этого и надо.

„Давить надо человѣка, чтобы человѣкомъ владѣть, иначе, не ровенъ часъ, этотъ самый человѣкъ, ближній

твой, на плечи тебе вскочить!“ — такъ Александръ Николаю сказаль въ тюрьмѣ на свиданіи.

Будничный зеленый огонекъ теперь до разсвѣта свѣтился въ кабинетѣ Арсенія, мигалъ своимъ дьявольскимъ глазомъ, прорѣзая темь двора.

А на дворѣ Трезоръ и Полканъ метались на рыкаль, лаяли, и выло въ отвѣтъ имъ безсонное эхо и кто-то илистой лапой обваливалъ берега пруда, затягивалъ тиною дно.

Только вотъ съ прудомъ и творилось неладное—такъ по двору думали — а то все было по-старому, на свое мѣстѣ.

Стоялъ красный Финогеновскій флигель, какъ стоялъ, будто кто и жиль въ немъ, только двери были заколочены.

Пришибленно и придавленно шла жизнь на Огорѣлышевскомъ дворѣ, но какъ-то стройно по заведенію. Одно смущало: на Пасху въ ночь сторожъ, Иванъ Даниловъ, своимъ единственнымъ неокривѣвшимъ глазомъ видѣлъ, какъ барышня Варенька будто стоитъ на терасѣ и головой киваетъ въ родѣ Сѣмы юродиваго, и, видѣвъ все это, онъ съ перепугу доску выронилъ и колѣнку себѣ отлипъ

Бѣды ждали.

И напасть пришла.

На Николу въ сумерки, когда, по огорѣлышевскому расписанію, фабричные должны были ужъ спать, вспыхнули биткомъ набитыя фабричныя корпуса—спальни, вспыхнули съ какой-то неистовой силой: задуванило со всѣхъ концовъ.

Кто не поспѣлъ выскочить—и быль таковъ. Дѣтей однихъ погорѣло—тьма тѣмущая.

Когда подоспѣлъ Александръ, только головни пылали, да чадили пережаренные человѣчья трупы.

Красный флигель стоялъ, весь обуглившійся, съ пробитыми окнами, не красный, черный.

Во-время Александръ не могъ прїѣхать: въ этотъ ве-

черъ дали ему свиданіе съ Николаемъ,—Николая отправили по этапу въ ссылку.

Прѣхалъ Александръ такой спокойный и важный, и долго сидѣлъ, запершись въ кабинетъ съ Арсеніемъ, потомъ съ какимъ-то остервенѣніемъ вскочилъ во дворъ и, прорѣзая толпу, не хуже самого Огорѣлышева, прилетѣлъ на пожарище. Лицо его было синее отъ злости, тряслись челюсти, кричалъ, чтобы головни растаскивали, чтобы все въ прудъ валили.

И, когда оторопѣвшіе фабричные и пожарные бросились исполнять приказаніе, вспыхнули дрова и деревья.

Насилу огонь уняли.

А онъ прошелъ во флигель и стоялъ на терасѣ и смотрѣлъ куда-то далеко, и красный отъ зарева и пламени улыбался каменной огорѣлышевской улыбкой. Какъ улыбался!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Сѣрый огонь.

Было уже къ ночи, когда Александръ вернулся къ себѣ. Александръ жилъ за Чугунно-литейнымъ заводомъ у Покрова, занималъ онъ дорогую квартиру, для одного слишкомъ просторную.

Спать Александръ не могъ, ходилъ по комнатамъ. На лицѣ его не было каменной улыбки, и стала онъ какимъ-то прежнимъ, немного лукавымъ и милымъ, и острота глазъ притупилась, и были глаза грустные. Онъ не думалъ ни о домѣ, ни о пожарѣ, ни о Арсеніи, ни о той постоянной дѣловой тревогѣ своей, которая не давала ему покоя и гнула, и гнала, и одарила большой властью, и открыла впередъ дорогу къ еще большой власти.

Ему вспомнился Николай, свиданіе съ Николаемъ. Кажется, весь послѣдній годъ онъ только и думалъ о немъ, ему слышался его голосъ той измученной кротости, которая хватаетъ за душу и заставляетъ вспомнить позабытое, создавать небывалое, какъ музыка.

Онъ вспомнилъ и Петра, и Евгенія, и Алексѣя Алексѣ-

свича, вспомнилъ ночных стоянія на верху, мать-пустыня и на минуту горькимъ чувствомъ захватило сердце, и снова окаменѣло лицо.

Александръ ни въ чемъ не укорялъ себя, иѣть, онъ твердо зналъ, прошлое кончилось и путь одинъ былъ. Надо строить жизнь, какъ устроилъ жизнь Арсеній, надо владѣть людьми, какъ владѣлъ людьми Арсеній, быть господиномъ на землѣ, смирять, а не смиряться.

Вдругъ Александръ вздрогнулъ и застылъ, ровно въ страшномъ испугѣ.

Съ портрета глядѣла Таня: она стояла, крѣпко сомкнувъ опущенные руки, вѣнецъ развѣвающіхся русыхъ волосъ наклоненной головы полуоткрывалъ лицо ея, и улыбались губы, губы и страдая, и звали притуманные темные глаза, пѣли пѣсню, пѣсню иѣсней— „Приди ко мнѣ!“

На стукъ очнулся Александръ. Прасковья нянѣка, пріютившаяся у Александра, стучала въ дверь.

— Батюшка, Александръ Елисеевичъ, а Колюшкѣ чулочки-то и забыли,—шамкала Прасковья тупо-горько сжатыми губами, вспомнивъ, что не передалъ Александръ чулки Николаю.

— Кланяться тебѣ велѣль,—почти закричалъ Александръ,—Прасковьѣ, говорить, кланяйся, слышишь!

— Кто-жъ его знаетъ, дѣвушка, напущено видно. Спите, батюшка, Христосъ съ вами.

Ушла Прасковья и опять поднялось передъ нимъ прежнее, ночных стоянія на верху, мать - пустыня, и опять Таня. Таня ужъ не стояла передъ нимъ, Таня плыла передъ нимъ и, притупивъ глаза, манила во слѣдъ за собой и сгигабала его, трясла лихорадкой. Онъ тянулся за ней, онъ вдыхалъ ее, какъ полевой цвѣтокъ.

— Таня... Таня... Таня!—шепталъ Александръ и чувствовалъ ее всѣми чувствами и вдыхалъ, какъ полевой цвѣтокъ: запахъ раскрывалъ свое первородное, что при-

ковываетъ къ себѣ безконечно дорогимъ забытымъ и вновь возставшимъ.

И съ болью рвалось желаніе, хотѣлось ему нестерпимо, хотѣлось ужасно, тотчасъ же на яву видѣть ее и слышать ее . . .

А была ночь. Темная ночь своей темною грудью ужъ коснулась земли. Темная ночь задышала на землю, завѣяла тишину спящія зданія, и зоркія башни томящихся тюремъ, и дворцы и монастырскія кельи. И въ ночи Демонъ одинъ тосковалъ съ своимъ демонскимъ сердцемъ.

„Не услышить, не пронзится стукомъ сердца моего, сердце рвется, сердце стонеть, не услышить!“

Въ оковахъ заботъ застыли люди. И ржавое звяканье отчаянныхъ молитвъ скорбно полило ненастнымъ дымомъ по закопченнымъ крышамъ къ чугуннымъ холоднымъ небесамъ. Судьба, кому надо, ужъ копала могилу и готовила люльки и золото сыпала, и золото грабила, посыпала удачу, болѣзнь и нужду.

„Не услышить, не пронзится стукомъ сердца моего, оно рвется, оно стонеть, не услышить!“

И шла ночь и прошла полночь. Изнемогая, въ предутреннемъ свѣтѣ неслось усталое время.

А Ему въ этотъ часъ незримому одиноко на землѣ было и холодно. И отчего Онъ не можетъ молиться родимому брату, но изъ царства иного? Или проклятие царство Его, Его одинокое царство. Люди, дѣти и звѣри мимо проходяты—скорчясь, со страхомъ. Разъ Онъ кинулся голубемъ въ волны, въ рѣчныя волны—тамъ ее встрѣтилъ...

„Ты сохранила образъ мой странный, мой зовъ въ полночь?“—тосковалъ въ ночи Демонъ съ своимъ демонскимъ сердцемъ.

Краткая встрѣча, и опять одинокъ: отшатнулось отъ Него ея смѣлое сердце, глухо плакало сердце. Такъ въ страсти, любви къ страсти, любви прикасаясь, слышитъ Онъ

въ долгихъ и рѣдкихъ лобзаньяхъ холодъ, тоску и измѣну. и отравляетъ.

„Ты сохранила образъ мой странный, мой зовъ въ поцѣлуѣ?“— тосковалъ въ ночи Демонъ съ своимъ демонскимъ сердцемъ, сердце Его разрывалось.

Алые ризы утреннихъ зорь загорѣлись, стало свѣтать, и задымился пурпуръ на гребняхъ упливавшей ночи.

„О, люди, вы прильнули устами къ пескамъ пустынь повседневныхъ, ищете звонкихъ ключей въ камнѣ истлѣвшемъ, вы затаились, молчите въ заботахъ. У меня есть пѣсни!..

Алые ризы утреннихъ зорь кровью одѣлись, скоро солнце взойдетъ. Или проклятие царство Его, одинокое царство его? Словно золото облачныхъ перьевъ крѣпкимъ тыномъ заставило путь. И будетъ такъ вѣчно, во вѣки. Такъ вѣчно, во вѣки, вѣчно Онъ будетъ желать безответнымъ желаніемъ, и томиться. Власть и тоска, безпросвѣтная, и одинокая одинокаго темнаго сердца!

Всю ночь до утра Александръ не отходилъ отъ портрета. Одна Таня заполняла весь міръ для него. Онъ знаетъ, что жить безъ нея не можетъ, онъ умреть безъ нея. И ничего ему не надо, никакой власти, и готовъ онъ смириться, только чтобы быть съ нею вмѣстѣ всегда—вѣчно, во вѣки.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Котикъ бѣленъкій — хвостикъ сѣренъкій.

Назначенная въ Николинъ день отправка этапа была отмѣнена. Петръ, Евгений и Алексѣй Алексѣевичъ даромъ проторчали на вокзалѣ и ничего не дождались и пожаръ пропустили, такъ и не видѣли пожара.

На слѣдующій день они снова дежурили на вокзалѣ и поздно вечеромъ видѣли въ толпѣ арестантовъ Николая, но подойти къ нему ихъ не допустили. И они стояли и только смотрѣли. И тронулся поѣздъ, потухъ, скрылся изъ глазъ зеленый огонекъ вагона и замеръ стукъ колесъ и опустѣлъ людный непривѣтливый вокзалъ, а они все стояли.

Только, когда сторожа принялись подметать платформу, медленно подкатилъ товарный поѣздъ, они вышли на путь и пошли домой по шпаламъ.

Шли они угрюмо и молча, было у каждого на душѣ столько сказать! Какъ вдругъ дорогъ имъ сталъ Николай, какъ необходимъ, какъ близко его почувствовалъ каждый. Николай былъ для нихъ чѣмъ-то свѣтлымъ въ ихъ сумеркахъ, какимъ-то вдохновенiemъ среди буденъ, заваливаю-

щихъ своими отупляющими мелочами, Николай былъ для нихъ той радостью, какая живеть у взрослыхъ къ подрастающему ребенку, надеждой на какой-то новый, лучший міръ, который придется съ нимъ, который онъ дастъ имъ.

Такъ они въ эти минуты чувствовали, такимъ представлялся для нихъ Николай. И, вспоминая дни, прожитые вмѣстѣ и тѣ отдельныя минуты, которые глубокой бороздой полегли въ душѣ, каждый чувствовалъ на нихъ его прикосновенія.

— Почему судьба у насъ отрываетъ самое дорогое? — заговорилъ Алексѣй Алексѣевичъ.

Бѣшено во весь духъ съ оглушительнымъ звономъ промчался мимо весь трепещущій поѣздъ, земля колебалась.

Молча шли они по шпаламъ.

Ужъ забѣлѣлъ Боголюбовъ монастырь, кончался мостъ. Надо было спуститься съ крутого откоса и подняться на монастырскую гору. И они, какъ когда-то въ дни о. Гавріила, выстроились въ рядъ и разомъ на перегонки пустились внизъ и, не передыхая, вѣжали на гору.

Шли по знакомой бѣлой стѣнѣ. Около каменной лягушки остановились. Казалось, огромныя заплеванныя лягушачьи бельма, освѣщенные тихимъ краснымъ лучемъ бѣлой башенки, плакали.

— Не зайти ли къ старцу? — предложилъ Евгеній, — давно мы не были у старца.

Но часъ былъ поздній, привратникъ Сосокъ не пропустить, и они рѣшили въ другой разъ и непремѣнно: о Николаѣ сказать надо старцу, старецъ такъ любилъ Николая.

Пошли ходчье, отъ дома имъ недалеко было: жили они вмѣстѣ, но ужъ не въ Бакаловомъ домѣ, а въ переулкѣ въ домѣ Соколова.

Въ позапрошломъ году, когда еще Николай былъ на волѣ, Евгеній женился, родился у него сынъ, а жена послѣ родовъ померла. Смерть жены словно прихлопнула его, оро-

быть онъ, затихъ какъ-то, и безъ того тихій. Съ утра до поздняго вечера просиживалъ онъ въ Огорѣлышевскомъ банкѣ, гнулся за работой съ постоянной палкой за спиной—постоянными помыканіями и придирками.

Квартиру нанималъ Евгений. У Евгения жили Петръ и Алексѣй Алексѣевичъ. Алексѣй Алексѣевичъ цѣлый день на урокахъ корпѣлъ. Петръ, зиму прослужившій въ театрѣ, теперь ходилъ безъ мѣста и до осени ничего не предвидѣлось.

— Ну, проводили отшельника? — встрѣтила, проводя табачнымъ носомъ Арина Семеновна — Эрихъ, навѣщавшая Евгения за его Костей присмотрѣть.

— Проводили! — махнулъ рукой Петръ, — проводили, Эрихъ!

Евгений легъ спать. Петръ и Алексѣй Алексѣевичъ долго не расходились.

Алексѣй Алексѣевичъ присаживался нѣсколько разъ къ пьянино, говорилъ, будто голось все слышить, и такой, до костей морозъ пробираетъ отъ звуковъ, что повиваются, ростятъ и снуютъ этотъ голось.

Все, и эти книги, бережно разставленныя по полкамъ, книги, которыя такъ любилъ Николай и которыя такъ дорого доставались ему, и этотъ старенький столикъ, перевезенный съ верху изъ краснаго флигеля и затѣмъ изъ Бакаловскаго дома въ домъ Соколова, все напоминало о Николаѣ. И когда, наконецъ, погасили лампу, сонъ не приходилъ, не могли заснуть: было одиноко и жутко сиротливо.

Ворочался Петръ, думалъ о той полосѣ, по которой итти рука показала, о своемъ актерствѣ и театрѣ. И то, что тревожило его, всплывало теперь, будто шальная искра воспламенила кругъ его мыслей. Непонятнымъ казалось ему, для чего и для кого былъ театръ, и зачѣмъ онъ игралъ?

Мелькиуль биткомъ набитый зрительный залъ, скучавшія лица, лица, потерявшія всякий образъ и подобіе Божіє, а тамъ на верхахъ въ чернотѣ рой пчелинныій. Хлопки, вызовы. И вотъ ликованіе всякой бездарности, увѣнчанной вѣнцомъ легкаго сочувствія, безшабашнаго браво и такимъ еще невиннымъ, горячимъ восторгомъ непорочныхъ вѣрящихъ глазъ, для которыхъ все искрится, ибо сами — одна искра. Мгновенный успѣхъ, мгновенное царство, дешевое царство.

Тутъ пошлѣйшая душа ведетъ свою роль. А для этого и сочиняется театръ — публичный театръ увеселеній и ходульного нравоученія. И нѣть нигдѣ такой страшной давки, такого беззастѣнчиваго оголѣнія, какъ среди своихъ актеровъ. И эта косность, избитые пріемы, затверженные шаблоны, штампы...

И представилось Петру то, о чемъ мечталось въ жгучія минуты одиночества: исполнить театръ свое назначеніе, дойдетъ до своей бѣлой вершины, станеть великимъ дѣствіемъ. Театръ — обѣдня, гдѣ и актеръ и зритель сольются въ великому актѣ божественнаго таинства ..

— Господи, сдѣлай такъ, чтобы я вѣрилъ, сдѣлай такъ, Господи, — просилъ Петръ, не кѣря, что придется что-то лучшее на смѣну мерзости и запустѣнію, и вдругъ ослабѣль, сталь жалкимъ, изолгавшимся, завистливымъ, какъ тѣ... его товарищи, и открылась пустота, одни и тѣ же дни, безсмысленные, ненужные...

Вспомнилось Петру, какъ осенью на репетиціи онъ подвыпилъ и съ расшату попалъ въ купель съ водой, которую держали на случай пожара, а на послѣднемъ спектаклѣ передъ самыми выходомъ задержался въ буфетѣ и набросившемуся антрепренеру кукишомъ наковырялъ носъ...

Петръ сдернулъ одѣяло, приподнялся на кровати. Въ окно заглядывалъ голубой ранній разсвѣтъ.

Проснувшись Костя хныкалъ. Арина Семеновна —
Эрихъ укачивала Костю, напѣвала старческимъ усталымъ
полуголосомъ колыбельную:

Котикъ сѣренъкій,
Хвостикъ бѣленъкій...

Напѣвала старуха долго все одно и то же. И заснулъ Костя. Взошло солнце. И ударили въ Боголюбовомъ монастырѣ въ постный колоколь. И звонили въ Боголюбовомъ долго все одно и то же, словно Эрихъ пѣла:

Котикъ сѣренъкій,
Хвостикъ бѣленъкій...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Эпитафія.

Путанная и темная исторія разыгралась въ Боголюбовомъ монастырѣ на первые дни Петровокъ: Боголюбовскому старцу о. Глѣбу запретили исповѣдывать.

Пошли по городу суды да ряды.

Вѣрные люди клялись божились, будто самъ Боголюбовскій преосвященный о. Евтихій—Каїафа въ этомъ дѣлѣ кругомъ безпричиненъ, а причинное мѣсто въ синодскомъ указѣ. Указъ вышелъ по доносу. Въ доносѣ говорилось, будто о. Глѣбъ, „главный еретикъ, богоборецъ и ругатель, богоборно и злочестиво дерзнулъ глумиться и кощунствовать надъ Богомъ въ Троицѣ славимымъ, повергъ Его обвиненію и осужденію, а Іисуса Христа уподобилъ отмѣннику самодержавной царской власти.“ Доносъ исходилъ отъ соборнаго протоіерея о. Семизорова, знаменитаго проповѣдника, місіонера и большого искусника по части прививки оспы: учительствуя въ образцовой школѣ при епархиальномъ училищѣ, протоіерей прививалъ оспу такъ ревностно, что какая-то епархиалка не то родила, не то повѣ

силась. И объ этомъ, гдѣ надо было, знали, и все-таки Семизоровскому доносу повѣрили.

Правда это или нѣть, только въ первую же пятницу духовникомъ назначенъ былъ вмѣсто о. Глѣба Боголюбовскій казначей о. Самсонъ—Пахмарь—гладкій, раскаряченный, съ обвареннымъ лицомъ іеромонахъ, давно зарившійся на эту весьма доходную халтуру.

О боголюбовской исторіи Петръ и Евгеній узнали отъ Арины Семеновны—Эриха: ходила старуха Костю причащать, все и вынюхала. И рѣшили они возможно скорѣе, не откладывая въ долгій ящикъ, провѣдать старца. А тутъ какъ разъ письмо пришло и посылка отъ Николая, только что окончившаго этапъ и водворившагося въ Великомъ Веснебологѣ.

Въ воскресенье Петръ и Евгеній отправились въ Боголюбовъ къ обѣднѣ. Въ соборъ они не зашли, а прямо въ башенку къ старцу.

У старца сидѣлъ въ гостяхъ о. Гавріилъ и рассказывалъ что-то о политикѣ, патріотическое. Старецъ съ какой-то безсильной грустью улыбался изъ своего глубокаго ресла, и какъ обрадовался, когда услышалъ знакомые голоса, такъ давно не слышные въ его тѣсной сводчатой кельѣ.

А о. Гавріилъ, Богъ вѣсть когда видѣвшій Финогеновыхъ, но знаяшій всѣ злоключенія ихъ, по сану своему сдѣвалъ видъ, что не узнаетъ старину и сталъ говорить въ носъ.

Старецъ велѣлъ послушнику подогрѣть самоваръ. И за самоваромъ пошли распросы и воспоминанія.

Забылся о. Гавріилъ, забылъ свою важность и, напавъ на свой старый любимый разговоръ, бралъ то у Петра, то у Евгенія руку, жалъ суставы и, угадывая по твердости кожи таинственное что-то, блудѣлъ какою-то, прикусывалъ себѣ губу...

— Похудалъ, похудалъ, душечка,—покачивалъ о. Га-

вріиль своеї курчавої головою,—изсосуть онъ, Петечка, тысячи, какъ пчелы самыя голодныя.

И вся келья хохотала до упаду.

— Стой, о. Гавріль, стой!—спохватился Петръ,—экъ, вѣдь, право, главное-то и забылъ!—онъ досталъ изъ-подъ шляпы/ свертокъ и сталъ бережно развертывать.

Скоро въ рукахъ его очутилась продолговатая сърая коробка изъ-подъ конфетъ, перевязанная крестъ-на-крестъ тоненьkimъ краснымъ шнуркомъ, концы которогосливались въ красной бумажной печати, отъ печати по крышкѣ къ краямъ разбѣгались бисерныя буковки—почеркъ Николая.

— Эпитафія!—провозгласилъ Петръ, держа передъ собой конфетную коробку, какъ держалъ когда-то за амвономъ тяжелый Апостоль.

Притаились. О. Глѣбъ тихо улыбался.

Петръ продолжалъ:

— „Миръ тебѣ, неустрешимая коробка съ красной печатью! До послѣдняго дня эта па ты сохранила гордость и неприступность и побѣдно окончила долгій и трудный путь. Что за вкусныя слости несла ты!—„Коробка съ печатью“!—гордо говорилъ я, когда меня потрошили, и мои, переполненные папиросами и карандашами, карманы пустѣли. Ни одинъ тюремный палецъ-щелчекъ не дотронулся до тебя, и съ благоговѣніемъ опускались предъ твоей красной печатью начальственные головы. Однихъ ты испугала, и они притихли, другихъ заставила отдернуть руки прочь, меня же ты обрадовала, и когда щелкнулъ замокъ моей камеры, и мы очутились съ тобою глазъ-на-глазъ, ты распечаталась, и я закурилъ. Чуть стуча, кто-то ходилъ въ коридорѣ. Дремалъ вѣчно-сонный волчекъ. Папироса за папиросой — дымъ на всю тюрьму! А помнишь, съ меня стащили брюки, чулки... но къ тебѣ... Довольно было одного моего напоминанія: „Коробка съ печатью!“—и тебя бережно поставили на зеленое сукно. А меня оставили босымъ на каменномъ полу. Въ ка-

меру тебя, такую маленькую, обѣими руками понесъ самъ старшій... „Ихъ нѣтъ!“—шепнуль я. Когда мы остались одни, и тотчасъ ты развернулась и положила мнѣ на столъ бумагу и карандашъ. Но потомъ, на свободѣ, ты тряслась всѣми своими нитями и бумагой отъ хохота надъ міромъ, надъ тѣмъ міромъ, гдѣ красная печать цѣнится выше человѣка. И горько мнѣ стало за душу человѣческую”.

О. Гавріиль долго, сначала съ благоговѣніемъ, потомъ кряхтя и сопя, рассматривалъ коробку, дулъ на печать и протиралъ ее пальцемъ и, окончательно опѣшенный, прерывалъ наступавшее молчаніе:

— Батюшка, о. Глѣбъ, какъ же это такъ, вѣдь печать-то Ильи Ивановича... ихъ фирмы... ихъ кондитерская...

— Кондитерская! — поднялся общій неумолкаемый хохотъ.

И долго бы еще кусаль себѣ губы и охаль о. Гавріиль подъ заражающій хохотъ, если бы не старцевъ послушникъ: послушникъ принесъ тройную трапезу.

И принялись всѣмъ соборомъ подкармливать о. Гавріила. Появившаяся водка быстро изсякла.

— Душечка, душечка,—уже лепеталъ о. Гавріиль.— Илья Ивановичъ достигъ, можно сказать... постъ... главнокомандующій, у! какъ пчелы, шмели самые этакіе... изсосутъ!

— Жри, Гаврила, жри!

— Мартынъ-Задека... Женечка, изсосутъ, а ты, Петечка, станешь беспокойство испытать. преломи... преломи!

— А ты самъ преломилъ?—поддразнилъ Евгений.

— Я... я...—разжевывалъ о. Гавріиль,—преломилъ, душечка, Мартынъ-Задека, Женечка, а намедни, душечка, изъ трапезной выхожу, а кормилица ко мнѣ... Дуняшка съ предложеніемъ...

— Жри, Гаврила, жри!

— Матушка, говорю ей,—разжевывалъ о. Гавріилъ,— я... я...

О. Глѣбъ, минуту назадъ такой веселый, сидѣлъ среди дыму, духоты и непристойностей, такой утомленный и одинокий.

— И стало мнѣ горько за душу человѣческую...—явственно прозвучалъ вдругъ его кроткій, глубокій голосъ.

И въ мигъ разсѣялся шумъ, только сѣрый день глядѣлъ въ окошко, да, наклонившись всѣмъ тулowiщемъ къ тарелкамъ, сладко посалывалъ о. Гавріилъ.

— И развѣ знаетъ человѣкъ,—продолжалъ старецъ,—за что человѣка гонить, но гонить... до самой смерти, и душа его каменѣеть, и нѣтъ тепла въ ней, нѣтъ свѣта, задыхается, чуетъ свою гибель, и гонить... А по другому ему не дано жить.

— О, Глѣбъ,—прервалъ Петръ,—ну какая это жизнь... родишился на свѣтѣ, съ пеленокъ словно ошпарять глаза тебѣ, а потомъ идешь безъ дороги подъ пинками... и куда ити!..

Старецъ ласково взялъ Петра за руку и снова стала такими безмятежными, какъ ребенокъ. Старецъ рассказалъ о боголюбовской исторіи, о той бѣдѣ, которая стряслась надъ нимъ. Старецъ видѣлъ въ бѣдѣ своей перстъ Божій, избраніе: приходитъ бѣда не карой, а испытаніемъ, и только она раскрываетъ человѣку затемненные глаза, погруженные въ мимолетное и близкое, а со скорбью крылья растутъ и подымаются на выси, откуда невидное видишь и то видишь, что подлинно мечть и гнѣсть человѣка,— не кулакъ брата твоего, не мечъ ближняго твоего, а долю, тайной нареченную.

— Прими ее кротко, всѣмъ сердцемъ, всю до конца, благослови ее и увидишь путь!

Проснувшійся о. Гавріилъ безсмысленно уставился въ окрошку и, растягивая слова, укорялъ кого-то:

— Преломи... преломи! — и, укоряя, твердилъ, покачивая кудрявой головой.

Такъ много припомнилось и такъ много забылось.

Ужъ кончилась вечерня, ужъ привратникъ о. Алфей—Сосо къ, гремя ключами, прошелъ къ воротамъ, а келья отверженного старца не унималась. И часы били,—гости не замѣчали боя, и заходило солнце,—гости не видѣли заката.

ГЛАВА ДВЪНАДЦАТАЯ.

Марà.

Въ Великомъ Веснебологѣ, гдѣ волей-неволей, а пришлось Николаю начинать новую жизнь, въ древнемъ суромъ городѣ преполовилось лѣто. Пустяки, всего мѣсяцъ прошелъ веснебологской жизни, а было такъ, будто каждый новый день вколачивалъ гвоздь въ дверь его дома, заколачивалъ, ровнялъ ее со стѣной, и чѣмъ больше гвоздей уходило, тѣмъ жарче разгоралось желаніе уйти изъ дому, а какъ уйти?

Древній бѣлый соборъ, опоясанный бѣлой зубчатой стѣной въ темныхъ прогалинахъ каменныхъ мѣшковъ, съ колокольней,увѣнчанной тусклымъ, мягко-играющимъ золотомъ, гремящей въ праздники своимъ краснымъ звономъ, такой одинокій и въ своемъ одиночествѣ гордый и несравненный, стоялъ, какъ стоялъ еще при Гроzinомъ, поверхъ скученныхъ низкихъ домиковъ и всякаго громоздкаго чернаго жилья, и виденъ былъ со всѣхъ концовъ, покуда глазъ хваталъ. И изъ окна мезонина съ пустынной окрайны, гдѣ поселился Николай, и оттуда былъ виденъ древній соборъ.

А старыя березы съ вѣтвями-крыльями, поникшими въ густую старую крапиву, огненно-малиновая собаки репейника, вздрагивающая холодная рѣка, все жалось, ползало, подплывало къ крѣпкой стѣнѣ выдержаншей стойко бунтарское время — мятежный годъ.

Николай попалъ въ среду такихъ же силой оторванныхъ, прошедшихъ черезъ тюрьму, ссыльныхъ и невольно долженъ былъ соединять жизнь свою съ ихъ жизнью.

Ссыльные приняли его сердечно и участливо, такой встрѣчи онъ и не думалъ найти, даже неловко было. Онъ ничего не сдѣлалъ и ничѣмъ не заслужилъ ихъ участіе. И это подняло ему духъ.

„Нѣтъ,—думалъ онъ,—есть еще Богъ, живъ Богъ въ сердцѣ человѣческомъ, и человѣкъ не потерянъ“.

Подлинно, что-то новое начиналось въ душѣ его, и вся огорѣлышевица шелухой отпадала. Но пришелъ завтрашний день, будни—безпощадные будни, сдувающіе лепестки съ нѣжнаго цвѣта и разрушающіе самое милое лицо. Изъ-за сердечности и участія глянуло вдругъ изсущенное лицо сурогаго устава: оно не грѣло, а приневоливало, не радовало, а сковывало сердце.

Чѣмъ больше знакомился Николай съ своими товарищами, тѣмъ яснѣе видѣлъ, что люди эти, издерганные и загнанные, устали другъ отъ друга, окружили себя сектантской стѣнной нетерпимости и взаимнаго подозрѣнія, и, какъ всѣ, полны человѣческихъ слабостей, лишь скрытыхъ подъ часъ тѣми высокими и самоотверженными готовностями, о которыхъ мечтаешь въ свои жгучія благородныя минуты, но, главное, всѣ очень ужъ скучные въ обиходѣ житейскомъ, не у дѣль, безъ дѣла. Конечно, были и исключенія, но общее впечатлѣніе отъ товарищей осталось у Николая прежде всего какъ отъ чего-то очень скучнаго.

И пошли будни, медленно, изо дня въ день безъ всякой

щеремъны, мучительныя въ своемъ однообразіи,—полоненое терпѣніе.

Противъ бойницъ древняго собора, построенныхъ еще Грознымъ, стоялъ покосившійся простой деревянный домикъ, и въ этомъ домикѣ—колоніи ссыльныхъ вершались всякия судьбы.

Ссыльныхъ въ Великомъ Веснебологѣ было человѣкъ до пятидесяти. Больше держать въ городѣ запрещалось, и вновь прѣезжающимъ указаны были уѣзды, глухіе и замкнутые.

Пятьдесятъ человѣкъ безъ того дѣла, которымъ жили на волѣ, безъ дѣла и безъ средствъ къ жизни. Какая-нибудь грошевая работа и тупая, отупляющая скука или ожиданіе работы и гнетущая праздность и озлобленіе. И одни и тѣ же люди—товарищи по бѣдѣ, неизмѣнно одни и тѣ же лица, какъ навязчивые призраки, и по улицамъ и въ домахъ.

Такъ какъ каждый цѣплялся за свою нетлю—за убѣженіе свое и разжигалъ его воспоминаніемъ и засвѣчаль ему царскій самодержавный вѣнецъ, то, сходясь другъ съ другомъ, ссыльные начинали всегда одинъ и тотъ же разговоръ, а съ разговоромъ выходили одни и тѣ же споры. Каждый слушалъ только себя, и, подхвативъ какое-нибудь слово своего противника, выворачивалъ, мялъ это слово, приплеталъ къ нему цѣлую исторію и ужъ въ такомъ видѣ бросалъ назадъ, до личныхъ оскорблений.

Изъ пятидесяти выдвигались вожаки: вожаки притягивали къ себѣ болѣе податливыхъ и слабыхъ и тѣ поддакивали имъ, гикали сплоченной стѣпой оравой.

Каждое собраніе ссыльныхъ казалось собраніемъ злѣйшихъ враговъ. И въ концѣ всякихъ споровъ рѣдко не возводили другъ противъ друга самыя тяжкія обвиненія и прибѣгали къ самымъ послѣднимъ издѣвательствамъ. Со скуки и на стѣну полѣзешь!

Не малый раздоръ кипѣлъ около ссыльной кассы.

Надо было уставъ положить, а какъ его положить, чтобы всѣ довольны остались и все было бы по справедливости? Собирались, толковали-перетолковывали, а въ заключеніи торжествовали самыя полицейскія мѣры: всякіе налоги и надзоръ.

И опять подымалась ссора и озлобленіе. Нерѣдко прибѣгали къ товарищескому суду. Судили за все, за что только ни вздумается, за всякие пустяки, но первымъ обвиненіемъ всегда являлось подозрѣніе въ предательствѣ.

Предпринимались разслѣдованія, возникали комисіи. Одна комисія смѣнялась другою. Велся самый настоящій судебній процесъ.

Скрытая надоѣдливость другъ другомъ и тягота близости, въ которую насильно втиснуты были нѣсколько жизней, точили скуку. И съ какимъ нетерпѣніемъ ждали часа, когда снимутъ, наконецъ, запреть, и дорога ляжетъ скатерью.

И какимъ дорогимъ и соблазнительнымъ казался вокзалъ, а тѣ, кого принималъ онъ на свои рельсы, какими счастливыми! И все бы забылъ, только бы вонъ, вонъ изъ этой взаимной травли, скуки и ненужныхъ веснебологскихъ дней—и полоннаго терпѣнія.

Николай давалъ себѣ зарокъ жить отдельно, не встречаться ни въ какія исторіи, и не могъ выдержать. Нѣть-нѣть да и ввернется. Да и трудно было, какъ-то само собой думалось объ общихъ интересахъ и о тѣхъ событияхъ, которыя произошли съ кѣмъ-то изъ товарищей, и, не желая вовсе, становился онъ то на одну, то на другую сторону. Втюрился, наконецъ, въ какую-то исторію сплетническую и нехорошую, и уже всякий зарокъ пропалъ.

Оставаясь одинъ, Николай прислушивался къ самому себѣ, ждалъ новаго голоса, который долженъ былъ вырасти въ этомъ изводящемъ подневольѣ и путаницѣ, и ничего не

слышалъ,—было печально на душѣ и затаенно. И угнетало предчувствіе новыхъ бѣдъ и горькихъ паденій.

Въ покосившемся домикѣ—колоніи ссыльныхъ сквозь задернутыя бѣлые занавѣски помигивалъ зеленый блѣдный огонекъ. Въ домикѣ спорили и рѣниали. Въ домикѣ въ вечерніи часы находилось и свое дѣло и свой путь, своя жизнь и своя смерть.

И приходила не темная, беспокойная, бѣлая—мѣдная сѣверная ночь.

Упоенное зорями небо, казалось, подымало изъ рѣчной глуби бѣлые ограды, ставило ихъ кругъ земли Веснебологской. Бѣлый безъ свѣта выходилъ мѣсяцъ, тянулся, какъ калѣка, къ крохотной одинокой звѣздочкѣ.

И зоркія птицы, какъ черныя молніи, молча летѣли еще дальше на сѣверъ.

И изъ дневного гомона, дневной суеты, дневного преступленія, разстилавшихся надъ городомъ, вставала Мара—бессмертная, бездольная, проклятая отъ рожденія: корчились всѣ ея члены, перевитые, будто шелковинками, красными нитями незаживающихъ ранъ, а заплаканный ротъ судорожно кривился, и вылетали мучительные вопли изъ сдавленнаго горла.

Выкрикивала Мара безотвѣтныя обиды, и по міру пущенные слезы, и слезы, тайкомъ пролитыя, и слезы, проглоченныя подъ улыбкою, безпріютная, бездольная, отчаявшаяся отъ рожденія.

И казалось, растворялись рѣзныя ворота бѣлаго Веснебологскаго собора, выходили въ ченуичатыхъ кольчугахъ воины, бѣлосѣжная рында, парчевое боярство, монахи—опричники и красный палачъ, а надъ лѣсомъ мечей и топоровъ сиялъ драгоценный царскій крестъ Грознаго.

Въ ужасѣ кривился заплаканный ротъ безпріютной Мары, рвался изъ горла убитый хрипъ. Проклинала Мара грознаго царя, проклинала его слугъ чернецовъ, проклинала

красного цалача, и мать свою, что зачала и вскормила ее на
муку и поруганіе.

Захлопывались безшумно рѣзныя ворота, подымалось
шествіе вверхъ по глубокой рѣкѣ. Багровѣль ночной мѣдный
свѣтъ, заливался небосклонъ алою кровью.

И подымалось огромное нестерпимо-яркое солнце, не-
устанное полунощное надъ спящей землей.

Николай долго не могъ привыкнуть къ бѣлымъ сѣвер-
нымъ ночамъ, не спаль цѣлыхъ ночи.

И жгучія желанія подымались въ его безсонномъ сердцѣ.

ГВАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Судъ.

Сидѣть у окна по ночамъ,—долго не высидишь, и Николай съ утра до поздняго вечера шатался по городу. Задиралъ то къ одному, то къ другому товарищу, ходилъ на рефераты, на собранія, участвовалъ въ прогулкахъ за городъ,—всюду и вездѣ совалъ носъ, слушалъ и присматривался, вступалъ въ разговоры, морочилъ для смѣха.

Вспомнилась какъ-то Целагея Семеновна Красавина, пріятельница Вареньки, вспомнилась веселая Огорѣлышевщина и какъ некрологъ Палагеи Семеновны писали, схватился Николай за некрологи, и кому-кому только не написалъ сгоряча!

Ударилъ некрологъ по больному мѣсту, и среди ссылочныхъ поднялась цѣлая буря. Собирались и толковали, толковали и обсуждали, пока не пришли, наконецъ, къ единогласному рѣшенію.

Въ первую субботу вечеромъ назначенъ былъ судъ надъ Николаемъ.

Просторная комната колоніи, гдѣ обычно жили сообща

и сколько товарищей ссыльныхъ и гдѣ находили пріютъ всѣ вновь прѣѣжающіе ссыльные, въ субботу была переполнена,—сидѣли и вокругъ стола, сидѣли и на кроватяхъ.

Предсѣдателемъ выбрали ссыльного адвоката Брызгина.

Аккуратно одѣтый, бѣленъкій, покачиваясь на тоненькихъ ножкахъ, Брызгинъ говорилъ не особенно бойко, пересыпая рѣчъ свою затасканными остротами и косясь на плохо занавѣшанныя окна.

Прежде, чѣмъ разбирать вопросъ о Финогеновѣ и о его выходкахъ, Брызгинъ предложилъ рѣшить собранію: щѣхать-ли всей колоніей вслѣдъ за высылаемымъ въ уѣздъ товарищемъ Щукинымъ или просто выразить губернатору протестъ.

Щукинъ, чудаковатый студентъ, сидѣлъ въ углу, не выпуская изо рта паниросы, угрюмый и взлохмаченный.

Сначала раздѣлились на голоса, потомъ перемѣшились.

Попробовали поднимать руки, но когда пересчитали, оказалось, рукъ больше, чѣмъ присутствующихъ: не разбирая, одни и тѣ же поднимали и за и противъ.

Поднялся шумъ. Говорили заразъ. Кричали:

— Щдемъ, щдемъ!

— Не смѣеть такъ поступать!

— Позвольте, я былъ въ Сибири!

— Наплевать мнѣ на всѣхъ!

— Тинie!—прикладывалъ къ губамъ руку Брызгинъ и поднимался на цыпочки, лицо его вздрагивало и покрывалось красными пятнами.

Когда же вдоволь накричались, и кое-кто успѣлъ высказать и не безъ подробностей свое мнѣніе, и вопросъ казался исчерпаннымъ, заскрипѣлъ стулъ Переплетчикова.

Переплетчиковъ, известный своей статьей о буржуазности Пушкина и слывшій ораторомъ, ни слова не проронилъ во время послѣдней щеголеватой рѣчи своего про-

тивка Андрея Андреевича Курбатова и теперь готовился разнести его вдребезги.

Несколько лицъ, плотно окружавшихъ стулъ Переплетчика, одобрительно зашептались.

— Соглашаясь съ мнѣніемъ Андрея Андреевича,—началь Переплетчиковъ, растягивая и подсобляя выпущенными глазами,—я, господа, такъ сказать или вообще, выражаясь яснѣе и говоря проще, хотѣлъ бы выяснить и до нѣкоторой степени развить немаловажный или не менѣе существенный вопросъ, поднятый и затронутый Андреемъ Андреевичемъ приблизительно до нѣкоторой степени...

Оказалось, что Переплетчиковъ хорошенъко не понялъ, противъ кого протестовать: противъ ли Щукина или противъ постановленія губернатора, и вся его длинная, путанная рѣчь свелась къ защитѣ Щукина противъ губернатора.

Опять раздѣлились на голоса. Опять подсчитывали руки. Опять говорили заразъ. И, наконецъ, решено было выбрать комисію.

Долго выбирали комисію и, когда все дѣло уладилось, и всѣ согласились, запротестовалъ Рыжинъ.

Размахивая руками, будто было ихъ у него не двѣ, а по крайней мѣрѣ цѣлыхъ три, Рыжинъ говорилъ противъ всего и всѣхъ вообще: Рыжинъ слыть за анархиста.

Послѣ шумнаго перерыва обратились къ дѣлу Финогенова.

Предсѣдательствовалъ на этотъ разъ рѣдкій посѣтитель собраній Корюхинъ, здоровенный малый, бритый, какъ актеръ, съ трагической морщиной, рѣзко вырисовывающейся изъ-подъ нависшей на лобъ густой гривы. Пришелъ Корюхинъ на собраніе отчасти изъ любопытства, отчасти и потому, что нѣкоторыя подробности некролога, за который обвиняли Финогенова, близко его касались.

Насмѣшливо улыбаясь, развернулъ Корюхинъ свитокъ,

испещренный затѣйливыми строчками съ чернымъ крестомъ, вверху—некрологъ Ивану Адріановичу Дееву.

— „Иванъ Адріановичъ Деевъ!—провозгласилъ Корюхинъ, обводя присмирѣвшую публику дѣланно страшными стальными глазами, и началъ некрологъ,—Деевъ умеръ! Деевъ Иванъ Адріановичъ... „Деевъ пиши!“ — не разъ говаривалъ прикованный къ постели злымъ недугомъ Корюхинъ. И Деевъ писалъ, въ записную книжку записывалъ. Какъ сейчасъ вижу его вытянутыя тонкія ноги, розовую сорочку и темно-желтые ботинки, вижу лицо его, издали напоминавшее портретъ Канта... съ бородою. Онъ не любилъ ничего неяснаго и неопределеннаго. „Пардонъ-сь, пожалуйста! — говорилъ покойный, морщась и прижимая лѣвый кулакъ къ груди, когда заходила рѣчъ о постулированіи абсолютнаго,—все это безсодержательныя слова, leere Wörter!“ И тутъ же приводилъ какое-нибудь латинское изреченіе, украшая его излюбленнымъ всѣми философами сравненiemъ: о ваннѣ и выплеснутомъ ребенкѣ... Помню напу встрѣчу: покойный лежалъ на диванѣ въ ожиданіи чаю; въ рукахъ его была книга... кажется, онъ не спалъ Помню незабвенные прогулки у стѣнъ древняго собора: покойный такъ настойчиво требовалъ признанія бытія дьявола. Навѣрно, тутъ-то и созрѣла его знаменитая работа: Такъ что же это такое чортъ возьми? Обладая даромъ ясновидѣнія, покойный какъ-то позднимъ вечеромъ, не дойдя до Золотого Якоря, споткнулся и упалъ. А когда затворилась дверь отдѣльного кабинета, попросилъ чаю стаканъ безъ лимона. Отличаясь трудолюбіемъ, покойный тихо скончался за переводомъ съ нѣмецкаго“.

Корюхинъ свернулъ свитокъ, поправилъ пенснѣ и отошелъ въ сторону.

Поднялся Катиновъ, игравшій роль прокурора.

Остролицій, будто высѣченный весь изъ камня, Катиновъ началъ свою рѣчъ рѣзко, словно только - что нанесъ

ему кто-то смертельную обиду. Онъ подчеркивалъ лживость, оскорбительность и глумленіе некролога, разбиралъ каждое слово, вездѣ улавливая намеки на интимности Деева, — человѣка, достойнаго всякаго уваженія.

— Финогеновъ,—воскликнулъ Катиновъ,—вошь, загнѣз-
дившаяся въ великомъ скованномъ тѣлѣ России. И тѣмъ,
кто подхлестываетъ, кто душить, кто изо дня въ день за-
точаетъ, этимъ висѣльникамъ, друзьямъ Огорѣлышевыхъ,
пріятелямъ всемогущаго князя, все это на руку, ихъ она не
tronетъ, гадкая, маленькая вошь. Финогеновъ носится съ
самимъ собой, Финогеновъ ковыряеть, выковыриваетъ вся-
кую нечистоту и соръ, гадкая, маленькая вошь...

Закончилъ Катиновъ призывомъ къ завѣтамъ великихъ
борцовъ, бросившихъ вызовъ произволу:

— Ихъ имена стоять, будутъ стоять кровавымъ уко-
ромъ, ихъ голосъ услышите въ затрепетавшемъ сердцѣ.
Слушайте: идите за ними, какъ мстители, радостно, идите на
казнь!

Нѣсколько лицъ, окружавшихъ Катинова, зааплоди-
ровали.

— Пережитокъ! — буркнулъ молчавшій чудоковатый
Щукинъ.

— Герои и толпа! — крикнулъ Переплетчиковъ и побѣ-
доносно и презрительно.

А Катиновъ стоялъ блѣдный, казалось, упадетъ онъ
отъ душившаго его негодованія. И ясно было, что не въ Фино-
геновъ, не въ некрологѣ былъ источникъ его негодованія, а
въ его полной одинокости среди своихъ, среди товарищей и
въ безсиліи его всколыхнувшагося сердца. Финогеновъ былъ
для него тѣмъ же, чѣмъ Розикъ для Прометея, не больше.

Курбатовъ самодовольно улыбался.

Вступила комисія.

Веснебологскій старожило Скопцовъ, промытарившійся
по нѣсколько лѣтъ чуть ли не въ каждомъ уѣздѣ, исхуда-

лый, въ темныхъ очкахъ, ощеривающійся, какъ скелетъ. Молодой литераторъ Хоботовъ, напоминавшій не Мефистофеля, а самого обыкновенного козла, извѣстный своими статьями по всѣмъ вопросамъ, а главное своимъ неподражаемымъ члененіемъ. Надушенный мыльными духами, Неволинъ, полжизни промыкавшійся въ ссылкѣ по отдаленнѣйшимъ городамъ и вѣсямъ, и полжизни отдававшій, лишь бы походить на что-нибудь странное и необыкновенное, токой добрый, и мягкий и румяный. Иванъ Авиловичъ Пупко, тихій, маленький, сгорбленный съ вѣчно подвязаннымъ горломъ и постоянно въ непромокаемомъ резиновомъ плащѣ. И наконецъ, статичекъ статистикъ Вороновъ.

Съ выступленіемъ комисіи и рѣчей ея въ комнату вошелъ Николай и, спотыкаясь о груду калошъ, тихонько пробрался въ уголъ къ молчаливымъ колонистамъ, жавшимся по стѣнкѣ.

Сквозь непотухающе-точацій шумъ и табачный дымъ доносилось до Николая какъ-то само собой вылетающее слово Хоботова.

Размахивая правой рукой и словно покачивая изъ стороны въ сторону своимъ огромнымъ языкомъ, Хоботовъ громилъ метафизику, какъ надстройку буржуазіи, а Николая какъ психологической типъ вырожденія, затѣмъ удрился въ моднаго нѣмецкаго философа, процитировалъ монологъ изъ своей готовящейся къ печати соціальной драмы, обозвалъ шарлатанами нѣсколькихъ поэтовъ, которыхъ принято было честить шарлатанами, похвалилъ писателя, котораго все хвалили, и, перебравъ уйму книгъ и бѣгло пересказавъ уйму всевозможныхъ теорій, Хоботовъ ринулся впередъ, взмахнулъ руками и вскрикнулъ, какъ только могъ, убѣдительно и громогласно:

— Рабочіе должны быть жадны!!!

За несмолкавшимъ шумомъ, а шумъ поднялся одобрительный и восторженный, едва можно было разобрать Скоп-

цова. Задыхаясь, дѣлалъ Скопцовъ отъ себя нѣсколько незначительныхъ дополненій такимъ глухимъ голосомъ, словно слова его мягкими кусками выливались изъ его прокуренного рта.

Неволинъ, выступившій за Скопцовыемъ, пріятно улыбался и, когда немного поутихло, пустился не безъ щѣжности, и о мѣрѣ возможности, описывать всевозможныя финогеновскія исторіи и вдругъ потупился и остановился.

Неволина смѣнилъ старичекъ Вороновъ.

Проникновенно всматриваясь черезъ пленсіз на публику и скорбно опуская губы, Вороновъ сообщилъ о невозможности комисіи разслѣдовать психологію товарища Финогенова: по его мнѣнію, Финогеновъ нехорошій...

Наконецъ, шепоткомъ и робъя заговорилъ Иванъ Ави-лычъ Пунко.

Съ Финогеновымъ Пунко познакомился въ день его пріѣзда въ Веснебологъ. Финогеновъ, какъ самъ рассказывалъ, продавалъ мыло, которое даромъ получалъ отъ своего брата.

— А когда касса обложила налогомъ мыло, Финогеновъ не подчинился,—сказалъ Иванъ Ави-лычъ и поперхнулся.

И поднялся заражающій хохотъ.

Корюхинъ, встряхивая всей своей гривой и хватаясь за животъ, хохоталъ своимъ ребячески-безпечнымъ, раскастистымъ смѣхомъ.

Противъ Корюхина стоялъ Деевъ—виновникъ некролога —Деевъ въ своей неизмѣнной розовой сорочкѣ и темно-желтыхъ ботинкахъ и, прижимая лѣвый кулакъ къ груди, доказывалъ что-то доктору съ голубыми растерянными глазами...

И опять зашумѣли:

- Не подавать руки!
- Исключить изъ колоніи!

— Это все равно, какъ вмѣстѣ съ водой выплеснуть ребенка!—выкрикивалъ Деевъ.

Взлохмаченный Рывкинъ лѣзъ на стѣну; онъ что-то кричалъ своимъ завывающимъ голосомъ, а руки выдѣлявали въ воздухѣ всевозможныя антраши.

Николай протолкался къ Катинову.

— Послушайте,—Николай дотронулся до его плеча,—пойдемте, тутъ мы съ вами лишишь!

Катиновъ рѣзко обернулся.

И они стояли другъ противъ друга. И комната, казалось, ужъ не шумѣла больше, всѣ ждали.

Вдругъ Катиновъ откинуль голову и со всего размаха удариль Николая.

И въ отвѣтъ загремѣль барабаняцій хохотъ, и снова крики.

— Такъ ему и надо!

— Огорѣлышевецъ!

— Вотъ такъ Катиновъ!

Николай минуту стоялъ, какъ очумѣлый, и вотъ снова увидѣлъ Катинова: лицо Катинова болѣло злобой, какъ у Огорѣлышева. Николаю захотѣлось плюнуть ему въ лицо.

„Нѣть,—спохватился онъ,—слишкомъ много чести!“—и пошелъ къ двери, а что-то липкимъ ртомъ будто припадало къ его сердцу, горечь ъла его расходившееся сердце.

Смѣло, друзья, не теряйте
Бодрость въ неравной борьбѣ...

—донеслась вдогонку пѣсня изъ домика къ лоні.

„А ты умереть можешь?—спросилъ себя Николай, и подумавъ, отвѣтилъ:—А они могутъ... Катиновъ и Рывкинъ и Хоботовъ,—и опять подумалъ,—нѣть, Рывкинъ и Хоботовъ, можетъ, и не умрутъ, духа не хватитъ, а вотъ Катиновъ... Но ты-то можешь? Ты можешь рѣшиться? У тебя хва-

тить духа? Есть у тебя ну хоть что-нибудь, за что ты умешь готовь?“

А кругомъ шумно отцвѣтала ясная прощально-ясная, осенняя ночь. И будто въ отвѣтъ шуршала листва въ опустѣлыхъ садахъ, падали звѣзды, кружась и летая, какъ листья.

Родину—мать вы спасайте
Честь и свободу свою...

—доносилась въ догонку пѣсня изъ домика колоніи.

Вдругъ удирало въ душу:

„Умереть!“—и Николай ужъ не могъ ровно итти, бѣжать сталъ. Онъ добѣжалъ до дома, вѣждалъ на лѣстницу, захлопнулъ дверь, защелкнулъ задвижкой.

Звѣздный свѣтъ игралъ на стеклахъ.

Николай задернулъ занавѣску, зажегъ свѣчку, затаился. Одинокая свѣчка на смѣшило глядѣла.

Глаза упали на столъ: на столѣ письмо,—знакомый почеркъ.

— Таня! — и вздрогнувъ весь тѣломъ, Николай смертельно улыбнулся.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Расправа.

Не чаялъ Николай, не думалъ, что Таня вспомнить о немъ, пріѣдетъ къ нему. Ни строчки ни разу не получилъ онъ отъ нея ни въ тюрьму, ни сюда, въ Веснебологъ, думалъ, наsegда ужъ прошло, кануло все. А вотъ и пріѣхала. Какъ онъ обрадовался!

„Не радуйся, не радуйся!—выстукивало сердце,—большне твоя она, не твоя: она Александра любить, пріѣхала объ этомъ сказать тебѣ. Она не любить тебя и лгать не хочетъ!“

— Таня, это правда?—чуть слышно спросилъ Николай, не договоривъ своего вопроса.

— Да, правда! — сказала Таня, безъ словъ понявъ его, и поднялась точь-въ-точь какъ на портретѣ у Александра,—ну что же я могу сдѣлать съ собой, я только вѣрю вамъ, какъ первому, какъ близкому.

— Стало быть, такъ!—Николай тоже всталъ и снова сѣлъ,—ничего не подѣлаешь!

— Я вотъ вамъ правду говорю, вамъ одному всю мою

правду, и пріѣхала сюда за этимъ. А вы мнѣ развѣ говорили тогда по правдѣ? Зачѣмъ вы меня обманывали?

— Я вѣсь...?

— А эта въ Бакаловскомъ домѣ?

— Машка! Я никогда не любилъ.

— Да вы меня-то любили ли?—Таня вдругъ постарѣла,—какъ-то вечеромъ зашла она ко мнѣ, забитая така, помочь просила... „Ребенокъ, говорить, былъ, да померъ.“ А сама вся трясется, еле на ногахъ стоитъ, пьяная... Почему вы о ней не сказали мнѣ?

— Да просто она для меня ничего не значила!—Николай поднялся и такъ остался стоять.

— Думаете, я могла бы забыть? Никогда не забыла бы!— Таня стиснула кулаки.

— Она умерла,—сказалъ Николай и опять ему показалось, что Таня попрежнему любить его.

„Нѣтъ, нисколько не любить,—выговаривало сердце,—если бы она любила, не рвалась бы такъ домой: завтра вѣдь уѣдетъ, твердо сказала, уѣдетъ непремѣнно. Да и жить ей тутъ неудобно!“

Таня помѣстилась въ одномъ домѣ съ Николаемъ—комната ея была внизу,—квартира общая, общій ходъ. Комната не понравилась Танѣ. И квартирная хозяйка какъ-то все высматривала и поглядывала подозрительно.

Вечеромъ долго не расходились. Николай все рассказалъ о себѣ, ничего не утаилъ отъ Тани. И незамѣтно вырастало довѣrie. Таня сидѣла съ нимъ рядомъ на диванѣ. И снова она ему все сказала. Она выйдетъ замужъ за Александра. Она помиритъ его съ братомъ, и когда-нибудь онъ пріѣдетъ къ нимъ, какъ въ свой домъ. И какъ легко ей теперь, а то она все мучилась.

И Николай соглашался: онъ все готовъ сдѣлать для ея счастья, такъ онъ любить ее, одну ее, только одну ее!

Было ужъ за полночь, когда Таня пошла внизъ, въ свою комнату. Николай проводилъ ее до дверей и, оставшись одинъ, долго сидѣлъ, слышалъ, какъ Таня задернула гардины, какъ стулъ переставила, какъ задула, наконецъ, лампу. И онъ самъ погасилъ у себя свѣтъ и, не раздѣваясь, легъ.

На дворѣ дождикъ шелъ. Осенний вѣтеръ скрипѣлъ ставнями, не баюкалъ. Осенний вѣтеръ шумомъ своимъ не баюкалъ, мучилъ, пробуждалъ въ сердцѣ похороненное, будто могилы раскрывалъ давнымъ давно сравнившіяся.

Николай вскочилъ съ широко раскрытыми глазами, насторожился: ему показалось, слышать онъ голосъ Тани,— оттуда изъ низу тянулся ея голосъ, какъ бредъ, и свѣтляками мигало ея тревожное дыханіе въ безмолвіи ночи, все наполняя собою, всю его душу жаждущую, все его сердце, рвущееся и нелюбимое къ ней одной любимой.

И ужъ вспоминается ему, какъ когда-то Таня подходила къ нему, и они сидѣли рядомъ, онъ бралъ ее за руку и чувствовалъ теплоту ея тѣла, слышалъ стукъ ея сердца.

„Нѣтъ, она ужъ никогда не подойдетъ ко мнѣ!“—ударило въ душу.

Николай долго искалъ спичекъ, чиркаль,—спички ломались, и, когда, наконецъ, вспыхнулъ голубоватый огонекъ, онъ закурилъ и увидѣлъ свои пальцы, блѣдные и заостренные, какъ зубья, а въ зеркалѣ мелькнуло лицо его—голова въ спутанныхъ, извивающихся змѣйками волосахъ, повисшіе усы и потемнѣвшіе, провалившіеся отъ безсонницъ глаза.

„Пріѣхала правду сказать, проститься... Лучше бы не знать ему никакой правды. Ну, пусть бы осталось такъ, безъ правды,—замолилъ въ душѣ его безнадежный голосъ,— не знать бы ничего, и ждать и надѣяться, а, можетъ быть, забыть. А теперь поздно, ужъ поздно!“

„Барыня-то у васъ какая красавушка!“—такъ квартирная хозяйка сказала Николаю въ день пріѣзда Тани.

— Красавушка! — повторяетъ Николай слова хозяйки, и видить Таню: Таня будто подходитъ къ нему, всматривается, протягиваетъ руку, и видить онъ глаза ея—два хищныхъ звѣрька въ засадѣ, и чувствуетъ ея горячую ладонь. Николай чувствуетъ ее съ болью, какъ свое нераздѣльное и вотъ отрываемое, и проходять передъ нимъ дни безъ времени съ жаждой любви, опьяненные жаждою.

„Пріѣхала правду сказать, проститься! — подымается снова въ душѣ его безнадежный голосъ, и отчаяніе замораживаетъ всю его память, и земля выскальзываетъ передъ нимъ, и онъ виситъ будто въ воздухѣ среди пустыннаго затишья.

На минуту Николай очумѣлъ, какъ тогда послѣ Катинова, послѣ пощечины и вдругъ опять услышалъ голосъ Тани—тянулся ея голосъ, какъ бредъ и свѣтляками мигало ея тревожное дыханіе въ безмолвіи ночи, все наполняло собою, всю его душу жаждущую, все его сердце рвущееся, нелюбимое къ ней одной любимой. И съ ревомъ кровь хлестала по его жиламъ, сѣкла каждый нервъ, кутала плечи въ горящую ткань

„Нѣть, она ужъ никогда не подойдетъ ко мнѣ!“ — ударило въ душу, подняло его на ноги.

Николай зажегъ свѣчку — нестерпимо яркую свѣчку, и пошелъ къ двери, къ лѣстницѣ внизъ къ Танѣ.

Осенний вѣтеръ шумѣлъ за окномъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Куда вѣтеръ гонить.

Со свѣчкой, стараясь не стукнуть, не дыша, спустился Николай внизъ къ Танѣ, тихонько раздвинулъ портьеры и вошелъ въ ея комнату.

Брошенная на стулъ, смятая бѣлая кофточка съ длинными черными шнурами впивалась въ глаза и тянула. Онъ прикоснулся къ шелковой кофточкѣ, какъ къ живому тѣлу.

Таня, вздрогнувъ, открыла глаза, подобралась.

— Таня не бойтесь, это я, это я!—повторялъ Николай и силился что-то вспомнить, что-то разглядѣть, что-то уловить, и видѣлъ глаза ея, напряженно всматривающіеся, нѣть, какъ у Розика.

— Таня, не бойтесь, это я, это я!—пресѣкался его голосъ, туманилось у него въ глазахъ.

И тихій стонъ ея на минуту оглушилъ его. Словно два взъерошенныхъ звѣрька выскочили изъ ея большихъ глазъ. А дразнящія тѣни на ея груди потянули его за собой и всѣ слова и всѣ мысли вдругъ умерли.

Николай дѣлалъ то, на что его толкало, и не было мы-

сли противиться завладѣвшей имъ силою, ни мысли, ни желанія, и будто сквозь сонъ, чувствовалъ онъ, какъ что-то крѣпко сдавило его и слышалъ, какъ опрокинулось что-то, переломилось, какъ что то жалобно хрустнуло, — хрустъ пронзилъ его мозгъ, разорвалъ мякоть и звенѣль мертвымъ звономъ въ пустыхъ костяхъ.

Ревъ взбѣщенаго звѣря, жалоба обиженнаго ребенка, вопль изступленной матери, и даль бездонно-черная въ спѣшащихъ огонькахъ-снопахъ и пѣжно-стелящаяся тишина и баю-бай укачивающей колыбельной гѣсни....

Непотушенная свѣтлая, нагорѣвшая, словно вбирая кровь, пылала. Колебались портьеры,— тамъ за дверью будто кто-то двигалъ портьерами.

И Николай ужъ снова стоялъ передъ Таней, а съ бѣлой кровати смотрѣли на него глаза, ея глаза и двѣ слезинки дрожали у полураскрытыхъ ея губъ, да разметавшися волосы перьями сухо чернѣли.

Свѣтлая, словно вбирая кровь, пылала.

И ожили всѣ слова, ожили всѣ мысли. Все, сдѣланное имъ минуту назадъ, стало яснымъ. Поправить?—не поправишь. Уйти?—некуда уйти. И эта непоправимость, эта невозможность закружила Николая.

Всѣ предметы стали вдругъ подходить и заходить пе-редъ нимъ, сплывать и сжиматься. Вотъ умывальникъ во-шелъ въ кровать и расползлись по полу ножки стула и вдругъ стянулись въ душный тѣсный кругъ, все закружилось...

Упалъ онъ къ кровати и казалось ему, будто ползетъ онъ по нестерпимо зеленому лугу черезъ груды живыхъ тѣлъ...

Темный обморочный сонъ сковалъ Николая.

И видѣнія одно за другимъ проносились въ душѣ его, какъ живое и съ болю живою.

Представилось ему, будто вбѣжалъ онъ въ огром-ный домъ. Нѣть конца комнатамъ. Какие-то оборванные люди сидятъ на сундукахъ, какъ погорѣльцы на спасенномъ добрѣ.

Въ широкое окно тянется золотой лучъ, но они не видять солнца, посинѣвшими руками впились въ сундуки, и тупой страхъ тянетъ ихъ въки къ землѣ. Вдругъ погасъ свѣтъ. И онъ ужъ не въ комнатѣ съ широкимъ окномъ, а въ тѣсной каморкѣ. Тихо отворилась дверь. Тихо съ тяжелыми котомками будто входятъ странники въ запыленныхъ армякахъ, окружаютъ его. А гдѣ-то за стѣною шумъ водопада и вѣтреный шорохъ летающихъ осеннихъ листьевъ. Стѣны сжимаются, потолокъ все ниже, и тѣснѣе сходятся странники. Да это онъ на верху въ дѣтской въ красномъ флигелѣ, вонъ и зеркало.

„Колюшка-то померъ!“ — явственно донесся знакомый голосъ изъ низу съ лѣстницы, голосъ покойницы бабушки Анны Ивановны.

„Бабушка, а бабушка, о сѣромъ волкѣ сказку скажи!“ — будто кличетъ онъ въ отчаяніи и знаетъ, что поздно теперь, ничего не поправишь, да и бабушка не слышитъ его.

И представляется ему, будто идетъ онъ по черной степи. Изрѣдка попадаются ему худыя, изогнутыя деревца, свернувшіеся листочки на изѣденныхъ лишаями вѣткахъ. И небо такое черное. Трудно итти, но онъ идетъ: онъ долженъ яму выкопать — могилу себѣ.

„Вотъ тутъ! — говоритъ ему кто-то на ухо, — мѣсто тебѣ будетъ покойное, царское!“

И онъ принимается яму копать, покорно, безъ жалобы. А жить-то какъ ему хочется! Руками разрывается онъ землю — могилу себѣ. И вдругъ все измѣнилось: небо изъ чернаго стало сине-блѣлое, степь весенняя. И онъ чувствуетъ, какъ легкія крылья поднимаютъ его, несутъ по теплой волнѣ надъ землей, надъ весенней степью.

Что жъ намъ тѣлать,
Какъ намъ быть,
Какъ латнискій порѣшиТЬ?

— обрѣзаль несуразный Прометеевъ голосъ, Прометей пѣлъ.

Прометей голый, Прометей весь густо вымазанный юдомъ, съ бинтами по всему тѣлу, скаля зубы, пѣль, головой поматывалъ. А кругомъ плащеницы свѣчи горятъ и пусто, ни души въ церкви. Вдругъ Прометей выпрямился, обвелъ безумными глазами вокругъ церкви, присѣлъ на корточки, и, какъ ужаленный, подпрыгнулъ и, весь извиваясь, сорвалъ бахрому съ плащеницы, разорвалъ бархать, сцарапалъ изображеніе, сшибъ подсвѣчники. Летѣли свѣчи, загорались иконы, трещалъ иконостасъ. Вой, визгъ, взрывъ зачинающаго пожара и среди гула и шума шопотъ, его собственный шопотъ:

„Таня, не бойтесь, это я, это я!“

И подымается душная, грозная ночь. Только они одни, будто онъ и Таня, одни на верху въ дѣтской. Увѣренно теплится лампадка передъ Трифономъ Мученикомъ, жарко пылаетъ креценская свѣчка. Они жмутся другъ къ другу. А гроза идетъ, вотъ разразится прямо надъ крышей, похоронить весь домъ. Они жмутся другъ къ другу.

„Таня, не бойтесь, это я, это я!“

И вдругъ раскололось надъ домомъ, запрыгали окна, вытянулись лица...

„Сорокъ девять! сорокъ девять!“ — подхватилъ хоръ глухихъ сиплыхъ голосовъ: это пѣли всѣ сорокъ девять товарищей ссылочныхъ.

И онъ ужъ стоитъ будто на откосѣ желѣзнодорожнаго полотна, а они, всѣ сорокъ десять товарищей—ссыльныхъ, будто внизу подъ окномъ сѣменять на одномъ мѣстѣ, держутся за руки, топчутъ что-то красное, вязкое, хлюпающее, мясо какое-то. И вдругъ въ глазахъ у него потемнѣло: кто-то ловко накинулъ ему петлю на шею и потянулъ. И ужъ ведутъ его въ башню, бѣлую, безъ единаго окошечка, и онъ знаетъ, что приговоръ подписанъ, и съ часу на часъ наступить смерть. Онъ лежитъ на нарахъ въ грязной камерѣ, и ждетъ, когда придутъ за нимъ и поведутъ на казнь. И вотъ съ визгомъ растворилась чугунная дверь. Два человѣка,

одинъ въ черномъ, другой въ красномъ плащѣ и черныхъ полумаскахъ, съ тонкими, золотыми шпагами на бедрахъ, вошли въ камеру и, молча, взявшись его подъ руки, вывели на волю. И тамъ, на волѣ, долго шли они по незнакомымъ узкимъ улицамъ, завертывали въ переулки, упирались въ тупики, снова возвращались, пока не выбрались на людную широкую площадь. Толпа запрудила всѣ проходы. Надорванно заливался колокольчикъ остановившейся конки. Кондукторъ, морща желтое лицо и насьдая грудью, вертѣль тормазъ, самъ заливался мелкимъ гаденькимъ смѣхомъ. Небо ярко-синее надъ пестрой толпой куталось въ блестящую сѣть весенняго солнца и, казалось, спускалось все ниже, совсѣмъ надъ площадью. Онъ просто могъ бы достать пальцемъ до неба, когда сталъ на высокій помостъ и глянулъ поверхъ кишѣвшей толпы, но палацъ ударили его кулакомъ по шеѣ, и голова его упала на грудь. А прямо передъ нимъ, у столба на краю помоста, прихлопывая въ ладони, плясала растерзанная съ оборванной петлей на шеѣ полунасвая женщина: измученное лицо ея въ слезахъ надрывалось, отъ боли глаза то на лобъ выскакивали, то вваливались, какъ у похолодѣвшаго трупа,—Таня плясала...

Но тутъ видѣнія, въ мигъ пронесшіяся въ душѣ, сожгли ему всю душу и темная пелена упала на его глаза.

Выгорѣвшая свѣчка вздыхала, голубой огонекъ чуть жилъ.

Закусивъ конецъ половика, лежалъ Николай въ обморочномъ снѣ на полу у Таниной кровати, а по стѣнѣ, какъ разбитыя мельничныя крылья, шарахаясь, ходили наливающіясяочные тѣни. Съ открытыми остановившимися глазами лежала Таня, не шелохнулась.

И была долгая ночь, запретила она, безотвѣтная, всѣмъ беззвѣзднымъ шорохамъ и одинокимъ стукамъ врывающейся, гулять по дому, караулила она окно, поруганное сердце и другое сердце, изступленное отъ жажды и отчаянія.

ГЛАВА ШЕСТИНАДЦАТАЯ.

Мертвая петля.

На другой день Таня уѣхала отъ Николая. Куда? Зачѣмъ уѣхала? Домой? Къ Александру? Ни слова она ему не сказала, не простилась, не взглянула на него—такъ и уѣхала. Лучше бы ему и не просыпаться и зачѣмъ онъ проснулся послѣ своей непоправимой ночи.

Падали послѣдніе, красные листья. Сгорали осеннія красныя зори. Туманы, кутая берегъ, какъ стѣна, подымались надъ рѣкою. Въ послѣдній разъ отплывая, ревѣли пароходы, прощальныій ихъ голосъ разрѣзалъ холодный воздухъ. И прошла осень. Вѣтренно—шумно хлоицами полетѣль снѣгъ на землю. Въ долгія ночи металась подъ крышиами вьюга, ковала стужу. И въ дымѣ ходила по звѣздамъ костлявая луна, улыбалась скорбной улыбкой.

По временамъ казалось Николаю, онъ просто съ ума сходитъ.

Обычно, какъ только смеркалось, выходилъ Николай на улицу и, пробираясь среди старыхъ домовъ, шелъ на безлюдье, въ поле. Если случалось встрѣтить кого изъ това-

рицей, онъ сжимался весь, будто жестокій ударъ готовился на его голову. Такими страшными стали казаться ему самые безобидные люди.

По улицамъ въ часть его скитаній зажигали фонари. И онъ, встрѣчая сѣдое хилое пламя, всматривался, какъ въ пылающую свѣтлку своей непоправимой ночи.

„Ты помнишь?... Ты помнишь ту ночь, ее не вернуть!“—гудѣлъ вѣтеръ.

А тамъ, въ бѣломъ полѣ, среди пушистыхъ раскинутыхъ снѣговъ и во мракѣ и среди зелени,—и темною ночью, и въ лунную ночь Николай съ стиснутыми зубами не покорно просилъ, а требовалъ, настаивалъ еще разъ увидѣть ее.

И казалось, совершалось чудо.

Не разъ, проходя по бульвару, онъ будто видѣлъ Таню: она была такой неподдѣльной, лицо ея, тѣло ея—все въ ней являлось ярко, рѣзко. И онъ пускался бѣжать за ней, но она далеко мелькала по дорожкамъ. Выбившись изъ силъ, онъ садился, и она садилась на скамейкѣ противъ, но стоило ему подняться, какъ она подымалась и уходила.

Въ поздній часъ возвращался Николай къ себѣ домой, запиралъ дверь, задергивалъ занавѣски, и сидѣлъ безъ огня. Ему даже свѣтъ страшенъ сталъ.

А когда среди давящей ночной тишины онъ забывался, снились ему изводящіе сны.

То казалось ему, будто кто-то входить къ нему въ комнату, раздѣваетъ его до нага, уносить одежду и, оставивъ его нагишемъ, выходитъ изъ комнаты, и ужъ снова возвращается и медленно, не слыша, принимается выносить одну вещь за другой, а вещей будто полна комната. И онъ лежитъ на голомъ полу голый, видитъ все, а сдѣлать ничего не можетъ, и подняться съ пола не можетъ. Онъ тогда только подымется, когда воръ перетаскаетъ всѣ вещи, а когда этотъ воръ перетаскаетъ..?

И такъ до разсвѣта.

Или представлялось ему, будто сидить онъ въ своей комнатѣ и вотъ пріотворяется дверь, и въ какомъ-то странномъ стрекочущемъ свѣтѣ заглядываетъ къ нему съ лѣстницы старая, престарая старуха. Синія губы ея вздрагиваются, слезятся гноящіеся глаза, и трясущаяся рука, привычно корчась, тянется за милостыней. И онъ будто вынимаетъ изъ кошелька деньги, потряхиваетъ ими, но давать ничего не даетъ. Загнанная безпріютная нищенка опускаетъ пустую руку и, постоявъ минуту, опять протягиваетъ.

И такъ до разсвѣта.

Наступалъ день, мучиль неспосыпными тягучими часами и въ какихъ-то мучительныхъ потугахъ превращался въ ночь.

Для Николая ужъ не было на свѣтѣ ни одного лица, ни одного предмета, на чемъ бы глазъ ему успокоить. Даже дѣти, эти единственно милыя и чистыя незабудки, даже дѣти, дѣтскія личики казались ему въ несъихъ стальныхъ намордникахъ, и скалили на него изъ-за проволоки свои молочные острые зубки.

По временамъ казалось Николаю, онъ просто съ ума сходитъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Гарь.

За городомъ по большой Веснеборогской дорогѣ, прикрытая частымъ лѣскомъ, раскинулась цѣлая усадьба съ огромнымъ каменнымъ домомъ—желтый домъ.

Окна съ желѣзной рѣшеткой, окна, унизанныя истощенно-ободранными полускелетами, полуутѣлами, понурья лица бритыхъ головъ, сдавленный смѣхъ, и дьявольская улыбка, обвивающаяся змѣй вокругъ смертельно болѣхъ губъ, остановившійся долгій, изнуряющій взоръ, и такая открытость, такая беззаботная увѣренность, какъ у ребята малыхъ. Сапъ, уличная брань, тихая молитва и горький стонъ. А тамъ за дверью въ палатахъ увязающейся въ нерасходящейся мглѣ, измученный желтоватый свѣтъ, пробитыя ступени каменныхъ лѣстницъ, и жуткая темь угловъ, куда уходятъ и гдѣ таятся такія слова сердца, такія думы, загадки и разгадки—сама судьба съ ея долею и не-долей.

Шорникъ Калачевъ, когда-то живпій съ Николаемъ у одной квартирной хозяйки, отправленный въ ссылку въ уѣздъ, сошелъ съ ума. Утромъ въ Рождественскій сочельникъ

Николай получилъ извѣщеніе о Калачевѣ и отправился за городъ въ больницу повидать своего сосѣда.

Вьюжный день свистѣлъ за дверью и засыпалъ окна.

Въ переполненной пріемной жутко горѣла неяркая лампочка.

Николаю долго пришлось ждать въ пріемной. Наконецъ привезли Калачева.

Мѣста живого не было на больномъ: перерѣзанныя ветревками руки, красно-водянистая лепешки отмороженныхъ ушей, багровые подтеки и ссадины на лбу, перегрызенный запекшіяся губы, клочья длинной рыжей бороды, примерзшій къ тулупу. Мелкими мурашками разбѣгался ознобъ по его тѣлу и, собираясь въ огромный муравейникъ, словно кулакомъ ударялъ по шеѣ и подкашивалъ ему ноги. А налитые кровью глаза его съ черными подглазницами выпирались неумолимымъ безотвѣтнымъ вопросомъ.

Николай всматривался въ Калачева и казалось, это въ Калачевѣ, не за дверью, выла вьюга. Трудно было узнать Калачева.

Пришелъ докторъ, и публику изъ пріемной удалили. Вышелъ и Николай и толкался у дверей, ждалъ, когда погедутъ Калачева.

Чуть внятию допосились изъ пріемной распоряженія и опросы, да въ валенкахъ служитель шмыгалъ со связкою ключей, какъ тюремный надзиратель. Вдругъ нечеловѣческій крикъ прорѣзалъ стѣну и въ пріемной поднялся шумъ и возня.

Троє служителей, шмыгая валенками, пробѣжали мимо Николая. Сгорбившись, вышли изъ пріемной два городовыхъ.

— Не полагается! — сказалъ городовой Николаю, — не полагается тутъ: уходите!

Дѣлать нечего, Николай хотѣлъ было итти, но въ это время веснушчатый плугавый человѣчекъ въ огромной ушан-

къ съ болтающимися концами пронырливо выглянула изъ чутъ пріотворенной двери, и униженно закивала головой.

„Господи, да это Павлушкинъ!“—обрадовался Николай и вспомнилось ему, какъ однажды онъ вышвырнулъ за дверь это жалкое тѣльце наблюдающаго.

Павлушкинъ охотно принялъся рассказывать Николаю о Калачевѣ. Калачева везли изъ уѣзда безъ передышки пять сутокъ, больше тысячи верстъ отмахали въ метель, перекидывали съ санокъ на санки,—торопились поспѣть къ, празднику.

— Очень велъ себя беспокойно, бунтовался, двѣ рубахи на себѣ разодралъ, уряднику самоваромъ голову прошибъ. А чѣмъ же мы-то виноваты?—Павлушкинъ виновато сѣменилъ около Николая.

Дверь распахнулась, и все притихло.

Въ длинной бѣлой рубахѣ, какъ въ саванѣ, пронесли Калачева. Ни лица, ни глазъ не было видно, только надъ бровями мертвѣль черный упорный шрамъ.

Гдѣ-то наверху гнусаво пропѣлъ тяжелый замокъ. И слышно было, какъ волокли по лѣстницѣ затихшую, грунную ношу.

А кругъ безумныхъ тѣней, увязая въ желтоватой мглѣ, трепеталъ: вотъ займется, вспыхнетъ искрами, бросится на стѣны и дальше полемъ къ городу, обойметъ, воинствуется въ городъ, взорветъ всѣ камни, обуглитъ зданія и дальше, пока не разлетится земля. Но безумный кругъ безумныхъ тѣней расположился въ желтоватой мглѣ, незамѣтно вышли люди и затаились больные въ палатахъ и одиночныхъ кельяхъ.

Николай вышелъ изъ желтаго дома и пошелъ по полю въ городъ.

Бѣлый сыпучій снѣгъ столбы крутиль, въ бѣлыхъ сыпучихъ столбахъ вѣтеръ пѣль.

Николай прокладывалъ путь по сугробамъ, а сзади налетала вьюга, осыпала снѣгомъ. Такъ бы и итти ему все по полю, никогда не возвращаться домой. И пусть метель придушить его! Онъ не властенъ перевернуть по-своему, въ немъ самомъ все перевертывается.

— Пусть бы сразу конецъ! — шепталъ онъ, и хотѣлъ не думать, забыть и знать всю безмыслицу желаній своихъ: развѣ могъ онъ забыть и не думать?

Бѣлый сыпучій снѣгъ столбы крутилъ, въ бѣлыхъ сыпучихъ столбахъ вѣтеръ шѣлъ.

Перебрая онъ все старое, въ каждый прошлый уголокъ заглянула. И кончилось поле, вошелъ онъ въ городъ.

По слухаю наступающаго праздника по улицамъ было большое движение. Подлетая и бухая обѣ ухабы, катили санки. Толкаясь и перегоняя другъ друга, неслись пѣшеходы по тротуарамъ. Въ магазинахъ зажигали огни.

И ясно вспомнился Николаю шорникъ Калачевъ и вся жизнь его и всѣ разсказы его, и вспоминая Калачева, Николай невольно къ себѣ переходилъ, къ своимъ мыслямъ о своей жизни.

Видѣлъ онъ предпраздничные огоньки, и ни одинъ изъ нихъ, казалось ему, не хотѣлъ пріютить его,

„Жилъ себѣ человѣкъ, — думалъ Николай — жилъ тихо, смироно: что велять, радъ радехонекъ, все исполнить. И вдругъ ударила его вся эта толкотня и суетолка, хлеснула по глазамъ тотъ вонъ свѣтъ въ каменистомъ домѣ, рванула за живое какой-то хозяйскій упрекъ. „А чѣмъ я хуже? Не мразъ я какая, которую, кому не лѣнь, топтать воленъ, не кобыла, которую лупи, сколько влѣзетъ, все стерпнить. И гни для тебя, подлеца, спину, потому что жрать хочу, но гнуть себя не позволю. А если лебезить задумаешь, обѣщаніями глотку заткнуть, рай свой, солнце свое, свѣтъ свой послушай, не вѣрю тебѣ не вѣрю!“ И пошло: сначала грубое слово, слово за слово, а потомъ въ тюрьму посадили. Жилъ себѣ человѣкъ. Зачать безже-

лаинный, на свѣтъ появился обузой. Кѣмъ посѣянъ? Зачѣмъ свѣтъ увидѣлъ? На что выростъ? Любиль.. все отдалъ бы за одну минуту, только бы одну минуту быть съ нею. Вѣрилъ... и какъ надругался надъ своей вѣрою. Мечталъ о какой-то огромной жизни, которая непремѣнно должна была наступить, и вотъ она: буря и вой, нѣтъ покоя. Братья мои, сестры мои!"

— Гей! сторонись! — заоралъ кучерь.

Николай шарахнулся въ сторону: мимо него промчались санки,—тьма колкихъ, грязныхъ снѣжинокъ ударила ему прямо въ лицо.

И шелъ онъ сгорбившись. Забравшіяся за воротъ снѣжинки морозили спину. Толкались прохожіе, всѣ куда-то спѣшили, перегоняли другъ друга. Въ магазинахъ ярко огни горѣли.

— Братья мои, сестры мои! — шепталъ онъ.

А небо было чернымъ, крутился дикій, бѣшеный столбъ разсыпался сверкающими снѣжинками и вновь вырасталъ и крутился. И гудѣла телеграфная проволока.

— Братья мои, сестры мои! — шепталъ онъ и тоска упала на сердце, тоска росла.

„Надѣть бы ему шапку-невидимку, мигомъ перелетѣть туда въ свой родной городъ, стать на порогѣ и дожидаться: скоро ко всенощной ударятъ, Таня выйдетъ изъ дома ко всеношной, нарядная! Да не достать ему шапки-невидимки: такимъ, какъ онъ, она не дастся, вѣдь онъ сгорбился, смирился и не уйти ему отсюда, дальше жела-таго дома никуда не уйти, дальше ужъ страшно станетъ. Катиновъ не согнулся, Катиновъ убѣжалъ изъ ссылки, а съ нимъ и другіе ушли, а съ ними и другіе уйдутъ, а онъ тутъ такъ и захряснетъ. Катиновъ тогда ударилъ его, а онъ ничего не отвѣтилъ. А почему не отвѣтилъ? Вѣдь вовсе не потому, что хотѣлъ этимъ свое какое-то высшее презрѣніе показать, неправда это, а просто побоялся. И Ка-

тиновъ былъ правъ, и Катиновъ въ правѣ былъ и не одинъ разъ ударить его. Нѣтъ, теперь и шапка-невидимка ему не поможетъ. Ну, если бы даже онъ и досталъ ее, что толку! Увидитъ онъ Таню. Да какъ онъ посмотритъ-то на нее? Послѣ всего, что было, какъ онъ встрѣтитъ ее?“

— Братья мои, сестры мои!

Николай шелъ сгорбившись. Душа его изнывала въ тоскѣ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Дѣва днесь.

Былъ поздній вечеръ, темно и снѣжно, едва пролѣзъ Николай къ двери своего дома. Зажегъ лампу. Пусто было въ комнатѣ и невыносимо постыло. Грубо сжимали облѣзлые стѣны, давилъ низкій съ отставшей прокопченой бумагой паутинный потолокъ и щурилось обидчиво, издѣвалось пестрое пятно на абажурѣ—старая почтовая марка.

Въ церквяхъ ударили ко всенощной.

И услышалъ Николай, будто запѣлъ кто-то рождественскую пѣсню,—ясно зазвучалъ далекій родной голосъ:

Дѣва днесь Пресущественаго рождаетъ
И земля вертепъ Неприступному приносить...

И увидѣлъ онъ изъ окна Таню: вся въ огняхъ, въ свѣчкахъ мелькнула она передъ нимъ, какъ зажженная елка, и вдругъ стала искоркой и отодвинулась, и, отодвинувшись, превратилась въ горящую кровинку, и, ставъ горящей кровинкой, поплыла, разсѣкла страшную даль, а все плыла и, кажется, приходила минута, когда должна была погаснуть, но жила,

видѣлась, раздвигала новыя дали надъ гранями и поясами надъ моремъ, вѣтромъ и зноемъ, надъ сѣтилами, солнцемъ и звѣздами, надъ землей высоко, вездѣсущаи, всенаполняющая.

Второй звонъ зазвонили.

Погасло за окномъ. И одна чернота выюжнаго вечера гладѣла въ окно.

Николай прислонился къ печкѣ: откуда-то изъ угла шло бормотанье. Но кто это тамъ бормоталъ, что бормотало, онъ не могъ различить, и весь напрягался,—все въ немъ тянулось понять этотъ шумъ.

А оно ползло, сновало, тоненькими-тоненькими голосками пѣло, подлетало, дразнило, жалило.

Вдругъ острой судорогой передернуло лицо его: кто-то будто холодными пальцами провель по спинѣ.

„И никому ты не нуженъ, никому нѣть дѣла до тебя, слышишь, нѣть никакого дѣла!—стонали въ клубокъ спутанныя мысли,—и умрешь такъ же, какъ умираетъ отставшая заблудившаяся собака, безъ крова, безъ крова, безнадежно. Будетъ изо дня въ день, ночь и день ускользать земля съ тобой, съ твоимъ трупомъ по безмѣрнымъ пространствамъ, будутъ матери дѣтей рожать, пойдутъ, разбредутся сыны по всѣмъ вѣтрамъ, покроютъ землю до послѣдняго уголка. И тѣ, кто заревомъ пройдетъ по землѣ, и тѣ, кто зарею наполнить дали, они напоятъ землю своимъ горячимъ сердцемъ. Смѣется ли кто надъ горемъ, и надъ тѣмъ, что проползаетъ въ сердце грѣхомъ, надъ сердцемъ, надъ догадками человѣка о судьбѣ своей, или тяжкой скорбью перевиваетъ свое великое божеское сердце,—тебѣ все равно. И вотъ солнце померкнетъ, звѣзды чернѣе ночи выглянутъ съ чернаго неба. Изъ звѣздныхъ очей заструится алый свѣтъ,—кровь дѣтей, кровь мучениковъ, кровь всѣхъ, кто одиноко, забившись въ четыре стѣны, этимъ голымъ стѣнамъ, свою скорбь отдаетъ, глухимъ стѣнамъ исповѣдается, бьется безотвѣтно, молитъ без-

отвѣтно. Радуйся! Радуйся! И твои желанія замерѣвшія, забытыя, развернутся тогда своимъ цвѣтомъ, ты возстанешь, ты пойдешь по землѣ и будешь тебѣ, какъ во снѣ: отдаленности приблизятся, близь уйдетъ въ даль, предстанутъ сонмы существъ, тымы жизней, все знаніе, синія, златогрудыя грезы раскроются небо и высоко надъ землею, надъ моремъ, вѣтромъ и зноемъ, надъ свѣтилами, солнцемъ и звѣздами, надъ гранями и полосами, надъ землею высоко станетъ она вся въ огняхъ, въ свѣчечкахъ, какъ зажженная елка, вездѣсущая, всенаполняющая“.

Дѣва линесь Пресущественного рождаетъ
И земля вертепъ Неприступному приносить...

Застылъ Николай, не смѣль оглянуться: чувствовалъ, будто стоялъ кто-то за спиною и дышалъ изсушающимъ ходомъ:

„Не бойся, это я, я спасу тебя!

Внизу у хозяйки пробила полночь. Метель на волѣ перебѣсилась. Всему покой пришелъ. И Николай заснуль.

И во снѣ въ эту ночь Николай долго вертѣлся волчкомъ, вертѣлся въ чернотѣ и дымѣ, пока не сталъ пригрѣваться, а какъ согрѣлся, и успокоился. И представилось ему, будто совсѣмъ онъ маленький, вскакиваетъ онъ будто съ горячей постели, накидываетъ на плечи одѣяло, да и къ окошку. А въ окнѣ чутъ маленький свѣтикъ: еще очень рано. И, кутаясь въ одѣяло, онъ таращить глаза: не просмотрѣть бы волковъ, какъ пойдутъ волки по пруду со звѣздой путешествовать? А по пруду не волки, по пруду Арсеній Огорѣлышевъ идетъ и такъ медленно, едва передвигаетъ ноги, и такой монхатый, какъ волкъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Оракулъ.

У полузамершаго окна просидѣлъ Николай сумеречные зимніе дни, какъ приговоренный, день казни которого откладывается.

И только когда смеркалось, выходилъ Николай на улицу и ходилъ безъ цѣли, неглядя: ждать нечего было. И также медленно возвращался онъ домой, затаивъ въ себѣ, въ сердцѣ своемъ, какое-то тяжкое оскорблѣніе. Обломки воспоминаній, обломки мыслей, такие острѣе и горькіе,—кто-то словно обухомъ ударялъ его по тѣмени, а не убивалъ. И до глубокой ночи Николай оставался одинъ въ темнотѣ. Тянулись часы, будто въ часахъ какія-то насѣкомыя гнѣздо себѣ свили, плодились тамъ, засоряли механизмъ. Въ душѣ его разверзлась пропасть, а онъ, какъ птица, вился въ тяжелой тучѣ, и безнадежность хватала и тащила его въ эту пропасть: ждать нечего было.

Мучительно проходили дни.

И вотъ стала зима увядать. Пожелтѣли дороги, почернѣли дома: оттаивая, взглядывались дома въ зашумѣвшія

улицы. Стены комнаты еще больше сузились, еще теснѣе стало въ комнатѣ. И воть рамы вонъ и все ожило: воть распахнется дверь, придетъ кто-то такой желанный и выведеть на волю въ вольное поле. Цынилось малиново-морозное солнце, по утрамъ лежалъ жесткій снѣгъ, да на долго ль? Весенняя черная туча съѣдала снѣгъ. Увядала зима.

Николай чувствовалъ, какъ и въ немъ, словно таетъ что-то, а растетъ другое и тянется куда-то.

Въ Благовѣщеніе забрелъ Николай на вокзалъ. На вокзалъ не былъ онъ съ осени, съ отъѣзда Тани.

Все ему припомнилось, какъ Таня въ вагонъ вошла, какъ онъ насильно обнялъ ее, и поцѣлуй его былъ такой, какъ къ покойнику въ послѣдній разъ, когда ужъ крышку принесли и воть сейчасъ закроютъ гробъ. Огоньки послѣдняго вагона потухали, а видѣлись другіе огоньки... и платформа опустѣла, а все видѣлись огоньки.

И когда капля за каплей собралось все бывшее въ его памяти и ледяной корой сдавило сердце, вдругъ надежда поднялась въ душѣ: непремѣнно еще разъ увидѣть ее и разсказать ей обо всемъ. И въ сердцѣ рѣшилось безповоротно: завтра же онъ уйдетъ изъ Веснеболога, все сдѣлаетъ, а будетъ тамъ, дома.

Свистѣли паровозы. Свистки, будто скрываясь и дразня, звали его. А передъ глазами убѣгали рельсы.

Огоньки послѣдняго вагона потухли, опустѣла платформа и Николай ушелъ.

И всю дорогу онъ ужъ обѣ одномъ думалъ, какъ завтра уйдетъ онъ изъ Веснеболога, а послѣ завтра будетъ дома. И всю ночь до разсвѣта думалъ, пока чья-то тяжелая ладонь не прихлопнула вѣки ему.

Съ болью прорвалъ Николай глаза.

Золотое, прощальное зимнее утро горѣло

Страшно ему было вспомнить весь свой сонъ до конца, слишкомъ ужъ ярко.

А снилось ему, будто воцель царь Соломонъ и Мартынь Задека, такие, какъ рисуются въ оракулахъ, и подаетъ будто ему Мартынь Задека замуслеванный вощеной катушекъ: этотъ катушекъ надъ кружками надо подбрасывать, чтобы по цифрѣ, на которую упадеть катушекъ, судьбу узнать. Подаетъ ему будто Мартынь Задека катушекъ, царь Соломонъ оракулъ раскрылъ. Взять онъ у Задеки катушекъ, сталъ подбрасывать, и вдругъ видить, не катушекъ вощеной онъ подбрасываетъ, и не простой шарикъ, а теплый розовый шарикъ. И гдѣ-то въ дуплѣ сознать, что это живое что-то... Танино, а самъ все подбрасываетъ, такъ подбрасываетъ, отъ крови пальцы слипаются.

Поднялся Николай проворно, одѣлся, попросилъ чаю.

Былъ онъ какимъ-то желтымъ и квотымъ, чувствовать все свое тѣло, а руки, какъ обузу.

И когда хозяйка принесла чаю, забылъ онъ о чаѣ, сталъ собираться. Хорошенько не зналъ онъ, какъ все это выйдетъ, знать одно—сегодня же непремѣнно уйдетъ.

Снялъ Николай со стѣники фотографію. На фотографіи изображенъ былъ Огорѣлышевскій прудъ зимнимъ полднемъ: за деревьями едва виднѣлся красный флигель, все было въ инѣѣ, ледоколы, коловиніе ледъ на пруду, покинувъ лошадей, ушли въ трактиръ, къ лошадинымъ мордамъ привѣшены мѣшки съ овсомъ, сани съ наколотымъ льдомъ, по льду слѣды. Спряталъ Николай фотографію въ карманъ, сталъ шарить въ шапку, — пальцы бѣгали между книгъ, книги валились,—остановился на полотенцѣ: Варенька вышивала. Крестикомъ красной ниткой тянулся рядъ взѣрошенныхъ красныхъ пѣтуховъ по краямъ полотенца. И полотенце сунулъ Николай въ карманъ.

Больше ему ничего не надо, больше онъ ничего не возьметъ.

— Ну, прощай, комната, прощай, окно, прощайте!

Послѣ обѣда Николай ушелъ изъ дома, будто погулять, и ужъ больше не вернулся.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Д о м а.

Поездъ опоздалъ. И извозчикъ попался скверный. А Николаю хотѣлось какъ можно скорѣе. Везь извозчикъ утомительно долго.

Шли дома и церкви, шли, встрѣчая и провожая, будто кладбище съ стертыми, но еще живыми надписями на крестахъ и памятникахъ. И сумракъ, сливая крыши, растягивалъ ихъ въ одну сѣрую надгробную плиту.

Падаль снѣгъ, падаль синими гвоздиками на мостовую, таялъ на камняхъ.

И наперекоръ неукротимому шопоту, что по каплѣ вливался и возмущалъ его душу, наперекоръ невнятной тревогѣ, что собирался гдѣ-то подъ сердцемъ, на перекоръ бѣдѣ, что слѣдила изъ-за каждого угла, изъ каждыхъ воротъ, въ душѣ его рвалось что-то уцѣпиться за стойкое—за надежду свою, не покидавшую его.

„Не все еще пропало!“—плыли, какъ плыветъ воскъ, воркуны мысли и огнистая полоска живой крови волной завивалась подъ сердцемъ.

Увидѣлъ Николай церковь Покрова такую старую, все ту же, только куполъ какъ будто позолотили.

„Притти, какъ прежде, ко всенощной, стать на клиросъ!..“ — подумалъ Николай и зажмурился, представляя себѣ все, все какъ было прежде.

„Домъ Братьевъ ОгорѣлышевыХъ“—мелькнула надворотная надпись.

Николай привскочилъ, острою горечью облилось его сердце и, съ болью всколыхнувшись, крѣпко впилось въ грудь: было оно какъ засыхающій комокъ крови, и жизнь его, изнывая, цѣплялась изъ темной пропасти за паутинную лѣстницу на волю.

— Скорѣй погоняй!—закричалъ Николай извозчику.

Но извозчикъ, какъ ни стегалъ лошадь, едва двигался.

Ужъ фонари зажигали, когда подѣхалъ Николай къ дому Соколова, гдѣ жилъ Евгений. Расплатившись съ извозчикомъ, минуту стоялъ онъ столбомъ, прежде чѣмъ рѣшился позвонить.

„А ну-какъ,—подумалъ онъ,—и тутъ не примутъ“!

Такъ загнали, такъ легли на него клеймомъ всѣ его прошлые кайновы дни веснебологскіе.

Евгений только что вернулся изъ банка. Евгений не ожидалъ гостя и какъ обрадовался!

— Эрихъ, накрывай на столъ,—суетился Евгений,—ты есть хочешь?

Арина Семеновна-Эрихъ съ очками на лбу поставила тарелки, принесла обѣдъ, потомъ Костю вынесла.

Костя оказался веселый, оттопыривъ губки, и улыбался Николаю, какъ улыбаются только дѣти, для которыхъ страшное совѣтъ не страшно.

Николай взялъ его на руки, дѣлалъ козу и сороку, животикъ грѣлъ...

Усѣлись за самоваръ. За чаемъ Евгений разсказывалъ о своей службѣ—о банкѣ Огорѣлышевскомъ.

— Ну, а самъ-то какъ, Арсеній Николаевичъ? — перебилъ Николай.

— Поизрѣннему, все для остраски ругается.

— А ты?

— Я ничего.

— Ничего! — и показалось Николаю, будто хлеснулъ его кто-то больно по спинѣ, всталъ онъ изъ-за стола и пошелъ ходить по комнатѣ.

— Садись, — остановилъ Евгений, — еще уронишь чего!

„Вотъ до чего согнуться можно! — думалъ Николай, — нѣтъ, онъ не позволить, нѣтъ не позволить онъ такъ издѣваться!“

Евгений зажегъ лампу, стало теплѣе. Николай пересталъ ходить, сѣлъ къ самовару.

— Нашъ домъ ломаютъ, послѣ Пасхи и прудъ засыплютъ, — сказалъ Евгений.

— Какъ! И домъ ломаютъ? — Николай не хотѣлъ вѣрить.

— Послѣ пожара домъ почернѣлъ, обуглился, стала разсыпаться, ну и рѣшили сломать, новый выстроить, безплатныя квартиры.

— Для насть! — подмигнулъ Николай, и опять было всталъ, но въ эту минуту, надсаживаясь, задребежжалъ звонокъ.

Петръ и Алексѣй Алексѣевичъ вошли въ комнату.

— Удралъ? — Ловко!

— А насть, словно гонить что-то, едва духъ переводимъ.

— Ну, какъ ты, какъ теперь?

Говорили сразу, долго не могли успокоиться.

Николай смотрѣлъ то на Петра, то на Алексѣя Алексѣевича: какъ они измѣнились! И стало ему стыдно за себя.

„Вотъ она бѣда-то у кого настоящая!“ — подумалъ онъ.

Появились на столѣ водка, пиво и красное вино.

— Это для тебя краснаго купилъ, ты любишь! — Евгений откупоривалъ бутылки.

И опять запшумѣли, даже Костя проснулся.

— Мѣста настоящаго нѣть,—говорилъ Петръ,—а впрочемъ, что мѣсто... Придеть весна, уйду я изъ этого проклятаго города...

— О. Глѣба на покой уволили. Въ затворѣ старецъ и принимать ему никого не велѣно.

— Твою коробку съ эпитафіей отобрали, Каїфа у себя поставилъ... въ кють.

— Сломали качели.

— Все сломаютъ! — ударилъ Петръ кулакомъ объ столъ.

Николай мало говорилъ, больше слушалъ. Разсказывалъ Николай о себѣ, но ни словомъ не коснулся самаго главнаго, болыше разсказывалъ такъ о ссылкѣ и товарищахъ-ссыльныхъ, о томъ, какъ отупляетъ и калѣчитъ подневолье. Потомъ пошла философія.

Алексѣй Алексѣевичъ больше всѣхъ горячился:

— Мечтать устроить жизнь лучше и свободнѣе... А какую волю дать невольной душѣ?

Петръ свое говорилъ:

— Поступилъ я къ пріятелю въ театръ, милѣе онъ милаго, а то, что ты жратъ хочешь и не жравши, играть не можешь, этого онъ никогда не пойметъ... не замѣтитъ, некогда ему, понимаешь... И сидишь такъ ночью послѣ спектакля и думаешь: какъ это онъ тамъ у себя ёсть, непремѣнно почему-то думаешь, что ёсть, и кишки у тебя всѣ переворачиваются, а отъ холода и тупой злобы дрожь трясеть...

— Главное тутъ не борьба, не свобода, а во имя чего борятся, во имя чего борьба ведется?

— Хочешь я сю минуту,—наступалъ Петръ,—хочешь я влѣзу на шкаль и внизъ головой и не расшибусь.

Вспоминали огорѣлышевскіе продѣлки, о. Гавріила,

Боголюбского старца. Старца рѣшили непремѣнно провѣдать завтра же: Петръ пойдетъ съ Николаемъ.

— То-то старецъ обрадуется!

Въ бутылкахъ оставалось на донышкѣ. Шумъ стоялъ, какъ когда-то въ пивной у Гарibalди.

— Да провалится вся земля съ ея утробой! — Петръ влѣзъ на шкапъ и приоравливался продѣлать свой головоломный фокусъ: броситься внизъ головой и не расшибиться.

Евгений сидѣлъ молчаливый и грустный.

Николай тоже молчалъ, Николай чувствовалъ, что трясеть его, чувствовалъ, какъ гдѣ-то въ сердцѣ ломаютъ что-то...

Алексѣй Алексѣевичъ усѣлся за пьянино, сталъ играть.

Слушалъ Николай музыку. Ложились звуки на сердце, и былъ на сердцѣ живой костеръ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Мать сыра-земля.

Когда задули свѣтъ, и всѣ повалились, и сонъ плотно сомкнулъ отяжелѣвшія пьяныя вѣки, представилось Николаю, будто снова играеть кто-то на пьянино.

И среди звуковъ, въ музыкѣ стала Она передъ нимъ пѣла Она свою пѣсню, пѣсню пѣсней.

„Земля обѣтованная! Крылья мои бѣлныя, тяжелыя въ слипшихся комкахъ кровавой грязи! Земля обѣтованная!“

И поднялась буря голосовъ, слетѣлись вихри звуковъ, зажурчали шопоты, покатились волны словъ, встали волны грозныхъ проклятий, выбилъ фонтанъ криковъ, попадали капли упрековъ, загудѣли, завыли водопады побѣдоносныхъ гимновъ, забарабанили боевые кличи, и схватилось причитанье—ропотъ съ разгульной пѣсней, и потонулъ въ плачѣ безсильный скрежетъ. Тамъ загорались голоса, какъ празднікъ,—кричали камни. Тамъ голосъ, какъ сухой ковыль, шумѣлъ просторомъ. Беззвучный плачъ на зарѣ пѣвучей! Воспоминаніе въ разгарѣ желаннаго безпамятства! Глухой

уко́рь въ мигъ наслажденія! Тамъ темный голосъ, совсѣмъ чужой, выль, какъ царь-колоколъ. Быть голосъ—мать, и голосъ — братъ, и голосъ — другъ и голосъ — врагъ, и голосъ—не-другъ и голосъ — рабъ... Падали звѣзды.

И вдругъ трепеть взвившихся крыльевъ, разорванное небо, ужасъ метнувшихся звѣздъ...

А изъ разбитаго отчаявшагося сердца крестный вопль:

„Мать-сыра земля, я—сынъ твой, за что ты покинула меня!“

И видѣлъ Ее въ грязи, безпріютную заплеваниую. Видѣлъ Ее, отдавалась Она на глазахъ толпы. Видѣлъ Ее пьяную и убогую. Раздутая, стоя, плыла Она по пруду. Посинѣвшая съ высунутымъ языкомъ висѣла Она на крюку. И визжала. Она, покрытая язвами, кричала Она ошпаренная. И плакала опозоренная. Глаза Ея, стонъ Ея о милости...

У нашего кабака
Была яма глубока...

--задралъ чей-то визгливый, рѣзкій, какъ красный кумачъ, бабий голосъ кабацкую пѣсню.

И схватились, слипаясь членами, уроды, чудовища — люди и звѣри, звѣри и люди, и понеслись въ ужасномъ хороводѣ. И поднялась свалка между людьми и звѣрями. Мѣсились тѣла, какъ тѣсто, хлюпало мясо,— они крутились, они выворачивались, они ползали, они заползали другъ въ друга, они разрывали, они истязали другъ друга и визжали и выли.

А изъ разбитаго отчаявшагося сердца крестный вопль:

„Мать-сыра земля, я—сынъ твой, за что ты покинула меня!“

А надъ воемъ, надъ воплемъ Ея пѣсня, пѣла Она свою пѣсню, пѣсню пѣсней.

„Земля обѣтованная! Крылья мои бѣлыя, тяжелыя вы
и слизни комкахъ кровавой грязи! Земля обѣтованная:

„Ой, Господи,—будто шепчетъ Евгений,—дернемте, ребята, по послѣдней!“

Николай просыпается, сердце холодаєтъ. Въ комнатѣ тихо, вѣ спятъ, изъ дѣтской Арина Семеновна — Эрихъ похрапываетъ. И опять Николай засыпаетъ, но убитымъ безпамятнымъ сномъ.

А на волѣ весенняя ночь черными теплыми тучами кутала землю, таяль снѣгъ.

Огорѣлышиевскіе плотники разобрали верхъ краснаго Финогеновскаго флигеля и одна труба, облупленная съ высовывающимися закопченными кирпичами и какая-то длинная, торчала, какъ висѣлица-крестъ. А кругомъ у террасы и далеко по саду валялись отодранная съ искривленными гвоздями доски и щепки, трухлявые столбы и стропила. И лежалъ мертвымъ лебедемъ бѣлый прудъ.

Засвистѣлъ на дворѣ фабричный свистокъ, долгій, словно со сна встрепенувшійся.

И вздохнула матово-зеленая лампа въ бѣломъ домѣ Огорѣлышиевыхъ у Арсенія.

Вздрагивая, всталъ изъ-за стола Арсеній, пошелъ въ спальню, весь сгорбленный, и вдругъ схватившись отъ подкатившаго удушья за стуль, злой на боль, на утомленіе, на краткость часовъ, пережидая боль, съ горечью думаетъ о ненужности дѣлъ.

Въ целястыхъ баракахъ, несладко потягиваясь и озлобленно раздирая рты судорожной зѣвотой, молчкомъ и ругаясь, подымаются фабричные. Осоловѣлые недоспавшіе фабричные дѣти тычутся по угламъ, и отъ подзатыльниковъ и щипковъ хнычутъ. Распластавшіяся по нарамъ и койкамъ, женщины и дѣвушки, съ полуразинутыми ртами, борются съ одолѣвающимъ искушеніемъ почи и съ замеревшимъ сердцемъ опускаютъ горячія ноги на холодный, липкій, захарканный полъ, наскоро запахивая, и стягивая взбунтовавшуюся грудь.

Смѣняется ночной сторожъ Иванъ Даниловъ и, обезсиленный безсонной ночью, сквернословя и непотребствуя,

какъ Аверьянычъ, валится въ уголъ сторожки, а на его мѣсто становится дворникъ Егоръ—Смѣхота.

И гудить Боголюбовскій колоколь къ заутренѣ.

Тянутся къ монастырю вереницы порченыхъ, разслабленныхъ, помутившихся въ умѣ и бѣсноватыхъ съ мертвенно-изможденными лицами, измученные и голодные, у однихъ закусенные языки,—у другихъ губы растрескавшіяся, синія, безъ кровинки, съ застывшею странной улыбкой, и воютъ и бѣснуются безъ своего старца.

И блекнетъ красный огонекъ въ окнѣ бѣлой башенки у запрещенаго старца надъ каменной лягушкой.

Два худосочныхъ шпиона, переодѣтые рабочими, кисло озираясь, толкутся у красныхъ Огорѣлышевскихъ воротъ, поджидая работы. Какой-то деревенскій парень, повязанный краснымъ шерстянымъ шарфомъ, переминаясь, свертываетъ цыгарку, тоже наниматься пришелъ.

А по дорожкѣ, на той сторонѣ Огорѣлышевскаго сада, ходилъ кто-то въ драповомъ пальто, на смѣшиво улыбаясь тонкими птичьими губами, такой спокойный и равнодушный и ничему не удивляющейся.

Кто онъ—демонъ, одинъ-ли изъ бѣсовъ или просто бѣсенокъ, само Горе-Злосчастіе или Плямка? И демонъ, и бѣсь, и бѣсенокъ, Плямка, онъ ходилъ по дорожкѣ, словно поджидалъ кого-то на свиданіе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Голышъ-камень.

Когда Арина Семеновна—Эрихъ разбудила Петра и Николая, Евгений ушелъ на службу. Собираться имъ было не долго: Николай выпилъ горячаго чаю, Петръ пива, и готово.

Въ Боголюбовомъ монастырѣ перезванивали къ средней обѣднѣ.

Шли они по нелюднымъ улицамъ съ низкими, придавленными домами, захватывали огороды и пустыри, сворачивали на бульвары по кривымъ переулкамъ.

Дворники подскребали тротуары.

Какие-то оборванные гимназисты окружили лотокъ съ грѣчиками и, цѣлясь широкимъ короткимъ ножомъ, азартно разсѣкали румяные толкачики—грѣчники.

Гдѣ-то за вокзаломъ гудѣла роща весеннимъ гудомъ.

— Домъ ломаютъ?—спросилъ Николай.

— Да ужъ вѣрно сломали,—Петръ задыхался.

Проѣхалъ водовозъ на колесахъ.

— Водовозъ всегда первый на колесахъ. Бывало, какъ ждеинъ водолаза!

Прогнали въ участокъ партію безпаспортныхъ изъ иочлежнаго дома. Сбоку шагалъ городовой съ книгой подъ мышкой.

— На такихъ книгахъ и переплетъ паскудный: зеленые жиденькие разводы.

— А тебѣ что жъ, сафьяновый надо?

Что въ голову приходило, то и говорилось: о самомъ главномъ Николай все не рѣщался спросить.

Черномазый мальчишка пронесъ огромный золотой калачъ—вывѣску.

Какая-то женщина въ одномъ платьѣ, едва держась на ногахъ, семенила по тротуару съ угрожающимъ въ пространство кулакомъ.

У разносчика разсыпалось мыло: ярко-желтые, какъ жиръ вареной осетрины, куски—кубики завалили весь туникъ—измазанную стѣну.

— Я, Петръ, словно въ первый разъ на міръ гляжу. все для меня ярко и ново, все вижу. Это оттого, что я взаперти просидѣлъ столько!

Поровнялись проститутки: шли онѣ на освидѣтельствованіе, шли своей отчаянной походкой, заразу несли, выгибали станъ.

— Посмотри, какъ онѣ ходятъ,—Петръ дернулъ Николая за руку,—одинъ пріятель разсказывалъ, будто всякий разъ мурашки у него по спинѣ бѣгаютъ, когда ихъ видѣть...

Вдругъ Николай остановился: то, что скрытно горѣло въ немъ, выбилось острымъ языкомъ:

— Гдѣ Таня?—спросилъ онъ шнотомъ.

А Петръ словно и не слышитъ.

— Гдѣ Таня, ты помнишь Таню?—повторилъ Николай.

— Таня отравилась... Говорять, какой-то подлецъ... По городу много слуховъ. Называли и Александра...—Петръ говорилъ какъ о чёмъ-то очень извѣстномъ.

- Что ты, что ты? — Николай схватился за Петра.
- Называли Александра, будто Александръ...
- Неправда! неправда! — Николай задохнулся.
- Толковали о свадьбѣ, Александръ и миѣ говорилъ, что женится. Осеню... въ октябрѣ назначена была свадьба и вдругъ... отравилась.

Николай чувствовалъ, какъ холодѣеть сердце: такъ передъ смертью холодѣеть сердце.

Въ это время поровнялся Сѣма юродивый, и, потряхивая головой своей барабаномъ съ бубенцами, пристально заглянулъ въ глаза и Николаю и Петру поочередно и, отшатнувшись, плонула прямъ въ лицо Николаю, плонула и съ готовомъ, съ площадно руганью, проклятіями бросился въ сторону.

Петръ бросился за Сѣмой.

-- Оставь! оставь его! — закричалъ Николай, но Петръ не унимался.

Съ перекрестка, ускоряя шагъ, подходилъ городовой держа на-головѣ свистокъ.

Окна усѣялись любопытными.

Нянѣки остановили колясочки. Высыпали изъ воротъ дворники и кухарки.

— Го, го, го... — звенѣлъ безумный хохотъ Сѣмы подъ звонъ бубенцовъ.

— Сѣма правъ, не надо! — уговаривалъ Николай Петра.

— Правъ?! — передразнилъ Петръ, и долго не могъ успокоиться.

Шли они молча, шли скорымъ шагомъ, словно торопились не опоздать.

— У Александра такая улыбка огорѣлышевская, совсѣмъ Огорѣлышевъ. Арсеній старъ ужъ, путаетъ и хорохорится. Александръ правая рука, Александъръ все...

— Я пойду къ Александру, — твердо сказалъ Николай.

— Забылъ онъ, какъ всѣ мы вмѣстѣ жили. Вонъ Евгē-

ний,—Петръ тряхнулъ трехрублевкой,—послѣднее отдалъ, а Александру... Александру некогда. Послѣ пожара закаменѣль весь. Ходить слухъ, что все это его рукъ дѣло, будто онъ и пожаръ устроилъ. Отъ него всего можно ждать. Въ одинъ прекрасный день Арсенія астма задушитъ...

— Кто задушить?—переспросилъ Николай.

— Астма... Боленъ стариkъ, задыхается. Ну и скажутъ на астму и дѣло съ концомъ. Можетъ, изъ-за него и Таня отравилась.

— Я пойду къ Александру,—твердо сказалъ Николай.

Петръ ничего не отвѣтилъ, глядѣль куда-то поверхъ крыши въ черную даль, словно дни считалъ, когда придетъ положенный ему срокъ...

— Только вотъ весна придетъ, уйду я изъ этого проклятаго города!

Молча входили въ монастырскія ворота.

— Реставрація,—Петръ скривилъ ротъ, указывая на стѣну.

И въ самомъ дѣлѣ, не было зеленаго чорта съ хохочущими глазками, не было грѣшниковъ, тѣшашихъ чорта, какіе-то зеленые жиденъкіе разводы, какъ на переплетѣ полицеjской книги, заслоняли ликъ Князя міра сего.

Подымаясь по лѣстницѣ въ бѣлую башенку старца. Николай вдругъ почувствовалъ жуть, какъ тогда въ первый разъ.

У самой двери незнакомый монахъ загородилъ дорогу

— Не принимаютъ,—дерзко сказалъ монахъ.

— Не принимаютъ!—Петръ грубо толкнулъ монаха.

И они вошли въ келью.

Старецъ хотѣлъ приподняться, поздороваться, сказать что-то, и только крупныя слезы покатились изъ его багровыхъ ямъ по вналымъ щекамъ.

— Не принимаютъ!—ворчалъ Петръ, все еще не приходя въ себя.

— Колюшка! — сказалъ, наконецъ, старецъ,— вотъ и опять вижу тебя!—и шепталъ что-то, звалького-то, должно быть послушника, звалъ какого-то о. Меѳодія, хотѣлъ, должно быть, гостей угостить, но никто не пришелъ, никто ему не отзывался.

Въ кельѣ было тихо, только каждую секунду пѣли часы на колокольнѣ.

— Пришелъ я къ вамъ, о. Глѣбъ,—началъ Николай и остановился, холодъ до самыхъ костей охватывалъ его,— прежде ничего подобнаго я не чувствовалъ, прежде все легко шло, легко сносилось, легко принималось.

Старецъ задумался. Скорбью дышало лицо его, и вдругъ улыбнулся.

— А помнишь, Коля, какъ ты въ табакъ бабушкѣ одеколону подливалъ? Перецъ-то ей за духи сходилъ. Помнишь, ты мнѣ разсказывалъ?

— Чудосъ табакомъ!—попробовалъ было и Николай улыбнуться, но вместо улыбки судорога скривила губы: нѣть, онъ не вѣрить ни въ какое чудо, да и чудо ужъ никакое не поможетъ—изъ гробовъ покойники не встаютъ, Таня больше не встанетъ.

— Придетъ весна, упадутъ на могилахъ кресты,—снова заговорилъ старецъ,—кресты ужъ падаютъ, птицы летятъ, несутъ цвѣты и пѣсни, все обновляется, все возстаетъ изъ гробовъ, выходитъ на свѣтъ.

Сидѣлъ Петръ, какъ смерть, блѣдный, красныя пятна вспыхивали на щекахъ: никуда онъ не уйдетъ изъ этого города: дни его сочтены, съ весною кончится ему срокъ.

А старецъ говорилъ о вѣрѣ, по которой чудо совершается и творятся дѣла, о крови, черезъ которую не можетъ суждено, о заповѣди своей: вольно и кротко все принять, всю судьбу — всякую не долю и благословить ее всю до конца.

— Горе, горе тому, кто, перейдя через кровь, не благословить судьбу свою, ибо много званыхъ, мало избранныхъ!

Николай незамѣтно для себя поднялся, походилъ по кельѣ и, стоя у окна, заглянулъ внизъ: между рамъ синѣло разбитое стекло и блестѣлъ острый голышъ.

И стала передъ нимъ та ночь, когда Александра въ тюрьму увезли, вспомнилась ночь со всѣми проклятіями, какими проклиналъ онъ тогда міръ, себя, всѣхъ людей, со всѣмъ отчаяніемъ, повернувшимъ руку бросить камень въ красный огонекъ лампадки, потушить огонекъ.

„Пропалъ,—ясно подумалъ Николай,—все пропало!“—и потянуло его пробить раму, да внизъ головой подъ обрывъ на каменную лягушку.

Старецъ вдругъ поднялся и, простирая къ Николаю руки, задрожалъ весь, готовый упасть на землю.

— Простите меня,—простональ старецъ и больше не сказалъ ни слова.

Видно было, что глубокое забытье нашло на него, сидѣлъ онъ неподвижно и дышалъ ровно.

Нѣсколько разъ заглядывавшій въ дверь монахъ, приставленный надзирать за старцемъ, вошелъ въ келью и безцеремонно усѣлся къ столу.

Петръ и Николай, не прощаясь, потихоньку вышли. Вышелъ за ними и монахъ.

И когда замеръ послѣдній отстукъ послѣднихъ шаговъ, и каменная лѣстница помертвѣла, старецъ очнулся, проползъ къ окну, растворилъ окно и, нащупавъ голышъ, вынулъ камень, и, перебирая губами, горящими отъ слезъ, прижималъ этотъ камень къ своему сердцу, камень отчаянія, камень горя, камень перемучившагося, изстрадавшагося человѣческаго сердца.

Крупныя слезы катились изъ его багровыхъ, рыдаю-

щихъ ямъ, перегоравшихъ въ ясные, лучистые видящіе глаза, и душа его, избранная изъ душъ человѣческихъ, разставаясь съ своимъ истерзаннымъ тѣломъ, тихо отходила отъ земли.

— Да будетъ воля Твоя!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Домъ ломаютъ.

На колокольнѣ часы пробили полдень, когда Петръ и Николай выходили изъ монастырскихъ воротъ.

Казалось, изъ проглянувшаго солнца высѣкаль бой свои теплые звуки. Такъ все горѣло на таломъ снѣгѣ.

Петру надо было на репетицію, и онъ повернулъ въ сторону къ театру.

И когда Николай остался одинъ, охватило его беспокойство, тьма голосовъ на перебой заговорили въ душѣ.

Почему онъ на могилу къ Варенѣкѣ не зашелъ? Зачѣмъ Петръ оставилъ его одного. Почему онъ старцу всего не скажаль, а вѣдь только одному старцу онъ и могъ бы все сказать? Почему у старца прощенья не попросилъ? Почему старецъ у нихъ прощенье просилъ? Почему Александра подозрѣваютъ въ томъ, въ чемъ Александръ совсѣмъ не виновенъ, въ томъ, что сдѣлалъ онъ, Николай? Таня отравилась! Таня отравилась? Гдѣ она? гдѣ Таня? Почему на него такъ смотрятъ? Зачѣмъ онъ еще ходить по землѣ? И куда онъ идетъ? Гдѣ Таня? Гдѣ Александръ?

„Домъ ломаютъ!“—вспомнилъ вдругъ Николай и повернулъ въ сторону, по направленію къ дому Огорѣль-шевыхъ.

Былъ яркій весенний день,—согрѣваясь, земля будто выперлась отъ тепла своего, отъ радости, что вотъ снова съ весною открыта жизнь: иди, куда хочешь, бери, чего хочешь.

Обогналъ Николай солдатъ съ музыкой: звуки мѣди подымали его надъ землей, вливались въ него, сдѣлали его самого звучащей мѣдью. И звеня, онъ побѣжалъ по улицѣ и лѣтѣль, будто на крыльяхъ. И грохнулся бы о тумбу, если бы не чья-то рука, крѣпко впившаяся ему въ грудь.

Какой-то господинъ въ драповомъ пальто, насыщливо улыбаясь тонкими птичьими губами, пристально глядѣлъ Николаю въ глаза.

Николай рванулся, высвободился и, боясь оглянуться, пошелъ шагомъ.

Шелъ Николай такъ долго, кружилъ, не замѣчая улицѣ, пока не поровнялся съ знакомымъ Бакаловскимъ домомъ, съ черной доской на воротахъ, сплошь измѣлованной фамиліями жильцовъ. Вошелъ во дворъ.

На дворѣ на солнышкѣ сидѣли въ кружокъ ребятишки — дѣвочки въ кумачныхъ платочкахъ. Взлохмаченный, безъ картуза, спившійся старикъ регентъ, размахивая руками, управлялъ хоромъ,

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоитъ дѣвокъ хороводъ...

— пѣли дѣвочки тоненькими и какими-то обласканными голосами.

Вдругъ регентъ остановилъ хоръ, напыжилъ щѣдые усы и, скорчившись въ три погибели, какъ бы изображая страшнаго сыщика, зашипѣлъ перегорѣлой октавой:

— Откуда ни возмись ноздря... — и, выпрямившись, хватая Николая за грудь, закричалъ прямо ему въ лицо: — Ты жъ убилъ человѣка!!

Николай осталбенѣль.

— Тебѣ Таньку? — зашепталъ регентъ, на смѣшило улыбаясь, — нѣтъ твоей Таньки, Танька тю-тю!

Заглянувшій въ калитку Бакаловскій дворникъ Степанъ, вызывавшій когда-то Машку, сдѣлалъ скребкомъ какой-то ружейный пріемъ, будто отдавалъ Николаю честь.

Какъ у насихъ у воротъ
Стоитъ дѣвокъ хороводъ...

— снова запѣли дѣвочки тоненькими и какими-то обласканными голосами.

Боясь оглянуться, Николай вышелъ изъ Бакаловскихъ воротъ и пошелъ, ускоря шагъ.

Мелькнуль красный огорѣлышевскій заборъ, густо утыканный изогнутыми, ржавыми костылями, мелькнули красныя скрипучія ворота. Ровно сквозь сонъ, слышалъ Николай, какъ отдирали доски съ краснаго флигеля, какъ визжали непокорные гвозди, и что-то трещало и ломалось.

Да это въ сердцѣ у него ломали!

Вдругъ изъ переулка камнемъ пересѣкъ ему дорогу весь запыхавшійся золоторотецъ.

Прижимая руку къ груди, метался золоторотецъ, какъ ошпаренная крыса. Съ обезображенаго лица его рвались глаза.

Видѣлъ Николай, какъ выворачивались глаза отъ ужаса и перекипали въ какомъ-то черномъ огнѣ неминуемой бѣды, рвались отъ бѣды.

Озвѣрѣлая толпа гналась за воромъ:

— Держи его! держи его! держи!

Къ конкѣ прищѣпили лошадей. Мальчики - форейторы.

подпрыгивая, махая длинными рукавами, будто обрубками крыльевъ, свистѣли, а лошади изъ силъ выбивались, не могли тронуться.

Толпа запрудила все проходы. Надорванно заливался колокольчикъ конки. Кондукторъ, морща желтое лицо и, насѣдая грудью, вертѣлъ тормазъ, самъ заливался мелкимъ гаденькимъ смѣхомъ.

Небо ярко-синее надъ пестрой толпой куталось въ блестящую сѣть весенняго солнца и, казалось, спускалось все ниже, совсѣмъ надъ улицей.

— Держи его! держи его! держи! — гикала озвѣрѣлая толпа,

Николай бросился черезъ проходной дворъ: едва духъ переводилъ, словно не золоторотца, а его ловили. Подкашивались ноги, сохъ ротъ.

„Домъ Братьевъ Огорѣлышиевыхъ“, — мѣтко стрѣльнуло прямо ему въ глаза, и онъ, не раздумывая, повернулъ въ калитку, спустился къ бѣлому Огорѣлышевскому дому и прямо къ парадному ходу. Рванулъ за бронзовую пасть — колокольчикъ, и слышалъ, какъ прокричалъ звонокъ за дубовой крѣпкой дверью.

Кузьма — бѣлый дворникъ открылъ ему дверь.

— Не принимаютъ! — нагло сказалъ Кузьма, не хуже монаха у старца, но, оглянувъ Николая, вдругъ просіялъ весь, — Николай Елисеевичъ, неужто это вы? Къ дяденька навѣстить?

— Дома, не уѣхалъ еще?

— Дома-съ, дома-съ, пожалуйте... А у насъ, Николай Елисеевичъ, Трифонъ померъ! Пѣсню-то еще играть заставляли: „Сто усовъ,—сто носовъ...“ А дяденька хворые стали, бывалочи летаютъ...

Кузьма пошелъ доложить. Николай ходилъ по коридору. Приторно пахло цвѣтами.

Въ конторѣ скрипѣло перо, и на разные лады выше кивали счеты припѣвъ непристойной пѣсни:

Сто усовъ—
Сто носовъ...

На матовомъ стеклѣ двери конторы попрежнему стояла черная лѣпная надпись: ч о р т о р а вмѣсто конторы,—давнишняя финогеновская пробѣлка.

Заглянулъ Николай въ библиотеку. Завѣшанныя зелеными шторами стояли попрежнему полки и шкафы, биткомъ набитыя книгами. Отдернулъ было занавѣску, хотѣлъ посмотреть книги и отскочилъ.

— Держи, держи!—послыпалось ему въ хрипѣ старыхъ часовъ.

— Пожалуйте, — Кузьма ослаблялся,— сердитые они, ужастъ!

Медленно поднимался Николай по знакомой лѣстницѣ, такъ медленно, словно кто-то тянулъ его за ноги со ступенекъ внизъ къ двери. Задѣвалъ прутья ковра, цѣплялся за перила.

„Цѣпочки-то на лампахъ вовсе не золотыя,—подумалъ онъ,—а мѣдныя, и цѣна имъ гроши!“

Сто усовъ—
Сто носовъ...

— выщелкивали ему вдогонку изъ конторы счеты припѣвъ непристойной пѣсни.

Приторно пахло цвѣтами. Весь залъ былъ въ живыхъ цвѣтахъ, словно былъ въ домѣ покойникъ. Запахъ мутилъ.

На площадкѣ лѣстницы забилось сердце: зачѣмъ онъ попалъ къ Огорѣлышевымъ, и на что ему видѣть Арсенія?

„Домъ ломаютъ!“ — вспомнилъ вдругъ Николай и ему

стало ясно, зачѣмъ ему понадобился Арсеній: сейчасъ онъ объяснится съ Арсеніемъ, вѣдь это же невозможно, чтобы ихъ домъ сломали!

А почему невозможно? Но это ужъ какъ-то само собой рѣшилось и Николай крѣпко дернулъ за ручку двери къ Арсенію въ кабинетъ, и вдругъ приподнялся на цыпочки, оробѣлъ, какъ въ дѣствѣ.

— Можно?—улавшимъ хриплымъ голосомъ спросилъ Николай.

Но отвѣта не было..

— Можно?—спросилъ Николай, зубъ на зубъ не попадаль у него.

Но отвѣта опять не было.

— Можно?—спросилъ Николай въ третій разъ и, не дожидаясь отвѣта, грубо толкнулъ дверь.

Арсеній сидѣлъ у своего письменного стола, высоко по-американски задравъ на столъ ноги, нетерпѣливо покосился изъ-подъ пенснѣ на гостя, и на желтой его морицинистой шеѣ задергался мускулъ.

— Тебѣ чего?—взвизгнулъ Арсеній, какъ ощетинившаяся кошка.

Отвратительный кошачій визгъ—огорѣлышевскій звеницій, уничтожающій звукъ на минуту остановилъ Николая.

И они напряженно смотрѣли другъ на друга.

Вдругъ Арсеній забезпокоился, рука его, какъ мышь, проворно скользнула къ звонку.

— Вотъ эта самая фотографія!—Николай вынуль изъ кармана фотографію Огорѣлышевскаго пруда, ту самую, которую захватилъ съ собой изъ Веснеболога: прудъ въ зимний инеевый полдень,—и загородилъ звонокъ. А въ окно, прямо передъ Николаемъ, тянулся дворъ, и поверхъ нагихъ деревьевъ торчала облупленная черная труба флигеля.

И защемило у него на сердцѣ, будто всѣ эти черные киричи рухнули ему на сердце.

Старикъ нетерпѣливо вертѣлъ передъ собой фотографію: пенснѣ то и дѣло спадало.

И защемило у Николая на сердцѣ отъ острѣйшей скорби: всѣ нити сердца расщепились и заострились, и стало сердце кровавымъ ежомъ. Дрожь ударила его съ головы до ногъ, онъ повернулся, хотѣлъ вырвать у Арсенія фотографію, протянулъ руки, и руки его сами собой опустились на плечи Арсенія, проворно обвились вокругъ шеи и, крѣпко сомкнувшись, стали душить, и крѣпкія мяли какое-то мясо, ломали какой-то упорный металлическій стержень, какой-то костлявый хрящъ...

Въ этомъ стержнѣ, въ этомъ хрящѣ,—надо сломать его!—вся боль хоронилась и скорбь—надо сломать его!—деревья больше не покроются листьями, бѣлый прудъ никогда не оттастъ, сѣдой теплый дымъ не поднимется изъ черной трубы—надо сломать его!—Таня не вернется, Таня никогда ужъ не вернется... безпросвѣтно!

— Бездросвѣтно!

Николай навалился всей грудью на старика и душилъ его ужъ задохнувшагося.

Старикъ, изогнувъ длинную морщинистую шею, глядѣлъ, какъ тогда Розикъ глядѣлъ съ перебитой лапкой, словно спрашивалъ: „ну въ чёмъ же я-то виновенъ?“— и сладкая толстая слюня съ кровью ползла изъ его разинутаго прокопченаго табакомъ рта.

Кто-то, не спѣша, прошелъ мимо двери, шаги прошмыгали спокойно.

Николай высвободилъ руки. Не оглядываясь, вышелъ онъ изъ комнаты, притворилъ за собой дверь и къ лѣстницѣ.

Приторно пахло цвѣтами.

„Кровью!“—подумалъ Николай и невольно посмотрѣлъ

себѣ на руки: руки его были чистыя, безъ пятнышка, только жилы напружились.

На лѣстницѣ онъ никого не встрѣтилъ, и въ приходѣ ни души не было—Кузьма лампы чистилъ и, должно быть, на верхъ пошелъ за лампами, и въ конторѣ было тихо, счеты не щелкали.

Такъ незамѣтно Николай вышелъ на волю, не таясь, єобогнуль бѣлый Огородышевскій домъ, сталъ подыматься къ бѣлымъ воротамъ.

Какой-то господинъ въ драповомъ пальто съ бѣлымъ сверткомъ въ рукахъ мѣшкалъ у калитки, словно поджидалъ Николая.

„Въ конфетной коробкѣ огорѣлышевскую душу несетъ!“—мелькнуло у Николая, онъ прибавилъ шагу и, столкнувшись съ незнакомцемъ, узналъ въ немъ того самого господина, котораго ужъ разъ встрѣтилъ на улицѣ.

Незнакомецъ вѣжливо приподнялъ шляпу, птичи тонкія губы его насыщливо улыбались.

Въ другое бы время Николай просто бросился на него или толкнулъ бы его, но теперь ему было какъ-то все равно, какая-то непреоборимая лѣнъ опускала ему руки.

И онъ шелъ такъ, ослабѣвая, съ остановившимся взглядомъ куда-то за дома, за фабрики, словно искалъ, гдѣ бы можно было лечь и заснуть крѣпко-крѣпко. Слышалъ онъ сзади себя шаги и зналъ, что тотъ господинъ въ драповомъ пальто идетъ за нимъ, не упускаетъ изъ глазъ, слѣдить за нимъ, но обернуться охоты не было, было все равно.

— Господинъ Финогеновъ!— покликалъ таинственный провожатый: тенористо-проужиненный голосъ его крючкомъ зацепилъ Николая.

Николай простоялъ.

— Прошу извинить, мы съ вами немного знакомы, со-сѣди,—господинъ въ драповомъ пальто изысканно приподнялъ шляпу,—Плямка, моя фамилія Плямка, у Бакалова

на пятомъ этажѣ комнату снималъ, номеръ сто двадцать первый, а вы, господинъ Финогенъ, въ сто двадцатомъ, конечно!

И Плямка пошелъ съ Николаемъ плечо въ плечо.

— Что вамъ отъ меня надо?—спросилъ Николай, не вытерпѣвъ: какъ не все равно ему было, а назойливость начинала и его выводить изъ терпѣнія.

— Вы, конечно, изъ газетъ знаете, нашего князя убили?

— Ударили?

— Нѣтъ-съ, что вы. Такую птицу голыми руками взять невозможно, это не старикъ, котораго комаръ затопчетъ. Я вотъ всю ночь поджидалъ васть, кое-что передать имъю... Вы, кажется, зывали Катинова?—Плямка прищурился.

— Катинова? Какъ же!

— Катиновъ и убиль.

— Катиновъ?

— Вчера утромъ на площади. Конечно, зря убиль. Катинова повѣсять!—Плямка тянуль Николая по какимъ-то незнакомымъ улицамъ чрезъ проходные дворы,—сначала выборъ у нихъ паль на资料 дядюшку, Арсенія Николаевича Огорѣлышева,—разсказывалъ Плямка,—потомъ рѣшили оставить его въ покоѣ: не стоитъ марать рукъ. Раньше это имъло бы смыслъ, но теперь... вашъ братецъ Александръ Елисеевичъ и тотъ поважнѣе. Впрочемъ, и князя зря и совсѣмъ даже зря на тотъ свѣтъ отправили. Если что и дѣлалъ князь, такъ все подъ дудочку того же Арсенія Николаевича. Лично я цѣню только крупное, а пустяки эти—ерунда. Въ древности пророки огонь низводили съ неба, ну нась на это не хватить, мы измельчали, огня намъ не свести... не только тамъ на кого-нибудь, а такъ, ну хоть на папироску. Для такихъ вещей, кромѣ великой вѣры, надобно и еще кое-что, а у нась ни вѣры, ни твердости, ничего, такъ червячки... воробьевъ пугать!

— Какие червячки?

— Да обыкновенные, крохотные, навозные черви... такъ и кишатъ... безпросвѣтно...

— Безпросвѣтно! — повторилъ Николай, — безпросвѣтно! — и услышалъ, какъ ударили въ Іоғолюбовомъ монастырѣ въ большой колоколь, помолчали и опять ударили, помолчали и опять ударили. Такъ звонятъ въ церквяхъ, когда помреть священникъ.

— Старецъ померъ! — сказалъ Плямка: птичи тонкія губы его улыбались.

И словно мгла разсѣялась передъ Николаемъ. Кругомъ на улицѣ накрикъ кричали, неугомонно шумѣли, немилосердно стучали, и каждый звукъ былъ отдѣльнымъ, каждый звукъ выходилъ, какъ въ рупорѣ, съ того свѣта. И хотѣлось бѣжать, вернуться, поправить, спасти. А куда бѣжать? Куда вернуться? Что поправить? Кого спасти?

Николай рванулся отъ Плямки и побѣжалъ, куда глаза глядятъ.

Мимо мчался легковой извозчикъ, Николай бросился за извозчикомъ, летѣлъ сломя голову. Ужъ схватился онъ за спинку санокъ, занесъ было ногу... но извозчикъ съ остервѣнiemъ хлестнулъ лошадь и пропалъ изъ глазъ.

И снова ударили въ Іоғолюбовомъ монастырѣ. Пѣль колоколъ о великой скорби и словно рвался похоронный звонъ отъ давившихъ слезъ, колокола перезванивали.

„Боже мой! Боже мой, по что Ты меня оставилъ!“

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Много званныхъ, мало избранныхъ.

Вся монастырская площадь была биткомъ набита.

Вѣсть о кончинѣ Боголюбовскаго старца о. Глѣба въ мигъ облетѣла весь городъ. Народъ валомъ валилъ: обступили ограду, унизали стѣны.

Красный огонекъ въ бѣлой башенкѣ не свѣтилъ больше.

Съ гиканьемъ, упиваясь, издѣвались богомольцы надъ огромной каменной лягушкой—дьяволомъ у подножія башенки: топтали ее, плевали въ закатившіеся каменные бѣлки непроницаемыхъ глазъ, и ревнуя, тутъ же и непотребствовали на нее.

Монахи, какъ стражи, охраняли входъ: не велѣно было пускать въ ограду.

И полицейские, конные и пѣшие, жандармы, солдаты глухой стѣной застѣнили ворота.

А толпа росла и шумѣла, какъ на огромномъ пожарѣ, и выли, кликали, визжали бѣсноватые.

И подъ вырастающую тоску бѣсноватаго воя хотѣлось

смому выть и ломаться, биться о землю, ползти, грызть камни, царапать себѣ лицо, кусать руки...

Николай, пробравшійся къ самому входу, грудь-о-грудь съ лошадьми и шашками, чувствовалъ страшную пустоту: она залегла, какъ туча, между нимъ и шашками, между нимъ и лошадьми, между нимъ и всей этой толпой, и, сдавливаемый со всѣхъ сторонъ, онъ вертѣлся, какъ подколо-тый вьюнъ. Слышалъ онъ хлестъ нагайки за спиной, а все втирался въ толпу. И жгла жажда до неистовства, выворачивала ему всѣ внутренности.

Николай хотѣлъ бы остановиться, хотѣлъ бы схватить чю-нибудь руку и держаться, или грохнуться о-земь да такъ, чтобы ужъ навсегда. Но никого не было, ни одного живого лица, одна жуткая пустота, жуть.

Вотъ онъ убилъ старика, ну и что жъ? Черезъ кровь перешелъ, ну и что жъ? Прими теперь вольно судьбу свою, благослови ее всю до конца, и получиши власть надъ бѣсами! А на что она ему эта власть? И бѣсы не помогутъ ему!

— У-у! — вырвался его отчаянный вопль: огненный языкъ палилъ всѣ слова, и не было больше словъ на языкѣ.

Николая стали тѣснить и скоро онъ очутился на самомъ концѣ площади и ужъ не пошелъ назадъ, онъ пошелъ такъ, куда глаза глядятъ.

И пришелъ онъ къ Александру: вѣдь онъ съ утра собирался къ Александру!

Опоздай онъ на минуту, и не засталъ бы Александра: Александръ стоялъ на порогѣ, торопился куда-то изъ дома.

И они стояли молча, глядѣли другъ на друга.

Вдругъ Александръ обнялъ Николая и крѣпко поцѣловалъ:

— Ты убилъ? — спросилъ онъ шепотомъ.

— Ее, ее! — отвѣтилъ Николай одними губами, не было у него больше словъ на языкѣ.

Но Александръ ужъ быстро по-огорѣлышевски шмыгалъ по лѣстницѣ внизъ изъ дому.

Бритый лакей провелъ Николая въ пріемную.

Николай усѣлся въ кресло и опять почувствовалъ, какъ непреоборимая лѣни опускаетъ ему руки.

Смеркалось. Въ пріемной зажгли лампы.

Огромный письмоводитель съ бѣльмомъ на глазу мусили языкомъ конверты, прихлопывалъ конверты широкой ладонью и что-то все приговаривалъ.

И на минуту представилось Николаю, будто лежить онъ въ гостиной на полу подъ диваномъ и смотрѣть сквозь пустую звѣздочку, прожженную папиросой на оборкѣ дивана. И вдругъ совсѣмъ неслышно появилась Прасковья, несла старуха подносъ съ чаемъ.

— Прасковья! — поздоровался Николай, но не могъ подняться къ старухѣ.

Нянька попрежнему начала о Митѣ — о Прометеѣ, какъ погибъ рабъ Митрій.

— Митя въ пруду потонулъ! — повторяла Прасковья и плакала сморщенными, добрыми исхлестанными глазами, — а когда вы, батюшка, были совсѣмъ маленькими встрѣтили мы на дворѣ дяденьку Арсенія Николаевича, и, такъ вы, батюшка, кулачки сжали на дяденьку...

И подъ разговоръ Прасковы Николай на минуту забылся.

„Хочешь, я сюю минуту влѣзу на шкапъ и оттуда внизъ головой брошусь, хочешь?“ — услышалъ въ забытьи голосъ Петра.. А Плямка свое будто тянется: „Пророки огонь низводили... ну, а мы и на папиросу искорки не достанемъ, червячки... воробьевъ пугать!“.

— Да жить-то мнѣ не за чѣмъ, батюшка, закопытили...

будеть ужъ, — плакала Прасковья сморщенными добрыми исхлестанными глазами.

— Плямка! Плямка! — затрецалъ телефонъ, и гдѣ-то на весь домъ зазвонили и захлопали...

Хлопали дверьми и шумѣли.

Николай вскочилъ съ кресла, насторожился.

Письмоводитель на цыпочкахъ вышелъ. Ушла съ подносомъ Прасковья.

Высунулся было въ дверь бритый лакей, посмотрѣль на Николая и снова плотно притворилъ дверь, нѣтъ, не притворилъ, а заперъ дверь на ключъ.

И настала тишина въ домѣ, только гдѣ-то за дверью, за стѣною, гдѣ-то въ коридорѣ шаги, только шаги: взадъ и впередъ, взадъ и впередъ... ходилъ кто-то, словно на часахъ по-солдатски.

„Сейчасъ арестуютъ!“ — понялъ Николай и твердо пошелъ прямо къ окну, растворилъ широкое окно, влѣзъ на подоконникъ и сталъ спускаться по карнизу, и спустившись до нижняго этажа, спрыгнулъ на землю и пустился бѣжать.

И бѣжалъ онъ по улицѣ, самъ не зная, куда, не разбирая дороги. Одна была мысль: уйти, скрыться изъ глазъ.

И вдругъ его крѣпко ударило что-то по плечу, и онъ лицомъ упалъ на мостовую и, обороняясь, подобрался весь, но лошадиные копыта съ трескомъ подбросили его подъ колеса, и онъ завертѣлся на мѣстѣ, какъ вьюнъ, какъ подколовый вьюнъ. И въ тотъ же мигъ, будто острый кусокъ льда со свистомъ лизнулъ его шею, и чернокрасный большой свѣтъ густыми брызгами взметнулся передъ глазами, и щемящая сухая боль и что-то до приторности сладкое загрызло гдѣ-то въ глубинѣ рта — безпощадные клещи сдавили ему черепъ и поволокли его по гвоздямъ черезъ огонь и ледъ, черезъ ледъ и огонь, черезъ тьму...

Со сломанными ногами и пробитымъ черепомъ подняли Николая съ мостовой изъ-подъ кареты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Въ девятый часъ.

Весенняя была ночь, звѣздная, шумно-весенняя.

Вокругъ Боголюбова монастыря, какъ одна свѣча, горѣли свѣчи—не расходился народъ. Какъ половодье, шель на родъ, гудѣль. Сбили полицейскихъ, сбили лошадей, разогнали монаховъ, проломили двери, ворвались въ ограду.

Ужасъ и отчаяніе рвались въ крикъ бѣсноватыхъ.

Бѣсноватые расположились по кладбищу, унизали кресты, забирались въ склепы, разрывали могилы, бѣсноватые, порченные съ закусенными отъ боли языками, въ разодраенныхъ одеждахъ.

Какая-то женщина въ вѣнцѣ развѣвающихся русыхъ волосъ, полуобнаженная, крѣпко сомкнувъ опущенные руки, кричала:

— Глѣбъ, Глѣбъ, не мучь меня! Выйду, выйду... А куда я изъ тебя выйду?

А съ кладбища надрывался вопль:

— Не пойду, не пойду...

Юродивый Сема, потряхивая головой барабаномъ, звѣль бубенцами.

И кто-то, попирая каменную лягушку у бѣлой башенки старца, взывалъ:

— Пропалъ я, пропалъ... Онъ мучить, сжигаетъ меня! Выйду, выйду!

Каменная лягушка шевелила безобразными перепончатыми лапами, — вздувалось ея бѣлое каменное тѣло, размягчался камень, разбухалъ, слетала короста, разливалась сѣть тончайшихъ жилъ, алѣла, и выступали острые сине-грозныя измученные вѣки измученного человѣка.

Каменщики разобрали стѣну Огорѣлышевскаго склепа. Улыбались въ гробахъ черепа своей костяной улыбкой, поджидали родного сына и брата. А изъ глуби оживющей земли ужъ ползали бѣлые черви, загребали мохнатыми цѣпкими ножками.

О. Іосифъ—Блоха начищалъ огорѣлышевскія лампадки.

Весенняя была ночь, звѣздная, шумно-весенняя.

На Огорѣлышевскомъ дворѣ не расходился народъ. Запрудили весь дворъ любопытные.

И трещаль ломкій ледъ на пруду, притоитывался сапогами грунтъ сломаннаго краснаго флигеля и три длинныхъ облупленныхъ прокопченныхъ трубы съ высывающими кирпичами торчали, какъ три креста-висѣлицы.

Подъѣзжали кареты къ освѣщеному бѣлому дому.

Опущенные бѣлныя занавѣсы въ освѣщенныхъ окнахъ вздувались.

Лежалъ Огорѣлышевъ въ крѣпкой дубовой колодѣ — въ золотомъ гробѣ, глаза были плотно сжаты, а губы нетерпѣливо скривились.

Приторно пахло цвѣтами.

И былъ вокругъ гомонъ, какъ на свадьбу.

Въ сводчатой тюремной мертвецкой костенѣль обезо-

браженный трупъ Финогенова: съ лица была содрана кожа—
чернѣло лицо и по-волчьи скалились зубы.

Жутко было въ тюремной мертвѣцкой.

Далеко отъ Камушки до Чугунно-литейнаго завода и
отъ Колобовскаго сада до Синички и отъ Синички черезъ
пустырь—огороды до Боголюбова монастыря и отъ монастыря
до новой тюрьмы и дальше за заставу разливалось зарево.

А надъ заревомъ глядѣли весеннія чистыя звѣзды.

А тамъ, за звѣздами, на небесахъ, устремляя къ Пре-
столу взоръ, полный слезъ. Матерь Божія сокрушалась и
просила Сына:

— Прости имъ!

А тамъ, на небесахъ, была великая тьма.

— Прости имъ!

А тамъ, на небесахъ, какъ нѣкогда въ девятый поки-
нутый часъ, висѣлъ Онъ, распятый, съ поникшой главой въ
терновомъ вѣнцѣ.

— Прости имъ.

КОНЕЦЪ.

1902—1903 г.

1911 г.

Парижъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая.

Глава	1	Домъ Братьевъ Огорѣлышевыхъ	13
"	2	Подъ диваномъ	28
"	3	Оглашенные	48
"	4	Духъ вонъ, лапы кверху	58
"	5	Олаборники	66
"	6	Семи-винтовое зеркальце	74
"	7	Мертвая грамота	83
"	8	Огорѣлышевцы	88
"	9	Ангелы земные—небесные человѣки	96
"	10	Хранитель Божьей правды	108
"	11	Ладанъ херувимскій	116
"	12	Прудъ посмотрѣть	123
"	13	Театръ	131
"	14	Прекрасная мати-пустыня	140
"	15	Монахъ	156
"	16	Бунтъ	163
"	17	На цвѣты	169
"	18	Маргаритка	180
"	19	Огорѣлышевское отродье	184
"	20	Деньги впередъ	190
"	21	Серебряная свадьба	194
"	22	Розикъ	202
"	23	Стопудовое яйцо	208
"	24	Плямка	218
"	25	Раненое сердце	225

Часть вторая

Глава 1	Бѣсы служать ему	235
" 2	Сто усовъ—сто носовъ	244
" 3	Придите ко мнѣ!	250
" 4	Морильня	255
" 5	Каменная лягушка	260
" 6	Рождественская звѣзда	264
" 7	Латникъ	268
" 8	Пожаръ	274
" 9	Сѣрый огонь	280
" 10	Котикъ бѣленъкій—хвостикъ сѣренъкій .	284
" 11	Эпитафія	289
" 12	Мара	295
" 13	Судъ	301
" 14	Расправа	310
" 15	Куда вѣтеръ гонить	314
" 16	Мертвая петля	319
" 17	Гарь	322
" 18	Дѣва днесъ	328
" 19	Оракулъ	331
" 20	Дома	334
" 21	Мать—сыра земля	339
" 22	Голышъ—камень	343
" 23	Домъ ломаютъ	350
" 24	Мало званыхъ, много избранныхъ	360
" 25	Въ девятый часъ	364

Сочиненія Алексѣя Ремизова.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Разсказы: Неуёмный бубенъ.—Царевна Мымра.—Чортикъ.—Судъ Божій.—Жертва.—Занофа.—Слоненокъ. Ц. 1 р. 25 к.

ТОМЪ ВТОРОЙ:

Разсказы: Часы.—Въ плѣну.—Пожаръ. Ц. 1 р. 25 к.

ТОМЪ ТРЕТИЙ:

Разсказы: Крѣпость.—Святой вечеръ.—Безъ пяти минутъ баринъ.—Придворный ювелиръ.—Серебряные ложки.—Музыкантъ.—Опера.—Казенная дача.—Эмаліоль.—Новый годъ.—Бебка.—Бѣдовая доля. Ц. 1 р. 25 к.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ:

Прудъ. Романъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

ТОМЪ ПЯТЫЙ:

Разсказы: Крестовые сестры.—Галстукъ.—Чертыханецъ.—Мака. — Таинственный зайчикъ. Ц. 1 р. 25 к.

ТОМЪ ШЕСТОЙ:

Сказки: Посолонь.—Къ Морю-Океану.—Разныя сказки. Ц. 1 р. 25 к.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ:

Повѣствованія: Лимонарь. Пьесы: Бѣсовское дѣйство. — Трагедія о Іудѣ.—Дѣйство о Георгіи. Ц. 1 р. 25 к.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Должно быть:
13	7 сверху	веслами	ветлами
16	5 снизу	нѣкогда	некогда
78	1 сверху	тѣнистый	тинистый
115	15 >	и понялъ	, понялъ
161	11 >	и скрипинувъ	, скрипинувъ
163	4 >	будеть и завтра, успѣется!	будеть, и завтра успѣется!
167	14 >	въ омуты	въ омутѣ
168	7 снизу	это или	это ли
182	7 сверху	рублеваго	наряднаго
191	12 снизу	оговорка	отговорка
291	10 сверху	по крышиѣ	по крышкѣ
291	11 >	будавки	буковки
305	3 снизу	вступила	выступила
306	8 сверху	тойкой	такой
307	3 >	выливались	вываливались
309	9 >	удирало	ударило
317	10 снизу	десять	девять
330	5 сверху	грезы	грозы
354	7 >	пробѣлка	продѣлка